

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

СОСРЕДОТОЧЬСЯ. НЕ ТЕРЯЙ РАССУДОК.

ВЫСШАЯ

ВОКРУГ ТЕБЯ ОБМАН.

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

И ЧУЖАЯ КРОВЬ, ЕЕ ТАК МНОГО...

ИСТОЧНИК ЛЖИ

AMAZON CHARTS
BESTSELLING
AUTHOR

18+

Annotation

Встреча с Мартином — лучшее, что случилось с Элли. Он помог ей забыть о кошмарном прошлом — во всяком случае, так ей поначалу казалось. Но за закрытыми дверями их чудесного нового дома вскоре происходят страшные вещи, венцом которых становится... убийство. Отныне Элли втянута в жестокую психологическую игру. Она — жертва, но никто этого не видит. Никто, кроме констебля Лоццы Бьянки, знающей кое-что о манипуляциях и неизменно доверяющей своей интуиции.

- [Лорет Энн Уайт](#)
  -
  -
  - [Суд по делу об убийстве](#)
  - [Раньше](#)
  - [Суд по делу об убийстве](#)
  - [Раньше](#)
  - [Раньше](#)
  - [Раньше](#)
  - [Раньше](#)
  - [Раньше](#)
  - [Раньше](#)
  - [Раньше](#)
  - [Раньше](#)
  - [Суд по делу об убийстве](#)
  - [Раньше](#)
  - [Раньше](#)
  - [Наблюдатель](#)
  - [Раньше](#)
  - [Раньше](#)
  - [Раньше](#)
  - [Наблюдатель](#)
  - [Раньше](#)
  - [Тогда](#)
  - [Тогда](#)
  - [Суд по делу об убийстве](#)

- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Суд по делу об убийстве](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Суд по делу об убийстве](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Наблюдатель](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Суд по делу об убийстве](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Суд по делу об убийстве](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)
- [Раньше](#)

- [Суд по делу об убийстве](#)
  - [Суд по делу об убийстве](#)
  - [Суд по делу об убийстве](#)
  - [Суд по делу об убийстве](#)
  - [Наше время](#)
  - [Благодарность автора](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)
    - [21](#)
-

Лорет Энн Уайт

Источник лжи

Loreth Anne White

In the Deep

Copyright © 2020 by Cheakamus House Publishing

© Савельев К., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2021

*Джею, Мелани и их райскому уголку, вдохновившему
меня на создание этой книги.*

Суд по делу об убийстве

«Я убежден в вашей убежденности в том, что вы видели. Но то, что вы видели — не то, что вы думаете».

Гарри Гудини

Февраль, наше время.

Верховный суд Нового Южного Уэльса

Я вижу толпу, как только седан, взятый напрокат моими юристами, поворачивает на улицу. Наэлектризованная видом нашего черного «ауди», толпа подается вперед. Полиция с трудом сдерживает подстрекателей. Я вижу распахнутые оружие рты. Камеры, репортеры, микрофоны. Красные разгоряченные лица под летним солнцем Сиднея. Но я их не слышу. В кондиционированном салоне прохладно и тихо, но по мере нашего приближения к зданию суда я различаю текст на плакатах, которыми они машут перед нами. Передо мной.

Убийца!

Требуем правосудия ради Мартина!

За решетку ее!

Я чувствую себя Алисой, проскользнувшей в Зазеркалье. *Отрубить ей голову...* Этого не может быть. Это не реально. Я вцепляюсь пальцами в бедра, устрешенная дикой жестокостью, выпущенной на волю моим судебным процессом. Я пытаюсь сохранять бесстрастное выражение лица, в соответствии с инструкциями юристов. Но какой-то мужчина прорывается вперед и прижимает первую полосу утренней «Сити Геральд» к окошку рядом с моей головой. Я рефлекторно вздрагиваю. Мое сердце бьется быстрее при виде черных букв, грозными рядами выстроившихся в заголовке.

Крессуэл-Смит обвиняется в убийстве мужа!

Начинается судебный процесс!

Под заголовком находится моя фотография.

Рядом с ней расположен снимок Мартина. Художник-оформитель изобразил зигзагообразный разрез между нашими лицами, словно разрыв страницы, символизирующий смертоносную трещину между нами. У меня саднит глаза, в глубине тела зарождается дрожь. На снимке он выглядит таким энергичным... Таким живым. Когда-то я любила его, любила всем сердцем.

Женщина-полицейский в голубой рубашке с короткими рукавами и пуленепробиваемом жилете, с раскрасневшимся лицом под форменной фуражкой отрывает мужчину от автомобиля. Я ощущаю первые проблески настоящей паники.

Наш водитель замедляет ход. Полицейские в бронежилетах изо всех сил отталкивают сгрудившихся зевак, пока другие расставляют дорожные конусы, чтобы мы могли припарковаться. Люди выстроились по обе стороны лестницы до самого входа в Верховный суд. Наверху ожидает еще одна группа репортеров с микрофонами. Одна из них выделяется среди остальных — женщина в кроваво-красном жакете. Она очень высокая, и ее выбеленные светлые волосы блестят под лучами февральского солнца. Мелоди Уоттс; я знаю ее по ежевечерним выпускам сиднейских новостей. Стайка какаду взлетает в небо за ее спиной, белые и желтые вспышки мечутся между зданиями, устремляясь в ярко-синее далёко. *Это знамение*, думаю я. Потому что я не могу отправиться в тюрьму. Я буду свободной. Такой же, как эти птицы, которые порхают снаружи, исчезая в солнечном сиянии. Мои адвокаты полностью готовы. Они убедят присяжных в достаточности оснований для сомнения. Они лучшие в своем деле, и цена их услуг служит тому доказательством. Мы победим.

Я жертва.

Я хрупкая.

Я не убийца.

Это личность, которую я должна проецировать на других. Я должна убедить жюри присяжных из двенадцати человек, что я именно такая. Мне нужно дать величайшее представление в моей жизни.

Да, это будет представление. Потому что все эти люди жаждут именно представления. Театрального действия. Все находятся здесь ради непристойного спектакля под названием «Слушания Верховного суда по делу об убийстве с международными последствиями». А я — звезда представления. Я — очевидная нарушительница естественного порядка

вещей, а когда естественный порядок нарушен, это потрясает человеческую душу. Теперь все хотят поглазеть на меня. Автомобильная авария. Невероятный случай. Воплощение зла. Они хотят, чтобы меня покарали и крепко заперли, чтобы они спокойно могли укладывать детей в постель по вечерам и делать вид, что это нормально. Они хотят лично убедиться в том, как я выгляжу, — на тот случай, если в будущем они заметят на улице кого-то похожего на меня, то перебегут на другую сторону, прежде чем чудовище успеет приблизиться к ним и заразить их, обольстить и зачаровать их.

Я смотрю на моего барристера^[1] Питера Лоррингтона, который сидит рядом в своей царственной черной мантии с белоснежной манишкой. Его судебный парик лежит на колене. Он вставил миниатюрные наушники и смотрит прямую трансляцию новостей в своем телефоне. Я воспроизвожу в памяти его недавние слова.

«Убийство состоит из двух элементов: намерения обвиняемого и самого действия. Обвинение должно доказать присяжным наличие обоих элементов — то есть вашего намерения убить Мартина и ваших действий, направленных на его убийство. У обвинения отсутствует ключевой элемент этого уравнения. И помните: в суде присяжных может случиться все что угодно. Абсолютно все. В конечном счете нам нужно продемонстрировать обоснованную необходимость для сомнения. Мы можем это сделать».

Стратегия Лоррингтона состоит в том, чтобы перечеркнуть полицейское расследование и одновременно ознакомить суд с альтернативным вариантом развития событий, совпадающим с данными криминалистической экспертизы. С историей, где я не убивала Мартина. С историей, где полицейские крупно напортачили. Это будет его версия против версии прокурора. Собственно, это и есть суд присяжных: битва между двумя вариантами событий. Битва за чувства и сердца присяжных заседателей. По словам Лоррингтона, в конце концов решение суда присяжных больше опирается на эмоции, чем на логику.

Я жертва. Меня подставили. Я не убийца.

Дыши глубже. Войди в роль.

Жертва.

Я провожу влажными ладонями по светло-коричневой льняной юбке. Нейтральный оттенок, как и мои туфли-лодочки телесного цвета. На мне простая белая блузка — цвет невинности. Я поправляю красивые очки в роговой оправе, свидетельствующие о *трудолюбии*. Мои волосы коротко подстрижены, на ногтях нет лака. Меня можно принять за учительницу. Я

могу быть вашей сестрой или вашей матерью. Вашей подругой. *Я могла бы оказаться вами.* Скромная. Сдержанная. Мягкая. Чувствительная. Потерпевшая. Да что там потерпевшая — по сути дела, оклеветанная.

Я часто и хорошо играла эту роль на протяжении моей жизни. Я могу сделать это снова. Я искусна в смене личин. Фактически я училась у одного из лучших экспертов. У моего мужа, покойного Крессуэлл-Смита.

Автомобиль останавливается. Мое сердце мерно стучит в грудной клетке.

Лоррингтон вынимает наушники и усиливает звук на телефоне, чтобы я могла слышать. Это Мелоди Уоттс, которая стоит снаружи, на вершине лестницы. Она говорит с резким австралийским акцентом.

— ... обвиняемая только что прибыла вместе с ее барристером и солиситором^[2].

Камера меняет угол съемки, и мы внезапно смотрим сверху на наш автомобиль. Это сюрреалистический эффект.

— Миссис Крессуэлл-Смит была выпущена под залог после обвинения, предъявленного более года назад, — говорит Мелоди Уоттс. — Сумма залога составила пять миллионов. В то время магистрат^[3] Роберт Линдси постановил, что доводы Короны против обвиняемой являются обоснованными, но в итоге решил, что доводы обвинения перевешиваются рядом факторов, включая необходимость миссис Крессуэлл-Смит в подготовке к суду вместе с группой ее защитников, плюс отсутствие криминального прошлого во время ее проживания в Новом Южном Уэльсе. Он сказал... — Мелоди Уоттс проверяет цитату в своей записной книжке, — он сказал, что, хотя обвинение в убийстве принадлежит к числу наиболее тяжких, отказ от освобождения под залог не должен рассматриваться как наказание, так как в постановлении об освобождении до суда упоминается о презумпции невиновности.

Она смотрит в камеру, и солнце озаряет ее белоснежные зубы.

— Было сочтено, что миссис Крессуэлл-Смит не является угрозой для общества, и она добровольно сдала свой паспорт.

Лоррингтон надевает свой парик и поправляет мантию. У меня во рту вдруг становится сухо, как в пустыне.

Мы выходим из автомобиля.

Влажная жара ощущается как удар об стенку. Все вокруг взрывается звуками: толпа толкается, болтает, выкрикивает оскорбления и насмешки. Люди тянут руки с мобильными телефонами, делают снимки и видеозаписи. Репортерские камеры целятся в нас огромными

телеобъективами. Мой барристер аккуратно прикасается к моему локтю и сопровождает меня на лестнице; полы черной мантии развеваются за его спиной. Журналисты рвутся вперед, выставляя микрофоны. Они жаждут крови. Кровь поднимает рейтинги в эпоху умирающих средств массовой информации, поэтому их отчаяние выглядит особенно безобразным.

— Миссис Крессуэлл-Смит, вы убили вашего мужа?

— Вы сделали это? Вы убили Мартина?

Палящая вспышка воспоминаний ослепляет меня, и я едва не спотыкаюсь. *Кровь. Это кровь Мартина. Рыбный нож... ярость в глазах Мартина. Горькая желчь предательства у меня в горле.*

— Как давно вы собирались убить его?

Гнев надувается во мне, как шар, наполняемый горячим газом. Пульс стучит в висках. Дикая ненависть к Мартину сокрушает мои тщательно выстроенные эмоциональные барьеры. Я сжимаю кулаки, поднимаясь по лестнице с эскортом юристов в черных мантиях.

— Невиновна, пока не доказано обратное! — кричит какая-то крупная женщина.

— Сука! Сучья черная вдова!

Бешенство прорывается наружу, разбивая внешний фасад на тысячу сверкающих осколков. Меня наполняет первозданная ярость, желание причинить физический вред. Я разворачиваюсь и разеваю рот для гневного ответа.

Фотокамера щелкает мне в лицо.

Сволочь.

Адвокат хватается меня за руку.

— Не вступайте в пререкания, — шипит он мне на ухо. — Не смотрите на камеры. Не улыбайтесь и ничего не говорите.

Но дело уже сделано. Фотограф, выкрикнувший мерзкие слова, подцепил меня на крючок. Он запечатлел мое искаженное гневом лицо, ярость в моих глазах.

Меня трясет от выброса адреналина. Пот щиплет верхнюю губу, подмышки взмокли.

— Требуем правосудия ради Мартина! Правосудия ради семьи Крессуэлл-Смит!

А потом я вдруг вижу их у двери. Родителей Мартина. Его сестра стоит с одной стороны от них, брат с другой. Шок пронзает меня, когда я встречаюсь со взглядом его брата. Генетическое сходство поразительно. Кажется, будто там стоит Мартин и смотрит на меня сверху вниз от дверей суда, оценивая и увещевая меня из могилы. Через несколько лет Майкл

выглядел бы точно так же, как и его брат, если бы... *если бы тот остался жив.* Эта мысль болезненной пустотой гложет мой желудок.

Как это могло случиться?

Когда это началось?

Началось ли это с нашего переезда в Джервис-Бэй, когда зацвели пятнистые эвкалипты и появились летучие лисицы?

Нет, это началось еще раньше...

«Внимательно смотри на ракушки, Элли, — говорю я про себя, транслируя голос моего отца, проясняя сознание. — Потому что жизнь — это игра в скорлупки^[4], а в этой игре выигрывает только банкующий. Ты либо банкуешь, либо проигрываешь».

Я собираюсь сдавать карты в этом мошенническом трюке. Передо мной находится внушительное здание, где вращаются шестерни правосудия. Я представляю лица присяжных, сидящих напротив меня.

Вы позволите мне выйти отсюда, потому что я собираюсь продать вам мою историю.

Просто наблюдайте за мной.

Раньше Лоцца

18 ноября, более одного года назад.

Агнес-Бэзин, Новый Южный Уэльс

Полицейский катер Джервис-Бэй вырезал ровный V-образный кильватерный след в темной воде реки Агнес. Старший констебль Лорел «Лоцца» Бьянки стояла на правом борту вместе с констеблем Грегом Эбботом и смотрела на глубокие тени среди мангровых зарослей вдоль северного берега. На катере их было четверо. Констебль Мак Макгонигл управлял судном, руководствуясь указаниями старого краболова Барни Джексона, который обнаружил тело и позвонил в полицию.

Ранний вечер тяжело давил на людей влажной духотой. Вкус воздуха на губах Лоццы казался прогорклым. Вокруг стояла зловещая тишина, не считая рокота мотора, а иногда тихого чавканья, когда нос катера расчленил одну из крупных медуз, плывущих к морю в приливно-отливном течении. Медузы были размером с волейбольный мяч и тащили за собой бахромчатые щупальца, усеянные ядовитыми жалами.

Мелкие солоноводные каналы, подпитывавшие приливную реку, изгибались, как ходы лабиринта, уходя в дебри мангровых низменностей. Лоцца знала, что илистое дно этих каналов кишит крупными крабами, чьи панцири разрастались до размеров человеческой головы. Всеядные каннибалы, эти илистые крабы были агрессивными падальщиками с мощными клешнями, способными разламывать раковины и отрезать пальцы. Что бы ни ожидало их в глубокой и влажной тени речного эстуария, крабы должны были добраться до него.

Они миновали старую накренившуюся пристань. На гниющих сваях, торчавших из воды, сидели бакланы, помахивавшие черными крыльями, чтобы обсушить их, и наблюдавшие за полицейским катером.

В отдалении пророкотал гром. Грег поднял голову.

— Думаешь, будет шторм? — спросил он.

Лоцца проследила за его взглядом. Два орлана-крикуна кружили высоко над кронами эвкалиптов на фоне слоистых облаков, наливавшихся

киноварью и оранжевой сурьмой там, где солнце скользило к линии горизонта.

— Черт его знает, — тихо сказала она. — Но скоро начнет темнеть. Неплохо бы увидеть этого плавунца, пока еще хватает света.

— Проклятые летучие лисицы появятся, как только солнце опустится за деревья, — сказал Грег. — По крайней мере, здесь они не такие докучливые, как к югу от Джервиса.

Как будто привлеченная словами ее партнера, целая колония огромных крыланов вырвалась из-под эвкалиптового полога и зароилась в небе под какофонию визгливых криков. Почти одновременно с этим раздались хриплые крики какаду и древесных попугаев. Земля как будто выдохнула и сдвинулась в сторону; дух реки изменился.

— Ненавижу их, — проворчал Грег, щурясь на роившихся крыланов. — Они целыми ночами дерутся среди эвкалиптов под окном моей спальни. Словно проклятые ведьмы, визжащие на шабаше. И они воняют.

Все были на нервах из-за таинственной массовой миграции огромных летучих лисиц, недавно нагрянувших в регион. Они начали прибывать целыми роями после внезапного цветения одной из разновидностей пятнистого эвкалипта. Потом все больше и больше гигантских крыланов пролетало над автострадой, словно знамение судьбы, — до тех пор, пока едва ли не каждое здание, дерево, скала и автомобиль в городе не были покрыты ими.

— Словно в фильме Хичкока, — сказала Лоцца.

Где-то захохотала кукабарра.

Катер закачался, когда Мак направил судно в беспокойные воды Агнес-Бэзин. Водоем был огромным — почти сорок квадратных километров — и кишел огромными медузами, отчего поверхность воды казалась пузырястой.

— Еще полкилометра вдоль восточной стороны этой лужи, вон туда, — сказал Барни, указывавший путь шкиперу. Его голос был хриплым и прерывистым. — Потом свернуть в узкий, глубокий канал, вон там, видите?

Лицо Барни казалось обескровленным под сеточкой красных вен. Оно было покрыто тонкой пленкой пота, и он часто утирал лоб рукавом. Лоцца заметила, что его руки дрожали. Возможно, Барни нуждался в выпивке, а может быть, он был просто пьян. Или и то и другое.

Барни отправился проверять свои «контрабандные» ловушки для крабов. Вместо этого он нашел тело светловолосого мужчины,

запутавшееся под водой в одной из его веревочных конструкций.

— Вот он, канал, — Барни указал на темную брешь среди мангровых зарослей. — Нам туда.

Мак сбавил обороты и осторожно направил судно в канал. Вода плескалась и журчала вокруг носа и бортов. Жара стала еще более влажной. Ветви цеплялись за поручни и скребли по корпусу. Мак сбросил ход почти до нуля. По мере их продвижения вперед становилось все жарче и темнее. Облака комаров звенели над водой, и крошечные жучки запутывались в оранжевых завитках волос вокруг лица Лоццы, несмотря на ее усилия собрать волосы в аккуратный узел.

Мак включил носовой прожектор, и зловещие силуэты вокруг как будто надвинулись на них. Из болота сочилось ощущение чуждого присутствия, — чего-то скрытого, поджидавшего удобного момента, чтобы перейти в атаку. Над водой поднимались зловонные испарения.

— Думаешь, это он... Крессуэлл-Смит? — спросил Грег.

— Было бы странно, — ответила она.

— Точно, — сказал он. — Потому что если он упал за борт в море где-то в десяти километрах отсюда, как его могло занести сюда? Чуть какая-то.

Лоцца мельком взглянула на констебля-новобранца, только что зачисленного в их ряды после испытательного срока. Он слишком много говорил, особенно когда нервничал. Это чрезвычайно раздражало Лоццу. Она считала, что работа по умолчанию должна быть тихой. При этом она сознавала, что ее раздражение отчасти вызвано приятной внешностью Грега, и она испытывала тайное влечение к серферу, который решил стать полицейским. Он пришел в правоохранительные органы позже, чем большинство остальных. В свободное время он по-прежнему вел занятия в своей школе серфинга и помог дочери Лоццы усвоить основные навыки. Но мужчины приятной наружности не слишком обращали внимание на Лоццу, и это ожесточало ее по отношению к ним.

Прогредел гром, и вспыхнула молния, внезапно превратившая окрестности в черно-белый стоп-кадр. Редкие капли дождя падали в воду. Лоцца мысленно вернулась к тому дню, когда она познакомилась с Мартином Крессуэлл-Смитом на пляже. Именно ей придется сообщить Элли о находке, если окажется, что в крабовую ловушку Барни попало тело ее мужа. Она вспомнила слова Элли во время их предыдущего разговора.

«Надеюсь, вы *не* найдете его. Но если найдете, то надеюсь, что он мертв и что перед смертью он страдал».

— Там! — внезапно указал Барни. — Я привязал одну из ловушек к

корням вон за тем причалом.

Мак выключил двигатель, и они поплыли вместе с течением, прислушиваясь к плеску волн, пока они двигались в сторону причала. Трещал гром, и небо озарялось серебристыми вспышками. Стало почти темно; солнце скрылось за горизонтом, а в небе клубились грозные облака.

Лоцца отстегнула фонарик от служебного разгрузочного пояса и направила луч света на причал. Она увидела, что Барни привязал обтрепанные веревки к мангровым корням. Сам по себе причал был новым. Его построили как часть скандального проекта «Речного вокзала Агнес», который продвигали Мартин Крессуэлл-Смит и его жена Элли. Барни объяснил Лоцце, что он воспользовался старыми потрепанными веревками над водой как прикрытием для нелегальных ловушек, расположенных внизу. Но под водой концы старых веревок были привязаны к ярко-оранжевым полипропиленовым шнурам, которые вели к ловушкам. Сегодня утром, когда Барни приплыл проверить свои ловушки, он стал вытягивать веревки, но одна из них застряла. Вместо того чтобы перерезать веревку и потерять ловушку с добрым уловом, он решил вернуться с сыном своего приятеля и распутать веревки. Подросток нырнул в ластах и маске и проплыл до конца оранжевого полипропиленового шнура. Там, в мутной воде, он лицом к лицу столкнулся с покойником, запутавшимся в веревке.

Охваченный ужасом, паренек устремился к поверхности и долго хватал ртом воздух. Барни сказал ему, что они не могут оставить «это» внизу, поэтому бедняге пришлось бороться с силами и нырнуть снова. Он перерезал веревку, и тело тут же всплыло на поверхность, словно воздушный шарик. Его отбуксировали к мангровым корням в дальнем конце причала.

— Оно лежит среди корней, — сказал Барни. — Потом мы выплыли на открытую воду, где лучше ловится сигнал мобильной связи. Тогда я и позвонил вам.

Мак направил полицейский катер вдоль причала, направляя его так, чтобы прожектор освещал мелководную бухту. Они почти сразу же увидели проблески молочно-белой кожи. Рубашка хаки, соломенно-желтые волосы. Штанов не было. Белые ягоды были похожи на полумесяцы над кромкой воды. Труп покачивался среди тростника под легким напором течения, упираясь в массу спутанных корней.

Барни быстро перекрестился.

— Причаливаем, — обратилась Лоцца к Маку. — Мы с Грегом проложим путь от конца причала к другой стороне этой бухточки.

Майкл ненадолго включил двигатель; катер скользнул вперед и с легким толчком пришвартовался к причалу. Тени удлинились. Вода вокруг причальных свай и корней издавала чавкающие звуки. Наверху снова прогремел гром и сверкнула молния. Пошел моросящий дождь, испещривший темную воду; капельки казались серебряными в прожекторном луче.

Лоцца и Грег выбрались на причал. Оба пользовались фонариками, освещая путь от края причала к болотному лесу. Лоцца расправила телескопическую дубинку, прорубая дорогу через путаницу мокрой травы и тростника. Здесь водились змеи, и она надеялась, что быстрые движения отпугнут их. Грег держался рядом, за ее спиной. Он ругался и шлепал себя по щекам, спасаясь от комаров; похоже, они предпочитали пить его кровь.

Это принесло Лоцце моментальное удовлетворение. Не только женщины увивались вокруг этого юного Адониса.

Они приблизились к труп, и Лоцца задержала дыхание. Тело определенно было мужским. Он лежал ничком, раскинув руки в илстой воде. Рубашка хаки была очень похожа на ту, которую носил Мартин Крессуэлл-Смит, когда отправился на рыбалку четыре дня назад. Густые светлые волосы тоже совпадали с описанием. Размеры и общая форма тела были подходящими. При жизни он был убийственным красавцем — закаленным божеством регби и парусного спорта с бронзовым загаром и соответствующей удалью и обаянием, когда ему хотелось продемонстрировать эти качества. Но Лоцца уже тогда заметила нечто темное и зловещее под этим лощеным фасадом.

Она опустила на корточки у самого берега и осмотрела место, стараясь не соскользнуть в воду и ни к чему не прикасаться. Она хорошо знала процедуру. Она несколько лет прослужила в убийном отделе Нового Южного Уэльса, прежде чем ее перевели на Южный Берег, где она занялась регулярной службой. Она до сих пор сохраняла статус детектива, хотя ее и не называли «детективом», потому что она больше не являлась полноценным следователем.

Пока Лоцца медленно проводила по телу лучом фонарика, небо озарилось еще одной вспышкой молнии.

— Думаешь, это он? — спросил Грег.

Лоцца определенно так думала. Но Грег был прав: это какая-то бессмыслица. Люди видели, как яхта Мартина Крессуэлл-Смита покинула слип на Бонни-Ривер, находившийся в полудне езды вдоль побережья. Он связался со спасателями из яхт-клуба и сообщил, что собирается выйти в море на юго-восток. Если там произошел несчастный случай, его тело

никаким мыслимым способом не могло унести на север к устью Агнес-Ривер, а тем более загнать в узкий канал через Агнес-Бэзин.

— Но если это он, то где его яхта? — продолжал Грег. — Где «Абракадабра»?

— Грег, помолчи немного. Пожалуйста.

Он шлепнул очередного комара. Над трупом жужжали мухи. Лоцца посветила на левую руку мужчины. На его безымянном пальце имелось свадебное кольцо с красным камнем, которое она уже видела на руке Мартина. Но на запястье трупа не было часов «Ролекс». Мартин Крессуэлл-Смит пропал вместе с очень дорогими часами «Ролекс-Дейтона» бронзового цвета.

Грег попытался убить еще одного комара. Из-за резкого движения свет его фонарика заметался среди мангровых зарослей. Что-то черное вырвалось из темноты. Грег увернулся от потревоженного баклана, но при этом его нога поехала в сторону. Он поскользнулся и упал в воду с громким всплеском. Грязно выругался и полез наверх, по пути зацепив труп, перевернувшийся на спину.

Грег застыл.

Лоцца замерла на месте.

На них смотрели пустые глазницы. Губы и нос трупа были объедены, мягкие паховые ткани исчезли, поглощенные извивающейся массой морских гнид. Но внимание Лоццы привлекло нечто иное.

Крюк серебряного багра ручной работы был глубоко погружен в грудь покойника. На рукояти черными буквами было выгравировано слово «Абракадабра». Колотые раны от ножа покрывали торс мужчины в разрывах рубашки. Ему нанесли не менее пятнадцати ударов колющим оружием. Лоцца подалась вперед, направляя луч фонарика. Темная странгуляционная борозда^[5] окружала распухшую шею мужчины. Такие же отметины остались и на его запястьях. Его голые лодыжки были связаны веревкой.

Сердце Лоццы билось медленно и ровно. Ее взгляд переместился вдоль правой руки мужчины. Трех пальцев не хватало: они были ровно отсечены по фалангам. Илестые крабы работают более топорно.

Грег с чавканьем и хлюпаньем выбрался на берег. Он зашел на два шага в траву, уперся руками в колени и сблевул.

Лоцца вернулась к веревке вокруг лодыжек покойника. Полипропиленовый шнур, ярко-желтый и голубой. Это не Барни. Если бы Лоцца была азартной женщиной, она бы поставила на то, что остаток этого шнура был использован для того, чтобы прикрепить жертву к тяжелому

предмету под водой, где крабы, рыбы и другие мангровые твари очистили бы тело до костей уже через несколько дней. А потом расчлененные кости погрузились бы глубоко в мягкий ил. Тело исчезло бы бесследно, если бы не крабовая ловушка Барни и перепутанные веревки.

Мысли Лоццы вернулись к Элли, к внезапному провалу в ее памяти и к ее странному поведению. В желудке шевельнулось тошнотворное ощущение. Она играла с ними? Она до сих пор разыгрывает их? Это чертов спектакль?

Лоцца потянулась за телефоном. Хотя они с Греггом были первыми, кто отреагировал на ситуацию, таким делом должна была заняться уголовная полиция штата.

Теперь Элли Крессуэлл-Смит стала главной подозреваемой.

Суд по делу об убийстве

Февраль, наше время.

Верховный суд Нового Южного Уэльса

Я сосредоточенно смотрю на свои руки, сложенные на коленях, когда государственный прокурор Молли Коникова поднимается со своего места. Барристер кладет ее папку на пюпитр со стороны обвинения. Молли Коникова — крошечная женщина, похожая на птичку, утопающую в шелковой мантии, обернутой вокруг нее как слишком большие черные крылья. Тонкие губы, клювовидный нос, костлявые, беспокойные пальцы. Ее мышинные волосы тусклыми прядями спадают до подбородка под седым париком. Меня охватывает радостное оживление: это карикатурный персонаж, воплощение слабости и неумения. Конечно же, двенадцать разумных на вид людей в жюри присяжных отнесутся к словам моего барристера гораздо более серьезно, чем к этой мелкой вороне! Мой барристер высокий, белокожий, с волной густых темных волос, в хорошей физической форме, а его судебная мантия выглядит элегантно, а не зловеще. Человек, излучающий ощущение спокойного и пронизательного ума; человек, который способен читать мысли присяжных и может сыграть на доверии, потому что он тоже немножко волшебник.

Коникова разглядывает меня. Ее взгляд спокойный, прямой и твердый. Может быть, я недооценила ее? Нет, не думаю. Она выжидает еще секунду-другую, потом смотрит на присяжных: семерых мужчин и пятерых женщин. В среднем мужчины старше. Полагаю, мои шансы во многом зависят от них, поскольку женщины наиболее жестко критикуют друг друга, — наверное, потому, что женские недостатки, которые мы так любим замечать, являются теми изъянами, которые мы не хотим признавать в самих себе. Критические выпады в адрес других женщин — это способ обличения тех качеств, которые мы больше всего недолюбливаем в своей личности.

Тишина в зале становится давящей, напряжение растет. Воздух слишком теплый, свет кажется неестественным. Тревога цветом распускается в моей груди, и я быстро кошусь на запертую дверь.

Пребывание в замкнутом помещении всегда плохо влияло на меня. Внезапная мысль о долгих годах заключения — от двадцати лет до пожизненного — наполняет меня таким необыкновенным ужасом, что я ощущаю его, как комок желчи, подступающий к горлу. Я облизываю губу и сосредоточиваюсь на том, чтобы держать руки неподвижно. Как меня учили, я направляю носки туфель на скамью присяжных. По словам адвокатов, это поддерживает меня в наиболее выгодном положении.

Коникова начинает обращение к суду, и ее голос поражает меня. Он совершенно не соответствует ее внешности: полноразмерный, хотя и усиленный микрофоном. Уверенный, но дружелюбный. Мое сердце бьется быстрее.

Мне говорили, что голос — это один из ключевых элементов адвокатуры. Адвокат с плохо поставленным голосом не производит должного впечатления на судью и присяжных и постоянно находится в невыгодном положении. В конце концов, это театр. Все барристеры являются хорошими актерами и превосходными рассказчиками, и далеко не у каждого солиситора есть качества, необходимые для адвоката. Моя тревога растет. Похоже, я действительно недооценила прокурора. Я прослушала часть речи.

— ...и в ходе этого судебного процесса, — говорила она, — мы увидим шокирующий портрет женщины, настолько ожесточившейся от ревности, возмущенной предательством и преисполненной ненависти к мужу, что она искусно и последовательно спланировала высший акт возмездия — убийство.

Коникова делает паузу. Единственным звуком остается скрип грифельного мелка, которым пользуется судебный художник.

— Нужно признать, что ее жертва, Мартин Крессуэлл-Смит, сам был далеко не ангелом, — продолжает Коникова. — Судя по отзывам, он был социопатом, который вымещал на своей жене худшие стороны своего характера, но и она тоже вымещала на нем все худшее в себе. Взаимоотношения мистера и миссис Крессуэлл-Смит развивались по порочной спирали; это была изощренная борьба до самого конца. До смерти, — еще одна пауза. Художник поднимает голову, окидывает меня взглядом и возвращается к работе. Мне интересно, кого — или что — она видит.

Я жертва. Я скромная. Несправедливо обиженная.

— Чудовищная война, которая велась между мистером и мисс Крессуэлл-Смит, не ограничивалась супружеской парой. Они причиняли вред невинным людям в качестве побочного ущерба.

Эти слова вызвали некоторое оживление на зрительской галерке. Многие зрители являются полицейскими. Газетчики выдвигали предположения, что одна из юридических стратегий Лоррингтона заключалась в дискредитации ключевых следователей по этому делу — старшего констебля, детектива Лорел «Лоццы» Бьянки, сержанта Корнелла Тримэйна и констебля Грега Эббота. Это якобы было личным делом для них. Присяжные заседатели почти неощутимо подались вперед. Речь государственного прокурора зацепила их на крючок. Они хотели увидеть злодейку. Они хотели видеть, как злодейка будет пресмыкаться перед ними, будет обличена и наказана всей мощью закона. Они хотели увидеть триумф героя. Тогда мир покажется им гораздо лучшим местом. Коникова давала им то, ради чего они пришли сюда, — шанс исполнить их почетный гражданский долг и исправить чудовищное злодеяние. Я знаю, как это работает.

— ...логически, шаг за шагом, опираясь на неопровержимые свидетельства криминалистов, на полицейские отчеты и свидетельские показания, а также на экспертную оценку криминалистического психолога, обвинение продемонстрирует Вашей чести, что обвиняемая, — взмах руки, призывающий присяжных как следует присмотреться ко мне, — обладает холодным, изобретательным и расчетливым умом. Это хамелеон, предстающий в обличье скромницы, — ущеваает Коникова. — Не поддавайтесь на ее уловки, потому что в конце концов у вас не останется иного выбора, кроме признания ее вины по всем статьям.

Вереница шепотков проносится по залу, словно невидимое течение. Репортеры лихорадочно строчат в свои блокноты. Я сглатываю слюну. Капля пота стекает в ложбинку между грудями. Мое отчаянное стремление к свободе неразрывно связано с Питером Лоррингтоном и командой его юристов.

Коникова наклоняет голову в парике в сторону Лоррингтона.

— Без сомнения, мой уважаемый коллега попытается запутать дело. Направить его по ложному следу. Он будет предлагать вам разные варианты событий и попытается сопоставить их с реальными фактами. Но помните, что любая история — это вымысел. Дым и зеркала. Вполне вероятно, он попытается представить ее в роли жертвы, которая стала добычей грубого и властного мужа, помрачившего ее рассудок и поставившего ее на грань безумия, — Коникова выразительно кивает. — Да, он считает вас податливыми и внушаемыми людьми. Психологи скажут вам, что внушаемость свойственна каждому из нас, а когда человек погружен в глубоко трогательное повествование, он опускает свои эмоциональные

барьеры. Ваш долг — не поддаваться ему, оставаться начеку и следить за руками.

— Защита попытается опорочить трудную работу полицейских служащих. Защита попытается выдвинуть подставных свидетелей. И все ради того, чтобы создать малейший предлог для разумного сомнения. Поверить защите — значит позволить этой женщине остаться безнаказанной в убийстве ее мужа. Вы не можете так поступить. Вы здесь ради того, чтобы выполнить ваш гражданский долг. Совершено тяжкое преступление, так что давайте сделаем все правильно.

Коникова садится и тянется к стакану с водой.

— Мистер Лоррингтон? — вопрошает судья Джеральдина Парр. — Хотите что-нибудь добавить?

Мой барристер неторопливо встает. Его рост хорошо заметен, и атмосфера в зале ощутимо меняется. Он доминирует над собравшимися. Все ждут его представления, его контраргументов. Он улыбается. Черт возьми, он улыбается! Я тоже с трудом удерживаюсь от улыбки — от глупого облегчения, от понимания того, что за моей спиной стоит грозная сила, наряду с его репутацией превращать судей и присяжных в податливый воск под его холеными белыми руками.

— Вас что-то позабавило, мистер Лоррингтон? — спрашивает судья Парр, глядя на него поверх стекол очков для чтения. — Или же вы собираетесь обеспечить линию защиты?

Мне известно, что вступительное слово моего барристера будет очень коротким и выдержанным в общих тонах. защите положено выслушать все аргументы стороны обвинения, прежде чем переходить к конкретным описаниям и версиям событий.

— Ваша честь, — произносит Лоррингтон глубоким баритоном, положив ладони по обе стороны своей кафедры. — Мне представляется, что мадам прокурор позволила себе обозначить мою линию защиты.

На галерке раздается смех. Я вижу ухмылки на лицах некоторых присяжных. Художник переворачивает страницу альбома и начинает рисовать быстрее.

— Тишина в зале! — восклицает судебный пристав.

— В самом деле, — Лоррингтон поворачивается к присяжным. — Мадам прокурор права в том, что существует альтернативный вариант событий. Тот, который лучше соответствует собраным уликам. Мы продемонстрируем Вашей чести, что дело обстоит не вполне так, как настаивает сторона обвинения. И мадам прокурор совершенно права кое в чем еще; следите за пальцами. Читайте ее доводы между строк. И ни на

секунду не ослабляйте бдительности, поскольку ваш гражданский долг состоит в том, чтобы не отправить невиновную женщину в тюрьму за преступление, которого она не совершала. Это ваша обязанность перед правосудием. Это бремя, возложенное на ваши плечи.

Элегантно взмахнув полами мантии, он опускается рядом с солиситором.

— Ваш первый свидетель, мадам прокурор? — произносит судья.

Дверь судебного зала распаивается. Появляется женщина-детектив с кудрявыми оранжевыми волосами и обгоревшим на солнце веснушчатым лицом. Кажется, что она перегрелась, облачившись в брюки, белую блузку и плохо сидящий блейзер. У меня сводит живот, пока Лоцца направляется к свидетельской кафедре. Она плотно сбита и движется вперед уверенной походкой, держа руки в стороне от бедер, как будто оставляет место для воображаемого оружейного ремня с кобурой. Когда она приближается, я вижу шрам, пересекающий ее лоб.

Она занимает место для дачи показаний рядом со скамьей присяжных. На меня она не смотрит.

— Тишина, прошу вас! — громко восклицает судебный пристав. Потом он поворачивается к Лоцце: — Вы готовы честно и официально подтвердить, что ваши свидетельские показания будут содержать правду, только правду и ничего, кроме правды? Для подтверждения достаточно сказать «да».

— Да, — говорит Лоцца.

И ты пожалеешь об этом.

Мой взгляд устремлен на шрам у нее на виске.

Потому что твои прошлые ошибки, твой горячий нрав и склонность к насилию помогут мне, Лоцца Бьянки. Лоррингтон подрежет тебе крылья, так что я смогу победить.

Очень жаль, что твоей девочке придется узнать, кто такая ее мать на самом деле. Чудовище.

Адреналин бушует в моих венах. Игра началась, и я уже чувствую запах крови.

Коникова перебирает бумаги в своей папке.

— Будьте добры, сообщите суду ваше полное имя и должность.

Лоцца наклоняется к микрофону.

— Старший констебль, детектив Лорел Бьянки. Джервис-Бэй, полицейский округ Южного Берега.

— Детектив Бьянки, вы можете рассказать суду, где вы находились восемнадцатого ноября, немногим более года назад?

Лоцца переводит взгляд на меня.

Это ошибка. Теперь я тебя достану.

Но когда ее взгляд встречается с моим, меня пронзает тонкое, безмолвное лезвие ужаса. Вероятно, я недооценила и Лоццу Бьянки.

Точно так же, как в тот раз, когда я не предугадала, насколько все изменится в худшую сторону и выйдет из-под контроля между мною и Мартином после того холодного январского вечера на другом конце света более двух лет назад.

Раньше Элли

9 января, более двух лет назад.

Ванкувер, Британская Колумбия

День был ненастным, и безлистные ветви кленов задевали оконные стекла под резкими порывами ветра, когда я наконец сложила выходное платье Хлои.

Я аккуратно положила его в чемодан над остальными пожитками Хлои, с которыми мне до сих пор больно расстаться. Я смотрела на детскую одежду и слушала ветер, шелестевший воспоминаниями. Платье было украшено рисунком из пляшущих слоников. Моя дочь по какой-то неведомой причине любила слонов.

Хлоя носила это платье в свой третий день рождения. Ей исполнилось три года, и перед ней была вся жизнь. Ее ручки были еще по-младенчески пухлыми, лицо — округлым. Свежая кожа. Вокруг нее витало ощущение надежды, предчувствие будущего. Воспоминание о ее заразительном тонком смехе, когда отец щекотал ей животик, согревало мне душу. Внезапно перед моим мысленным взором появился букетик увядавших полевых цветов, зажатый в ее кулачке, протянутом ко мне лимонно-желтым весенним днем. Я почти ощущала ее запах, чувствовала тепло ее тела у меня на руках. В животе словно поскребли ножом изнутри, оставив щемящую пустоту. Чувство утраты было физически реальным даже сейчас, спустя два года. Несчастье случилось через три месяца и два дня после ее дня рождения, и она носила это платье. Всего на земле ей было отпущено тридцать девять месяцев и два дня.

Ради чего?

Что, черт побери, все это означало? К чему беспокоиться о продолжении жизни?

Какое-то время я не беспокоилась.

Часть моей жизни умерла в тот день, утонула вместе с моим ребенком. И в результате этой трагедии мои отношения с Дугом — наш брак, — увял и засох, как поздний виноград, так и не снятый с зимней лозы.

Я вымещала все это на Дуге. Я вымещала все это на себе. Полагаю, в конце концов измена Дуга была наказанием, которое я навлекла на себя. Мой психотерапевт сказала, что мои нападки на него были внешним проявлением моей собственной вины. По ее словам, я нападала на моего мужа, чтобы *заставить* его ненавидеть меня, и это было разновидностью самобичевания. Она сказала, что мне нужно было отказаться от чувства вины, потому что я была не виновата в смерти Хлои.

Но я не была уверена в этом.

Вероятно, какая-то скрытая часть моего существа никогда не будет уверена в этом.

Женщина-психотерапевт помогла мне, но слишком поздно, чтобы спасти наш брак. Наша совместная жизнь вращалась вокруг моей беременности, вокруг курсов пренатальной йоги, общей радости после сеансов ультразвукового сканирования, когда мы рассматривали форму, а потом узнавали пол будущего ребенка, вокруг обустройства комнаты для Хлои, волнений по поводу грудного вскармливания и сроков начала кормления твердой пищей, вокруг бронирования места в детском садике... Обычные родительские хлопоты. Наша семья состояла из трех человек, но мы собирались завести еще одного ребенка, а возможно, и двух. Но потом вдруг все кончилось. Я больше не могла существовать в роли матери и жены. Я постепенно теряла своих подруг из семейных групп. Мне было некому читать красивые детские книжки. Дуг уже никогда не снимет приставные колесики с детского велосипеда Хлои и не научит ее ездить по-настоящему. Я работала иллюстратором детских книг, но теперь больше не могла этим заниматься и отступила в сторону.

Я закрыла глаза и глубоко задышала. Сейчас январь. Зима. Ад под названием Рождество давно закончился. Наступил новый год. Скоро придет весна, и все начнется сначала. Все обновится, включая и меня. Я стану новой Элли.

Прошлой осенью Дуг снова женился. Хотя сначала меня как будто рассекло пополам, теперь я больше не прихожу в ярость от мысли о Дуге в обществе другой женщины. Я больше не испытываю жгучего желания причинить им физическую боль. Женитьба Дуга что-то освободила во мне. Мне внезапно стала отвратительна мысль о необходимости держаться за опустевший дом, который я когда-то делила с ним и Хлоей, пока он занят обустройством дома и заведением детей с кем-то еще на другом конце города. Я внутренне освободилась и теперь не могла дожидаться, когда избавлюсь от внешних проявлений былой жизни.

В следующем месяце я планировала переехать в квартиру в

центральной части города. Квартира принадлежала моему отцу, владевшему разной недвижимостью, но в случае его отказа я не собиралась искать долгосрочную аренду или что-то в этом роде. Я взяла несколько внештатных заказов, позволявших вернуться в профессию художественного иллюстратора. Возможно, я заключу новые контракты либо отправлюсь путешествовать и буду заниматься чем угодно.

Я захлопнула крышку чемодана и закрыла его на молнию. В этом звуке была приятная окончательность. Когда я сняла чемодан с кровати, то посмотрела на подушки с той стороны, где раньше спал Дуг, и меня вдруг охватила острая потребность оказаться в мужских объятиях. Какое-то время, пока мокрый снег хлестал по оконным стеклам, а темные тучи угрожающе нависали над городом, я пыталась вспомнить, когда в последний раз имела близкий контакт с другим человеком — долгое объятие или хотя бы теплое рукопожатие. Мое сердце было стиснуто такой простой и первобытной потребностью, что я подумала о брошенных собаках в клетках собачьего приюта, покорно ожидавших, когда кто-нибудь заберет их к себе, будет любить и ласкать их. Они тосковали, отказывались от еды и в конце концов умирали, если этого не происходило. Нежное человеческое прикосновение было тем же, что солнечный свет и вода для растений.

Я тряхнула головой, чтобы избавиться от этого ощущения, и покатила чемодан к двери. Завтра сюда приедут грузчики, и я подготовилась к их появлению. Во время последнего сеанса психотерапевт сказала, что укладка вещей Хлои в последнюю очередь должна быть не шагом к забвению моей малышки, но знаком того, что я наконец нашла способ жить вместе с моей утратой. И мне не стоило надеяться, что чувство утраты будет добродушным и милосердным спутником. По словам врача, чудовище под названием «горе» будет подстерегать меня в самых неожиданных местах, снова и снова. Оно непредсказуемо, изменчиво, свирепо и обманчиво. Фокус в том, сказала она, чтобы распознать чудовище, когда оно нанесет удар, быть добрее к себе и не ожидать, что другие люди будут понимать мои переживания. Не существует установленной хронологии этапов или испытаний, через которые придется пройти: с разными людьми все происходит по-разному.

Позднее, когда я уехала из дома для встречи с отцом на особом праздничном обеде, предназначенном только для нас двоих, я надела новые сапоги до колена с очень высокими каблуками, вязаное платье из черной шерсти, в которое до сих пор никак не могла поместиться, и накрашила губы алой помадой. Мои волосы были расчесаны до блеска и волной

падали на плечи. Я ощущала себя цельной, храброй, уверенной в себе.

Я пообещала себе, что на этот раз наши дела с отцом наладятся и пойдут хорошо.

Раньше Элли

В вестибюле отеля «Хартли-Плаза» на ванкуверской набережной было оживленно; в основном люди в деловых костюмах с именными бирками, явно прибывшие сюда для участия в конференции «АГОРА», финансируемой группой компаний «Хартли». «АГОРА» была очередным детищем помыслов моего отца, ярмаркой тщеславия, предназначенной для знакомства состоятельных венчурных капиталистов с мечтателями, нуждавшимися в финансовой поддержке своих проектов. Я прошла через толпу, направляясь в шикарный бар «Маллард».

Там тоже было многолюдно. Постоянные посетители сидели в кожаных креслах за низкими столиками с мерцающими свечами. Стойка бара из темного дерева с зеркалами позади тянулась вдоль дальней стены. Пианист, сидевший за кабинетным роялем, наигрывал приглушенную мелодию в джазовых тонах, а в камине, выдержанном в стиле охотничьего домика, потрескивали дрова. Из панорамных окон открывался вид на гавань со стоянкой для гидросамолетов; на смену мокрому снегу и слякоти пришли пушистые, размеренно падавшие снежинки.

Я встала у менеджерской стойки и постаралась найти моего отца среди меценатов и постоянных клиентов. Почти сразу же я увидела его. Высокий, с чубом седых волос на фоне бронзового загара, так и намекающего о дорогих яхтах, дальних плаваниях и экзотических островах. Достопочтенного Стерлига Джеймса Харди было трудно не заметить.

Распорядительница взяла мое пальто, и я поправила на бедрах свое платье-свитер. Когда отец увидел меня, он энергично выпрямился и поднял руку. Люди оборачивались, чтобы посмотреть на меня. Так было всегда: что бы ни делал мой отец, люди смотрели на него. Он обладал соответствующей энергией и занимал соответствующее положение. Во мне шевельнулось восторженное предвкушение.

— Элли! Иди сюда.

Я улыбнулась и проворно зашагала к нему между столиками, зная о том, что он продолжает смотреть на меня. Я сделала усилие над собой и надеялась, что он это оценит, но в то же время ненавидела себя за желание получить его патриархальное одобрение. Потом я заметила женщину, сидевшую рядом с ним, — женщину, которая до сих пор оставалась

скрытой за высокой спинкой кресла. Тощая, как щепка, лет на десять старше меня, с пухлыми губами и идеально расчесанными на пробор платиновыми волосами. У меня резко испортилось настроение. Казалось, в баре сразу стало темнее.

— Элли, это Виргиния Валенте, — сказал мой отец. — Она из Милана.

Я изобразила улыбку, пока он целовал меня в щеку, и прошептала ему на ухо:

— С днем рождения, отец! Я думала, что это будет наш ужин вдвоем.

— Вот как, — мой отец усмехнулся и шагнул назад. — А я думал, что у вас с Виргинией будет прекрасная возможность для знакомства.

Я села за столик.

— Мне так приятно познакомиться с вами, Элли, — проворковала Виргиния.

— Да, это замечательно, — в тот момент я решила не вручать отцу подарок, который лежал у меня в сумочке.

— Что будешь пить, Элли? Мы с Виргинией для начала заказали виски, и...

— Спасибо, я буду вино, — сказала я. — «Пино гри» «Слокан-Хиллс».

Мне вдруг захотелось как следует выпить и поставить свой контрольный штамп на этом низком круглом столике, где я, очевидно, считалась лишней и была возмущена этим обстоятельством.

Официант принес вино и с подобострастной ловкостью продемонстрировал этикетку моему отцу.

— Замечательно, — сказала я. — Но пить буду я, а не он.

Отец слегка прищурился и уставился на меня. Кровь ударила мне в лицо. Виргиния сместилась в кресле и потянулась за своим бокалом, чтобы разрядить напряжение.

Официант плеснул в мой бокал глоточек вина для дегустации.

— Просто оставьте бутылку на столе. Благодарю вас.

Когда официант удалился, я взяла бутылку и налила себе щедрую порцию. Вино было превосходно остужено, и на внешней стороне бокала сразу выступили капельки влаги. Я сделала большой глоток и сразу же почувствовала, как в груди разливается знакомое тепло. Как приветствие старого друга. Мне уже стало лучше. Я сделала еще несколько глотков для бодрости духа. На каком-то уровне я чувствовала, что завелась. Я знала, что слабые электрические импульсы разбегаются по нейронным каналам моего мозга, глубоко высеченным привычкой к спиртному, рожденной горем утраты ребенка. Глубоко внутри я уже была где-то еще, включив свой старый защитный механизм. По крайней мере, сегодня вечером.

Отец молча наблюдал за мной.

Я пожалала плечами и задалась праздным вопросом, потрудился ли он рассказать «мисс Милан» об опасном пристрастии своей дочери к алкоголю и рецептурным медикаментам после смерти его маленькой внучки.

Депрессивная алкоголичка, как и ее мать...

А возможно, и нет. Я отпила еще немного вина. Вполне возможно, мой папочка забыл, что у него вообще была внучка. Скорее всего, он имел детей и внуков по всему миру, и я ничего не знала о них.

— Посмотрим меню? — предложила Виргиния с акцентом Софи Лорен. Европейская роковая женщина, исполняющая роль в старом кинофильме про Джеймса Бонда. Меня затошнило. Дорогие кольца, дорогой французский маникюр. Вероятно, она была еще старше, чем мне показалось сначала, просто хорошо сохранилась. Косметическая хирургия? Я подалась вперед, чтобы рассмотреть получше; выпивка уже сделала меня более раскованной. Да, косметически увеличенные губы, решила я. С верхней губой вышел перебор. Я ненавидела силиконовые губы, делавшие женщин похожими на уток. Честно говоря, они *бесили* меня. Смутный образ новой жены Дуга замерцал в моем воображении, поэтому я быстро потянулась за бокалом и допила остатки вина.

— Я выберу мясное ассорти, — сказала Виргиния.

— Я буду жареную утку, — сказала я, все еще глядя на ее губы. Я хорошо знала меню. Мы с Дугом часто присоединялись к моему отцу в «Малларде» до того, как утонула Хлоя. Отец хорошо ладил с Дугом, потому что они были похожи, и Дуг тоже занимался недвижимостью, поэтому папочка финансировал некоторые большие проекты моего мужа, но всегда к обоюдной выгоде.

Отец сделал заказ. Я продолжила изыскания в своей бутылке «Пино гри». Официант принес еду.

Виргиния взялась за вилку.

— Итак, Элли...

— Прошу прощения?

Она выглядела сконфуженной. Я покрутила пальцем возле уха.

— Извините, плохо слышу. Прошу погромче, а то играет музыка и повсюду разговоры.

Она посмотрела на столик у меня за спиной, где в кресле с высокой спинкой сидела брюнетка, тихо шарившая в своем телефоне. Напротив нее другая женщина молча работала на iPad, время от времени отхлебывая из бокала.

Виргиния подалась ближе ко мне, направив свои накачанные губы мне

в лицо, и громко сказала, выразительно грассируя свой выговор:

— Ваш *патэrr* сказал, что вы *перрэз'жаете* в одну из его *квартэrr* в городском центре.

Я выжала последние капли из своего бокала.

— А папá сказал вам, что весь этот дом находится в его собственности? Все *квартэrrы*, до единой?

— Элли, — предостерегающим тоном произнес мой отец.

Я проигнорировала его и подняла руку, подзывая официанта. Потом указала на пустую бутылку и жестом велела ему принести другую.

— Элли, — повторил мой отец. — Посмотри на меня.

Я посмотрела на него. Ясно-голубые отцовские глаза были жесткими, как камень. Он слегка нахмурил седые брови. Опасный признак.

— Да?

— Ты уверена, что тебе нужно так много пить? После того, что случилось раньше?

Я гневно уставилась на него с сильно бьющимся сердцем.

— Ты хочешь сказать, после смерти Хлои? Ты это имеешь в виду, *papa*?

Виргиния осторожно положила наманикюренную руку на локоть моего отца, словно успокаивая его.

— Элли, — обратилась она ко мне. — Когда я приезжаю в Ванкувер, то живу в центральном отеле. Мы можем встретиться за утренним кофе или в солярии...

— Ну да, конечно, — я потянулась за новой бутылкой вина, налила и выпила. — Звучит просто волшебно. Я с удовольствием проведу какое-то время с вами, пока отец не обменяет вас на что-нибудь новое с хорошей доплатой.

Я говорила громко. Я сознавала, что люди за соседними столиками слушают меня, но мне было наплевать, если кто-то слышит «слетевшую с катушек наследницу Хартли» — как меня называли в одной желтой газетенке, — выясняющую отношения с очередной папулиной любовницей в отеле его имени. С меня было достаточно. Моего вечно отсутствующего отца, его вечных женщин, моей прежней жизни. С меня было достаточно старой Элли, которая просто привыкла выпить все это, как губка, и возвращаться домой, до отказа наполненная токсичными мыслями и эмоциями. С меня было достаточно папулиных эскорт-девиц, наряженных в пух и прах и щебечущих о роскошных круизах и курортных процедурах. Он проводил с одной из таких женщин максимум около года, прежде чем завести новую.

— Тебе нужно серьезно отнестись к предложению Виргинии, — холодно и твердо сказал отец, пропустивший мои слова мимо ушей. — Она знаменитый тренер по похуданию и может дать тебе массу полезных советов о том, как сохранять форму.

Бах. Я уставилась на него с приоткрытым ртом и бокалом, застывшим в воздухе на середине движения.

— Я сильно сбросила вес, — тихо сказала я и аккуратно поставила бокал на стол. — Я... надеялась, что ты это заметишь.

— Элли, — он подался вперед. — Ты далеко продвинулась, но...

— Ох, только посмотреть на вас! — Виргиния беззвучно рассмеялась и помахала рукой, как бы рассеивая напряженность между нами. — Вы напоминаете меня саму и моего отца. Мы чаще всего ссорились из-за...

— Элли не ссорится, — сказал мой отец. — Она ведет себя пассивно-агрессивно. Как тихоня, о которых люди обычно не беспокоятся. Как змея в траве.

Мои глаза жгло, как огнем.

Виргиния попыталась еще раз сменить тему:

— Я слышала, что вы рисуете картинки для детских книг, Элли?

— Иллюстрации, — поправила я, по-прежнему удерживая стальной взгляд голубых глаз отца. — У меня степень магистра изящных искусств, и я специализируюсь по английской литературе.

— *Очэрровательно*, — сказала она. — А вы не задумывались о том, чтобы начать собственный издательский бизнес? Издавать книги для детей?

Я резко втянула воздух, разорвала визуальный контакт с отцом и налила себе вина, размышляя над ответом. Действительно, я думала об этом. Эта мечта была очень близка и дорога моему сердцу; она запала мне в душу, когда я читала Хлое разные истории перед сном. Но мечта умерла после того, как я потеряла мою маленькую девочку.

— Виргиния права, — отец промокнул губы белоснежной салфеткой и взялся за свой скотч. — Это было бы великолепно. Для начала детские книги, а потом, когда ты твердо встанешь на ноги, можно будет подумать и об издании настоящих книг.

— *Настоящих книг?*

— Ты понимаешь, что я имею в виду, — он отхлебнул виски.

— Нет, не понимаю. Ты имеешь в виду, что детские книги могут служить подспорьем для какой-то более важной работы?

— Я имею в виду, что твои привычные занятия не должны удерживать тебя от будущего развития, Элли. Если что-то делается легко и удобно, это не означает, что ты вечно должна заниматься этим. Перемены всегда

трудны, но ты можешь стать кем угодно, если только захочешь этого, — он откинулся на спинку кожаного кресла, баюкая свой бокал в ладонях. — На самом деле я имею в виду, что нельзя позволять трагическому событию определять твою дальнейшую жизнь. Измени свою историю. Будь подвижной и изменчивой. Адаптируйся.

Он указал бокалом на меня.

— Выбор за тобой.

Кровь отхлынула от моего лица. В ушах тихо зазвенело.

— Я серьезно, — продолжал он. — Все мы можем выбирать свои личные истории, — те истории о себе, в которые нам хочется верить. И если мы достаточно сильно верим в свою новую историю, то другие люди тоже начинают верить, — он снова отхлебнул виски. — В том числе и поэтому я попросил тебя сегодня присоединиться к нам.

Разумеется, у него была причина. Как я могла быть такой душой и поверить, что это было всего лишь искреннее желание отца встретиться с дочерью в день своего шестидесятилетия? Воспоминание дрожало и переливалось, как ртуть: детский восторг на лице Хлои, когда я читала ее любимую сказку на ночь. Снова и снова, потому что она требовала этого. Звуки ее хихиканья в смешных местах. Пухлый пальчик, указывающий на иллюстрации. Чувства жаркой волной вздымались во мне. Эти моменты, которые я делила с Хлоей, *были реальными*. Книги *были реальными*. Жизненные уроки, усваиваемые через вымышленных героев. Моя работа по созданию детских книг была ценной для меня.

Я совершила колоссальную ошибку, когда приехала сюда сегодня вечером. Я воображала, что мы будем вдвоем, и в этой воображаемой «истории» мой отец говорил: *«А ты хорошо выглядишь, Элли! Ты сбросила вес и выглядишь сильной. Я горжусь тем, как ты смогла прийти в себя после всего...»* Как я вообще позволила таким мыслям закрасться ко мне в голову? Какая женщина в возрасте далеко за тридцать лет нуждается в отцовском одобрении, в его любви? Какая женщина нуждается в муже, в мужском прикосновении... в запахе волос ее ребенка, к весу ее малыша на усталых руках? К моим глазам подступили слезы.

— Я серьезно, Элли. Дай мне идею — любую идею — об издательском предприятии, о художественном бизнесе, даже о художественной галерее с выставкой-продажей. Если ты составишь хотя бы наполовину достойное деловое предложение, то я профинансирую его. Считай, что ты уже победила в этой игре, — он обвел помещение широким жестом руки с бокалом виски. — Половина людей в этом отеле прямо сейчас хотели бы оказаться на твоём месте и воспользоваться этой возможностью, — он

наклонился вперед. — Ты можешь основать уникальную маленькую компанию с индивидуальным подходом и выбирать только те проекты, которые захочешь продвигать...

Его слова превратились в монотонное жужжание, когда музыка заиграла громче, а звуки окружающих голосов начали сливаться и расплываться у меня в голове.

Маленькая.

Уникальная.

Нечто маленькое и уникальное, собранное по индивидуальному заказу, сидело рядом с ним: шедевр косметической хирургии с утиными губами. Я смотрела на отца. Он никогда не уважал то, чем я занималась. Он никогда не уважал *меня*. Он рассматривал меня как маленькую занозу в боку с тех пор, как умерла моя мать, когда мне было девять лет. Я взяла свой бокал и допила остатки вина.

— Значит, вот почему я здесь? — спросила я и подлила еще. — Ты хочешь потратить кое-какие деньги на меня, — на твою *маленькую проблему*, — прежде чем вы с твоей новой спутницей не отправитесь в долгое и увлекательное путешествие, питаемое неугасимым огнем возрастного кризиса?

Я знала, что он собирался совершить большую поездку. Я не знала, что он собирается взять с собой женщину, но, разумеется, иначе и быть не могло.

— Примерно так же, как ты раньше совал мне деньги или селил меня куда подальше и подороже с тех пор, как умерла мама. Ты считал, что это с лихвой покрывает твои родительские обязательства.

Он заморгал.

— Да, — я повысила голос и сама удивилась этому. — Мне уже давно должно было хватить смелости сказать тебе это прямо в лицо. Наверное, я была менее... как ты это называешь? Пассивной? — Мой голос становился пронзительным, но я не могла удержаться. — Думаешь, если ты подбросишь мне несколько миллионов... Думаешь, если ты потрясеешь передо мной венчурным капиталом, словно перед одним из этих парней из службы быстрых знакомств, приехавших на твою конференцию, то сможешь умыть руки? Избавиться от маленькой проблемы с Элли и наконец освободиться в день твоего юбилея, чтобы с блеском провести остаток твоих дней?

Виргиния пугливо оглянулась на людей за столиками, сидевших вокруг нас. Они притихли и внимательно слушали. Лишь двое или трое посмотрели в нашу сторону, но быстро отвели взгляды.

Я уже представляла заголовки завтрашних газет:

Очередной нервный срыв у «наследницы Хартли»! Стерлинг Джеймс Хартли и его дочь из-за трастового фонда устраивают публичную ссору на знаменитой конференции «Агора» в отеле его имени!

Слегка дрожа от мощного выброса адреналина в организме, я продолжала:

— Ты и впрямь думаешь, что деньги решают все, не так ли? Может быть, если ты хотя бы один раз *попробовал* почитать мне сказку на ночь, когда я была маленькой, или видел, как твоя внучка...

— Говори тише, — проворчал он.

— Ах, я недостаточно пассивна для тебя?

— Я всего лишь сделал предложение, Элли. Чтобы ты могла чем-то заняться, чтобы ты могла отвлечься от других... вещей. Чтобы ты вышла в свет и встречалась с людьми. Фриланс — это одинокая работа. Ты все время остаешься одна в твоей студии, а это нехорошо.

Я сверлила его взглядом. Я хотела сказать, что мне *нравится* быть одной. Но он был прав: я нуждалась в обществе. Я нуждалась в семье. Но не в финансировании.

Мой отец обменялся взглядом с Виргинией. Он кивнул и поднял руку, требуя принести счет. Потом он наклонился ближе и взял мою ладонь в свои руки. Они были большими и теплыми, и девятилетняя девочка в моей душе испытала ноющую боль утраты.

— Нам с Виргинией пора уходить. У нас есть другие встречи и дела на этот вечер.

Я кивнула, не разжимая губ.

— Я собираюсь вызвать тебе такси.

Я промолчала.

— Я лишь хочу, чтобы ты знала: предложение остается в силе. Чего бы ты ни захотела, чего бы это ни стоило. Может быть, ты захочешь попробовать силы в сфере недвижимости, как Дуг.

— Это была затея Дуга, а не моя.

Он стиснул зубы и снова кивнул.

— Позвони мне. Мы с Виргинией завтра отправляемся в путь и большей частью будем находиться вне зоны мобильной связи, — особенно в Сахаре и на антарктическом этапе нашей экспедиции, ближе к концу года. Но даже если ты не сможешь связаться лично со мной, свяжись с Сарой Чэппел: это моя новая личная ассистентка в нашем офисе. Я оставлю ей инструкции и сделаю то же самое для моего юридического консультанта. Он может рассмотреть твоё предложение и запустить процесс, если ты

пожелаешь.

Он поднялся из-за стола, и Виргиния последовала его примеру. Окончателность: я ощущала силу этого жеста. Мне было тридцать четыре года; предполагалось, что я преодолела тяжелый жизненный кризис, и мой отец был готов платить, поскольку ему хотелось быть свободным от чувства вины в своей кругосветной поездке. Его долг передо мной был исполнен, и мысль об этом колокольным звоном отдавалась у меня в голове. Стерлинг Харди подписал последний чек. Его совесть была чиста.

— Не беспокойся о такси, — сказала я.

— Элли...

— Я останусь и еще немного выпью.

Он окинул меня взглядом.

— Эй, ты же сказал, что я должна чаще выходить в свет. Вот я и вышла.

Отец помедлил, потом наклонился и клюнул меня в щеку. Я подозвала официанта и заказала мартини, пока смотрела, как отец идет к бару. Он наклонился над стойкой и что-то сказал бритоголовому бармену с черным ежиком волос на голове и с борцовским телосложением. Рок посмотрел в мою сторону и кивнул. Мой всемогущий отец велел бармену присматривать за его загулявшей блудной дочерью. На какое-то мгновение мне захотелось поверить, что его забота была искренней. Но, скорее всего, мой отец-социопат беспокоился о том, что я устрою сцену, чрезвычайно неприятную для него.

Я отвернулась от них и повернулась к моему отражению в панорамном окне. Длинные блестящие волосы, темные, с переходом в черноту. Бледная кожа. Мое с трудом подогнутое платье. Сапоги до колен. Я выглядела не так уж и плохо, так что закинула ногу за ногу, чтобы выглядеть поэлегантнее. Мне принесли мартини, но как только я сделала первый глоток, зазвонил телефон.

Я отставила бокал и порылась в сумочке. *Дана*. У меня защемило сердце. Я ужасно скучала по ней. Я скучала по всем моим старым подругам, по нашим загородным вечеринкам. Это было так давно! Я поспешно приняла вызов.

— Элли, — сказала Дана, как только я подняла трубку. — Что ты делаешь сегодня вечером? Я не прочь бы пропустить пару рюмок.

— Том?

Мрачный смешок.

— Как ты догадалась? Да, у нас была очередная потасовка. Все из-за стресса у него на работе.

Я улыбнулась, уже пребывая в состоянии радостного опьянения. Увлеченная перспективой встречи с Даной.

— Приезжай в бар «Маллард» в отеле «Хартли», — сказала я. — Я уже здесь, неплохо разогрелась и могу выпустить еще немного пара со старой подругой.

Дана сказала, что скоро будет. Она жила поблизости. Я завершила разговор, а когда клала телефон обратно в сумочку, то заметила в окне отражение брюнетки, по-прежнему сидевшей за мной. Она как будто изучала меня и при этом что-то тихо говорила в свой телефон. Я покосилась налево. Там сидел мужчина, тоже смотревший на меня. Оглядываясь по сторонам, я испытывала растущее беспокойство. Неужели я закатила крупный скандал?

Раньше Элли

Дана опрокинула еще одну порцию текилы и со стуком припечатала стопку о стойку бара. Ее щеки покраснелись, глаза ярко горели.

— К дьяволу мужиков!

Я рассмеялась. Моя богемная подруга привлекала мужские взгляды. Ей нравилось толковать карты Таро, медитировать и измерять свой пульс после «лесной ванны», в просторечии известной как прогулка по лесу. Ее густые темно-каштановые волосы волнами падали на плечи, лицо выглядело по-детски невинным. Сегодня она носила длинную юбку, кожаные ботинки, большие серьги в форме колец и широкую улыбку. Ее присутствие было жизненно необходимым для меня. Она пробуждала во мне вспышки зависти и очень много любви. Мне хотелось приобщиться к ее внутреннему огню. Мне хотелось выбраться из бездны горя и депрессии, которая снова разверзлась передо мной при виде новой подруги моего отца.

— К дьяволу их всех! — с таким же энтузиазмом согласилась я и опрокинула собственную стопку. Потом мы заказали больше еды и выпивки. И мы смеялись от души, покрасневшись от тепла и от дружеских чувств. Когда я посмотрела на часы, то поразились, сколько прошло времени. Утром должны были приехать грузчики, а мне еще предстояло завершить здешние дела и добраться до постели.

— Бог знает, я нуждалась в этом, Дана. С-спасибо.

Он наставила палец на меня и фыркнула.

— Ты запинаешься.

— А ты только что фыркнула!

— Ничего подобного.

— А вот и да!

Мы расхохотались и склонили головы друг к другу. Бармен Рок пристально наблюдал за нами.

— Как думаешь, сколько ему заплатил папуля? — прошептала я на ухо Дана.

— Кому?

Я показала большим пальцем себе за спину.

— Бармену. Року.

Она хихикнула, икнула, потом собралась с силами и выпрямилась.

— Мы взрослые женщины, Элли. Взрослые люди так себя не ведут, — она пыталась сохранить серьезное выражение лица, но ее губы непроизвольно кривились в улыбке.

Мы снова захихикали, как девочки.

— Разве можно вырасти на самом деле? — спросила я.

Дана потянулась за своей сумочкой, лежавшей на стойке.

— Предположительно.

— Нет, правда. Иногда я по-прежнему ощущаю себя ребенком. Как будто девятилетняя девочка настоящая, но обитает в этом постаревшем теле.

Дана замерла, и ее лицо стало серьезным. Она колебалась с ответом.

— Моя бабушка говорила нечто похожее незадолго до ее смерти. Она сказала, что внутри всегда оставалась маленькой девочкой, но люди относились к ней как к глупой старухе, слишком неповоротливой для их стремительного и молодого мира.

— А я возвращаюсь к своему внутреннему каждый раз, когда вижу моего отца. Он как будто нажимает на кнопку.

— Не борись с этим, Элли. Просто занимайся своими делами и не беспокойся о нем.

Я снова кивнула. Порывшись в сумочке, я достала гигиеническую салфетку и высморкалась. Женщина, сидевшая по другую сторону от Даны за стойкой бара, привлекла мое внимание. Она копалась в своем телефоне, но расположилась слишком близко. Судя по всему, она подслушивала наш разговор. Рядом с ней был пустой табурет, она могла бы сесть немного подальше. Что-то заставило меня насторожиться. Не та ли это женщина, которая сидела у меня за спиной во время ужина? У меня разбрелись мысли, и я была не уверена в этом. Ее взгляд на мгновение встретился с моим, и она быстро отвернулась. Ее волосы, собранные в элегантный хвост, мотались по плечам. Юбка и жакет индивидуального пошива. Стройная и гибкая, спортивного типа. Деловая женщина; возможно, она приехала на конференцию «Агора». Я вдруг преисполнилась смутным желанием чего-то большего. Быть похожей на эту деловитую красотку... или похожей на Дану. Мой отец был прав. Я могла бы стать такой женщиной. Я могу быть кем угодно, нужно лишь сделать выбор.

— Знаешь, Элли, мне кажется, что тебе следовало это сделать.

Мое внимание переключилось на Дану.

— Что?

— Взять его деньги.

Я уставилась на нее.

— Нет, я серьезно. О каких деньгах идет речь?

Я сухо рассмеялась.

— Тебе известно его состояние. Рейтинги «Форбс» и так далее. Наверное, я могла бы получить столько, сколько захотела.

— Скажем... несколько миллионов? — Дана вдруг совершенно протрезвела.

Я кивнула.

— Тогда чего бы ты хотела?

Я посмотрела в зеркало за стойкой бара. *Чего я хотела?*

Я хотела вернуть Хлою. Хотела вернуть то, что имела вместе с Дугом. Нашу маленькую семью. Я хотела, чтобы кто-то гордился мной. Обычные человеческие слабости. Я хотела продолжать занятия книжной иллюстрацией. Мои потребности не были экстравагантными.

— Титул наследницы Хартли ничего не значит для меня, — тихо сказала я. — Пустая трата больших денег.

— Ну да, — сказала она. — Привилегированное положение — это отстой.

Я фыркнула.

— Seriously, Элли, подумай об этом, — она посмотрела на свои часы. — Ох, елки-палки. Мне нужно домой, завтра рано вставать. Ты нормально доберешься? — спросила она, слезая с табурета.

— Всего-то переехать через мост на такси. А ты?

— Я пойду пешком, не больше квартала отсюда. Со мной все будет прекрасно. Вот почему хорошо жить в городе: куда ни кинь, все рядом. Тебе понравится.

Я кивнула. Она поцеловала меня в щеку, и мы обнялись.

— Ох... погоди, погоди, — она порылась в сумочке и достала свой телефон. — Нужно увековечить нашу встречу, — она обратилась к бармену Року: — Вы не могли бы...

Он улыбнулся и взял телефон Даны. Обнявшись, мы изобразили лучезарные пьяные улыбки с баром на заднем плане.

— И на мой телефон тоже, — я протянула его бармену.

Он сделал снимок, изменил масштаб и щелкнул еще раз. Мы улыбались, как тупые чеширские кошки.

Дана помедлила, как будто странным образом снова протрезвела.

— Не пропадай, ладно?

— Не буду. Обещаю.

Я говорила совершенно искренне. Побузить в дружеской компании было совершенно правильно. Мы слишком давно этого не делали. Я

смотрела, как Дана огибает столики, направляясь к выходу. Бар быстро пустел, осталось лишь несколько постоянных клиентов. У меня снова возникло острое ощущение, что за мной наблюдают. Я повернулась к стойке. Рок смотрел на меня и что-то говорил в свой телефон. Обо мне? С кем? Я стряхнула зловещее ощущение и пошла за пальто. Я несла его в руках, неверной походкой направляясь в уборную через вестибюль отеля.

Когда я приблизилась к уборной, мой каблук зацепился за выступ бетонного покрытия, и я споткнулась, накренившись вперед. Какой-то мужчина рванулся ко мне и поддержал меня, подхватив за локоть.

Я покраснела от замешательства.

— Я... — я скорчила гримасу и указала на пол. — Плитка уложена неровно. Зацепилась каблуком.

Его глаза были поразительно голубыми на фоне глубокого оливкового загара. Взгляд был открытым и напряженным. Густые волосы, зачесанные назад на скандинавский манер.

— Я уже довольно долго не носила высокие каблуки, полагаю, мне нужен опыт, — я делано рассмеялась, но тут же одернула себя и изобразила серьезный тон.

— Почему?

— Что?

— Почему вы не носили обувь с высоким каблуком?

Я окинула его взглядом, и что-то шевельнулось у меня в сердце. В нем было что-то особенное — мягкая настойчивость, аура теплоты и спокойной силы.

— Не обращайтесь внимания. Мне жаль... я не хотел выглядеть таким... прямолинейным, — сказал он и убрал руку с моего локтя. Он выглядел немного смущенным. Челка упала ему на лоб. Он был выше меня, даже с учетом каблуков. Хорошо сложенный. Пожалуй, немного полноватый, но я всегда ценила некоторый объем в мужском теле. Особенно мне нравились мощные бедра и выпуклость под его деловыми брюками. Он носил примерно такую же одежду, как Дуг, — тот человек, в которого я влюбилась. И каковы бы ни были мои теперешние чувства по отношению к Дугу, они оставались смешанными и противоречивыми. Короче говоря, я ощутила симпатию к этому мужчине.

Я поправила сумочку, закинув ее повыше на плечо, и кашлянула.

— Благодарю вас.

— За что?

— М-мм, за комплимент насчет каблуков.

Он рассмеялся. Мне нравились морщинки в уголках его глаз и ямочки

на щеках. Я нервно рассмеялась в ответ.

— Послушайте, можно... Можно я поставлю вам выпивку, — он указал в сторону входа в маленький полутемный паб справа от нас.

— Я собиралась уходить.

— Ну конечно. Никаких проблем.

— И... я уже кое-что выпила.

— Тогда небольшая закуска? — он улыбнулся еще шире. — И все впитается как следует.

Я поняла, что он говорит с австралийским акцентом. Плюс немного британской степенности. Канадец или американец? И в его тоне, когда он сказал, что «все впитается как следует», не было ни малейшей насмешки. Этот момент, как и его манера общения, был необычно легким и в то же время интимным. Простым. Я помедлила, пока некоторые остатки сомнений пробуждались глубоко внутри. Посмотрела туда, куда ушла Дана. Подумала о моем холодном доме на северном побережье на другой стороне моста. Все упаковано, ничего лишнего. Щемящая пустота и пустая комната Хлои. Сколько времени прошло с тех пор, когда мужчина обращал на меня внимание таким образом? После смерти Хлои я сильно набрала вес и еще не вполне успела похудеть, но он вроде бы не обращал на это внимания. В его глазах я видела молчаливое одобрение, и это было приятно.

— Я приехал на конференцию, но сегодня был зверски долгий и утомительный день, — объяснил он. — Мне нужно немного развеяться от стресса, и если не возражаете, мне хватит вашего общества.

Я знала, что у камина в полутемном пабе подают бренди, а одна стена была заставлена книжными шкафами с оригинальными изданиями в застекленных полках. Кресла были мягкими и удобными.

— Меня зовут Мартин, — он протянул руку. — Мартин Крессуэлл-Смит.

— Элли Тайлер, — я взяла его за руку.

— Итак, Элли Тайлер, как насчет чуточку выпить и закусить?

Я замешкалась и удержала его взгляд. Возможно, я посылала ошибочные сигналы? Неумышленно привлекала к себе неуместное внимание? Он не был похож на серийного убийцу, а мне в этом отеле ничего не угрожало, верно? Могло ли все повернуть не туда, куда я хотела?

Ты можешь стать кем угодно, если только захочешь этого...

Я улыбнулась.

— Разумеется. Почему бы и нет?

Раньше

Элли

У него не было обручального кольца. Это не означало, что он холост, но я с самого начала решила, что если увижу обручальное кольцо, то выйду из игры. Официант принес сырную тарелку и два бокала портвейна. Мартин выбрал низкий столик перед камином с двумя креслами, немного повернутыми к очагу. Это делало обстановку более теплой и личной.

— Надеюсь, вы извините меня за эту вольность, — сказал Мартин, жестом указав на еду и напитки. — Мы можем изменить заказ, если вам не нравится...

— Выглядит чудесно, — я потянулась за бокалом и с облегчением отметила, что он тоже немного нервничает. Это подразумевало, что коллекционирование женщин, направляющихся в уборную, не входит в число его привычек. Вероятно, он действительно увидел во мне что-то особенное.

Он поднял свой бокал.

— Ваше здоровье, — он чокнулся со мной. — За случайные встречи.

— За случайные встречи.

Мне нравилась форма его рук. Несмотря на определенную нервозность, он обладал непринужденной властностью, которая часто появляется вместе с устойчивым финансовым состоянием. Благодаря моему отцу я была знакома со многими мужчинами, обладавшими подобной аурой. И, судя по его бронзовому «Ролексу» и золотым запонкам с выгравированными инициалами MCS, элегантному крою его одежды и туфлям от Болвэ, Мартин Крессуэлл-Смит привык к материальному успеху. Я почувствовала, как что-то внутри меня начинает открываться. Надежда. Возможность снова жить по-настоящему, а не влачить жалкое существование. Смех. Даже любовь.

— О чем вы думаете, Элли?

— О том, что вы не похожи на серийного убийцу.

Он рассмеялся — громко, непринужденно и заразительно. Потом он подался вперед с озорным блеском в глазах.

— Но я мог бы похитить вас. Увезти отсюда в темное и уединенное место.

— Слишком рискованно. Слишком много свидетелей плюс камеры

наблюдения, — я махнула рукой в сторону потолка.

Он посмотрел вверх.

— Они здесь есть?

Я помедлила с ответом, пока не желая делиться с ним, как много я знаю об этом отеле, носившем фамилию нашей семьи.

— Насколько я понимаю, должны быть. По крайней мере, в вестибюле. А вы собираетесь увести меня через вестибюль, верно?

— Хм-мм, — он покрутил темно-красную жидкость в своем бокале. — Может быть, через служебный задний выход?

— Если вы откроете заднюю дверь, сработает пожарная сирена.

Он иронически скривился.

— Ладно, вы победили. Похищение исключено.

Я усмехнулась, взяла деревенский крекер, намазала мягким сыром и положила в рот.

— Откуда происходит ваш акцент? — поинтересовалась я с набитым ртом.

— Лучше спросите, откуда он не происходит, — он немного помолчал, и у меня сложилось впечатление, что он размышляет, как много может рассказать о себе. — Я родился в Австралии, в Мельбурне. Моя мать была уроженкой Канады, отец занимается строительством недвижимости: торговые центры, международные курорты. Поэтому мы много путешествовали, пока я рос. Мы провели три года в Англии, где я пошел в школу. Какое-то время жили в Штатах — в Неваде и в Нью-Йорке. Потом в Португалии и во Франции. Год на Карибах. Несколько месяцев на Красном море, где мы жили на курорте для дайверов, пока отец работал над местным проектом. И довольно много времени в Торонто, где я сейчас живу. Штаб-квартира моего бизнеса находится в Торонто.

— И вы участвуете в конференции «Агора»?

Он кивнул.

— Это шанс заключить строительный контракт в Новом Южном Уэльсе. У нас были спонсоры, главным образом из Китая, но из-за недавних трений между австралийским и китайским правительством мои инвесторы были вынуждены дать задний ход, — он отпил глоток портвейна. — Поэтому теперь я ищу новых долеых партнеров и уже предложил кое-какие идеи.

— Что это за строительство?

Мартин заглянул мне в глаза, словно взвешивая меня, и я гадала, что он увидел — подвыпившую безмозглую особь женского пола, недостойную вдумчивого объяснения, или серьезно заинтересованного человека.

— Это район курортной и жилой застройки вдоль побережья примерно в четырех часах езды от Сиднея, — сказал он. — Очень современная стоянка для яхт, с гостиницей и коттеджами для аренды в речном эстуарии, — какое-то время он смотрел на огонь, потом улыбнулся и добавил: — Это чуть севернее того места, куда я любил ездить в детстве. Мы несколько раз проводили там семейные каникулы. Оно называется Джервис-Бэй. Ездили туда на каждое Рождество, когда мне было от девяти до двенадцати лет. В некотором отношении те годы были лучшей частью... самой настоящей частью моей жизни.

Меня пробрал озноб. Несколько секунд назад я думала то же самое; то, что годы, прошедшие до моего девятилетия — до того, как умерла моя мама, — были лучшей, самой реальной частью моей жизни. Я даже упомянула об этом в беседе с журналистом, который потом написал статью о «Безутешной наследнице Хартли». Тот журналист потерял собственного ребенка и хорошо понимал меня. Теперь я смотрела в младенчески-голубые глаза Мартина, охваченная воспоминаниями.

— Что такое? — заботливо спросил он. — Вы выглядите так, как будто призрак прошел над вашей могилой.

— Ничего. Просто... вы как будто прочитали мои мысли, — я улыбнулась, ощущая крепнущее сродство с этим дружелюбным, привлекательным, внимательным и обаятельным мужчиной, разделявшим мои чувства. — Я уже не раз думала то же самое. Вы расскажете мне об этих праздниках? — Я медленно потягивала вино, приготовившись внимательно слушать; после вечера, щедро сдобренного выпивкой, последние остатки моей сдержанности испарились. — Почему они были такими радостными?

— Ох. Наверное, потому, что я тогда хорошо ладил с отцом, прежде чем разочаровал его.

Мой пульс участился.

— Понимаю, это звучит безумно, — сказал он.

— Нет, я понимаю. Правда, понимаю. Как насчет братьев и сестер?

— Старший брат и старшая сестра. Я младшенький, — он сокрушенно улыбнулся. — И, как выяснилось, стал главным разочарованием для семьи.

— Почему?

Мартин откинулся на спинку кресла, баюкая свой бокал в ладонях.

— Все члены моей семьи являются — или были — чрезвычайно спортивными людьми. Славными образцами человеческого рода. Моя сестра была звездой теннисного спорта на уровне штата, прежде чем стала корпоративной управляющей. Мой брат играл в регби. Он мог бы далеко

пойти на профессиональном поприще, если бы не инцидент на яхте, вину за который возложили на меня.

— Что случилось?

— Я послушался «капитана», которым был мой отец. Мы выходили из устья реки, и большие волны начали размывать песчаную косу, сформированную в приливном эстуарии. При разрушении песчаной отмели важнее всего правильно рассчитать время. Так происходит большинство несчастных случаев в яхтинге: на входе в гавань или на выходе из нее во время разрушения защитного барьера. В результате яхта врезалась в набегавшую волну, нос резко взлетел в воздух, и судно опрокинулось назад. Мой брат упал и сломал спину.

Лицо Мартина и его голос изменились, когда он рассказывал об этом. Он испытывал душевную боль, которая так и не нашла выхода. У меня защемило сердце.

— Так или иначе... Мой брат Джереми в конце концов выздоровел, но он больше не мог играть в регби. Он занялся строительством вместе с отцом, и мой папаша отдавал ему все: время, деньги, любовь... — его голос затих.

— Чтобы загладить вину?

Мартин сделал еще один глоток.

— Думаю, отчасти это так. А еще для того, чтобы сформировать Джереми по своему образу и подобию, снабдить его всем необходимым, чтобы он мог стать наследником империи. Меня, так сказать, отлучили от отца. Что бы я ни делал, я не мог заслужить его одобрение. Бог знает, что я пробовал одну безумную схему за другой, лишь бы добиться его внимания. В итоге я все портил, — он невесело рассмеялся. — Я был недомерком, маленькой черной овцой. Слишком упитанным и неповоротливым, вовсе не спортивным, не рельефным красавцем и не таким высоким, как они. Включая мою маму.

Но мне нравился этот недомерок. Во всяком случае, мне нравился человек, в которого он вырос. Так или иначе, я никогда не испытывала склонности к безупречным чертам или к стальным мышцам худощавых любителей триатлона.

— В итоге я уехал из Австралии после девятнадцати лет и с тех пор практически не оглядывался назад.

— Но вы занялись строительным бизнесом, как и ваш отец, — сказала я. — И у вас есть проект строительства речного комплекса с яхтенным причалом.

Он снова рассмеялся, на этот раз добродушно. От него исходила

доброжелательность и ощущение увлеченности.

— Да, зачетное туше, — сказал он с характерной австралийской растяжкой. — Мой любимый проект. Мне следовало бы сказать, что я не оглядывался назад, пока меня снова не потянуло туда в позапрошлом году. Я понял, что по-прежнему тоскую по берегу, где мы проводили потрясающие семейные каникулы. Может быть, это ребенок во мне, — он допил вино. — А может быть, это потому, что мой брат попытался выкупить эту землю под застройку несколько лет назад, но так и не смог построить ее.

Я приподняла брови.

— Значит, это расплата?

— Нет. Скорее, так: «Я покажу вам, что вы зря считаете меня неудачником. Джереми не смог, а я смогу».

— Глядя на вас, трудно увидеть неудачника, Мартин, — я потянулась за бокалом.

Что-то изменилось в его лице. Его взгляд столкнулся с моим. Воздух между нами сгустился, и я почувствовала нарастающее тепло в нижней части живота.

Он отвел глаза и покашлял.

— Ну да, возможно, это еще один подпольный способ, с помощью которого мальчишка пытается добиться внимания отца. Но это чертовски хороший проект. Впрочем, достаточно обо мне. Расскажите мне о себе, Элли Тайлер.

И я рассказала. Я сказала, что работала иллюстратором детских книг по свободным контрактам. Разведенная, потому что мой брак сложился неудачно. Я сказала, что собираюсь переехать в городскую квартиру после продажи нашего большого опустевшего дома на Северном Берегу. Я воздержалась от упоминания о Хлое и не стала рассказывать о моем отце. Мне все еще нужно было защищать эти подробности моей жизни. Я усвоила жесткие уроки и теперь хотела, чтобы новые люди узнали меня — настоящую меня, — прежде чем они могут посчитать меня побочным продуктом империи Хартли. Самым замечательным в Мартине было его умение слушать. Он уделял мне нераздельное внимание, как будто в данный момент это было для него самой важной вещью на свете, здесь, в теплом коконе уютного бара.

— Стало быть, вы живете в Торонто? — спросила я.

— Это моя штаб-квартира, но я *очень много* путешествую. Сейчас я участвую в нескольких строительных проектах в Европе, в Испании и в Португалии. А также в Турции и на Кайкосе^[6]. Я даже собираюсь кое-что

затянуть на островах Кука. В отсутствие жены и детей я еду туда, куда меня зовет работа.

Надежда разгорелась еще жарче. И алкоголь в достаточной мере развязал мне язык, чтобы сказать:

— Такой мужчина, как вы, и без жены? Тогда вы одержимый.

— До недавних пор у меня были долгие отношения с одной женщиной. Но я так и не женился на ней. А теперь все кончено.

— Мне очень жаль.

— Не надо. Я... — он замешкался, и в его глазах промелькнуло какое-то неопределенное чувство. — Я хотел иметь семью. Хотел иметь детей. Хотел устроить традиционную, свадьбу, всю в белом, с торжественными клятвами. Но она не захотела. Вот так просто. А когда я начал настаивать на своем... — он замолчал и поправил свой галстук. Я почувствовала себя немного виноватой за то, что надавила на него. Настроение было испорчено.

— В конце концов, я не был ее идеальным избранником, вот и все. Думаю, где-то глубоко внутри она оставила запасные варианты. — Он сменил тему: — А что привело вас сегодня вечером на конференцию «Агора»?

— Всего лишь встреча со старой доброй подругой из художественного колледжа.

— Для такого события нужны высокие каблуки.

— Серьезные каблуки, — я рассмеялась. — Вам известно, что женщины наряжаются ради того, чтобы произвести впечатление на других женщин.

— А как насчет вашей семьи; у вас есть близкие родственники?

Я покачала головой.

Несколько секунд он молча смотрел на меня. Его взгляд был таким напряженным и откровенным, что он как будто запустил руку мне под блузку и ощупал кожу. И мне почти захотелось, чтобы так и вышло. Я невольно подалась вперед. Он понизил голос до шепота, и это еще сильнее возбудило меня.

— Я еще никогда не встречался с иллюстратором детских книг. Я знаком с множеством людей, но ни один из них не оживляет книги для детей.

Я достала телефон и показала ему кое-какие работы. Мы сблизили головы. Я чувствовала запах его лосьона для бритья. Я ощущала его дыхание на моей щеке.

— Причудливо, но прекрасно, Элли, — его пальцы коснулись моих,

когда он вернул телефон. Он посмотрел на меня. Действительно посмотрел — этот мужчина, который хотел завести детей. Который мечтал о традиционных свадебных обетах. Который любил семейные выходные дни на морском берегу. — Действительно, замечательные вещи, — прошептал он. — Как вы занялись этой работой?

Я кашлянула.

— У меня есть ученая степень в изящных искусствах и литературе, и я получила дополнительное образование в художественном колледже. У меня были серьезные намерения устраивать художественные выставки, продавать мои работы, и так далее. Но я обнаружила, что люблю книжную иллюстрацию, особенно детскую, поэтому я... Мне нравится свобода, которую предлагает фриланс; мне нравится путешествовать и посещать разные места.

Мое сердце забилося быстрее. Меня вдруг охватило жаркое, радостное волнение. Я только что приняла решение: да, я хочу путешествовать. Мне была нужна гибкость и подвижность. *Это* была моя новая история. Мой выбор, мои решения. Отважная Элли.

— И никаких длительных отношений, никаких детей?

Бах. Его слова опрокинули меня, как яхту, о которой он рассказывал.

Я попыталась улыбнуться, но мои губы отказывались подчиняться.

— Я... мне пора идти, — я потянулась за сумочкой, лежавшей внизу.

Он накрыл мою руку ладонью.

— Это обязательно?

Он что, ожидал секса? Рассердится ли он, если я скажу «нет»?

— Мне нужно попасть домой. Завтра утром у меня срочное дело.

Он задумался, потом быстро достал ручку из кармана и написал номер на бумажной салфетке.

— Мне было очень приятно побеседовать с вами, Элли Тайлер.

В его голосе не было даже тени разочарования, и это еще больше расположило меня к нему. Мартин Крессуэлл-Смит мог стать моим другом. И я осознала, что на самом деле хотела бы иметь секс с ним. Я хотела этого, и очень сильно.

— Но наш разговор был недолгим, и мне действительно хотелось бы еще раз встретиться с вами, — он протянул мне салфетку. — Вот мой мобильный телефон. Позвоните, пожалуйста.

Никакой угрозы. Выбор оставался за мной. Я могла позвонить, а могла и не позвонить. Могла просто выбросить эту салфетку в мусорное ведро по пути на улицу. Или сохранить ее. Я взяла салфетку, и когда наши пальцы соприкоснулись, вдоль моего позвоночника пробежала дрожь.

Я снова откашлялась.

— Вы собираетесь еще какое-то время быть в городе?

— Еще четыре дня в этом отеле. Я выписываюсь в понедельник. Но серьезно, Элли, позвоните мне. В любое время. Как я уже говорил, мне приходится много путешествовать, — он помедлил, удерживая мой взгляд. — Но я могу работать и дистанционно.

Эти слова повисли в воздухе между нами — примитивная эктоплазменная субстанция мерцающей надежды на будущее. Я убрала салфетку в сумочку.

Он позвал официанта. Я видел, как он подписал счет и оформил оплату на свой номер. Поднявшись на ноги, я слегка покачнулась. Он помог мне надеть пальто и аккуратно подложил руку мне на поясницу, провожая меня в вестибюль. Давление его ладони было мягким, но властным. Одновременно сексуальным и доброжелательным.

Он вышел со мной на улицу и убедился, что я взяла такси. Усевшись на теплом заднем сиденье, я смотрела, как он машет мне на прощание от двери отеля. Когда автомобиль тронулся с места, я приложила ладонь к холодному стеклу и стала смотреть на медленно падающие снежинки, ощущая себя героиней романтического кинофильма.

— Куда ехать? — спросил водитель.

Домой.

Я назвала свой адрес.

Только это место больше не кажется домом.

Через несколько секунд мы остановились перед красным сигналом светофора. Я оглянулась на освещенный вход отеля через падающий снег: Мартин вошел внутрь и стоял в вестибюле, разговаривая с мужчиной и женщиной. Во мне зашевелилось смутное воспоминание. Мартин что-то сказал, и его собеседники рассмеялись. Потом мужчина отошел в сторону, а женщина вместе с Мартином направилась к лифтовому холлу. Тут до меня дошло: это была женщина, которая раньше сидела за стойкой бара «Маллард». Или нет?

Мои мысли путались, и я была охвачена сомнениями.

Загорелся зеленый свет, и автомобиль пришел в движение.

— Подождите! — крикнула я водителю. — Остановитесь!

Он резко затормозил. Я распахнула дверь, выбралась на улицу и аккуратно побежала на высоких каблуках ко входу в отель.

— Эй! — возмущенно крикнул водитель мне вслед. Я не обратила на него внимания и протолкалась внутрь через вращающуюся дверь с сильно бьющимся сердцем.

Раньше Лоцца

18 ноября, более одного года назад.

Агнес-Бэзин, Новый Южный Уэльс

Теплая дождевая вода стекала по шее Лоццы, пока она сидела на корточках в темноте и делала фотографии. Вспышка ее камеры с жуткой резкостью высвечивала фрагменты плавающего трупа. Белая кожа на фоне черной воды, пустые глазницы, безносое лицо, распахнутый безгубый рот. Она щелкала, вспышка работала. Ее мысли вращались вокруг слов, услышанных незадолго до того, как они получили тревожный звонок.

«Элли не такая, как может показаться... Такие женщины могут быть наиболее опасны, когда их предают или подставляют, потому что вы меньше всего ожидаете этого. Они могут быть смертоносными. Вам известно, что она заколола своего бывшего мужа?...»

Само количество колющих ран на теле мертвеца — около пятнадцати, а возможно, и больше, — свидетельствовало о ярости и необузданном насилии. Это была жгучая ненависть, потому что человеку не нужно наносить столько ранений, чтобы убить его. Но веревки и обрубленные пальцы... было ли это следами обдуманной пытки? Садизма? И почему на нем нет штанов? Где яхта? Как он попал сюда, в этот канал?

Все казалось бессмысленным.

Лоцца поднялась на ноги и подождала, пока Грег не перестал блевать. Тучи комаров клубились вокруг них. Шел мерный дождь, и струйка воды стекала с козырька ее полицейской фуражки.

— Ты в порядке? — спросила она.

Он кивнул; его лицо было призрачно-бледным в свете ее фонарика.

— Давай вернемся к катеру.

Лоцца набрала номер. Прием был плохим, но она смогла дозвониться. Описав полукруг, они вернулись к полицейскому катеру.

Барни сидел под брезентовым навесом. Дождь серебристыми ручейками стекал по кителю Макгонигла.

— Расчетное время прибытия криминалистов и детектива из отдела

убийств составляет около двух часов, — сказала Лоцца. — Нам нужно заблокировать доступ для посторонних, потом ждать, — она повернулась к Барни: — В конце причала есть заросшая тропа. Куда она ведет?

— К заброшенному поместью, — сказал Барни. — Строители «Речного вокзала Агнес» воздвигли кое-какие леса возле старого дома. Там хотели возвести обзорную платформу для перспективных покупателей, чтобы они могли любоваться видами после строительства гостиницы и коттеджей.

Лоцца повернулась к Грегу.

— Огороди ближайшую площадку полицейской лентой, — велела она. — Мы можем расширить кордон, когда получим лучшее представление о масштабе этой сцены. Я собираюсь пройти по тропе. Покойник где-то потерял свои пальцы. Держу пари, что он утонул не здесь, но был убит где-то еще, а потом кто-то постарался избавиться от него в канале, полном илистых крабов, — она повернулась к Барни: — Не желаете ли показать мне дорогу к этому старому фермерскому дому?

Прогредел гром, и дождь полил с удвоенной силой. Вода отскакивала от реки почти на полметра, создавая мерцающий серебристый котел, пока белые отблески молний плясали на мангровом болоте.

Лоцца оставила Мака сторожить судно и рацию, а Грег начал разматывать сине-белую ленту вокруг предполагаемого места преступления. Она медленно пробиралась по узкой и темной тропе через путаницу древесных стволов. Мокрая паутина качнулась ей прямо в лицо; она вздрогнула, стерла влажные нити и продолжала путь. Стебли камыша чавкали под ногами, ветки цеплялись за ее форменную куртку.

Поперек тропы пробежала ящерица размером с собаку. Лоцца замерла и глубоко подышала, прежде чем идти дальше.

Время от времени вспыхивали молнии, сопровождаемые громовым треском, и в одной из таких вспышек она увидела дом. Теперь грохотало где-то вдалеке, лес снова почернел, но дождь пошел еще сильнее, создавая маленькие реки прямо в болоте. Лоцца осторожно продвигалась по мокрой тропе, пока не подошла к полуразрушенному зданию.

Это был одноэтажный дом со старой жестяной крышей, выбивавшей глухую дробь под дождем. Крытая веранда шла по его периметру. Моментальная вспышка молнии высветила силуэт низкого здания на фоне узловатых стволов деревьев.

Лоцца подошла к парадной двери. Крыльцо сгнило, и дверь болталась на проржавевших петлях. Она со скрипом открыла ее.

Летучая мышь стремглав вылетела наружу, и она едва успела

уклониться. Когти крылатого существа на мгновение зацепились за ее волосы и фуражку, прежде чем мышшь с протяжным верещанием и хлопаньем крыльев исчезла в болоте. Сердце Лоццы билось, как кузнечный молот. Она вошла в дом. Там было очень душно, пахло мочой, экскрементами и чем-то похуже. Вроде гнилого мяса. Она обвела комнату лучом фонарика и увидела сломанный стол. Два стула с металлическими ножками. Кухонный уголок со старой плитой. Она сделала еще несколько шагов; жара и вонь только усилились. Лоцца закрыла нос и рот ладонью. Дождь гремел по старой гофрированной крыше и капал через ржавые дыры, собираясь в лужи на полу.

Лоцца вошла в комнату в конце коридора. Ее зрению нужно было привыкнуть, чтобы разобраться в том, что она видит.

Стул посреди комнаты. Рядом валяется мужская пляжная туфля. С деревянного бруса под потолком свисает веревка, обвитая вокруг стула. Другие веревки, желто-голубые, как полипропиленовый шнур, обмотанный вокруг лодыжек плавучего трупа. Голые деревянные доски под стулом были заляпаны темными пятнами.

Кровь?

Моча?

Лоцца подняла голову и провела лучом вдоль балки крыши, где были привязаны веревки. Ужас медленно закрадывался в ее душу. Она медленно вошла в комнату, и воздух вокруг нее встрепенулся, поднимая колышущиеся обрывки паутины. Вонь стала почти нестерпимой. Она нацелила фонарик в угол и увидела кучу экскрементов.

Человеческие?

Она осторожно приблизилась. Рядом с кучей фекалий валялись скомканные рабочие брюки с карманами на коленях и некогда белые мужские боксерские трусы. Штаны были пропитаны кровью, а трусы запачканы человеческими экскрементами. Она направила фонарик обратно на стул и застыла, когда увидела нечто возле дальней стены.

Лоцца мелкими шагами подошла туда. Половицы скрипели под ее сапогами. Мимо пробежал геккон, и какое-то существо крикнуло снаружи. Она присела, по-прежнему закрывая ладонью нос и рот.

Три отсутствующих пальца лежали рядом с секатором для стрижки кустов. На ручке секатора было выгравировано название яхты Крессуэлл-Смитов: «Абракадабра».

Лоцца медленно поднялась на ноги. Она начала пятиться, не желая тревожить это место. Каблук ее сапога зацепился за какой-то предмет, развернувшийся и покотившийся по деревянному полу. Она махнула

фонариком в ту сторону. Нож. Нож для разделки рыбы. Окровавленный. А за ним еще одна куча одежды.

Лоцца медленно пошла по скрипучим половицам, ощущая трепетную дрожь в горле. Она опустилась на корточки перед кучей и осветила туда. Синяя ветровка и голубая бейсбольная кепка с логотипом Nike. Окровавленная. Товарный ярлык на воротнике ветровки был вполне различимым.

Канадский спортивный туризм

Куртка была из Канады.

Лоцца подумала об Элли, о ее мягком канадском акценте и больших ласковых глазах.

«Надеюсь, ты не найдешь его. А если найдешь, то надеюсь, что он мертв и страдал перед смертью».

Она подумала о свидетелях, которые видели, как Элли и Мартин выходят в море на яхте. Элли носила синюю ветровку и голубую бейсболку; темный хвост ее волос развевался на утреннем ветру, слишком сильном для хорошей рыбалки. Элли возвращалась домой.

Лоцца осторожно взяла кепку рукой в перчатке и пристально изучила ее в свете фонарика. Несколько длинных и темных, почти черных, волос прилипли к регулируемой липкой застежке на заднике.

Прогредел гром. Лоцца застыла и подняла голову. Свет молнии ворвался в разбитые окна, превращая эту комнату ужасов в ее контрастное черно-белое подобие. Ей стало тошно.

Она аккуратно вернула бейсболку на прежнее место. Потом рывком поднялась на ноги и вышла из комнаты тем же путем, которым вошла туда.

Раньше

Элли

9 января, более двух лет назад.

Ванкувер, Британская Колумбия

Я помчалась к лифтовому холлу, резко свернула за угол и увидела, как Мартин заходит в лифт. Женщина уходила от него. Меня охватило мгновенное облегчение; мысль о том, что он мог уединиться с этой привлекательной деловой дамой из бара «Маллард», просто наэлектризовала меня. Я больше не могла ждать. Мне нужно было хватать моменты обеими руками и выдавливать из них живительные соки, прежде чем кто-либо успеет отобрать их у меня.

Двери лифта начали закрываться.

— Стойте! — я ринулась вперед.

Мартин увидел меня, и на его лице отразилось потрясение. Он сунул руку в дверь лифта и остановил ее. Его взгляд бы прикован к моим глазам.

— Элли?

Я учащенно дышала, одновременно испуганная и торжествующая. Мое сердце парило в восходящих потоках адреналина. Я видела, что он один в кабине лифта.

— Что случилось, Элли?

Краешком глаза я заметила, что брюнетка остановилась и оглянулась. Мною овладело секундное сомнение. Но потом женщина повернулась и исчезла за углом.

Я вошла в лифт и приложила ладонь к его щеке. Его глаза потемнели, лицо слегка исказилось от невысказанного желания.

— Элли? — прошептал он.

Я подалась вперед и прижалась к его губам. Двери лифта закрылись. Его дыхание участилось. Он ухватил меня за шею, впившись пальцами в волосы на затылке, и притянул меня к себе. Его губы прижались к моим. Другой рукой он стукнул кнопку верхнего этажа. Я потянулась к его ремню, и он принялся расстегивать его.

Он провел рукой по моему бедру и запустил ее под платье-свитер.

Лифт пошел вверх, мягко набирая скорость.

Его тело было мощным, с крупными бедрами. Он погрузил колено мне между ног. Его губы властно раскрыли мой рот, и его язык переплелся с моим. От него пахло портвейном. Он ухватил мои ягодицы и рывком прижался ко мне. Я ощущала его эрекцию у себя в паху. Перед моими глазами поплыли алые и черные пятна, когда он сунул руку мне в трусики и обхватил меня снизу. Я растаяла под его прикосновением. Тихий стон сорвался с моих губ, когда он погрузил палец в меня. Мой мозг вспыхнул в головокружительном калейдоскопе наслаждения. Он совал жестче, глубже, все сильнее целуя меня. Я забылась в ослепительных ощущениях, думая лишь о том, что могу взорваться от наслаждения, нараставшего внутри.

Я лихорадочно спустила его брюки.

Он двигался быстро.

Наш секс был животным. Первобытным.

Я ахнула, когда он вошел в меня, и уперлась рукой в зеркальную стенку лифта. Я извивалась и стонала, пока он не кончил во мне. Я не могла дышать. Меня словно ослепило.

Звякнул лифтовый звонок.

Я моргнула. Мы приехали на тридцать третий этаж, и двери начали открываться.

Он поспешно убрал свой член в брюки. Когда двери раскрылись, я оправила платье. Мои руки тряслись. Он смотрел мне в глаза, пока застегивал брюки. Напряженно, как волк. Секс с Мартином был волчьей трапезой.

Слава богу, снаружи никого не было. Мартин вышел из лифта и огляделся по сторонам в приглушенном свете. Коридор был пуст. Он повернулся ко мне и протянул руку.

— Пошли, — прошептал он. Его глаза были темными омутами; расширенные зрачки поглотили голубую радужку.

— Пойдем ко мне в номер, Элли, — сказал он.

Мои губы покалывало. Внутри все было влажным и расслабленным. Меня снова окатила жаркая волна возбуждения. Я чувствовала себя могущественной.

— Проведи эту ночь со мной, Элли.

Пожилая пара приближалась к нам по коридору. Они вошли в лифт, а я по-прежнему стояла внутри. До меня вдруг дошло, что я натворила. Во мне всколыхнулась первобытная паника. Что здесь только что случилось? Я мельком увидела себя в зеркале лифта. Искаженный образ: смазанные тени для век, растрепанные волосы, зацелованные губы. Скособоченное платье.

Другая Элли — новая Элли, могущественная Элли Тайлер — была выпущена на волю, и я была не вполне готова разобраться с побочным ущербом, который она причинила моему старому представлению о себе.

Я выдавила улыбку, больше похожую на гримасу, одновременно устрешенная и воодушевленная моим безрассудным поведением. Мне нужно было переварить случившееся. Пожилой джентльмен нажал на кнопку первого этажа. Он смотрел на меня.

— Я... мне нужно подумать, — обратилась я к Мартину, который ждал перед лифтом, протягивая мне руку. Двери начали закрываться.

— Эл...

Двери закрылись. Я услышала, как он стукнул по металлу и крикнул: «Позвони мне!»

Лифт начал опускаться: вниз, вниз, вниз. Я ощущала его запах на мне. Чувяла запах секса в кабине лифта. Зеркало до сих пор было затуманено от моего жаркого дыхания. Пожилые супруги обменялись взглядом и отодвинулись подальше от меня. Лифт остановился на одном из нижних этажей, и вошел мужчина. Он сразу же уставился на меня, и я внезапно преисполнилась стыдом и отвращением к себе. Он тоже чувял запах секса вокруг меня, я была уверена в этом. Он похотливо разглядывал меня. Вместе с клаустрофобией ко мне подступило старое ощущение паранойи, как будто все наблюдали за мной, что-то знали обо мне, перешептывались за моей спиной, насмешничали и отпускали непристойные шутки...

Плохая мать.

Шлюха.

Сирена.

Пассивная.

Агрессивная.

Сумасбродная.

Умственно нестабильная.

Вы знаете, что она заколола своего бывшего мужа?

Два лица одной женщины. Хорошая Элли — плохая Элли. Слабая Элли — сильная Элли.

Лифт остановился внизу, и двери начали открываться. Я протиснулась в щель, прежде чем они успели открыться, и поспешно направилась к выходу.

— Эй! — окликнул сзади мужской голос.

Я обернулась.

— Вы кое-что уронили, — он размашистым шагом подошел ко мне и протянул блестящий предмет, лежавший у него на ладони. Золотую запонку

Мартина с инициалами MCS.

Я молча забрала запонку и побежала к двери отеля.

Когда я вернулась домой, то почувствовала себя немного лучше. Я налила горячую ванну и приняла таблетку ативана^[7], чтобы успокоить голоса, снова зашумевшие у меня в голове. Я винила в этом моего отца; он включил эту реакцию. Больше мне не нужно принимать таблеток.

Я опустилась в ароматную воду с пузырьками и позволила теплу поглотить меня. Закрывает глаза и стала переживать секс с Мартином.

Потрогав себя между ног, я улыбнулась. Не было никакой надобности испытывать стыд.

Измени свою историю, Элли.

Я больше не была женой Дуга. Этот дом больше не будет моим домом. Я не была матерью Хлои. Я переезжала в город. Свободная городская женщина.

«Я очень много путешествую. Но я могу работать дистанционно».

Я могла быть любовницей Мартина. Его подругой.

«Но отнесешься ли ты ко мне серьезно, Мартин Крессуэлл-Смит, или ты просто занимаешься этим в перерывах между твоими многочисленными поездками?»

Я погрузилась в горячую воду и задержала дыхание. Я часто так делала после того, как утонула Хлоя, просто пытаюсь представить, что чувствовала моя бедная малышка.

Но, разумеется, я вынырнула, хватая ртом воздух и отводя мокрые волосы, облепившие лицо.

Раньше Элли

10 января, более двух лет назад.

Ванкувер, Британская Колумбия

Я проснулась с ощущением чего-то... другого. В голове гудело, во рту стоял кислый привкус похмелья. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы реальность вчерашних событий ворвалась в мой разум.

Я резко выпрямилась.

Мартин. Незнакомец. Секс в лифте отеля.

Я поспешно встала и приготовила кофе в кофеварке Nespresso, которую оставила неубранной. Потягивая горячий кофе, я смотрела на сад. Хвойные деревья тяжеловесно раскачивались под порывами ветра. Цветочные клумбы торчали мертвыми макушками на фоне безлистных ягодных кустарников. Мысли о сексе с Мартином накладывались на воспоминания о Дуге, подносявшем маленькую Хлою ко рту и рычавшем, как медведь. Хихиканье Хлои.

Захваченная глубиной этого образа, я грустно улыбнулась своему отражению в оконном стекле. Воспоминание было мягким, как кашемировое пальто. Знакомым и утешительным. И тут до меня дошло: я могла справляться с воспоминаниями! Я могла испытывать печаль и одновременно улыбаться. Я не нуждалась в лекарствах. Я наконец-то вышла из беспросветного тоннеля моего горя. У меня даже был секс с новым мужчиной.

Было ли это завершением моих страданий? Не бороться с утратой, но жить с ней. В новом месте. Лелеять свои воспоминания и в то же время думать о завтрашнем дне... и надеяться?

Я потянулась к сумочке и нашла салфетку с номером Мартина. Потом взяла телефон, нервно отложила его в сторону и пошла в душ. Когда я сушила волосы феном, то снова взяла телефон.

И снова отложила его.

Причесываясь, я думала о его словах.

«Я останусь в отеле еще четыре дня. Выписываюсь в понедельник.»

Серьезно, Элли, позвоните мне. В любое время... Я могу работать дистанционно».

Что, если я не позвоню? У него нет моего номера. Мы будем как корабли, которые разошлись в ночи.

Какое-то мгновение мне хотелось, чтобы я оставила ему свой номер. Тогда решение оставалось бы за ним.

Но так не случилось. Я бродила по дому, заставленному коробками, вертя в руке его золотую запонку. Это был знак. Я сделала глубокий вдох и позвонила ему.

После пятого гудка я услышала его голос:

— Вы позвонили Мартину Крессуэлл-Смиту. Сейчас я не могу ответить на звонок. Пожалуйста, оставьте сообщение, и я перезвоню вам, как только смогу.

Я дала отбой, слегка дрожа от пьянящего нервного возбуждения.

Приехали грузчики, и я ушла позавтракать, пока они переносили коробки в грузовой фургон. Сидя в кофейне, я погуглила имя и фамилию Мартина. Разумеется, я это сделала, — а кто бы не сделал? У него был профиль в LinkedIn, где говорилось, что он владеет частной строительной компанией CW Properties International. По ссылке я перешла на сайт компании с его биографией. Сайт выглядел прилизанным и упорядоченным. Он включал портфолио из его завершенных, осуществляемых и запланированных проектов. Фотографии его команд по продажам со всего мира. Фотография Мартина, сидевшего за массивным стеклянным столом в просторном офисе в Торонто, с превосходным видом на городской ландшафт. Контактная информация. У него не было профилей в социальных сетях, и мне это понравилось. Для меня это было признаком профессионализма и благоразумия. Я расширила поиск по фамилии Крессуэлл-Смит в Австралии, и появилась ссылка на историю о Джереми Крессуэлл-Смите. Брат, о котором говорил Мартин, — бывший игрок в регби и сын Малькольма Крессуэлл-Смита. Теперь у меня было имя его отца.

Я провела поиск по Малькольму Крессуэлл-Смиту и прошла по ссылкам на сайт компании, где обнаружила газетные статьи и сводки новостей о строительстве торговых центров и другой недвижимости. Потом я нашла большую статью о Малькольме Крессуэлл-Смите в деловом журнале. Судя по дате, Малькольм отошел от бизнеса несколько лет назад. Он жил со своей женой на лошадиной ферме в Хантер-Вэлли, недалеко от Сиднея. Его сын Джереми управлял компанией Smith amp;Cresswell Properties, а его дочь Паулина Радд занималась маркетингом и входила в

совет директоров компании. Ни одного упоминания о Мартине.

Я выпрямилась и посмотрела в окно. Пешеходы, проходившие мимо кофейни, кутались в пальто и выставляли зонтики, защищаясь от мокрого снега. Значит, Мартин подвергся семейному остракизму... как он и говорил.

Во мне шевельнулась жалость к нему.

Я снова набрала его номер и получила то же самое сообщение.

Выходя из кофейни, я подумала, что, по крайней мере, после двух пропущенных звонков у него есть мой номер. Он может позвонить мне. Я была уверена, что он так и сделает.

Но три дня спустя, когда Дана пришла в мою новую квартиру, чтобы распить бутылку вина в честь новоселья, Мартин так и не позвонил.

Раньше

Элли

13 января, более двух лет назад.

Ванкувер, Британская Колумбия

— В лифте? Должно быть, ты меня разыгрываешь.

Я покачала головой.

— Ну ты и даешь, Элли.

— Знаю. Это самый рискованный поступок в моей жизни.

Дана рассмеялась и взяла свой бокал.

— Тогда за рискованные поступки!

Мы откупорили вторую бутылку вина и теперь сидели на балконе в пуховиках и унтах, с работающим выносным обогревателем. Снаружи, в январской тьме, шел мокрый снег, перемешанный с дождем. Я рассказала ей о знакомстве с Мартином. О том, как я проверила и подтвердила его личность и род занятий.

— Выглядит слишком хорошо, чтобы оказаться правдой, — заметила Дана.

— Да, я понимаю.

— Может быть, он... я имею в виду, это он слишком хорош, чтобы оказаться нормальным мужиком.

Я пожала плечами:

— Все это может закончиться ничем. Но мне противно, что я звонила ему. Чувствую себя дешевкой. Глупо было думать, что он захочет снова встретиться со мной, — я отпила вина. — Мне следовало бы знать, но это просто... надежда, понимаешь? Что будет какая-то искра, что случится что-то особенное.

— Эй, у тебя все идет хорошо. Возможно, у него была веская причина не отвечать на твои звонки, и даже если он не позвонит, для тебя это все равно большой шаг вперед.

— Ты так думаешь?

Она поджала губы, изображая неуверенность.

— М-мм... да, я так думаю.

Мы рассмеялись и стали радостно напиваться. Потом мы заказали пиццу, и, когда Дана уже собиралась уходить, зазвонил мой телефон. Я застыла с сильно бьющимся сердцем и посмотрела на нее.

— Отвечай!

Я полезла за телефоном. Неизвестный номер на определителе.

— Алло? — хрипло спросила я.

В трубке слышались сигналы отбоя. Я уставилась на телефон.

— Что за?...

Мы немного подождали, но никто не перезвонил.

После ухода Даны я довольно долго сидела в темноте, проводя пальцами по буквам, выгравированным на гладкой поверхности его золотой запонки.

Завтра он выпишется из отеля.

Запонка была дорогая, выполненная по индивидуальному заказу. Часть пары. Возможно, он расстроился из-за того, что потерял ее. Если я удержу ее при себе, как это будет выглядеть? Я *должна* была вернуть ее. Нормальный человек без тараканов в голове возвращает дорогой ювелирный аксессуар его владельцу. Завтра пораньше я оставлю запонку в отеле. До того, как он выпишется. Если я встречу с ним в вестибюле, то скажу, что пыталась дозвониться до него потому, что хотела вернуть запонку.

Я уже чувствовала себя лучше.

Раньше Элли

14 января, более двух лет назад.

Ванкувер, Британская Колумбия

— Мисс Тайлер, приятно вас видеть, — произнес менеджер отеля «Хартли Плаза», когда я подошла к стойке регистрации в вестибюле.

Я предприняла все меры предосторожности. Мои волосы блестящей волной падали на спину, челка почти закрывала глаза. Я выбрала замечательное шерстяное пальто клюквенного цвета. Сапоги, шелковый шарф, черное кружевное белье. Я внушила себе, что это для меня; белье помогает хорошо себя чувствовать. Я не чувствовала себя «озабоченной». Это моя новая история — я была женщиной, которая носит сексуальное белье. Я всего лишь собиралась вернуть владельцу предмет, имеющий некую сентиментальную ценность.

— Что мы можем сделать для вас? — Он лебезил передо мной. Я была дочерью Стерлинга Хартли, а этот отель принадлежал ему. Я привыкла к такому поведению.

— У меня оказалась вещь, принадлежащая одному из ваших гостей. Мне хотелось бы вернуть ее до того, как он выпишется отсюда.

— Оставьте ее здесь, и мы постараемся, чтобы она...

— Я предпочла бы лично вернуть ее ему. Вы можете сказать, здесь ли он до сих пор?

Он заколебался. Две сотрудницы за регистрационной стойкой обменялись взглядом. Это было против правил. Но тем не менее я была дочерью Стерлинга Хартли.

— Я разберусь с этим, — обратился менеджер к одной из ассистенток. Он отвел меня к ее компьютеру и спросил:

— Как зовут гостя, мисс Тайлер?

— Мартин, — ответила я. — Мартин Крессуэлл-Смит.

Он постучал по клавишам.

— Никто с таким именем не зарегистрирован в нашем отеле.

— Он уже выписался?

Менеджер нахмурился и снова застучал на клавиатуре.

— В нашей системе нет никого с таким именем.

— *Вы уверены?*

— Вполне уверен.

— Возможно, вы неправильно слышали, — я написала имя Мартина на странице его блокнота, пользуясь данными, полученными от него самого и из Интернета.

— Да, я ввел это имя.

— Вы могли бы попробовать еще раз?

Он на секунду удержал мой взгляд.

— Пожалуйста.

Он подчинился моей прихоти. Между тем я осматривала вестибюль в поисках Мартина с чемоданом на колесиках.

— Мне очень жаль, мисс Тайлер.

— Но я знаю, что он был здесь.

Я видела, как он выписывает счет из бара на его номер. Мы занимались сексом в лифте на пути к его номеру.

— Мне действительно очень жаль.

Я ошарашенно посмотрела на менеджера. Я была совершенно уверена в последовательности событий. Он спустится на лифте, и я отдам ему запонку. Он скажет, что пытался перезвонить мне, что отвлекся на личную встречу... что угодно. Потом поцелует меня. Потом мы посидим за ленчем, прежде чем он отправится на свой самолет.

Порывшись в сумочке, я достала мой телефон и показала менеджеру скриншот с фотографии Мартина, сидевшего за столом в своем офисе в Торонто.

— Вы видели этого мужчину? Вероятно, он зарегистрировался под другим именем.

Менеджер странно посмотрел на меня, потом глянул на экран телефона и покачал головой. Я показала фотографию двум его сотрудникам.

— Думаю, я видела его вчера вечером, — сказала одна из них. — В баре «Маллард».

— Вы помните, кто вчера был дежурным в баре?

Она нахмурилась и взглянула на менеджера. Тот пожал плечами.

— Тони Ярески, — сказала ассистентка. — Он работает там большую часть времени.

— Лысый мужчина?

— Да.

Я сразу же отправилась в «Маллард». Бар был открыт для завтрака. Тони Ярески сидел за столом в небольшом офисе за помещением бара. Он оторвался от своей работы и удивленно посмотрел на меня.

— Этот человек приходил в бар вчера вечером? — спросила я без преамбулы и показала ему фотографию Мартина.

Он посмотрел на фотографию, поднял голову и несколько секунд молча смотрел на меня.

— Да.

— Вам известно, был ли он постояльцем отеля, зарегистрированным здесь?

Тони задумчиво провел языком по губам.

— Только не лгите, — предупредила я. — Я вижу, когда кто-то собирается солгать.

Он рассмеялся мрачным, безрадостным смехом, от которого я почувствовала себя запачканной. Он как будто насмеялся надо мной. В углу его офиса я заметила монитор с выводом видеоинформации от камер внутреннего наблюдения. Меня охватило тошнотворное подозрение. Есть ли в лифтах скрытые камеры внутреннего наблюдения? Вероятно, Тони и остальные сотрудники наблюдали, как я занимаюсь сексом с незнакомцем. А теперь они перешептывались у меня за спиной и всячески обзывали меня.

Дура, дура, дура. Шлюха, шлюха, шлюха.

Глупая, безрассудная женщина, раскинувшая ноги перед незнакомцем.

Знаете, она заколола своего бывшего мужа...

Госпитализирована из-за нервного срыва.

Мне вдруг захотелось оказаться подальше отсюда.

— Говорю для записи, — тихо и отдельно произнес Тони. — Я не собирался лгать, с учетом того, что любой клиент имеет право на охрану своей личной жизни. Полагаю, вы цените это?

Я сглотнула и осознала, что краснею.

Он наклонил голову, сверля меня черными глазами.

— Если вам нужны деньги... — пробормотала я.

Он резко выпрямился.

— Пожалуйста, уходите, мисс Тайлер. Мне не нужны ваши деньги.

— Но мой отец может купить вас.

Он прищурился.

— Я видела, как он разговаривал с вами. Уверена, что он заплатил вам.

— Ваш отец искал вас. Он хороший человек. Он заплатил мне за услугу.

Я помахала перед ним своим телефоном.

— Был ли этот человек на фотографии с другой женщиной? Вы считаете, что поэтому он нуждается в конфиденциальности?

— Думаю, вам лучше уйти, мисс Тайлер.

Судя по выражению лица Тони Ярески, я была уверена, что Мартин Крессуэлл-Смит был в «Малларде» с кем-то еще, скорее всего, с той женщиной, которая прошла мимо лифта. Я посмотрела на монитор службы безопасности. Я была готова поспорить, что он попал на камеру вместе с той женщиной.

— Мне нужно вернуться к работе, — сказал он.

— Да. Ну да, разумеется.

Я вышла из бара и быстро направилась к выходу из отеля. Казалось, что все следят за мной.

Забудь об этом, Элли. Двигайся дальше. Ты совершила ошибку и попала в неловкое положение. Признай, тебе хотелось быть желанной: тебе хотелось, чтобы с тобой обошлись подобным образом. Теперь все кончено.

Я подняла воротник пальто и наклонилась навстречу ветру, выходя на улицу. Но уже тогда, когда я шла по тротуару с твердым намерением оставить все позади, нечто темное и глубокое, давно запертое во мне, начало свою работу.

Суд по делу об убийстве

Досудебный сеанс криминалистической оценки

— Вы понимаете, почему находитесь здесь, Элли?

У психолога ровный и негромкий голос. Он элегантен и почти красив, на андрогинный манер. Бледная кожа, глаза кажутся наполовину прикрытыми из-за тяжелых век. Узкое, вытянутое лицо. Длинные пальцы, сужающиеся к концам. Вероятно, на ногах у него такие же пальцы. Не слишком узкие, но и не слишком полные губы. Мягкий, спокойный взгляд. Он носит шарф, возможно, купленный на непальском рынке. Он выглядит так, словно отправился в пеший поход по Гималаям и по дороге заглянул к тибетским монахам. Теперь он сидит в угловом кабинете с панорамными окнами и прекрасным естественным освещением. Тем не менее я испытываю беспокойство, чувствую какую-то ловушку.

— Я нахожусь здесь потому, что вы психолог-криминалист. Потому, что мне предстоит суд по обвинению в убийстве и моим защитникам нужно знать, могу ли я давать осознанные свидетельские показания. Потому, что на самом деле нам предстоит большая игра, не так ли? Им нужно знать, могу ли я фактически помочь стороне защиты или позорно провалюсь, особенно на перекрестном допросе.

— И что вы думаете по этому поводу? — спрашивает психолог.

— Мне не платят за то, чтобы я думала, доктор.

Он разглядывает меня. Я смотрю на часы и бросаю взгляд на дверь. С каждой секундой я закручиваю гайки, опасаясь, что он собирается проникнуть мне в голову, где в темных глубинах обитают мои секреты. Никому не позволено проникать туда, даже мне самой. Я узнала, что может случиться, если открыть эти двери. Но он продолжает молчать, и это становится невыносимым.

Поэтому я заполняю пустоту, но когда открываю рот, то немедленно жалею об этом, потому что делаю как раз то, что ему нужно. Это не первое мое родео. Я ветеран терапии.

— Думаю, они хотят, чтобы присяжные увидели меня в качестве жертвы, — медленно говорю я. — Они хотят, чтобы присяжные поняли, что Мартин *делал со мной*, и пожалели меня. Чтобы они осознали, почему он заслуживал смерти.

Он морщит лоб и облизывает губы, пока делает записи. Этот сеанс также записывается на камеру. Мне нужно быть более осторожной. Передо мной в стеклянной вазочке лежат шоколадки, завернутые в золотую фольгу. Психолог видит, что я смотрю на них. Он подается вперед и подталкивает вазочку ко мне.

Я откидываюсь на спинку дивана, кладу ногу на ногу и сцепляю пальцы на колене.

— А он заслуживал?

— Чего именно?

— Смерти.

Я резко встаю и начинаю ходить по комнате. Останавливаюсь и смотрю в окно. Мы находимся на втором этаже кирпичного здания. Снаружи, на образцовой лужайке, много людей — матери и няни, присматривающие за играющими детьми. Я думаю о Хлое, складываю руки на животе и тихо говорю:

— Так или иначе, все мы умрем. Некоторые люди делают дурные вещи. Думаю, они заслуживают смерти раньше, чем другие.

Какое-то время он молчит. Я слышу, как он пишет в своем блокноте и переворачивает страницу.

— Ваша дочь тоже заслуживала смерти, Элли?

Во мне закипает ярость. Я нахожусь на волоске от того, чтобы подхватить сумочку и выйти из комнаты. Но я также понимаю, что стоит на кону: вердикт о виновности или невиновности. Это не предмет для торговли. Я должна делать все, чтобы помочь моей защите выиграть это дело.

— Она была слишком маленькой, — тихо говорю я. — Слишком невинной.

— А как насчет вашей матери?

Мое сердце замедляет ход, и я говорю:

— Моя мать умерла, когда мне было девять лет, доктор. Ее смерть не имеет отношения к этому суду.

— Это сказалось на вашей психике, Элли. Девять лет — очень ранний возраст для утраты матери. Такие события формируют нашу личность, и это имеет большое значение на суде. Все, что может быть использовано против вас, будет использовано.

«Горе может быть чудовищем, которое поглощает человека и губит его. Я это знаю. Мне говорили об этом раньше».

На лужайке за окном девочка падает с качелей. Мать бежит к ней, падает на колени, обнимает девочку и гладит ей голову, утешая ее.

Мои мысли возвращаются к Хлое. К тому, что мы могли иметь. Я думаю о том, чего не получила с моей собственной матерью. О том, как мой отец пренебрегал мною до ее смерти и даже больше — после этого. Ярость снова вскипает в животе и поднимается к пищеводу.

Психолог шевелится; я слышу, как скрипит кожаная обивка его эргономично сконструированного офисного кресла.

— Не хотите ли рассказать мне, что вы помните о смерти вашей матери, Элли? Вы были дома вместе с ней, когда она умерла от передозировки снотворного?

Я резко поворачиваюсь к нему:

— Значит, вот что они собираются сделать? Найти дыры в моей психике? Разбередить старую боль? Расстроить меня и заставить говорить то, что они хотели бы услышать, как вы делаете сейчас?

Но по выражению его лица я вижу, что моя реакция, моя отчужденность и внезапный гнев уже сказали ему большую часть того, что он хотел узнать.

Я скрываю свои тайны.

Но разве все мы не делаем этого?

Раньше

Элли

21 января, более двух лет назад.

Ванкувер, Британская Колумбия

Через неделю после моего унижительного визита в отель «Хартли Плаза» я остановилась на красный свет на городском перекрестке, отвлекшись на мысли о недавней встрече насчет возможной работы. Я несла на лямке за плечом большое прямоугольное портфолио с моими работами. На улице уже начало темнеть, и с низко нависшего неба моросил промозглый дождь. Маленькая девочка, стоявшая рядом, посмотрела на меня снизу вверх. Она наклонила голову и застенчиво улыбнулась.

Улыбка Хлои.

Мое сердце остановилось, потом как будто сложилось внутрь. У меня подогнулись колени, и я едва удержалась на ногах. Девочка крепко держалась рукой в рукавике за руку ее матери.

Это могла быть моя дочь. Эта мать могла быть мною. Сейчас Хлое было бы пять лет... если бы она осталась в живых. Я могла бы до сих пор оставаться вместе с Дугом, в нашем старом доме. Хлоя бы только начала ходить в дошкольный класс по загородной дороге. Я могла бы стоять здесь прямо сейчас и держать ее за руку, собираясь перейти улицу и встретиться с Дугом в его юридической фирме, расположенной лишь в одном квартале отсюда. Мы бы встретились с Дугом во время его перерыва на кофе.

Светофор переключился на зеленый. Мать потянула девочку за собой, и они пошли через улицу вместе с другими пешеходами. Я не могла сдвинуться с места. Я попала в складку времени. Было так, как будто я заглянула в параллельную вселенную и увидела, какой была бы моя жизнь, если бы в тот день я не отпустила руку Хлои среди волн.

Я как-то смогла выйти на дорогу, но светофор уже переключился. Велосипедист едва не врезался в меня и вильнул в сторону оживленного движения. Автомобиль круто обогнул его и загудел.

— Чертова сука! — прокричал велосипедист через плечо. — Куда ты поперлась на красный свет?

Тяжело дыша, я попятилась на тротуар. Охваченная мгновенной паникой, я сжимала и разжимала руки в перчатках.

«Сосредоточься, Элли. Не делай этого снова; только не теряй рассудок. Все пройдет. Это был провоцирующий фактор, триггер ПТСР^[8]. Твой терапевт объяснял, как это устроено».

Я развернулась и пошла по тротуару в ту сторону, откуда пришла. Никакого плана, просто шагай. Быстро. Сосредоточься на ритмичном стуке каблуков. Старайся дышать глубоко и размеренно. Я шла с опущенной головой, не глядя на лица прохожих. Щеки жарко горели. Дождь пошел сильнее, и я решила направиться в книжный магазин возле Гэстауна. Немного посидеть там. Рядом с книжным есть еще винный магазин. Потом я зайду туда и куплю домой пару бутылок. У меня еще остались таблетки; можно принять одну. Расслабиться и как следует выспаться. Завтра все придет в норму.

Я свернула за угол. И застыла.

Мужчина на тротуаре передо мной быстро шел по улице, ведущей под уклон. Мое внимание прежде всего привлекли его светлые волосы, густые и блестящие. Как маяк.

Мартин?

Он носил пальто, подогнанное по фигуре, и держал в руке чемоданчик. Люди расступались перед ним, словно он был черной акулой в море серых оттенков. Он стремительно удалялся от меня.

Мое сердце гулко забило в груди, во рту пересохло.

Я пустилась бежать, расталкивая людей, выходявших из автобуса. Мартин свернул за угол дома и скрылся из виду. Тяжелое портфолио прыгало у меня на спине, ударяя по плечам и задевая прохожих, ругавшихся на меня.

Тяжело отдуваясь, я свернула за угол и остановилась. Моросил мелкий дождь. Потом я снова заметила его. Он находился на полквартила впереди, где тротуар был почти пустым. Я поспешила следом, даже не задумываясь о том, почему я бегу за ним или что я собираюсь сказать, когда догоню его. Если это вообще был он.

Он остановился на перекрестке передо мной в ожидании, когда проедут автомобили. Потом он повернулся и посмотрел прямо на меня.

Я замерла.

Это был он, определенно он. Я вскинула руку в перчатке. Но он глядел мимо меня, сквозь меня, и его лицо оставалось бесстрастным.

— Мартин! — крикнула я и помахала рукой. — Мартин!

Он оглянулся через плечо, словно недоумевая, к кому я обращаюсь.

Потом пересек улицу и исчез у входа в подземную автостоянку.

Потрясенная, я медленно опустила руку. Я была уверена, что это он. Или... может быть, я ошибалась?

Я поспешила вперед и остановилась возле края бетонного пандуса, ведущего в темные недра автостоянки. Оттуда пахнуло холодом и сыростью. Немного помешкав, я спустилась по пандусу на первый подземный уровень и обогнула выпуклую бетонную стену. Оттуда я могла видеть через проем второй подземный уровень. *Мартин*. Он остановился рядом с «Субару Кросстрек» оранжевого цвета. Я уже собиралась спуститься дальше, когда дверь «субару» распахнулась со стороны водителя.

Женщина вышла наружу. Я не видела ее лица. Она носила теплую шерстяную шляпу и шарф, скрывавший ее подбородок. Ее фигура была закутана в пуховое пальто, к тому же свет был очень тусклым. Она поцеловала его, и он положил руку ей на поясницу. Воспоминание о Мартине, точно так же прикасавшемся ко мне, обожгло меня, как огнем. Я попыталась сглотнуть, но не смогла. Женщина обошла вокруг автомобиля и заняла пассажирское место. Дверь захлопнулась. Мартин положил свой чемоданчик на заднее сиденье, уселся в кресло водителя и включил двигатель.

У меня голова шла кругом. На прошлой неделе он сказал, что покидает Ванкувер в понедельник. Менеджер отеля заявил, что человек с таким именем не регистрировался в «Хартли Плаза». Но я видела, как он записал счет в пабе на свой номер. Неужели я схожу с ума?

Автомобиль задним ходом выехал с парковочного места, а затем покатился вперед, направляясь к выезду на улицу. Я запаниковала, оглядываясь по сторонам в поисках укрытия. Дверь справа от меня вела на лестницу. Я открыла ее и вошла внутрь. Когда дверь начала медленно закрываться, «субару» проехал мимо. Мартин смотрел в окошко. Я вжалась спиной в стену, но он увидел меня в дверном проеме. Автомобиль уехал, дверь закрылась.

Я с трудом перевела дух. Возможно, мне это почудилось? Нет. Должно быть, это кто-то еще, а не Мартин. Не доброжелательный австралийский строитель, ищущий спонсора для своего амбициозного проекта в Новом Южном Уэльсе. Не тот мужчина, который любил детей и был так внимателен... мужчина, с которым я занималась сексом в лифте.

Я жестко потеряла лицо ладонями.

Ошибка, не более того. Я совершила ошибку. Этот мужчина был похож на Мартина Крессуэлл-Смита. Можно сказать, его двойник. Такие вещи

случаются, хотя и редко. Должно быть, я попала в какую-то странную внутреннюю реальность после того, как увидела девочку, напомнившую мне о Хлое. Это все объясняет.

Пока я стояла на холодной бетонной лестнице, где воняло мочой, мой телефон зазвонил. Я достала его из сумочки и посмотрела на экран.

Незнакомый номер.

Я приняла вызов дрожащим пальцем и приложила телефон к уху.

— Алло?

В трубке послышался шум статики.

— Элли... алло! Ты... ты меня слышишь?

Я заморгала, испытывая слабость в ногах. Выглянула через крошечное окошко на лестнице, как будто автомобиль мог все еще находиться на улице. Но там ничего не было. Я находилась в полном смятении.

— Ты слышишь, Элли? Это Мартин. Я набрал правильный номер?

— А, я... да. Да, это Элли. Э-ээ, ты можешь секундочку подождать? Просто я... в магазине, оплачиваю покупки, — я прижала телефон к пальто, приглушив звук, и немного подождала, собираясь с силами, пытаюсь привести мысли в порядок и надеюсь, что мой голос будет звучать нормально. Потом снова приложила телефон к уху. — Прошу прощения.

— Прежде чем ты что-то скажешь, Элли, я хочу сказать: мне очень жаль, что я до сих пор не мог ответить на твои звонки. У меня стащили телефон в аэропорту Хитроу — где-то между закусочной, баром и самолетом. Там были твои контакты. Мне пришлось подождать, пока я не вернулся домой и не смог перезагрузить историю звонков и другую контактную информацию.

— Где... — Мой голос пресекся. Я распахнула дверь и снова посмотрела на нижний уровень подземной парковки. Место, где стоял оранжевый «субару», оставалось пустым. Мои мысли разбежались в разные стороны. Я кашлянула и спросила: — Где ты?

— Аэропорт Сиэтл-Такома. Скоро начинается посадка на рейс до Ванкувера. С тех пор, как мы встретились, я совершенно закрутился среди деловых совещаний. Я скучаю по тебе.

Я моргнула.

— Я... это так странно.

— Что странно?

— Мне показалось, я только что видела тебя.

— Где?

— Здесь, в Ванкувере. В центре города.

Он добродушно рассмеялся. Все в Мартине как будто излучало

добродушие. Уже знакомое чувство влечения и приязни клубочком свернулось во мне.

— Должно быть, у меня есть двойник. Через несколько часов мой самолет приземлится в Ванкувере. Я пробуду там два дня. Можно ли будет встретиться с тобой завтра вечером, Эль? Может быть, за ужином? Я знаю особенное местечко в Дип-Коув. На этот раз мне хотелось бы провести с тобой побольше времени.

— Я... мне это нравится.

Мы договорились встретиться в ресторане, а потом он положил трубку. Все еще ошеломленная, я стояла на вонючей и холодной лестнице, пытаюсь сгруппироваться. Слова моего предыдущего психотерапевта эхом отдавались в моей голове.

«Мы идем по жизни слепыми, глухими и непонимающими, поэтому истории, которые мы себе рассказываем, складываются из нашего искаженного восприятия. Мы заполняем бессмысленные пробелы, потому что хотим во что-то поверить».

Так оно и было. Мне так не терпелось увидеть Мартина, что я поверила в обман.

Раньше

Элли

22 января, более двух лет назад.

Ванкувер, Британская Колумбия

— Боже мой, Эль, ты отлично выглядишь. Еще лучше, чем я помню!

— А ты... ты был на солнце. Откуда этот загар?

Я узнала Мартина в тот момент, когда увидела его сидящим за столиком у окна и поняла, что это не тот Мартин, которого я видела вчера. Двойник не имел такого загара, и у него были длинные волосы. Лицо Мартина было бронзовым от южного солнца, и он носил короткую стрижку. Он выглядел замечательно. Все мои внутренние сомнения испарились, когда он встал и поцеловал меня в губы.

— Испания, — сказал он, наливая вино в мой бокал. — Пять дней на яхте в Марбелье.

Он широко улыбнулся, блеснув белыми зубами на загорелом лице.

— Даже зимой в Средиземноморье бывает потрясающая погода, — он поставил бутылку в ведерко со льдом. — Надеюсь, тебе понравится. «Пино гри» «Слокан-Хиллс»; это маленький виноградник в...

— Знаю, в Оканагане. Кстати, это одно из моих любимых вин.

Последний раз я пила это вино за счет моего отца в баре «Маллард». Две бутылки за один присест.

— В таком случае, я горячо одобряю твой вкус, — он поднял свой бокал. — За встречу! Я рад, что ты смогла приехать, Элли. Рад, что ты не поставила на мне крест.

— Я тоже рада, — мы чокнулись. — Эта поездка в Марбелью была для отдыха или для бизнеса?

Я отпила глоток и почувствовала, как восхитительное тепло растекается в груди.

— Для бизнеса. Тем не менее мне удалось заниматься делами на яхте моего друга. Испанский финансист готов поддержать мой проект строительства речного вокзала в Новом Южном Уэльсе. Теперь пора переходить от слов к делу.

— Мои поздравления.

— Я знал, что так и будет, но тем больше причин отметить это!

Я раскрыла меню, но Мартин накрыл мою руку ладонью.

— Я уже сделал заказ.

— Какой?

Он улыбнулся.

— Мы сможем изменить его, если захочешь, но я заказал буйабес^[9] для нас обоих. Это местное фирменное блюдо, и я хочу, чтобы ты его попробовала, Элли, — он сделал паузу. — Кроме того, у меня есть причина.

Я почувствовала смутное беспокойство.

— Что за причина?

Он лукаво улыбнулся.

— Об этом потом; сначала мы поедим. Если блюдо тебе не понравится, придется выбрать другую стратегию.

Я поставила бокал на стол.

— В сущности, у меня тоже есть причина для желания встретиться с тобой, — я достала маленькую коробочку и положила ее на стол между нами.

В его взгляде мелькнула озабоченность.

— Открой ее, — предложила я.

Мартин открыл коробочку. Его золотая запонка переливалась в мерцающем свете свечи. Он поднял голову и встретился с моим взглядом.

— Ты уронил ее в лифте, поэтому я и позвонила тебе. Я хотела, чтобы ты знал, что она у меня, — на тот случай, если это памятная вещь для тебя.

Он вынул запонку.

— Спасибо. Но я надеялся, что ты позвонишь, потому что...

— Рано утром в понедельник я пришла в отель, чтобы вернуть ее тебе, — быстро добавила я, чтобы не спасовать перед ним.

Он пристально посмотрел на меня. Я внимательно наблюдала за его лицом.

— Тебя там не было, Мартин. Ты не зарегистрировался в отеле.

Он слегка прищурился.

— Вот как? Ты уверена?

— Абсолютно уверена.

Когда мой тон изменился, он плотно сжал губы.

— Вероятно, Гертруда зарегистрировала нас от лица моей компании.

— Гертруда? — я почувствовала, что краснею.

— Моя личная ассистентка, — он как-то странно посмотрел на меня. — Все в порядке, Элли?

Я опустила глаза и повертела бокал в руке, чувствуя себя идиоткой.

— Она... то есть, Гертруда сопровождает тебя в твоих поездках?

— Иногда, в зависимости от поездки. Она сопровождала меня в Ванкувере; я нуждался в ее содействии для разных поручений, в том числе для развлечения жены испанского инвестора. Это оказалось весьма полезно — в Марбелье я плавал на его яхте.

— Ах... это хорошо, — я кашлянула и отвернулась. Мне не хотелось рассказывать ему, что я пыталась допросить еще и дежурного из бара «Маллард». Но это объясняло, почему бармен Рок мог видеть там Мартина вместе с этой женщиной.

Появление официанта избавило меня от дальнейшего замешательства. Он поставил на стол две тарелки с горячим буйабесом, две розетки с соусом руйе^[10] и ломтики хрустящего хлеба, поджаренного на гриле. Когда он ушел, Мартин взял коробочку с запонкой и убрал ее в карман.

— Может быть, я специально уронил ее.

— Прошу прощения?

Он изогнул светлую бровь.

— Может быть, я обронил запонку, как хрустальную тувельку на балу, в надежде, что ты вернешься и найдешь меня.

Я рассмеялась — наверное, слишком громко, — но облегчение сделало меня беззаботной.

Буйабес был сказочно вкусным. Мы заказали еще вина и побеседовали о живописи: о художественных галереях, которые он посещал в Европе, и о картинах, которые ему нравились. Он показал мне фотографию картины, недавно купленной для его офиса в Торонто, где она была повешена с наиболее выгодным углом освещения, и я узнала интерьер этого офиса со скриншота, все еще хранившегося в моем телефоне. Мне понравилось, что Мартин разделял мою страсть к живописи и мог поддержать разговор на эту тему; Дуг никогда не проявлял интереса к этому.

Когда принесли кофе и десерт, Мартин сказал:

— Я все рассказал тебе о моей семье, но очень мало знаю о твоей семье, Эль. Когда я упомянул о том, что разочаровал моего отца, ты сказала, что понимаешь, и как будто была уверена в этом.

Я колебалась. События всегда начинали развиваться по непредсказуемой траектории, когда люди узнавали, что я была дочерью Стерлинга Хартли, которой предстояло унаследовать миллиарды долларов. Возможно, я слишком долго ждала, прежде чем рассказать Мартину, и теперь опасалась, что это будет выглядеть неприлично. Так или иначе, после некоторого раздумья я решила сначала рассказать о моей матери.

— Она умерла, когда мне было девять лет, — я отпила глоток эспрессо. — Она была алкоголичкой и злоупотребляла рецептурными препаратами. В итоге она покончила с собой.

Его ложка с десертом остановилась в воздухе. Я что-то прочитала в его взгляде... Беспокойство. Я пугала его. Возможно, он гадал, унаследовала ли я гены психопатического поведения. Может быть, и так. Разумеется, сейчас я не собиралась говорить ему, что сама страдала от клинической депрессии и на несколько месяцев погрузилась в крошечный туман из медикаментов и алкоголя после того, как утонула Хлоя. И что меня несколько раз госпитализировали из-за проблем с психикой. Я также понимала, что стоит мне упомянуть имя моего отца, как он может вспомнить все, что ему приходилось читать в газетах о дочери Стерлинга Хартли.

— Мне жаль, Элли, очень жаль.

— Это было давно.

— Когда испытываешь такие вещи в раннем возрасте, они остаются жить в тебе. Я знаю.

Я кивнула, ощущая внутреннюю связь с ним. Он накрыл мою руку ладонью.

— А что твой отец? Он снова женился?

— Сомневаюсь, что это когда-то произойдет. Он вечный Питер Пэн — Стерлинг Хартли.

Мартин молча уставился на меня, потом тихо выругался.

— Конференция «Агора»... ты не упоминала о нем, когда я сказал, ради чего приехал в «Хартли Плаза». Боже мой, этот отель назван в честь твоего отца, и ты не упомянула об этом? — он рассердился. В его голосе зазвучали резкие нотки. — Почему?

— Потому что тогда мы только что познакомились, Мартин. Ты мне понравился, и я хотела, чтобы ты узнал меня как человека, а не как дочь моего отца. Если и была какая-то возможность, что мы встретимся снова, я хотела, чтобы это было из-за твоего расположения *ко мне*. Когда люди узнают, что я его дочь... то все изменяется. Как сейчас.

— Господи, — он отодвинулся и жадно схватил свой бокал. Теперь он рассматривал меня словно какой-то лабораторный образец в чашке Петри. Я почти видела, как работает его мозг, складывая воедино разные фрагменты.

— Мне жаль, но... пожалуйста, Мартин, не дай этому разрушить всё, что было между нами. Хорошо?

Его черты оставались непроницаемыми, а потом он вдруг широко

улыбнулся и рассмеялся. Он смеялся громко и долго.

— У меня был секс с ребенком Стерлинга Хартли в лифте его отеля, — выдавил он между приступами хохота. — Просто не могу поверить!

— С его *ребенком*? — Я бросила салфетку на стол. — Мне пора идти.

— Нет... нет, Эль. Пстой, не уходи, — он вытер глаза. — Слушай, мне это нравится. Прошу прощения за мой французский, но твой папаша — первоклассный говнюк, социопат с глубоко развитым нарциссизмом. Покажите мне газету, журнал или пост в Twitter, где не говорится об этих вещах в связи с надменным миллиардером Стерлингом Хартли. Все эти многообещающие карьеристы на конференции «Агора» знают это, но помалкивают и никогда не скажут это ему в лицо. А все потому, что при этом он еще и богатый ублюдок, окруженный магией богатства и имеющий достаточно денег, чтобы делать других богачами.

Я отодвинула стул.

— Элли...

Я встала.

— Послушай, Мартин: может быть, я недолюбливаю моего отца. А может быть, я люблю его. Ты подумал об этом? Может, он и такой, как ты говоришь, но он — единственная реальная семья, какая у меня есть. Если ты смеешься над тем, что поймел его только потому, что поймел меня в том лифте...

— Элли... — Его лицо стало серьезным, и он аккуратно взял в руку мое запястье. — Мне жаль. Пожалуйста, пожалуйста, прости меня. Садись, прошу тебя.

Я с тяжелым чувством смотрела на него. У меня возникло подозрение, что он уже знал, кто я такая, когда столкнулся со мной в вестибюле.

— Почему ты на самом деле пригласил меня на ужин, Мартин? — медленно и тихо спросила я. — Это какая-то игра для тебя?

Он тихо выругался, но я услышала.

— Нет, Эль. Вовсе нет. Пожалуйста, сядь и выслушай меня.

Я опустила на краешек стула.

— Слушай, та причина, о которой я упомянул в связи с буйабесом... Я собираюсь отправиться в восьминедельную деловую поездку по Европе. Одна из остановок будет в Ницце, где есть маленький ресторан, и там подают самый роскошный буйабес на свете. Я хотел дать тебе настроение, чтобы ты попробовала этот вкус... Ты поедешь?

— Что... Что ты имеешь в виду?

— Поедем со мной, Элли. В Европу.

— *Что?*

Он подался вперед и обхватил ладонями мои руки. Пока он говорил, он нежно поглаживал мои запястья большими пальцами.

— Я уезжаю в пятницу, и мне крайне неприятно, что я не смогу увидеть тебя почти два месяца. Поедем вместе.

— Я не могу. У меня работа... новый контракт.

— Разумеется, — он отпустил мои руки и откинулся на спинку стула.

Мой мозг бешено работал, пока я торопливо составляла каталог моих обязательств: проекты фриланса, контракты, дедлайны. Я вспоминала свои чувства, когда он просто исчез из моей жизни после того вечера, и мне вдруг не захотелось отпускать его.

— Тогда как насчет того, чтобы провести со мной хотя бы часть поездки? — спросил он. — Может быть, несколько дней в Риме? В Венеции? Или... — Его глаза заблестели от неожиданной идеи. — Как насчет нескольких дней на островах Кука в конце поездки?

— Это на другом конце света от Европы.

— Ну и что? Кому какое дело? Аитутаки... это потрясающий курорт на берегу лагуны. В нашем распоряжении будут целые пляжи, Элли! Маленькое бунгало со всеми удобствами и первоклассным обслуживанием, еда прямо из моря. Солнце, тепло каждый день. Кому не хочется больше солнца в это время года?

Мысли лениво кружились у меня в голове. Концептуальные эскизы. Установленные даты. Возбуждение нарастало.

Мартин снова подался вперед; с трудом удерживаемая энергия сгустилась вокруг него, как электричество, и я осознала, насколько она заразительна. Она потрескивала на моей коже.

— Возможно, ты захватишь свои проекты? Сможешь работать над иллюстрациями, пока я буду посещать деловые встречи? А потом мы будем встречаться за ужином?

— Мартин, я...

— Знаю, это безумие, — он провел рукой по своим густым волосам, и в свете свечи на его запястье блеснули баснословно дорогие часы «Ролекс Дейтона», — я загуглила эту марку. Я знала, сколько стоят эти часы. И запонки тоже; я нашла маленький штамп с пробой золота на внутренней стороне. Я была не вполне уверена, почему я делаю это. Возможно, потому, что мне нужно было знать: у него есть собственное богатство. Так у меня складывалось впечатление, что он не стремится к моему богатству.

— Поездка будет за мой счет, Элли. Обо всем позаботятся. Гертруда бронирует жилье по маршруту и составит список необходимых вещей. Это будут лучшие отели и пансионы, потому что, откровенно говоря, я

люблю путешествовать с комфортом.

Я сглотнула. Я думала о солнце и кристально чистой воде лагуны. О возможности быть рядом с этим мужчиной. И о сексе. Море секса.

Это твой выбор. Твоя история. Выбери свое повествование.

Разве это могло обернуться плохо?

Наблюдатель

На другой стороне дороги от ресторана в Дип-Коув, под безлистным деревом с корявыми ветвями, в темном автомобиле сидел Наблюдатель, наблюдавший за освещенными окнами старомодного ресторана. Внутри было холодно, но двигатель, постоянно работающий на холостых оборотах для обогрева салона, мог привлечь нежелательное внимание. За одним окном можно было видеть Мартина Крессуэлл-Смита и Элли Тайлер; на столе между ними мерцал огонек свечи. Романтическая золотистая сцена в обрамлении зимней тьмы. Мартин нагнулся над столом и положил ладони на щеки Элли. К столу подошел официант с чеком.

Наблюдатель потянулся к камере на пассажирском сиденье, снял перчатки, сфокусировал кадр и щелкнул затвором.

Через несколько секунд ко входу в ресторан подкатило желтое такси. Мужчина и женщина вышли, кутаясь в пальто от холода. Мартин положил руку на спину Элли, наклонился и что-то прошептал ей на ухо. Элли рассмеялась, откинув голову и обнажив белую шею; ее длинные волосы переливались темным водопадом в свете фонаря. Наблюдатель сделал два снимка.

Молодые люди сели в такси, которое сразу же тронулось с места.

Наблюдатель завел свой автомобиль и поехал следом за такси. Покрышки шуршали на палых листьях и заиндевевшем асфальте. Снежинки поблескивали в свете фар.

Такси пересекло мост Лайонс-Гейт и повернуло в сторону фешенебельных жилых кварталов. Оно остановилось возле нового многоквартирного дома, находившегося в собственности «Группы компаний Хартли». Рука Мартина Крессуэлл-Смита снова легла на поясницу его спутницы. Жест собственника. Наблюдатель взял камеру.

Щелк, щелк, щелк.

Они вошли в дом и скрылись из виду.

Наблюдатель сосчитал этажи и стал ждать.

Через несколько минут в квартире на двенадцатом этаже включился свет. За окном появились мужчина и женщина: они целовались, сбрасывали пальто, расстегивали рубашки. Наблюдатель довел до предела оптическое увеличение телеобъектива и дважды щелкнул затвором. *Клик, клик.* Пара скрылась из виду, свет потускнел. Наблюдатель ждал. В автомобиле снова стало холодно.

Свет в квартире погас.

Игра началась.

Наблюдатель протянул руку и включил зажигание.

Раньше

Элли

Март, почти два года назад.

Острова Кука

Ветер дул мне в лицо, когда я вцепилась в руль скутера и устремилась за скутером Мартина через плантацию на островах Кука. Мысленно я цеплялась за каждую минуту наших странствий, прежде чем придется вернуться на холодное и промозглое северо-западное побережье Тихого океана, к моей прежней жизни.

Это был великолепно. Катание на лыжах в Австрии и сеансы терапии, пока Мартин встречался с деловыми людьми. Короткий визит в Хорватию. Неделя на вилле в Марбелье, на испанском побережье Костадель-Соль, когда Мартин проводил совещания на яхте своего друга, а я делала эскизы перед окнами, распахнутыми навстречу морскому бризу. Две недели в Ницце, где мы наслаждались знаменитым буайбесом в том ресторане, о котором Мартин рассказал мне за ужином в Дип-Коув. Мы чередовали шопинг с посещением музеев и художественных галерей. Мартин купил мне изысканные венецианские бусы. Он не позволял мне платить ни за что, и я любила его за это. Я была готова снова находиться рядом с мужчиной, который обходился со мной, как с принцессой. С мужчиной, который не охотился за моим трастовым фондом. Я дорого заплатила за утрату Хлои. Я упорно трудилась над тем, чтобы вернуться к подобию нормальной жизни. Пришло время испытать что-то хорошее, побывать в прекрасных местах. Я имела право на счастье, не так ли? Разве не каждый имеет такое право?

Мы сделали несколько плавных поворотов на взятых напрокат скутерах и выехали к лагуне с сахарно-белым песчаным пляжем. Там мы оставили скутеры и разложили пляжные коврики вместе с небольшим набором для пикника, который был предоставлен сотрудниками курорта.

Тепло волнами исходило от песка, пока мы ели и пили вино.

Когда Мартин поцеловал меня, мощный прилив чувства, зародившегося внутри, подступил к моему горлу, формируя слова на губах:

Я люблю тебя.

Я едва не произнесла эти слова вслух, но удержала их при себе, как обычно делала с тайными и приятными вещами. Я была осторожной, и эта мысль неожиданно напомнила мне об отце.

«Элли пассивна... Тихоня, о которых люди обычно не беспокоятся. Как змея в траве».

Мартин откинул мне волосы с лица и заглянул в глаза. Я посчитала, что увидела в его взгляде те же самые слова: *Я люблю тебя*. Мое сердце сжалось от счастья. На каком-то уровне я знала, что это действие природных наркотиков — эндорфинов. Нейрохимический любовный коктейль. Вызывающий привыкание, потому что мне хотелось еще.

Мартин встал и спустил шорты.

— Пойдем поплаваем?

Я заколебалась. Моя внутренняя музыка вдруг стала дисгармоничной, словно фальшивые ноты на фортепиано. Страх, холодный и черный страх змеей извивался во мне.

Он увидел выражение моего лица.

— Элли?

— Я... — У меня неожиданно перехватило горло.

Он опустил обратно. Его лицо приобрело озабоченный вид, пока он щурился под ярким солнцем.

— Знаешь, я ведь даже не спросил тебя, любишь ли ты плавать.

«Ты еще многого не знаешь обо мне, Мартин. А когда узнаешь, захочешь ли ты, чтобы я оставалась рядом с тобой?»

— Тебе нравится? — спросил он. — Я имею в виду плавать.

Я невесело рассмеялась. Мир качнулся куда-то вбок, и собственный смех показался мне отвратительным стрекочущим шумом у меня в голове. Демон воспоминаний поднял голову и соленой волной захлестнул меня. Я почувствовала руку Хлои в моей руке. Я ощутила, как она выскользывает из моих пальцев.

— Мне пока не хочется в воду, — сказала я. — Но ты иди, а я посмотрю.

— Здесь жарко, как в печи, — возразил он. — Посмотри на себя: ты вся блестяешь от пота, лицо покраснело. Разве тебе не хочется освежиться? Пошли, — сказал он. Он потянулся за моей рукой и поднял меня на ноги, этот золотистый, почти обнаженный полубог в мужском облике. — Здесь нет волн. Нет течений. Нет акул и другой крупной живности. Это лагуна, Элли. Вода будет доходить тебе до талии, максимум до плеч. Я поддержу тебя, если ты испугаешься.

«Нет волн. Нет волн, нет волн, нет сильных течений».

— Я... раньше я плавала, — сказала я. — Много плавала. Я была хорошей пловчихой и выступала за школьную команду...

Мой голос стих, когда я смотрела на ширь солоноводной лагуны. Я слышала грохот волн, но они были далеко, за пределами рифа. Они также грохотали в моей памяти. Он попытался отвести меня к воде, но я уперлась. Я ничего не могла с собой поделать.

Мартин нахмурился, пожал плечами и сказал:

— Ну ладно, садись. Поговори со мной, Эль, — он опустился на коврик и привлек меня к себе.

Мы довольно долго сидели в молчании, соприкасаясь бедрами. Солнце уже находилось в зените. Я потела, а он терпеливо ждал. Если я хотела быть с ним — а я верила, что это так, — мне нужно было рассказать ему, иначе в конце концов он сам все выяснит.

— Я знаю, Элли, — мягко произнес он. — Я знаю о бухте Ваймеа и о том, что там случилось.

Я закрыла глаза от жгучего солнца и палящей вспышки эмоций. Разумеется, черт возьми, он знал. Я же гуглила информацию о нем после нашего знакомства! А после того, как я призналась ему, что являюсь наследницей Хартли... Кто бы не заинтересовался старыми газетными сенсациями? Вероятно, он ждал, пока я сама все не расскажу. На моих условиях. Я снова почувствовала себя полной идиоткой.

— Здесь нет волн, — повторил он. — Но я пойму, если ты не захочешь заходить в воду. — Он поправил волосы у меня за ухом, специально распущенные, чтобы скрыть мой стыд. — Океан вернул твои воспоминания об этом, да?

Я кивнула.

— Горе — это странная вещь.

— Знаю. Но некоторые люди каким-то образом преодолевают его и движутся дальше.

— Иногда так просто кажется со стороны.

— Да, но... Может быть, это потому, что я испытываю чувство вины. За то, что не была лучшей матерью. Мой старый психотерапевт считал, что неразрешенное чувство вины создает плохой прогноз для преодоления чувства утраты. Возможно, так и случилось.

— Ты хочешь рассказать мне своими словами, что тогда произошло?

Я посмотрела на воду, усеянную солнечными бликами. Такую мирную и безмятежную.

— Ее звали Хлоей, — тихо сказала я и покосилась на него. — Но ты

уже знаешь об этом, не так ли?

Он кивнул.

— Тогда тебе известно, что ей было три года.

Я помедлила. На самом деле говорить об этом с Мартином оказалось легче, чем я думала. В нем было что-то, побуждавшее меня к общению, к разговорчивости и откровенности. Он хорошо умел слушать и делал это беспристрастно, без осуждения.

— Мы, то есть я и мой бывший муж Дуг, отец Хлои, отправились в отпуск на Гавайи. Предполагалось, что это будет чудесное время, проведенное в семейном кругу. Мой отец и его тогдашняя подруга собирались присоединиться к нам, а родители Дуга уже находились там. Мы вместе с Дугом и его родителями взяли напрокат автомобили и поехали на западное побережье Оаху, где остановились в бухте Ваймеа, которая славилась своим серфингом.

Он кивнул. Я продолжала, тщательно произнося слово за словом:

— Море было невероятного бирюзового цвета, с каймой белой пены. Словно кружево на воде, — я посмотрела на лагуну, слушая отдаленный грохот прибоя на рифах. Пот струился у меня по бокам и стекал в ложбинку между грудями. — Абсолютно безоблачное небо. Жарко, как здесь. Мы купили ананас и остановились на пляже, чтобы съесть его. Там было еще несколько человек, в основном спасателей. Люди плавали между флажками. Волны большие, но гладкие и ровные. Небольшой мол на берегу.

Я сделала паузу, собираясь с силами.

— Дуг вошел в воду; он собирался заниматься бодисерфингом^[11]. Но кто-то должен был следить за Хлоей, поэтому я осталась на пляже вместе с ней. Под палящим послеполуденным солнцем. Было слишком жарко для матери Дуга, поэтому они с его отцом уехали найти место для ленча. Казалось, что Дуг готов вечно оставаться в воде. Хлоя становилась раздражительной, и мне тоже хотелось поплавать. Дуг всегда... — я замолчала и откашлялась. — Я решила взять ее с собой. Там, в воде, были и другие дети. И спасатели находились рядом. Мы оставались на отмели. Это было весело: мы лежали на спине, смеялись и брызгались друг в друга. Потом зашли чуть глубже, и я вдруг потеряла опору под ногами. Там было какое-то углубление на дне, и я стала работать ногами. Я держала Хлою за руку и начала плыть боком, пытаюсь вернуться на пляж, но тут нас подхватило течение. Мощное течение. Оно как будто появилось из ниоткуда. Я сильнее заработала ногами, поддерживая голову Хлои. Она хихикала, но у меня началась паника. И тут вдруг на нас обрушились

прибойные волны. Первая волна была огромной. Она поглотила нас, но мы выплыли за ее гребнем, целые и невредимые. Следующая волна затянула нас в воду и принялась вращать, как в стиральной машинке. Я...

Мои руки задрожали. Воспоминания начали расплываться, темнеть и складываться. Прятаться. Снова затягивать меня во тьму. Я видела лицо Хлои в молочной подводной кипени. Ее рот был раскрыт, как будто она звала меня, волосы плавали вокруг ее лица. Я ощущала ее руку в моей руке. Ускользящую, когда море оторвало ее от меня.

— Я старалась удержать ее. Старалась изо всех сил. Но я не знала, где верх и низ, и мне не хватало дыхания. Ее тельце было скользким от солнечного лосьона. словно рыбка. Ее вырвало у меня из рук. А когда я всплыла, повсюду была бушующая пена, соленая вода, волосы залепили мне глаза, я задыхалась, и... — болезненный комок, застрявший в горле, заглушил мои слова. Я молча сидела и тяжело дышала.

Мартин накрыл мою руку; он тоже молчал, давая мне время и место. Никаких суждений о моих чувствах. Я со свистом втянула воздух в легкие.

— Я кричала и ныряла, я искала, и... спасатели вытащили меня на берег. Я была в истерике и выкрикивала имя Хлои. В море вышли гидроциклы и весельные лодки. Потом появился Дуг. Он бегал по пляжу. Он... он кричал на меня и спрашивал, за каким дьяволом я поперлась так далеко. Разве я не видела предупреждений о приливных течениях? Почему я не осталась в зоне флажков? Разве я не понимала, что условия могут измениться в любую минуту? — Я вытерла пот и судорожно вздохнула. — Катера вышли на поиски, вертолет поднялся в воздух. Была запущена полномасштабная спасательная операция. Но прибой был очень высоким. Ты не поверишь, какие большие волны могут быть в этом месте. Они за секунду меняются от пологих до высоких и убийственных. А на следующее утро она... ее... Моя маленькая Хлоя, моя трехлетняя малышка, — ее истерзанное и окровавленное тело нашли на скалах.

По моему лицу текли слезы, превращавшие крем от загара в жуткую массу с химическим мыльным привкусом у меня на губах.

— Я была во всем виновата, Мартин. Дуг дал мне понять это. Он больше не любил меня и не прикасался ко мне после этого. Он обожал Хлою. Ее утрата погубила наш брак. Дуг возненавидел меня, а я превратилась в ужасный призрак себя, умолявший, чтобы его ненавидели. Я стала безобразным и жирным вместилищем для горя и жесточенности, и я дошла до точки, когда мне хотелось свернуться клубком и умереть.

Он кивал, глядя на горизонт.

— Это предшествовало... таблеткам? Самолечение и спираль вины?

— Значит, ты читал об этом... разумеется, ты это сделал.

Он сокрушенно улыбнулся.

— После нашего ужина в Дип-Коув. После того, как ты сказала, что Стерлинг — это твой отец. Признаться, я кое-что посмотрел по этому поводу.

— Да, — тихо сказала я. — И мне ненавистно, когда все лицемерно советуют признаваться в своих психических расстройствах, чтобы избавиться от клейма жертвы, но тем не менее всегда осуждают людей с психическими расстройствами. Люди шепчутся и сплетничают у тебя за спиной. Ты становишься посмешищем, или назойливой пьяницей, или наркотизированной психопаткой, которая не может спасти свою внешность или удержать мужа, которого нельзя винить в том, что он уходит от нее. Ты превращаешься во фрика, не способного пережить трагедию из-за побочного ущерба, который лишь усугубляет положение. Ты превращаешься в лакомую пищу для газетных заголовков. Гораздо легче заболеть пневмонией, получить инфаркт или сломать ногу. Такое состояние удобно для людей. Это они понимают, — я с силой втянула воздух в легкие. — Вот видишь? Нам нужно поговорить о психическом здоровье.

Он промолчал. Я смотрела на его профиль в ожидании вердикта.

— Теперь ты ненавидишь меня? — тихо спросила я.

— Иди сюда, Эль.

Он обвил меня руками и обнял. Просто обнял. Наши разгоряченные тела были липкими от пота и лосьона от загара. Но его запах и массивность его тела были утешительными для меня. Он погладил мои волосы и поцеловал меня в губы.

— Я люблю тебя, Элли Тайлер, — прошептал он. — Я чертовски люблю тебя, и мне жаль, что тебе пришлось пройти через это. Ты хороший человек. Дорогой, удивительный, чуткий и творческий человек. И это не должно было случиться с тобой, и я ума не приложу, как отец Хлои мог бросить тебя после этого, после того, что вам пришлось вынести.

Я рыдала, пока он обнимал меня, мое тело сотрясалось в крупных, резких, припадочных конвульсиях. Я позволила этому случиться. Это было подобно кровопусканию, очищению, выпуску чудовищного пара, накопившегося в моей душе. Рассказать обо всем Мартину и чувствовать, что он по-прежнему обнимает меня — это было лучше любой терапии. Никакая терапия не могла бы сравниться с этим. Я как будто вернулась домой. Вместе с ним я находилась в безопасности. Он понимал и принимал это.

— Поэтому ты не хотела плавать со мной? — спросил он, когда я

наконец успокоилась.

Я кивнула.

— Но на самом деле речь идет о морском прибое, правда? О высокой воде, водоворотах и сильных течениях, о больших волнах, которые заставляют чувствовать себя беспомощной?

Я шмыгнула носом, высморкалась и снова кивнула.

— Значит, мы можем с этим справиться. Смотри. Эта лагуна окружена стеной песка и коралловым рифом. Здесь тихо, как в ванне. Никаких течений. Никаких акул. Она мелководная. На поверхности нет даже ряби от ветра. Думаю, если мы войдем вместе и тебе не станет плохо, это будет большим шагом вперед. Ты готова попробовать... вместе со мной?

Я закусила губу и кивнула. Время пришло — время вернуться в море. Пора сделать шаг. Мне хотелось победить ощущение беспомощности, заставить его уйти. Это будет первым шагом, и очень мощным, если я смогу.

Вместе с Мартином, державшим меня за руку, мы вошли в лагуну. Вода была теплой и шелковистой. Мы зашли по колено, потом по пояс. Да, он был прав: здесь не было волн или сильных течений. Мы покачивались и обнимались, — он голый, я в бикини. Он поцеловал меня, и я улыбнулась, потом рассмеялась. Он крепко обнял меня, потом развязал верх бикини и стянул трусики.

Мы занялись любовью на мелководье. В отместку за мои дурные воспоминания.

Потом мы поплавали, не выходя на глубину: я могла встать в любом месте, где хотела. Мои конечности расслабились, на душе полегчало. Это было чистым блаженством.

Мы вместе вышли из воды и рука об руку побежали к пляжным коврикам. Потом лежали на спине с переплетенными пальцами.

— Спасибо тебе, — прошептала я, глядя в немыслимо голубое небо. — За то, что выслушал меня, — я перекатилась на бок и провела пальцем по его животу в сторону пупка. — Думаю, я правда люблю тебя, Мартин Крессуэлл-Смит.

* * *

Позже в тот вечер, когда я сидела перед зеркалом и наводила красоту на вечер, Мартин принес мне бокал вина. Он поцеловал меня в лоб.

— Должно быть, это было ужасно, когда они нашли ее маленькое тело,

разбитое о скалы и рифы. Полицейские допрашивали тебя так, словно ты была во всем виновата. Как будто ты умышленно отпустила ее. Мне так жаль, Элли.

Я похолодела.

Потом я смотрела, как он пошел в ванную и принял душ. Пальмовые вайи снаружи шелестели и лепетали над крышей нашего бунгало под порывами вечернего ветра.

— Разве я говорила, что полицейские допрашивали меня? — спросила я за ужином. Мне было известно, что это не попало в газеты, по взаимной договоренности с полицией. Они сдержали слово.

— Да, — он выглядел озадаченным.

Я впиалась в него взглядом. Он даже не сморгнул.

— Я полагаю... Я... — Мой голос пресекся, и я потянулась за бокалом.

Выражение его лица перешло от озадаченности к озабоченности с такой скоростью, что я испытала мгновенную панику. Что это, мини-провал в памяти? Вот как это начинается. В глубине своей темноты я даже не помнила, как пырнула Дуга ножом, когда обнаружила его с той женщиной в ресторане. Но я точно знала, что сделала это, потому что это попало на запись камеры безопасности, и там было множество свидетелей, снимающих на мобильные телефоны.

— С тобой все в порядке, Эль?

— Да. Да, ничего особенного.

— Уверена?

— Да. Можешь передать соль?

В ту ночь я лежала без сна, пока жаркий ветер гнул пальмы на улице, а муслиновые занавески бились и трепетали на террасе. Где-то далеко гремел гром. Я вспоминала полицейский участок на Гавайях. Голос следователя: *«Вы умышленно отпустили ее руку? Почему вы завели ее в воду?»*

Я резко выпрямилась с сильно бьющимся сердцем и посмотрела на Мартина. Его лицо казалось голубоватым в лунном свете, падавшем через световой люк на крыше. Он спал и ровно, мерно дышал. Тревога холодной рукой стиснула мне горло.

«Я никогда бы не рассказала Мартину про копов... Неужели?...»

Раньше

Элли

Апрель, почти два года назад.

Ванкувер, Британская Колумбия

Мы с Даной сидели на диване в моей квартире, закинув ноги в носках на кофейный столик.

— Как в старые добрые времена, — сказала она, когда мы сдвинули бокалы. Она принесла закуски, мы сделали попкорн, а я обеспечила вино. Сейчас мы смотрели второсортный фильм ужасов. Дана стеснялась приглашать меня к себе; по ее собственному признанию, в ее квартире царил бардак, а у меня с балкона открывался потрясающий вид на город.

Я находилась дома уже больше трех недель, но все еще была не в своей тарелке после нашего путешествия; мне никак не удавалось одолеть нарушение суточного ритма, я испытывала трудности со сном, не могла как следует сосредоточиться на работе и вспоминать разные вещи. Я чувствовала себя немного помешанной. Мартин несколько раз приезжал ко мне и оставался на ночь, но потом вернулся в Торонто. Тем не менее он звонил каждый вечер и говорил, что беспокоится обо мне. Я страдала от его отсутствия, и мне не хватало приливов адреналина, которые я испытывала в его обществе. Глубоко внутри это было нечто большее: меня снедал неотступный страх, что между нами все кончено, что он получил свое, устал от меня и готов завести новый роман. Мой отец всегда так делал.

Ближе к концу фильма, когда мы пребывали в блаженном тумане легкого опьянения, зазвонил мой телефон. Я посмотрела на экран.

Мартин.

Мое сердце дало резкий толчок.

— Мне нужно принять этот вызов, — сказала я и босиком пошла в спальню.

— Кто это? — поинтересовалась Дана, чей рот был набит попкорном.

— Мартин.

— Ты серьезно? — Она прожевала попкорн, взяла пульт дистанционного управления и поставила фильм на паузу. — Скажи, что

перезвонишь ему, Элли. Уже почти конец, и это самая лучшая часть.

Я выставила ладонь и сказала в трубку:

— Привет, Мартин. Мы тут с Даной смотрим фильм; можно, я перезвоню попозже?

Он рассмеялся, но я чувствовала его напряженность.

— Ты всегда забываешь о разнице во времени, Элли? Здесь уже за полночь.

Я посмотрела на часы.

— Ох. Тогда, может быть, завтра утром?

— Я буду на борту самолета. Послушай, это срочно. Я на неделю собираюсь в Неваду — в Рино и Лас-Вегас, встретиться с нужными людьми и побеседовать насчет строительства в тех местах. Хочешь туда?

— Я... Когда ты улетаешь?

— Я же сказал, завтра.

Дана подняла бутылку вина и жестом показала на мой опустевший бокал. Я подняла два пальца и выдохнула: «Подожди две минуты». Ее лицо помрачнело. Она повернулась ко мне спиной, налила остатки вина себе и сняла запись с паузы.

Я вышла в соседнюю комнату.

— Можно, я подумаю об этом? У меня есть работа, которая...

— Нет времени, Элли. Да и о чем тут думать? Ты, я и Лас-Вегас. Пара ночей в столице азартных игр. Мне нужен твой ответ прямо сейчас, чтобы Гертруда, которая занимается бронированием, смогла обеспечить нам соседние места в самолете.

— *Элли!* — крикнула Дана. — Ты хочешь досмотреть фильм до конца или нет?

Напряженность нарастала. Я не любила все решать на лету и предпочитала корпеть над планами.

— Да или нет? — настаивал Мартин. — Я вылетаю рано утром, и тебе нужно приехать в вancouverский аэропорт на рассвете. Гертруда пока держит нам соседние места для перелета Ванкувер — Вегас. Мне нужно подтверждение прямо сейчас.

Я провела рукой по волосам.

— Ты уже забронировал место для меня?

— Вроде того. Перестраховался. Ты можешь отказаться, и она аннулирует твой билет.

Мои мысли снова вращались по кругу. Я могу заниматься своими концептуальными эскизами и в Лас-Вегасе. А если поработать еще несколько часов после возвращения... Пожалуй, я уложусь в сроки.

— Да или нет? У меня входящий звонок из офиса продаж в Индонезии, и мне нужно ответить. Если...

— Да.

Короткая пауза.

— Да?

— Да, я приеду.

Меня охватил восторг. Он ожидал, что я откажусь; я поняла это по его голосу. Я удивила его, и это мне нравилось. Собственное поведение пугало меня, и в то же время я нуждалась в его обществе, как в наркотике. Я наслаждалась ощущением бесшабашности, как в тот раз, когда мы занимались сексом в лифте.

— Боже, девочка, я люблю тебя, — сказал он. — Надень что-нибудь модное и сексуальное. Герти свяжется с тобой насчет билетов. Не дождусь, когда увижу тебя.

Вызов погас. Я посмотрела на телефон, испытывая легкое головокружение, потом вернулась в гостиную. На экране телевизора шли финальные титры. Я опустилась на диван рядом с Даной и потянулась к тарелке с попкорном.

Дана отодвинулась от меня и допила свое вино. Она выключила телевизор, бросила пульт на кофейный столик, потом встала и отряхнула с брюк крошки от попкорна.

— Мне завтра на работу, так что я ухожу, — она подхватила сумочку, лежавшую на табурете, и в носках прошлепала в коридор, где висело ее пальто.

— Дана...

— Даже не начинай, — она продела руки в рукава пальто и занялась сапогами. — Не нужно мне этого... Ты что, не могла перезвонить ему? — Она уселась на скамью и стала натягивать сапоги. — Хотя бы один раз, Элли? Неужели этот Мартин имеет такую власть над тобой, что ты не можешь посидеть со своей подругой? Со своей *самой старой* подругой? С той, кто всегда была рядом, когда тебе было хуже всего?

Она поднялась на ноги и потянулась за шляпой.

— Да ладно тебе, Дана. С какой стати тебя возмущают мои отношения с ним? После всего, что я вынесла с Дугом, и...

— Меня возмущает, когда со мной обращаются, как с половой тряпкой, и отодвигают в сторону ради какого-то богатого придурка!

— Господи, он не придурок!

Ее взгляд встретился с моим. Я заметила секундную нерешительность на ее лице. Потом ее взгляд смягчился, но ненадолго.

— Элли, сейчас ты крайне уязвима. Ты только начала подниматься на ноги. Тебе нельзя брать на себя серьезные обязательства.

— Это не обязательства.

Она окинула меня взглядом.

— Чего он захотел на этот раз, что это не могло подождать?

Я почувствовала, что начинаю краснеть.

— Он хотел узнать, полечу ли я с ним в Лас-Вегас.

— И это не могло ждать ни секунды?

— Он вылетает завтра, рано утром.

Дана заморгала.

— Он что, забронировал тебе билет, прежде чем спросить?

Мои щеки пылали. В груди шевельнулся росток гнева.

— Ты только что вернулась из Европы и с островов Кука. Как насчет твоего нового контракта?

— Я как-нибудь выкручусь.

Она застегнула пальто.

— Ты заметила, что делаешь все на его условиях? При этом он изолирует тебя от всех, включая меня. Он монополизировал твоё время. Он выкладывается по полной и проводит с тобой каждую минуту, а потом даёт задний ход, исчезает, и ты тоскуешь по нему. Потом, когда тебе становится реально плохо без него, он щёлкает пальцами, — она неуклюже щёлкнула, — и ты бросаешь все и бежишь к нему.словно комнатная собачка. Он заставляет тебя принимать внезапное решение и обещать, что ты улетишь с ним к черту на рога, не давая тебе времени подумать или хотя бы перезвонить.

— Это я решаю, быть с ним или нет, Дана. Он меня ни к чему не принуждает.

Она уставилась на меня.

— В самом деле? Значит, это *ты решила* поговорить с ним, пока мы смотрели кино, — в то самое время, которое мне удалось выкроить, чтобы побыть с тобой? Кто я такая? Какая-то... какая-то старая игрушка, которую ты вынимаешь из коробки для развлечения, а потом бросаешь, когда видишь что-то новенькое и блестящее? — Она потянулась к дверной ручке, но потом развернулась ко мне: — Ты знаешь, что я отменила предыдущую договоренность ради встречи с тобой? Разве ты не понимаешь... Ладно, не обращай внимания. Я не ищу сочувствия. Просто... просто не трудись снова приглашать меня, если ты действительно не хочешь провести время со мной, хорошо? У меня тоже есть личная жизнь. Я не кусок дерьма, на который можно наплевать и растереть.

Она взялась за ручку.

— Дана, это жестоко.

— Да как угодно, — она открыла дверь, слегка пошатываясь. Кажется, она выпила больше, чем я думала. Значит, все это не более чем пьяные разговоры.

— Как ты доберешься до дома? — спросила я.

— Отъ... сь, — проворчала она.

— Прошу прощения?

Она коротко рассмеялась, но ее глаза были такими грустными, словно ей хотелось плакать. С Даной это иногда случалось, и тогда начинались пьяные нежности.

— Останься здесь на ночь, Дана. Это раздвижной диван, и...

— Будь осторожна, — она погрозила мне пальцем. — Будь очень осторожна, Элли.

Когда она сказала это, меня обдало холодом от внезапной перемены в выражении ее лица.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что... У меня дурное предчувствие насчет этого человека. После того, как ты встречаешься с ним, в твоей ауре происходит что-то непонятное. Темное и плохое. С ним что-то глубоко не в порядке.

— Ты слишком много выпила.

— Только не приходи плакать у меня на плече после того, как он жестоко обманет тебя. Не в этот раз, — она слегка пошатывалась. — На этот раз ты *выбираешь* роль жертвы.

— Не могу поверить, что ты это сказала! После всего, что я пережила в браке, после утраты моей дочери...

— Знаешь что? Я устала... Мы все устали от твоей психологии жертвы. Всё постоянно вертится вокруг тебя, Элли. Вокруг *твоих* потерь. Когда ты последний раз интересовалась, что на самом деле происходит в *моей* жизни? А? Когда ты последний раз спрашивала меня о Томе?

Я сглотнула. Чувство вины кольнуло меня.

— Ты когда-нибудь задумывалась, что пользуешься своими утратами и нервными срывами, как костылями, — что тебе нравится *питаться* сочувствием? Потому что ты привыкла играть эту роль и расцветает от чужого внимания?

— Почему ты так рассердилась, Дана?

— Том потерял работу в прошлом месяце. Я рассказала тебе об этом в тот вечер, когда мы пили в «Малларде».

Мои мысли разбегались в стороны. Я смутно помнила, что она

говорила об этом, но, должно быть, я была слишком пьяна, чтобы правильно интерпретировать ее слова. Во мне всколыхнулась тревога. Я твердо помнила мой разговор с Мартином позднее в тот вечер... или нет?

— Вот так. Мы до сих пор не знаем, где он получит зарплату в следующем месяце. А ты получай удовольствие от жизни в Лас-Вегасе. — Она вышла из моей квартиры в коридор, развернулась так круто, что ее качнуло в сторону, и она была вынуждена упереться рукой в стену. — Возможно, полиции в Оаху стоило копнуть поглубже, а?

Она захлопнула дверь. Меня затрясло. Я смотрела на закрытую дверь, наполовину ожидая, что она вернется с извинениями, но уже понимая, что этого не будет. Я не люблю конфликты. Мой отец был прав: я готова сделать что угодно, лишь бы избежать конфликта. Как она посмела упомянуть о полиции и что, черт побери, она имела в виду?

Я погасила свет и поспешила к окну, где стала ждать, когда она выйдет на тротуар. Она раскрыла зонтик и вышла под дождь. Свет фонарей отражался от луж, пока она переходила улицу. Гнев, обида, чувство вины — все это ядовитым коктейлем кружилось в моей груди. Когда я смотрела, как она идет в тени на другой стороне улицы, то решила, что Дана просто ревнует. Потом она вдруг остановилась у неподвижного автомобиля с работающим двигателем: выхлопные газы клубились сзади мелкими облачками. Я напряглась, когда она склонилась к окошку со стороны водителя и заговорила с кем-то внутри. Когда она вскинула голову и посмотрела на мое окно, мое сердце учащенно забилось. Я отошла от окна. Был ли этот автомобиль вчера припаркован на том же самом месте? Тот самый автомобиль, который я заметила, когда вернулась домой после путешествия с Мартином, — оранжевый «субару Кросстрек» с запотевшими окнами, скрывавшими того, кто находился внутри? Этот «субару» был той же модели и того же цвета, что и автомобиль, который я видела в подземном гараже. Необычный цвет. Дана выпрямилась и продолжила прогулку под зонтиком. «Субару» тронулся с места, развернулся и уехал в противоположную сторону.

По моей спине пробежал холодок, и я услышала, как что-то тихо скребется по краям моего сознания, словно сухие ветки о стекло, пытаюсь проникнуть внутрь.

Раньше Элли

Май, почти два года назад.

Лас-Вегас, Невада

— Ты зачаровал меня... Я околдована тобой... — фигуристая ресторанный певица со сладострастным голосом Билли Холидей^[12] ворковала слова в микрофон. Мы с Мартином сидели в отдельном кабинете с бархатной обивкой в дальнем углу от сцены. Рядом с певицей фокусник в костюме Чарли Чаплина исполнял пантомиму с волшебными трюками при содействии неестественно бледной юной помощницы. Она носила купальный костюм в стиле двадцатых годов. Кроваво-красная лента на ее бледной шее и густо накрашенные губы в виде сердечка такого же цвета были единственными цветными пятнами на черно-белом фоне. Это было все равно, что смотреть старое немое кино, но в живом исполнении и с хореографией под песенный ритм.

Это ночное кабаре-шоу исполнялось в клубе «Абракадабра», на первом этаже нашего отеля в Лас-Вегасе. Мы с Мартином прижимались друг к другу в уютной алкогольной дымке, разгоряченные после вечерних выигрышей и множества поздравительных коктейлей в казино «Второй шанс».

Темп и мелодия изменились: «Сегодня ночью выпадет удача...»

Я переплела пальцы с Мартином и откинулась на мягкий подголовник. Я чувствовала себя блаженно-пьяной и... да, красавицей. Уже почти две недели я проводила дни у бассейна или в массажном салоне, пока Мартин встречался с бизнесменами, но вечера были в нашем полном распоряжении. Новые наряды. Шоу и представления. Сказочная еда. Испытание нашей удачи. Я загорела и стала намного стройнее, чем в тот ненастный январский день, когда познакомилась с ним. Я была расслаблена, я была влюблена, и все это сказывалось на моем лице и теле. Мне казалось, что я действительно перевернула новую страницу в жизни. Я погрузилась в бездну горя и утраты, но смогла выбраться оттуда. Я победила.

Фокусник в костюме Чарли Чаплина резкими движениями взмахивал жезлом, что напоминало дерганые, почти комичные движения в старинном немом кино. Он снял свою шляпу, как делал уже несколько раз во время представления, и достал оттуда живого кролика. Я ахнула.

Мартин рассмеялся надо мной.

— Что тут смешного? — Я шаловливо ущипнула его. — Это было блестяще! Я же видела — в его шляпе ничего не было. Он несколько раз показывал ее зрителям.

Глаза Мартина лучились отраженным светом маленьких свечей, расставленных в кувшинчиках на столе. Он накрыл мои щеки ладонями и нежно поглядел на меня:

— Моя Элли. Как я люблю тебя.

Я прижалась к нему, и он обнял меня. Но я ощущала тихий шепоток беспокойства. Он вел себя покровительственно... или просто я стала слишком впечатлительной? Отец винил меня в этом; впрочем, Дуг иногда тоже так поступал. Я вспомнила, как Дуг выговаривал мне за то, что я разрешила Хлое играть с куклой, у которой разболтались пуговицы. Одна из пуговиц отвалилась. Хлоя сунула ее в рот и едва не задохнулась.

«Ты иногда ведешь себя по-идиотски, Элли...»

«Пассивно-агрессивная Элли».

Мартин не имеет к этому отношения, решила я. Он не такой.

— Все равно не понимаю, как он проделывает этот трюк, — сказала я, не в силах сменить тему. — Он все время носит шляпу на голове, когда не показывает ее публике, а тогда она пустая.

Мартин окинул меня каким-то странным, отчужденным взглядом.

— Гудини однажды сказал: «То, что вы видели — не то, что вы думаете», — потянувшись через стол, он взял оливку с закусочной тарелки, бросил ее в рот и начал жевать. — Это самое лучшее, то, что мне нравится в фокусах и ловких проделках, — он прожевал оливку и взял бокал скотча. — Фокус в том, чтобы давать неправильные указания, чтобы заставить нас видеть и думать одинаково, когда нечто ускользает от нашего внимания.

— Ты делаешь из меня дуру.

— Напротив, — он сделал глоток виски и наклонился вперед. — Когда мы смотрим волшебное представление, то активно *желаем*, чтобы нас одурачили. Сценические фокусы... Это вроде добровольного мошенничества. Ты не так глупа, чтобы повестись на это. Если ты *не поведешься* на это, фокусник сделает что-нибудь неправильно.

Я посмотрела на сцену. Я считала, что меня отвлекал шейный платок

ассистентки, — она привлекала внимание к нему за считанные секунды до фокуса с кроликом. На мгновение эта узкая алая полоса заставляла меня думать, что ее белая шея была разрезана, а лента была кровью.

— Мы жаждем обмана, — продолжал Мартин. — Нам хочется видеть мир чуточку более фантастическим и поразительным, чем на самом деле. Поэтому мы посещаем театр, ходим в кино или читаем книги. Фокусник во многом похож на рассказчика; это плут, который пользуется неверными указаниями и ловкостью рук, чтобы манипулировать человеческим представлением о реальности. И мы повсюду видим рассказчиков и продавцов историй — в маркетинге, в политике, в религии и за садовой оградой.

Я окинула взглядом Мартина. В его глазах и голосе появлялось странное рвение, когда он говорил о «волшебстве». Мне показалось, что он слишком много выпил. Погода была жаркой, и солнце палило немилосердно, когда он некоторое время сидел рядом со мной у бассейна.

— Еще один коктейль, мэм? — Я вздрогнула от неожиданного вмешательства в мои мысли. Официант, словно по волшебству возникший из ниоткуда, держал в руках поднос с бокалом розового шампанского и еще одной порцией виски со льдом.

— Я пожалею об этом, — пробормотала я, глядя на шампанское.

— Да ладно, это последняя порция, — сказал Мартин. — И это наш последний вечер здесь.

— Ну, хорошо.

Официант поставил передо мной высокий фужер с шампанским.

— А вам, мистер Тайлер? — официант обратился к Мартину. — Освежить?

— Не Тайлер, а Крессуэлл-Смит, — холодно ответил Мартин и выпрямился. Он допил свой бокал и со стуком поставил на стол, как будто у него вдруг испортилось настроение.

Официант собрал пустые бокалы и молча удалился, оставив новую порцию виски на столе.

— Что это было? — тихо спросила я, наблюдая за тем, как официант исчез за темной дверью в задней стене.

— Должно быть, он решил, что мы женаты, когда ты сообщила ему твое имя, — ответил Мартин.

— Я ему ничего не сообщала!

— Сообщила, когда бронировала эти места на сегодняшний вечер.

— Но это *ты* забронировал места.

— Значит, это произошло где-то еще, и твое имя стало кому-то

известно. Не понимаю, почему они предположили, что я ношу твою фамилию. Почему бы не исходить из обратного — что *ты* носишь мою фамилию?

Я нахмурилась, глядя на него.

— Мартин, я никому не сообщала свое имя. Уверена, что я этого не делала. Кроме того, что за тема...

— Ты не пользовалась кредитной карточкой за последние несколько дней? Не звонила с регистрационной стойки, где могла назвать свое имя? Не бронировала места в бассейне, на оздоровительных процедурах?

— Я... возможно, — мысли с трудом ворочались в голове. — Но я не пойму, отчего такой переполох. Официант просто ошибся.

— Эти люди следят за всем, Элли. Чем больше они знают о клиентах, тем проще им продать тебе что-нибудь, о чем ты даже не задумывалась. Любые мелочи имеют значение для них.

Я икнула, закрыла рот ладонью и хихикнула.

— Что тут смешного, черт побери?

Он смотрел на меня с нервирующей сосредоточенностью, похожей на кота, который подкрадывается к птичке. Внезапно я поняла, что его гложет. Да, он слишком много выпил, но причина его излишеств и раздражительности, по моему убеждению, заключалась в том состоянии, в котором он вернулся в отель после очередной деловой встречи. Что-то расстроило его. Дело обернулось не так, как он надеялся, но когда я начала настаивать, он заявил, что это пустяки. Если подумать, дурное настроение незримо преследовало его весь вечер, несмотря на наши развлечения и приятное времяпрепровождение. Но теперь алкоголь проделал трещину в его фасаде.

— Поговори со мной, Мартин, — мягко предложила я. — Ты не в настроении из-за плохих новостей на твоей деловой встрече, да? Что-то пошло не так, как ожидалось?

— Ничего особенного, — он смотрел в сторону, когда отхлебнул из нового бокала. Я видела, как он выставил челюсть и как напряжены его шейные мышцы.

Я взяла его за руку.

— Эй, я кое-что хочу тебе сказать. Если мы собираемся вести командную игру, тебе следует доверять мне, особенно в трудные моменты.

Он впился в меня взглядом.

— *Командную игру?*

Меня пронзило беспокойство. Когда Мартин поднимал забрало и сосредоточивал на чем-то свое полное внимание, ситуация становилась

слишком напряженной. Почти опасной. Как солнце, если слишком приблизиться к нему. Но именно эта напряженность привлекала меня, словно пчелу к яркому цветку, чья живительная пыльца обещала утолить все желания. Я удержала его взгляд, стараясь не моргать.

Он разорвал зрительный контакт и какое-то время смотрел на певицу; его профиль резко обозначился в свете свечей.

— Пожалуйста, Мартин.

— Я не хочу, чтобы это совещание повлияло на наш последний вечер в Вегасе, Элли, — монотонно произнес он, не глядя на меня. — Я пытаюсь, Элли, но ты расковыриваешь это, как проклятый фурункул. Это не конец света, понятно? Один из моих потенциальных спонсоров отошел в сторону.

— Который из них? Какой проект?

Он прищурился и отхлебнул из бокала.

— Мартин, — настаивала я. — Который из них?

Он тихо выругался, одним глотком допил свой виски и уставился на меня слезящимися глазами. Я лихорадочно шарила в своей памяти, пытаюсь вспомнить, кто должен был присутствовать на этой встрече. Потом до меня дошло.

— Тот бизнесмен из Марбельи? — тихо спросила я. — Это был он, верно? Ты встретился с ним для более подробного обсуждения финансирования речного вокзала в Австралии?

Он сидел в неподвижном молчании. На сцене запели: «Ты накинула пелену на мои глаза...»

Я прикоснулась к его руке. Он вздрогнул, потом глубоко вздохнул и сказал:

— Все было уже почти сделано. Одна последняя подпись от члена его совета директоров, но этот человек обладал правом вето. Сегодня утром она заблокировала проект.

— Но почему?

— Она посчитала австралийский проект слишком рискованным для них. Это не соответствовало предписаниям их компании.

— Теперь у тебя будут неприятности?

— Нет! Слава богу, нет. Просто... ты же знаешь, это был личный проект.

— Потому что там ты проводил семейные каникулы в детстве? Потому что твой брат не смог ничего построить на этой земле и завалил свой проект?

Он кивнул.

— Стало быть, это гробит твой проект? Целиком и полностью?

Он раздраженно пожал плечами:

— Это уже второй кредитор, который вышел из игры после того, как дело было практически в шляпе. Так можно отпугнуть всех остальных. В таких делах восприятие и расчет времени иногда имеют решающее значение.

— Значит, это рискованная перспектива?

— Да нет же, Элли. Это может быть один из лучших курортов и жилых комплексов со стоянкой для яхт к югу от Сиднея. Там будет все необходимое. Конечно, потребуются хорошие капиталовложения, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, но глобальная экономика плюс текущее положение дел с недвижимостью в Австралии делает инвесторов слишком нервными. Но это может окупиться с громадной лихвой.

Он махнул рукой, подзывая официанта, и жестом велел ему принести еще виски. Тот появился через несколько секунд и поставил бокал перед ним, звякнув льдом о стекло. Мартин сделал еще глоток. Скорость, с которой он поглощал выпивку, была просто убийственной. Я еще не видела Мартина в таком состоянии, и это нервировало меня. Мне *нужно* было что-то сделать, чтобы он почувствовал себя лучше.

— Эй, все будет в порядке, — сказала я. — Ты найдешь другого...

— Ох, Элли. Лучше заткнись, пожалуйста.

Я обиженно заморгала.

— Сколько?

— Что?

— Сколько они собирались вложить?

Он опасно прищурился.

— А что?

— Просто скажи.

— Для начала двадцать шесть миллионов.

— Опиши мне твой проект.

Он набычился, и на его шее запульсировала мелкая жилка. Я ощущала гнев, исходивший от него. Осторожность нашептывала мне последние советы, но я настаивала:

— Расскажи мне.

Он облизнул губы.

— Вкратце, проект состоит из трех этапов. Первый из них — строительство элитной жилой недвижимости с высокотехнологичной стоянкой для яхт. Все эти участки занимают немногим более акра. Строительство набережной вдоль каналов, которые будут проложены в мангровой низменности. Доступ туда будет обеспечен через реку Агнес и

ее эстуарий, или Агнес-Бэзин. Здесь ожидаются большие расходы: прокладка каналов через мангровые заросли. Следующим этапом будет строительство роскошной экогостиницы на пляже за дюнами, между океаном и Агнес-Бэзин. Третий этап — строительство арендных коттеджей рядом с гостиницей. Кроме того, значительная часть эстуария будет превращена в природоохранный парк. Экологический туризм и природные экскурсии будут приносить дополнительный доход.

Я пристально следила за его лицом, пока он говорил. На какой-то момент в его глазах снова зажегся проблеск энтузиазма.

— У тебя уже есть экологическая экспертиза? Разрешение на строительство?

Он посмотрел на меня с легкой снисходительностью, как будто я задавала детские вопросы.

— Доклад консультантов из природоохранного ведомства уже в работе, и мне сообщили, что заключение будет положительным. Очевидно, с некоторыми ограничительными мерами для защиты окружающей среды. Местный мэр и советники графства прилагают необходимые усилия, не считая одного советника из «зеленых», который выступает против, но он в принципе возражает против любого строительства. Местные подрядчики изголодались по настоящему делу, и они со своими семьями поддерживают новые проекты вроде этого, потому что это повышает налоговые доходы графства и создает новые рабочие места в обозримом будущем. Сёрферы и рыбаки живут вдоль побережья в этом захолустье, потому что там превосходные волны, отличная рыбалка и хорошая погода. Пляжи пустуют большую часть времени. Они любят свой образ жизни, но с работой там очень трудно. Откровенно говоря, они воспримут строительство речного вокзала «Агнес» как дар небесный. Все, кроме маленькой и шумной фракции «зеленых», готовых спасти любую жабу или орлана-крикуна. Но этот проект привлечет в регион настоящий экологический туризм, и «зеленые» все равно получат большой кусок защищенного природного парка в результате этой сделки. Мы были уже готовы открыть офис предварительных продаж.

— До сегодняшнего дня?

— Ну да! — Он замолчал и принялся разглядывать меня. Тем временем во мне зашевелилось новое чувство: желание разделить с ним эту часть его личности, его мира, его мечтаний и воспоминаний — всех тех вещей, которые поддерживали его внутренний огонь.

Волшебное представление закончилось. Прозвучали аплодисменты. Мы допили остатки и поднялись в номер, но той ночью мы не занимались

любовью. Он слишком напился, поэтому сразу уснул и захрапел. Я лежала рядом, слушая его и глядя в потолок. За небольшой щелью в плотных портьерах сверкали и переливались круглосуточные огни Лас-Вегаса. Я чувствовала, как что-то тихо ускользает у меня из пальцев, и если я не ухватю это покрепче, не сделаю ничего конкретного, то упущу эту новую Элли, которая начала разворачиваться, как бабочка внутри кокона.

Отцовские слова эхом отдавались у меня в голове.

«Я серьезно, Элли. Дай мне идею — любую идею... Я профинансирую ее. Считай, что ты уже победила в этой игре. Половина людей в этом отеле прямо сейчас хотели бы оказаться на твоём месте и воспользоваться этой возможностью».

Я повернула голову на подушке и посмотрела на Мартина. Он проснулся и неподвижно лежал на спине, глядя в потолок. Я перевернулась на бок, лицом к нему.

— Я собираюсь помочь тебе, — прошептала я.

— Что?

— Я могу помочь тебе профинансировать строительство речного вокзала.

Он приподнялся на локте.

— Нет. никоим образом. Ты не можешь это сделать.

— Почему нет?

— Я не хочу привлекать тебя к моим деловым предприятиям.

— Ну, тогда...

— Эль, подожди. Я имел в виду другое.

— Тогда что ты имел в виду?

— Я игрок. Где-то я выигрываю, а где-то проигрываю. Я не хочу связывать тебя с проигрышами. Я не могу допустить, чтобы ты разделяла мои риски.

— Но ты выигрываешь больше, чем проигрываешь, не так ли? Как и мой отец. Совершенная правда, что он азартный игрок, притом очень умный, и это сделало его одним из самых богатых людей в стране.

Пока я говорила, мое желание все исправить для Мартина становилось все более сильным, почти непреодолимым. Оно превратилось в первобытное, едва ли не паническое стремление гарантировать, что Мартин *не расстанется* с его мечтой, потому что тогда мы потеряем нас самих.

— Да, но...

— Я хочу это сделать, Мартин. Я могу это сделать. Не только ради тебя, но и ради меня. И ты должен принять меня как источник

финансирования. Помоги мне помочь тебе, и мы станем настоящими партнерами в твоём предприятии.

Мой отец поощрял меня к выбору собственного бизнеса. Он предложил мне своих юристов в сфере недвижимости. Я верила, что его специалисты помогут мне составить любой партнерский контракт таким образом, чтобы это было выгодно для меня. Конечно, я почти ничего не знала о строительстве недвижимости, но Дуг добился определенных успехов без какого-либо опыта и с помощью моего отца. Я могла связаться с теми же специалистами, которые обеспечат все необходимое с юридической стороны. Партнерская доля в двадцать шесть миллионов была каплей в море для «Группы компаний Хартли». Кроме того, я имела собственный трастовый фонд, и мне даже не нужно будет прикасаться к нему.

— Сделай меня долевым партнером, Мартин.

— Нет, Элли.

Я смотрела на него в тусклом свете и ненавидела упрямство, глухой стеной окружившее его. Он отталкивал меня прочь. Я встала с кровати и натянула ночную рубашку. Я ходила и обдумывала свою идею до тех пор, пока над пустынным горизонтом Невады не забрезжил рассвет. Я полностью распахнула шторы, впуская в наш номер яркий и прекрасный свет пустыни. Я сделала кофе.

— Что ты там делаешь?

— Готовлю тебе кофе.

Я принесла ему кружку, опустилась на краешек кровати и отпила из собственной кружки, наблюдая за ясным небом.

— Расскажи мне, что это повлечет за собой, — предложила я.

— Нет.

— Почему? Назови мне обоснованную причину.

Мы препирались до тех пор, пока он не сбросил простыню и не отправился в душ. Когда он вышел, выражение его лица неуловимо изменилось. Его глаза блестели, как будто сыворотка моего замысла, впрыснутая в его жилы, распространилась по телу и осталась там.

— Это повлечет за собой жизнь в Австралии на какое-то время, — сказал он, вытирая волосы полотенцем. Он был обнажен и предстал в своем мускулистом величии, не считая тонкого полотенца вокруг бедер. — Нам нужно находиться на месте, чтобы следить за ходом строительства. По крайней мере, на раннем этапе.

— Я уже подумала об этом, Мартин, и хочу попробовать. По крайней мере, на какое-то время. У меня мобильная работа. Я могу заключить

несколько новых контрактов перед нашим отъездом. А работать я смогу и там.

— Но...

Я подошла к нему и прижала пальцы к его губам.

— Ш-ш-ш. Больше никаких «но», *мистер Тайлер*.

Он не улыбнулся.

Моя собственная улыбка померкла. Я пожалела о своей шутке.

— Мне нравится, как это звучит, — очень тихо и задумчиво произнес он и резко привлек меня к себе. Я удивленно вскрикнула. Он был еще влажным и разгоряченным после душа. Я ощущала его эрекцию на моем животе. От него пахло хорошим мылом и шампунем.

— Тебе нравится, как звучит *мистер Тайлер*? — Мой голос пресекся волной желаний, когда его член затвердел.

— Но я предпочитаю *миссис Крессуэлл-Смит*, — прошептал он мне в губы.

— Мартин... — У меня в паху было влажно и горячо. Он поцеловал крепче, раскрывая мне рот. Мысль погрузила когти в мое сердце, когда он провел ладонью у меня между ног, пошевелил там и вставил палец. Я едва могла дышать. — Давай... сделаем это.

— Что? — прошептал он, чуть отодвинувшись от моих губ.

Я оттолкнула его.

— Поженимся! Часовня — я видела ее внизу. Часовня Второго Шанса рядом с казино «Второй шанс».

У него отвалилась челюсть.

— Что...

— Теперь же. Сделаем это немедленно! Мистер и миссис Крессуэлл-Смит! — Я мощно проталкивала идею, созревшую под влиянием момента. Она пьянила меня. — Подумай, Мартин, вчера ночью нам было знамение: казино «Второй шанс». Мы выиграли по-крупному. Тогда какого черта нам не завязать узел, не стать одной командой? Отправиться в Австралию, как настоящие партнеры. Почему бы нам не получить второй шанс в любви? Почему бы не вступить в игру? Я разведена, а ты недавно покончил с долгими взаимоотношениями. Почему бы на этот раз не выиграть вдвоем?

Он мощным толчком отправил меня в кровать. Я отскочила от пружинистого матраса, и ночная рубашка задралась до бедер. Он сбросил полотенце и наклонился надо мной, раздвигая мне ноги. А потом он овладел мной в гораздо более хищной и жесткой манере, чем в тот первый день, в кабине лифта. Я отвечала на его мощные удары своими ударами; мои ногти с удивительной силой впивались в его плоть. Агрессия загоняла

меня все выше, пока я не кончила с резким вскриком; потом он тоже кончил, и мы упали обратно, смеясь и отдуваясь. В полном изнеможении. Потные, липкие и восхищенные моей идеей. Солнце взошло над горизонтом, и его золотой свет ворвался в комнату.

К ленчу мы купили кольца — платиновое кольцо с рубином для него, простое платиновое колечко для меня. Мы заполнили все необходимые анкеты. В тот вечер мы с Мартином стояли перед официально рукоположенным священником, как и было обещано на веб-сайте часовни «Второй Шанс». Наш «пакет первой помощи» включал букет цветов, который я выставила перед собой. Фотограф щелкал снимки, которые затем передал нам как «JPEG-файлы высокого разрешения с правом копирайта», чтобы потом мы могли вставить их в рамку, не опасаясь последствий. Мы выбрали прямую онлайн-трансляцию, предпочитая сообщить эту новость друзьям и членам семей в ближайшем будущем.

— Поелику вы, Элли Тайлер, и вы, Мартин Крессуэлл-Смит, согласились связать себя узами брака и поклялись в любви и вечной преданности друг перед другом и перед свидетелями, подтвердив свое намерение соединением рук и обменом свадебными кольцами, то я, в силу моих полномочий от штата Невада, объявляю вас мужем и женой. Примите мои поздравления! Можете поцеловать невесту.

Мы поцеловались под вспышки камеры. Серебристое конфетти дождем посыпалось с потолка и закружилось вокруг нас с помощью вентилятора. Я рассмеялась. Моему счастью не было предела.

Вскоре после полуночи мы погрузились на последний рейс в Канаду как муж и жена, с новеньким брачным свидетельством в руках и планами на Австралию в наших сердцах. Я уже отправила электронное письмо, где запросила о встрече с юристами моего отца.

Наблюдатель

На мониторе компьютера пульсировала красная точка. Приложение, установленное на мобильном телефоне, передавало их GPS-координаты. Они приземлились в международном аэропорту Ванкувера. Наблюдатель с бокалом виски в руке несколько секунд смотрел на точку в тускло освещенной комнате, потом включил настольную лампу.

Круг желтоватого света упал на кучку газетных статей, распечатанных из Сети. По данным из Интернета можно было составить всесторонний и доскональный психологический профиль человека, если он не был чрезмерно осторожен или имел относительно публичный образ жизни. В данном случае эта жизнь какое-то время была очень публичной.

Трагическое происшествие на Гавайях: внучка Хартли утонула

У наследницы Хартли произошел нервный срыв

Дочь Стерлинга Хартли пырнула мужа ножом в ресторане

Элли Тайлер арестована

Наследница Хартли разводится с мужем

В некоторых наиболее пошлых таблоидах были фотографии растолстевшей и растрепанной Элли Тайлер, закрывавшей голову курткой, когда полицейские выводили ее из ванкуверского ресторана. Куртка была забрызгана кровью. На другой фотографии можно было видеть неприглядный образ жирной Элли Тайлер с осунувшимся лицом под следующим заголовком:

Наследница Хартли направлена в наркологическую консультацию по распоряжению суда

Дочь Хартли попала в порочный круг алкоголя, злоупотребления медицинскими препаратами и депрессии

В одном таблоиде имелась фотография Стерлинга Хартли и его

шведской подруги, бежавших через зал аэропорта после того, как они узнали о госпитализации его дочери.

В более снисходительном журнале *Vogue*, в статье под заголовком «Горе матери», Элли Тайлер говорила о медленном восстановлении после гибели ее утонувшего ребенка. Она откровенно рассказывала о своих проблемах с психикой и о важности излечения от психического расстройства для избавления от пагубных привычек. Тем не менее позорное клеймо продолжало угнетать ее.

Рядом с кучкой распечаток лежала регистрационная папка с названием «ЭЛЛИ». Эта папка досталась от частного сыщика, который также опросил новую жену Дуга Тайлера. Другая такая же папка называлась «МАРТИН».

Точка пришла в движение. Они выехали из аэропорта.

Раньше Элли

25 октября, более одного года назад.

Джервис-Бэй, Новый Южный Уэльс

Маленький винтовой самолет резко снизился, столкнувшись с очередной зоной турбулентности. Я скрипнула зубами и вцепилась в подлокотники.

Я летела на встречу с Мартином, который отбыл на стройку три месяца назад, как только пошло финансирование. Мои перелеты через несколько часовых поясов продолжались уже более 36 часов, и я страдала от тошноты и обезвоживания из-за большого количества вина и таблеток лоразепама, принятых в попытке уменьшить мое беспокойство. Дефлектор обдува над моим креслом не работал. А теперь еще и грозовой фронт, игравший с крошечным самолетом. Моя клаустрофобия грозила перерасти в панику.

Самолет снова нырнул, но на этот раз мы начали снижаться. Что-то с глухим стуком упало на пол в задней части кабины. Предмет выкатился в проход, и стало ясно, что это бутылка воды. Моя жажда вдруг стала нестерпимой, но бутылка находилась вне досягаемости. Я подумала о таблетках ативана в моей сумочке.

Еще один толчок. Салон завибрировал, крылья заходили в стороны. Облака приблизились, стали более темными и плотными. В черных клубах сверкнула молния. Дрожащими пальцами я полезла в боковой карман сумочки, нашла пузырек и положила под язык сублингвальную капсулу. Потом закрыла глаза и откинула голову, ожидая, когда таблетка растворится. Мой лоб покрылся крупной испариной, струйки пота стекали по щекам. Я делала размеренные вдохи, считая до четырех, потом медленно выдыхала. Мягкий, обволакивающий туман препарата размывал острые края моей паники. Я задышала еще глубже и медленнее. Спокойствие снисходило на меня, как объятие старой подруги. Мои мышцы расслабились, тревога ушла; для разнообразия я окинула взглядом других пассажиров. Они казались невозмутимыми.

Почти все они были одеты неформально: шорты, шлепанцы, футболки, джинсы и летние платья. Только двое в более или менее деловых костюмах. Все хорошо загорелые. Некоторые выглядели более спортивными и закаленными, с выбеленными солнцем волосами. Все разного возраста. Они соответствовали описанию Мартина о населении Джервис-Бэй — сельскохозяйственного приморского центра с местным лесопильным и фашинным производством, молочными, мясными и устричными фермами, и разумеется, с «эпичной» глубоководной рыбалкой. По его словам, местные жители либо работали в одной из этих областей, либо попадали в широкую категорию сотрудников на удаленной работе, пенсионеров, отдыхающих и владельцев курортных домиков. Даже Николь Кидман якобы владела поместьем к северу от Джервиса в одной из уединенных ракушечных бухт, где росли высокие деревья лиллипилли, привлекавшие стаи древесных попугаев поразительной радужной расцветки.

Несмотря на мою воздушную болезнь или благодаря моим лекарствам, радость распускалась в моей груди при мысли о встрече с Мартином и о знакомстве с недавно построенным домом на берегу Бонни-Ривер, который он недавно купил для нас. Он прислал живописные фотографии. Дом был двухэтажным, с обилием стеклянных элементов и четко выверенными пропорциями; рядом находился причал с шлюпочным эллингом, который, по его словам, идеально подойдет для моей студии.

Вспышка молнии пронзила облака, и самолет лег на крыло, когда мы начали крутой и неровный спуск к бухте, окаймленной желтым песком.

Единственная стюардесса велела нам привести спинки кресел в вертикальное положение и сложить ручную кладь вниз. Она оставалась пристегнутой к своему складному креслу рядом с кабиной пилота на всем протяжении нашего короткого перелета из международного аэропорта Сиднея. Пилот объявил, что мы собираемся приземлиться в Моруэ^[13]. Он добавил, что сейчас жарко не по сезону и что гроза движется на юг от нас. Моруэ находилась на расстоянии короткой поездки от Джервис-Бэй. Мартин будет ждать меня.

Поперечные ветры мотали воздушное суденышко из стороны в сторону, и мой желудок громко протестовал, когда навстречу вырос незнакомый ландшафт, — извилистая шоколадно-коричневая река и эстуарий, густо покрытый мангровыми зарослями. Веретенообразные эвкалипты, клонившиеся на ветру. Устричные отмели на реке с гниющими опорами и причалами. Цапля, летевшая над самой водой. Пока мы снижались, я увидела кенгуру, пасущихся у ограды аэропорта. Мы чувствительно ударились о посадочную полосу, подскочили, ударились

снова и с лязгом покатались до самого конца полосы, мимо крошечного аэропорта. Когда самолет наконец остановился, пилот развернул его, и мы медленно потащились к зданию. Внутри становилось жарко и душно. Я посмотрела через маленький иллюминатор на низкое сооружение с жестяной крышей, которое называлось аэропортом Моруи. Передний двор с расставленными столиками. Ограда, ворота... и тут я увидела его. Мое сердце дало сбой.

Мартин.

Высокий, бронзовый от загара, в белых шортах. Его волосы блестели, как золото. Он прикрыл глаза козырьком ладони, изучая иллюминаторы нашего самолета. Я едва удержалась от того, чтобы расстегнуть пояс безопасности и выхватить мои пожитки из-под сиденья. Мне хотелось увидеть все это прямо сейчас. Мне хотелось, чтобы руки моего мужа проводили меня в это новое и экзотическое жизненное странствие, которое мы выбрали для себя.

Световой значок «застегнуть ремни» отключился.

Стюардесса открыла дверь. Я сразу же ощутила запах моря. Она выдвинула и опустила складную лестницу. Мы ждали и потели, пока пилот и второй пилот спускались первыми.

Жаркий ветер ударил мне в лицо, когда я ступила на лестницу. Он был напоен ароматом эвкалиптов с привкусом дыма от далеких лесных пожаров. Мартин вскинул руку, как только увидел меня. Он яростно замахал мне; я поспешно спустилась с лестницы, пробежала по бетону и вошла под арку. Он обнял меня, закружил в воздухе и поцеловал. По моему лицу струились слезы — счастье, облегчение и крайняя усталость одновременно. С меня было довольно.

Он поставил меня на землю, отодвинул локоны, упавшие на лоб, и обхватил мое лицо ладонями. Его голубые глаза казались синими из-за глубокого загара.

— Добро пожаловать в наш новый дом, Элли Крессуэлл-Смит. Я *очень* соскучился по тебе. Как прошла поездка?

Он говорил с характерным австралийским акцентом, гораздо более четким, чем во время нашей предыдущей встречи.

— Да так... нормально. — Ребенок, плакавший всю дорогу от Ванкувера, клаустрофобия в летающей жестяной банке, бессонница, тревога на грани паники... все это сгинуло. — Ты выглядишь таким загорелым. Таким... австралийцем.

— А как выглядят австралийцы? — он выразительно поиграл бровями. — Как Крокодил Данди?^[14]

Я рассмеялась, обрадованная приобщением к его мощной ауре и притоком его мужской энергии.

— Слава богу, нет. Но мне не терпится увидеть наш новый дом. Фотографии выглядят *потрясающе*.

Я указала на мой багаж на тележке, отъехавшей от самолета. Мартин подхватил два моих чемодана. Его шлепанцы хлопали по асфальту, пока мы шли от здания аэропорта к его грузовому автомобилю. К нашему автомобилю. Все это было и моим тоже. Эта жизнь.

Кенгуру наблюдали за нами из скудных зарослей сухой травы рядом с автостоянкой. Жара ощущалась как физическое давление, вокруг жужжали какие-то жуки. Раздавались резкие крики незнакомых птиц. Мои волосы были влажными от пота и слиплись в комок за плечами. Я ощущала запах застарелого пота, исходящий от меня. Я буквально изнывала по горячему душу, жесткой кровати и свежему белью.

— Наш новый автофургон, — гордо произнес Мартин, откинувший брезент с кузова. Он с глухим стуком забросил мои чемоданы внутрь. Я хотела сказать, чтобы он был поосторожнее с чемоданом, где хранились мои художественные принадлежности, но удержалась от этого.

— Не могу дождаться, когда приму душ, — сказала я, подходя к пассажирской двери. — И поспать. Даже не знаю, сколько дней я провела без сна.

— Ох, детка... — он замешкался.

Я остановилась, положив руку на ручку двери.

— Что такое?

— Я привез продукты для пикника. Думал, мы сразу же отправимся в Агнес-Бэзин, чтобы я мог показать тебе офис продаж и нашу стройку. В конце концов, мы здесь ради этого, не так ли?

Я пала духом. У меня заплетались ноги и кружилась голова.

— Я... я надеялась, что мы здесь не только ради строительства.

Он уперся в меня взглядом. Выражение его лица вдруг стало недружелюбным. Я заморгала. Нет... мне это почудилось. Все вокруг было слишком ярким, слишком резким и жарким. Слишком дезориентирующим. У меня зазвенело в ушах: совокупный эффект похмелья, таблеток и резкой смены часовых поясов давал себя знать. Я порылась в сумочке, выудила большие солнечные очки и надела их.

— Все хорошо, — я откашлялась и сосредоточилась на том, чтобы говорить легко и непринужденно. — Просто я чертовски устала, вот и все. Плюс небольшое похмелье, — я делано рассмеялась. — Чутьочку перепила на рейсе из Ванкувера, чтобы заглушить плачущего младенца.

Безуспешно, — я выдавила еще один смешок. — Плохая мать.

Я не стала упоминать о лоразепаме. Мартину не следовало знать об этом.

Он изучающее смотрел на меня затуманенным взглядом, что еще больше смутило меня.

— Так мы поедem в Агнес-Бэзин или нет?

— Конечно, поедem. Я в порядке... со мной все будет хорошо. Хочется посмотреть сейчас, — солгала я, не желая разочаровывать его. Только не сейчас, когда мы встретились после разлуки.

Тогда Элли

Лицо Мартина расплылось в широкой улыбке, как только я сказала, что мне уже сейчас «хочется» посмотреть на стройку. Его глаза и его тело рывком вернулись к жизни, как у ребенка, получившего обратно новую и ценную игрушку, только что подвергнувшуюся угрозе конфискации.

— А у меня есть кое-что для твоего похмелья! — объявил он, когда снова откинул брезент с кузова. Словно фокусник, он вскрыл голубую холодильную сумку и вручил мне две бутылки холодного сидра. На них блестела влага, и моя жажда снова стала невыносимой. Я взяла одну и немедленно проглотила четверть содержимого, пока он открывал свою бутылку.

— У меня еще много их в портативном холодильнике, — сообщил он, застегивая сумку. — И вино. И жареные цыплята. Картофельный салат и французские булочки. — Он чокнулся с моей бутылкой. — Добро пожаловать домой, детка. За новую жизнь!

Мы сделали еще по одному долговому глотку и забрались в фургон; я едва не забралась на место водителя. Потом мы пристроили бутылки в держателях, и Мартин завел двигатель.

— Мы долго не пробудем в Агнес-Бэзин, обещаю. Вернемся домой еще до обеда, — Он поехал по правой стороне дороги, что казалось неправильным, и наградил меня очередной улыбкой. — Кроме того, если ты сейчас попробуешь приспособиться к новому распорядку, то смена часовых поясов пройдет безболезненно.

Я сделала еще один хороший глоток холодного сидра, ощущая быстрый эффект от распространения алкоголя по моей уставшей от лоразепама кровеносной системе и бессонному мозгу. Но он был прав: шоковая терапия опохмеления работала. И кому какое дело до смены часовых поясов — это был наш мир, наше новое приключение. Мы здесь ради стройки, а поспать можно и потом.

«Двигайся вместе с потоком. Никаких правил. Формируй свою историю».

К тому времени, когда мы выехали на Прицесс-Хайуэй и двигались в узком бесконечном тоннеле из эвкалиптов с сухими, узкими и остроконечными листьями, я допила бутылку и то впадала в пьяный

ступор, то поднималась на поверхность. Мартин включил радио, и в салоне тихо играла музыка.

Должно быть, я глубоко задремала, потому что моя голова вдруг ударилась об ветровое стекло, и я рывком вернулась к действительности. Мы резко свернули, чтобы не задавить кенгуру. Я скривилась и потеряла лицо. Мой подбородок был липким от сладкой слюны. Тело воняло, лицо вспотело. Мартин быстро покосился на меня. Нечто вроде отвращения пробежало по его лицу, но быстро исчезло. Наверное, мне показалось. Он сосредоточился на дороге, но я видела, как его руки тискали рулевое колесо.

Еще несколько километров, пока лес пролетал мимо, я молча сидела в сумеречном состоянии. Вдоль дороги на обочине иногда попадались мертвые кенгуру и валлаби. Меня снова затошнило. Мне следовало настоять на том, чтобы Мартин сначала отвез меня домой.

— Сколько еще? — спросила я, когда мы миновали еще одного задавленного кенгуру или другую тварь с песчано-бурой шкурой.

— Я уже сказал. Агнес находится примерно в двадцати пяти минутах езды к северу от Джервиса.

Его голос был холодным и невозмутимым. Темное, маслянистое ощущение грядущего рока расплзлось в моей груди. Мой отец обращался ко мне таким же тоном, когда я не оправдывала его ожидания.

Я посмотрела в окошко и вздрогнула, когда огромная доисторическая тварь с драконьими крыльями размахом больше трех футов пролетела вдоль обочины к эвкалиптовой роще. За ней последовала еще одна, потом целое полчище.

— Что это за дьявольщина? — я развернулась, наблюдая за ними с сильно бьющимся сердцем.

— Летучие лисы, — жестко ответил он. — Разновидность гигантской фруктовой летучей мыши. Самое большое летучее млекопитающее, — его взгляд бы устремлен на дорогу, шейные мышцы напряжены до предела. — Проклятые твари начали мигрировать сюда целыми роями, когда некоторые виды эвкалиптов расцвели раньше времени из-за дерьмовой жары. Более ста тысяч по последним подсчетам; гребаная эпидемия летучих мышей!

Я заморгала. Раньше Мартин не ругался в личных разговорах. Я снова отметила густоту его австралийского акцента и перемены в выражении его лица. Или у меня складывалось искаженное впечатление после долгого перелета и воздушной болезни? Во мне угнездился сосущий страх. Паранойя была побочным эффектом моего злоупотребления алкоголем и медикаментами после того, как я выпустила из рук Хлою и позволила ей

утонуть. Я боролась с ней. Возможно, мне не следовало принимать седативные препараты на борту самолета. Возможно, я могла оступиться еще раз.

— Власти графства учредили рабочую группу, чтобы разобраться, что можно сделать с этими поганцами. Они являются защищенным видом, поэтому их нельзя просто убить. А пока они засирают все вокруг мерзким оранжевым гуано.

Я в ужасе смотрела на очередную стаю огромных летучих мышей, летевших вдоль ряда эвкалиптов там, где деревья были вырублены для прокладки дороги. Мартин замедлил ход и включил индикатор поворота, когда мы приблизились к указателю на Агнес-Бэзин. Мы свернули с автострады на второстепенную дорогу, ведущую к океану. Вскоре мы проехали плакат, прикрепленный к дорожному столбу. Он был порван и хлопал на ветру. Большие черные буквы гласили:

*ОСТАНОВИТЬ СТРОИТЕЛЬСТВО РЕЧНОГО ВОКЗАЛА
«АГНЕС»!*

— Мартин, — я повернулась к нему. — Это про нас?

— Ничего, это нормально. Такое творится на любой стройке. Проклятые «зеленые»!

Я увидела еще один плакат, тоже рваный и хлопавший на жарком ветру.

СКАЖЕМ НЕТ РЕЧНОМУ ВОКЗАЛУ «АГНЕС»!

Через несколько сотен метров к деревьям было приколочено сразу несколько плакатов.

*СОЗДАЙТЕ ПАРК,
А НЕ КУРОРТ ДЛЯ МИЛЛИОНЕРОВ!
СПАСИТЕ ПРИРОДУ, ОСТАНОВИТЕ СТРОЙКУ!
СПАСИТЕ ОРЛАНА-КРИКУНА!
СПАСИТЕ НАШИ РЫБОЛОВНЫЕ УГОДЬЯ!*

Мартин повернул на узкую боковую дорогу. Когда мы обогнули поворот, навстречу вырос целый лес красных плакатов, воткнутых в сухой дерн на обочине, словно предвыборные баннеры.

ОСТАНОВИТЕСЬ! ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ?

*СМЕРТЬ РЕЧНОМУ ВОКЗАЛУ!
ГОЛОСУЙТЕ ПРОТИВ МЭРА!*

Между плакатами паслись кенгуру, похожие на гигантских крыс с недоразвитыми передними лапами. Ветер дул все сильнее. С эвкалиптов летели сучья и ветки, сухие листья кружились на дороге. У меня пухла голова, как будто на самом деле я находилась где-то еще и смотрела на происходящее через густой фильтр откуда-то издалека. Поднималось давление в ушах, а в желудок как будто наложили кирпичей. В памяти всплыли мои собственные слова, обращенные к отцу, когда я рассказала ему о нашем предприятии.

«Кроме того, как плохо это может обернуться?»

— Мартин, — тихо сказала я, пытаюсь сосредоточиться. — Мне кажется...

— Элли, большинство людей в этом графстве, включая мэра и большинство советников, *более чем довольны* перспективой строительных работ, — твердо сказал он. — Они выступают за строительство. А новые рабочие места означают новые голоса на выборах. Новые дома принесут больше налогов в казну графства, а новые жильцы увеличат электоральную базу, и это значит, что штат будет выделять больше средств.

Еще один потрепанный плакат был привязан к ограде.

*СПАСИТЕ ОРЛАНОВ-КРИКУНОВ,
ЗАПРЕТИТЕ СТРОЙКУ!*

— Но природоохранная экспертиза...

— Считай, что она у меня в кармане, черт побери! Я же тебе говорил. Консультанты были отобраны, потому что они *на моей* стороне. Они обещали дать положительное заключение. Все будет хорошо.

— Я думала, что эти консультанты должны сохранять нейтральную позицию.

Он тихо выругался.

— Ты бываешь такой наивной! Не беспокойся: я же сказал, что все будет в порядке, о'кей? Все обязательно будет в порядке.

Голос Мартина звучал спокойно, но его шея была сильно напряжена, как и его руки. Он покосился на меня и, должно быть, увидел потрясенное выражение моего лица, поскольку его черты мгновенно смягчились.

— Послушай, Эль, мне очень жаль, — он глубоко вздохнул, успокаивая себя. — Я понимаю, что все эти строительные дела пока что

далеки от тебя, но каждый проект должен перепрыгнуть через несколько обручей, и это не обходится без синяков и шишек. Такие шишки бывают очень досадными. Создание речного вокзала, которое требует прокладки глубоких каналов среди густых мангровых зарослей в эстуарии реки, где местные рыбаки прячут незаконные ловушки для крабов и хозяйничают по своему усмотрению... разумеется, они будут возражать и сопротивляться. Но суть в том, что одобрение проекта идет полным ходом, а предварительные продажи привлекают множество клиентов. Я покажу тебе цифры, когда мы приедем домой, — с вымученной улыбкой добавил он.

Мы миновали навес, сделанный из гофрированного металла. Кроваво-красные буквы с потеками краски на стене складывались в грозные слова:

СМЕРТЬ КРЕССУЭЛЛ-СМИТАМ!

Тогда Элли

— Ну вот! Что ты думаешь?

Я стояла рядом с Мартином перед сборной каркасной постройкой, расположенной на недавно замощенной автостоянке, недалеко от берега медленно текущей приливно-отливной реки.

Вывеска поскрипывала под напором жаркого морского ветра: «*Офис продаж речного вокзала Агнес*». Фантасмагорические белые какаду с серо-желтыми хохолками пронзительно кричали с ветвей, нависавших над зданием. Издали доносился грохот прибоя. Большая черная птица, похожая на баклана, сидела на гнилой деревянной свае, раскинув крылья для просушки. На поверхности воды покачивалась флотилия пеликанов, наблюдавших за нами темными бусинами глаз.

Я закрыла глаза козырьком ладони от слепящего блеска. Небо подернулось жаркой дымкой, но свет оставался резким даже за стеклами солнечных очков. Я испытывала дезориентацию, нетвердо стояла на ногах, и мир как будто покачивался в такт с водной рябью и напором течения. У меня из головы не шел тот лозунг, написанный кроваво-красной краской.

СМЕРТЬ КРЕССУЭЛЛ-СМИТАМ!

— Они лично угрожают нам обоим, Мартин, — тихо сказала я.

— Ох, ерунда. Просто какой-то псих. Сожалею, что тебе пришлось это увидеть.

— Ты обратился в полицию?

— Дело того не стоит.

— Ты уверен? И почему *меня* втягивают в это? Там написано «Крессуэлл-Смитам».

— Ты моя жена. Мы равноправные партнеры. Какой-то сумасшедший пытается запугать нас, вот и все.

— Ему это удалось.

— Не будь смешной, Эль. Пойдем, — он взял меня под руку и открыл дверь.

В кондиционированном помещении стояла приятная прохлада. Там был блестящий белый стол, кожаные кресла и стойка с мраморной

столешницей, где стояла кофемашина, и высокими табуретами. На телеэкранах прокручивались закольцованные видеозаписи, показывавшие смеющиеся пары на яхтах, частные причалы, серферов под набегающими волнами, глубоководных ныряльщиков, аэрофотоснимки бухты и речного эстуария, экзотические яства, цветы, модные коктейли, плавательные бассейны, загорелых девушек в бикини, мужчин с белозубыми улыбками, словно сошедших с рекламы зубной пасты, и счастливых детей.

Стопки брошюр лежали на столиках со стеклянными крышками, а на плакатах красовались сцены идеализированного образа жизни. Там рекламировались разные модели собственности, от двадцатипятипроцентной до половинной доли и полноправного владения с потенциалом сдачи жилой недвижимости в аренду.

— Это Леннин, мой ас по предварительным продажам, — гордо объявил Мартин.

Я подняла голову и заморгала, когда Леннин вышла из соседнего офиса. Леннин оказалась женщиной в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет; она носила красную футболку и очень короткие белые шорты. Ее длинные ноги были коричневыми от загара, руки были худощавыми и мускулистыми. В придачу к белозубой улыбке она могла похвастаться пышной гривой каштановых волос, мягко падавших ей на плечи. На какое-то мгновение меня ошеломил блеск ее молодости. Когда Мартин сообщил мне, что нанял потрясающего специалиста по имени Леннин, я была уверена, что это мужчина, причем старшего возраста. Она напоминала мне тех вечно юных сотрудников, которых можно встретить в шикарных оздоровительных клубах, куда я, несмотря на мое богатство, никогда не осмеливалась вступить. Или одну из звезд реалити-шоу, которые плавают на экзотических судах и выглядят абсолютно нереально.

— Добрый день, Эль, — сказала она с густым австралийским акцентом. — Мартин *так много* рассказывал мне о вас, — она протянула руку. — Очень рада наконец познакомиться с вами.

Я пожалала протянутую руку и вдруг с невыносимой ясностью увидела себя со стороны: поношенные джинсы, темные пятна пота под мышками, невымытые волосы. Тот факт, что я давно не принимала душ. Я сознавала, что даже в самых безумных фантазиях не буду иметь такое тело, как у нее. Мартин наблюдал за нами так, словно взвешивал наши достоинства. По какой-то абсурдной причине мне казалось, что он сделал это умышленно — противопоставил меня этой Леннин, — чтобы я могла обратить внимание на мои недостатки, особенно на мой возраст по сравнению с ее юностью и энергией. Хотя я понимала, что это нелепо, во мне поднималось

негодование.

— Элли, — поправила я. Для меня было нормально, когда Мартин называл меня «Эль», но это относилось только к нему.

Ее улыбка дрогнула на какую-то ничтожную долю секунды.

— Элли, я глубоко польщена, что мне предстоит участвовать в проекте «Группы компаний Хартли».

— Прошу прощения?

Леннин едва заметно нахмурилась.

— «Группа компаний Хартли», — повторила она.

— Проект речного вокзала «Агнес» не имеет никакого отношения к «Группе компаний Хартли».

Она взглянула на брошюру, которую я держала в руке. Я проследила за ее взглядом. На задней обложке красовалась глянцевая фотография моего отца с черной ксерокопией его подписи.

— Финансовая поддержка вашего отца дает нам огромное преимущество в сфере продаж, — сказала Леннин. — Стерлинг Хартли имеет безупречную репутацию. Наша ассоциация с ним была чрезвычайно успешным маркетинговым ходом.

Мое сердце забилося быстрее. Я посмотрела на Мартина. Он отвернулся от меня и нажимал кнопки на пульте дистанционного управления, чтобы прокрутить рекламу на одном из мониторов.

Жар бросился мне в лицо.

— Мой отец не принимает никакого участия... — начала я, обращаясь к Леннин.

— Элли! — позвал Мартин. — Иди сюда, ты должна это видеть.

Кадры воздушной съемки заполнили экран, пока дрон пролетал над длинными отрезками пляжа, окаймлявшего бесконечные мангровые болота с темными, извилистыми реками.

— Думаю, нам понадобится дополнительная видеосъемка с дронов. Видишь, вот здесь? — он указал пультом на экран. — Каналы речного вокзала будут проложены через мангровую равнину в северном конце. А здесь будет экогостиница и обзорная площадка с видами на дикую природу. Мы уже соорудили временные леса с площадкой над заброшенной фермой, чтобы потенциальные покупатели могли подниматься наверх и оценивать прекрасные виды. Скоро я отвезу тебя туда.

— Мартин, — тихо сказала я. — Мой отец не финансирует и не поддерживает этот проект. «Группа компаний Хартли» не имеет никакого отношения к нему. Это мое, нет, *наше* финансирование. Эту стройку финансирует «Агнес Холдинг», а не группа Хартли.

Он метнул взгляд в сторону Леннин. Она быстро ушла в соседний офис и закрыла дверь. Мартин подождал, пока она не исчезла из виду, а потом понизил голос до шепота:

— Наша связь с семейством Хартли — это факт, Элли. Ты урожденная Хартли. Твой отец профинансировал *тебя*, прекрасно понимая, что мы затеваем.

У меня все громче шумело в ушах.

— Это не прямая поддержка, Мартин. Ты не можешь пользоваться его именем. Это *мой* фонд. Мой отец фактически вложил в то, чтобы я *исчезла* из его жизни. Он бросил мне эти деньги из-за какой-то разновидности отцовского чувства вины. Он *не вкладывал* деньги в этот проект.

— Его юристы помогли тебе обеспечить финансирование и основать холдинговую компанию, Эль, — он кивнул в сторону брошюры. — Это всего лишь семантика, игра слов. В этой брошюре мы не утверждаем, что он фактически является нашим инвестором. Мы лишь создаем иллюзию этого. Никакой лжи.

— В лучшем случае это лукавство, а в худшем — мошенничество.

Он резко прищурился и выставил челюсть. Его взгляд скользнул к закрытой двери офиса.

— Поговорим снаружи, — тихо сказал он. — Я объясню, как это работает. Тут все в новинку для тебя, детской художницы с литературным образованием. Полагаю, учебная кривая будет весьма крутой.

Во мне вспыхнул гнев.

— Возможно, я не сведуща в строительном бизнесе и торговле недвижимостью, — резко сказала я. — Но я отнюдь не тупая.

Он жестко сжал мое предплечье, так что я вздрогнула от неожиданности.

— Пошли, — проворчал он и насильно вывел меня за дверь, захлопнув ее за собой. Жаркий ветер разметал мне волосы. Мартин повел меня на автостоянку поодаль от здания. Потом остановился и наклонился ко мне.

— Факт в том, что ты принадлежишь к семье Хартли, Элли. И я...

— Я твоя жена, Мартин. Я *миссис Крессуэлл-Смит*. До того я была Элли Тайлер, женой Дуга. Использование моей девичьей фамилии в рекламной брошюре — это обман.

— Да ради бога, это не обман, это правда о том, кто ты такая. «Наследница Хартли». Любой, кто усмотрит в этом нечто большее, сам будет виноват. У них нет юридических оснований оспаривать это. Подумай об этом как юрист.

— Я не юрист, как и большинство покупателей, которые будут введены в заблуждение.

— Это чертов маркетинг! Покупатель должен быть разборчивым. Так устроен весь мир — от зафотошопленных моделей до рекламы мыла, зубной пасты или автомобилей. Или ты думаешь, что парень в белом халате, выступающий по телевизору, на самом деле является врачом? Ты думаешь, будто модель с безупречной кожей добилась такого результата, пользуясь товаром, который она пытается запихнуть тебе в глотку? Думаешь, будто шампунь действительно подарил той актрисе ее роскошные густые волосы? О господи! Пора уже повзрослеть, Элли. Фамилия Хартли — как тот же врачебный халат. Она помогает запустить предварительные продажи. И если мы будем продолжать в таком же темпе, то выйдем на газетные заголовки. Это заставит серьезные банки обратить внимание на проект, и они будут соревноваться друг с другом, чтобы внести свою долю инвестиций на следующих этапах. Тебе никогда не приходилось беспокоиться о следующей зарплате, потому что ты провела всю жизнь в башне из слоновой кости. Люди вроде тебя могут себе позволить мелкую филантропию; ты сидишь высоко, а другим приходится толкаться и суетиться.

— Люди вроде *меня*? — Пот стекал по моему животу под поясом джинсов. Жара сгустилась и стала удушливой. Мир вокруг меня качался в такт течению реки сбоку от нас. Мне показалось, что меня сейчас стошнит. — А как насчет *тебя*, Мартин? Судя по цифрам в послебрачном контракте, который положил на стол твой юрист, ты тоже сидишь высоко и можешь многое себе позволить. Или это тоже ложь? Вероятно, мой отец прав, и я была идиоткой, когда не подумала о подписании добрачного контракта, прежде чем мы повенчались в Vegasе.

Он заморгал. По его лицу пробежала тень тревоги. Его взгляд метнулся в сторону офиса продаж. Я посмотрела туда; Леннин стояла у окна и наблюдала за нами. Порыв жаркого ветра снова изогнул вывеску, и меня пронзило воспоминание, связанное с волосами этой девушки. Я мысленно увидела человека, похожего на Мартина, целовавшего молодую женщину с каштановыми волосами перед тем, как они сели в оранжевый автомобиль на подземной автостоянке. Это воспоминание плавно просочилось в другое воспоминание о таком же автомобиле, припаркованном недалеко от моей квартиры в дождливую ночь, когда Дана последний раз пришла ко мне в гости. Я так и не спросила ее, с кем она разговаривала в этом автомобиле. После той ночи Дана перестала отвечать на мои звонки, и наша дружба закончилась. Я неожиданно затосковала по

ней. В моем сердце образовалась щемящая пустота. Мир вокруг меня качнулся, и у меня подогнулись ноги.

Мартин подхватил меня, прежде чем я осела на землю.

— Ты в порядке? — спросил он, поддерживая меня.

— Просто... я устала. Обезвожена. Я плохо себя чувствую... нужно сесть.

— Прости меня, прости, Элли. Я сразу вывалил на тебя слишком много. Разреши мне отвести тебя на яхту. На воде будет прохладнее, — он помог мне отойти от офиса продаж под бдительным взглядом Леннин. — Должно быть, ты еще и проголодалась.

— Просто выдохлась и немного больна.

— Мы зайдем на яхте в бухту, устроим пикник, потом посетим обзорную площадку и уедем в Джервис-Бэй.

— Мартин, я... мне действительно плохо. Мне нужен отдых. Я...

— Ты можешь прикорнуть на яхте. Я встану на якорь где-нибудь в тени.

Он вывел меня на причал.

— Как насчет моих чемоданов в кузове фургона?

— Я закрыл их брезентом. Леннин присмотрит за автомобилем.

Я с трудом сглотнула. Язык еле ворочался во рту и казался чужеродным предметом. Слова были смазанными и выходили с запинкой.

— Где ты нашел Леннин?

— Она великолепна, не правда ли?

Я хотела сказать что-то еще насчет использования образа моего отца в рекламной брошюре, но не могла думать связно, чтобы нормально выражать свои мысли. Я сама была виновата в этом. Мне не следовало принимать лоразепам, а тем более запивать его сидром. Теперь я страдала из-за этого и жаждала очередной дозы, чтобы прогнать это чувство.

Мартин провел меня по причалу. Я снова споткнулась, и меня пронзил моментальный приступ тревоги. Это нечто большее, чем синдром смены часовых поясов и ломка после седативных препаратов. Он обвил рукой мою талию и проводил на яхту, пришвартованную у причала.

— Вот она. Красавица, правда?

Судно было раскрашено в белый и голубой цвета. Оно качалось у причальных свай и мягко дергало за канаты.

— Стекло кабины изготовлено по суперпигментной технологии, — сказал Мартин. — Круговой обзор. Маленькая, но функциональная рубка. Отлично подходит для глубоководной рыбалки, но и для ночевки в тихом месте. Превосходная стабильность при стреловидной носовой части.

Я увидела название, выгравированное на борту. «Абракадабра».

В моем помраченном сознании всплыло еще одно воспоминание — о волшебном шоу вечером перед нашей свадьбой. Я вспомнила лихорадочное оживление моего мужа, когда мы наблюдали за фокусником, и его слова о мошеннических трюках и хитроумии.

«Мы жаждем обмана. Нам хочется видеть мир чутью более фантастическим и поразительным, чем на самом деле. Поэтому мы посещаем театр, ходим в кино или читаем книги. Фокусник во многом похож на рассказчика; это плут, который пользуется неверными указаниями и ловкостью рук, чтобы манипулировать человеческим представлением о реальности».

— Вегас, — тихо сказала я. — Ты дал ей название в честь клуба?

— В память о той ночи, когда ты сделала мне предложение.

Я посмотрела на него. Он широко улыбался, демонстрируя ямочки на щеках. Но сквозь линзу моего полубредового восприятия его лицо выглядело гротескным, как у клоуна, его кожа неестественно блестела, волосы над бронзовым лицом казались желтым хохолком какаду.

— Наши вторые шансы, — он улыбнулся еще шире. Раньше я не замечала, что его верхние клыки немного длиннее остальных зубов. Это придавало ему зловещий вид. Высоко в небе кружила хищная птица. Она издала протяжный крик, и стайка лесных попугаев ярким разноцветьем устремилась в небо. Я утирала пот, проникавший в глаза.

— Это... очень мило, — сказала я. Честно говоря, я чувствовала себя совершенно пьяной. Тревога проникала все глубже. Я что, заболела?

Мартин провел меня вдоль борта, не обращая внимания на мое состояние. Может быть, оно было незаметным ни для кого, кроме меня? Он поднял холодильную сумку над ящиком и вручил мне спасательный жилет. Я запуталась в застежках. Он наклонился и застегнул его на мне. Потом отвязал яхту, вытянул канаты и завел мотор. Когда яхта отчалила, инерция движения заставила меня повалиться на заднее сиденье. Одинокий пеликан наблюдал за нашим отплытием.

Мы направились к маленькой бухте, оставляя за собой темный кильватерный след. Мартин вручил мне бледно-голубую бейсбольную кепку, чтобы защитить лицо от солнца. Я надела ее, закрыла глаза под темными очками и погрузилась в полубессознательное состояние, ощущая лишь рокот мотора и мерное покачивание.

— В сумке у твоих ног есть холодная вода, — голос Мартина разбудил меня. Я открыла сумку-холодильник, нашла бутылку воды среди ледяных кубиков и выпила сразу половину. Мартин что-то громко говорил, чтобы

перекрыть шум мотора, но его слова сливались в неразборчивый гул, когда туман в моей голове неожиданно сгустился.

— Приливно-отливная, — услышала я. — Бухта. Она приливно-отливная. Течение наполняет ее во время прилива, а потом вода вытекает в море во время отлива.

— Ох, — после холодной воды я чувствовала себя еще более обезвоженной. Мой язык распух во рту, мешая попыткам говорить, поэтому я замолчала.

Мы зашли в озеро. Вода мерцала и переливалась тысячами отражений. Я содрогнулась при виде стеклянистых пузырей — медуз, плававших повсюду у самой поверхности.

— Бассейн Агнес, — сказал он. — Мелкие реки отходят отсюда во все стороны... — бронзовая рука Мартина указала вдаль. Волоски на его предплечьях отливали золотом. Красивый мужчина, за которого я вышла замуж, или безобразный, огромный... Мои мысли путались, и я снова закрыла глаза.

— Эстуарий похож на лабиринт. Без знания местности можно заблудиться и сгинуть в этих болотах.

Он направил «Абракадабру» в узкий канал. Деревья плотно смыкались с обеих сторон, вода была серо-стального цвета. Яхта замедлила ход. Ветки царапали борта, вода плескалась возле корпуса. Густые заросли тростника дрейфовали вместе с приливом. Мартин направил судно к причалу под большим эвкалиптом. За причалом находилась мелководная бухта, чьи берега густо заросли деревьями, запускавшими в воду серые корни, похожие на хоботы. Он с громким плеском уронил якорь, и все стихло; осталось лишь комариное жужжание.

Сколько времени прошло с тех пор, как мы покинули пристань возле офиса продаж? Я утратила ощущение времени. Казалось, вокруг стало темнее, но, может быть, это впечатление складывалось из-за мрачной растительности.

— Почему мы остановились здесь?

— Это хорошее, уединенное место, — ответил он. — И послушай!

Из спутанных мангровых зарослей доносились странные звуки: пронзительные птичьи крики, хлопанье крыльев, чей-то охотничий зов, потом треск и кудахтанье. Рядом с яхтой выпрыгнула крупная рыба и плюхнулась в воду. Я поежилась.

Мартин только посмеялся надо мной.

— Мы построили этот причал. От него идет тропа к заброшенной ферме, где мы хотим построить экогостиницу. От нее веером раскинется

система дощатых настилов — природных троп, ведущих в укромные места мангрового болота. После ленча я отведу тебя к обзорной площадке рядом со старым фермерским домом.

Он открыл сумку-холодильник и достал пластиковые контейнеры с холодной курицей и картофельным салатом. Потом разложил еду на тарелки, налил охлажденное вино в настоящие бокалы, добавил лед и с легким поклоном протянул мне тарелку и бокал.

Я заморгала, глядя на него. Мне не верилось, что я на самом деле нахожусь здесь. Меня выдернули из зимних сугробов и переправили в эту непонятную землю антиподов, где все было слишком жарким и ярким, наполненным дисгармоничными звуками. Может быть, сейчас я проснусь на борту самолета...

— Твое здоровье, Эль, — он поднял свой бокал. Преломленный свет танцевал в жидкости, лед звякал о стекло. Жажда стиснула мне горло.

Мы выпили. Почти сразу я допила бокал до дна; эта странная жажда доводила меня до иступления. Мартин наблюдал за мной. В небе над нами сгустились облака, загородившие ослепительную знойную дымку. Серо-стальная вода стала черной. От мангровых зарослей веяло чем-то зловещим.

В небе вспыхнула молния, и я подняла голову. Прогремел гром, заглушивший отдаленный грохот прибоя. Налетевший ветер принес с собой зловонные запахи из леса. Я не понимала, что такого Мартин увидел в этом месте. Я не видела никакой красоты и не могла представить здесь чудесные сцены, изображенные в рекламных брошюрах. Во мне зашевелился ужас. Я сделала что-то страшное, совершила крупную ошибку.

— Не беспокойся, во второй половине дня здесь часто гремит гром, — сказал Мартин. — Сейчас жарко не по сезону, и давление ежедневно повышается. Скоро наступит перелом, и пойдут дожди.

Он наполнил мой бокал. Я выпила еще холодного вина, немного поела и почувствовала некоторое облегчение. Он снял заднее сиденье и разложил одеяло, чтобы я могла лечь, что я и сделала, глядя на листья эвкалиптов. У меня закрывались глаза, и я наконец позволила изнеможению одержать верх надо мной. Мир вокруг померк под легкое покачивание яхты в начале отлива.

* * *

Я проснулась рывком.

Я лежала на полу яхты. Наступили сумерки. Огромные летучие мыши парили над головой и залетали в гущу деревьев. С ветвей свисали другие летучие мыши, издававшие скрипучие звуки. Мной овладело смятение, быстро переросшее в панику. Я встала на колени, поднялась на ноги и неуклюже схватилась за опору лодочного тента.

— Мартин! — позвала я, обращаясь к густым мангровым теням.

Пронзительный крик разорвал воздух, и мое сердце учащенно забилося. Какая-то птица с доисторическим голосом. Я задрала голову. Небо за изогнутым силуэтом лесного полога было расчерчено киноварными полосами и грозными оранжевыми сполохами. Я снова опустилась на колени; конечности отказывались служить мне. Я перегнулась через борт в надежде, что меня стошнит, но ничего не вышло: горькая желчь лишь подступила к горлу.

— Мартин! — хрипло крикнула я.

Он с треском продрался сквозь кусты в дальнем конце причала. Он нес фонарик и стопку фанерных плакатов. Я видела слова на верхнем плакате, пока он шел к яхте по деревянному настилу.

ОСТАНОВИТЕ СТРОИТЕЛЬСТВО РЕЧНОГО ПОРТА! КИСЛОТНЫЙ РАСТВОР УБИВАЕТ!

— Где ты был? — требовательно спросила я, снова попытавшись встать. — Куда ты ушел... и откуда эти вывески?

— Добро пожаловать обратно, — прохладно отозвался он. Его рот кривился от неудовольствия. Он забрался на борт и с грохотом сбросил плакаты на пол яхты.

Я посмотрела на них, потом на мои босые ноги. Когда я сняла обувь? Щиколотки были красными и распухшими от комариных укусов. Рядом со мной валялась пустая бутылка из-под розового вина. Но ведь мы пили белое? Я прикоснулась к лицу. Оно тоже было искусано и сильно чесалось. Мои губы облупились и потрескались.

— Я хотел показать тебе старую ферму, — грубым тоном сказал он, когда вылез на причал, чтобы отвязать желто-голубую канатную веревку. — Хотел показать тебе виды сверху на нашу землю, — он сердито дернул веревку, забрался на борт и встал у руля. — Тебе правда не следовало пить так много вина после долгого перелета и бутылки сидра, Элли.

— Что? — Я приложила ладонь к влажному лбу. Я не могла размышлять. Я не могла вспомнить.

— Надень этот проклятый спасжилет. — Он дал задний ход от

причала, вспенив воду винтами. — Полторы бутылки? Утром ты пожалеешь об этом. И посмотри, как ты искусана. Тебе не хватило трезвости даже для того, чтобы воспользоваться репеллентом, который я тебе дал.

— Но я... я не пила...

Он нагнулся, поднял бутылку из-под розового вина и повертел перед моим лицом.

— Пустая до последней капли.

У меня во рту действительно стоял кислый привкус давно выпитого вина. Я чувствовала себя полупьяной. Он спрятал пустую бутылку и бокал в боковой ящик рядом с агрессивно выглядевшим багром с надписью «Абракадабра», выгравированной на наконечнике. Потом Мартин направил лодку в канал и увеличил скорость, так что в темной воде за кормой потянулся V-образный кильватерный след. Деревья опускали ветви, стараясь зацепиться за нас. Летучие мыши кружились и взлетали в киноварно-красном небе. Воздух был наполнен неземными криками и воплями.

Я посмотрела на фанерные плакаты, валявшиеся у моих ног.

***ОСТАНОВИТЕ СТРОИТЕЛЯ РЕЧНОГО ВОКЗАЛА!
УБИТЬ МАРТИНА!***

— Поганые протестанты, — проворчал он. — Они проникли на старую ферму. Это частная собственность — моя собственность. Я порву этих мудаков на куски, порежу их ножом. Воткну в них мой багор и оставлю истекать кровью, на пищу илистым крабам.

Я скривилась от его нескрываемой ярости и ругани. Это выглядело пугающе, так как было в равной степени направлено на меня, как и на протестующих.

— Я не могла выпить все это вино, Мартин, — тихо сказала я. У меня сохранились воспоминания только о нескольких глотках. Потом был зияющий провал. Я проснулась на борту яхты.

Он не ответил. Я попыталась воссоздать дневные события, но едва смогла вспомнить, как начала есть курицу и картофельный салат.

Яхта вышла в речной бассейн. Когда он резко развернул руль, я потеряла равновесие и упала набок. Острая боль прострелила колено.

Я собралась с силами и осторожно опустилась на заднее сиденье.

— Я знаю, что не могла выпить все это вино, Мартин.

Он ничего не сказал и даже не посмотрел на меня.

— Я знаю, что не делала этого, — громко повторила я.

Но я уже не была так уверена. Во мне нарастала тихая паника. Такое уже два раза случилось раньше — в темном промежутке между гибелью Хлои и моим нападением на Дуга с ножом в ресторане, когда я увидела его ужинающим с любовницей, с женщиной, которую он предпочел мне. Я попыталась порезать их обоих. Этот публичный срыв предшествовал моей госпитализации. Внезапно я рванулась к планширу и сблевала за борт.

— Твою мать, Элли! — Мартин что-то вытер со своего рукава. — В следующий раз, пожалуйста, делай это с подветренной стороны.

Суд по делу об убийстве

Февраль, наше время.

Верховный суд Нового Южного Уэльса

Барристер Питер Лоррингтон встает, готовый к перекрестному допросу. У Лоццы сводит живот. Недавно она рассказала суду о том, как они с Греггом прибыли на место и обнаружили тело Мартина. Хотя стороне обвинения не разрешается задавать наводящие вопросы на этом этапе, адвокат защиты может это делать и делает во время перекрестного допроса. Лоррингтону понадобится прямо или косвенно с самого начала определить свою защитную стратегию, и Лоцца знала о своей уязвимости. Они с Греггом — слабое звено в деле Короны. Лоррингтон будет безжалостно поджаривать ее в попытке посеять сомнения в достоверности уголовного расследования и склонить присяжных к разумному сомнению. Она ощущала взгляды своих коллег на набитой галерке.

Лоррингтон сверяется со своими записями и поднимает голову. Лоцца смотрит прямо на него и сглатывает.

Тишина в зале суда становится вязкой.

Слова Лоррингтона звучат внезапно, как пулеметная очередь:

— Старший констебль Бьянки, вы прикасались к телу до прибытия бригады криминалистов и патологоанатома? Вы каким-либо образом шевелили его?

Лоцца медлит с ответом.

— Тело уже было сдвинуто с места, когда подросток нырнул и перерезал веревки.

— Но *вы* прикасались к телу?

— Констебль Эббот поскользнулся и упал в воду, — осторожно говорит она, не желая подставлять партнера под автобус. — Он случайно столкнулся с покойным, в результате чего тот перевернулся на спину.

Лоррингтон задумчиво потирает подбородок.

— Значит, *таким образом* вы определили, что это было убийство?

Лоцца раздраженно вспыхивает и тут же успокаивает себя. Барристер пытается расслабить и разговорить ее, выставить ее действия как

свидетельство вины.

— Именно так я увидела багор, воткнутый в его грудь, следы удушения и веревку, обмотанную вокруг лодыжек покойника.

Коникова кивает.

— Ваша честь, я не вполне понимаю, к чему...

— Я перейду к сути дела, ваша честь, — отрывисто произносит Лоррингтон. — Детектив Бьянки, вы и констебль Эббот первыми прибыли на место преступления, верно? Вы были первыми сотрудниками полиции, увидевшими тело Мартина Крессуэлл-Смита?

— Да, сэр, — отвечает Лоцца. — Я, констебль Эббот и констебль Мак Макгонигл, который был шкипером.

— Итак, для ясности: тело было потревожено обычным должностным сотрудником полиции, прежде чем детектив и квалифицированные криминалисты из уголовной полиции штата прибыли на место преступления?

Лоцца тихо кашляет.

— Как я уже сказала, констебль Эббот поскользнулся и упал в воду, задев тело.

— То есть ответ утвердительный?

— Да, — медленно говорит она. — Но я опытный детектив, сэр. Я пять лет прослужила в отделе уголовных преступлений этого штата.

Лоцца видит ловушку, когда произносит эти слова. Она вошла в мышеловку. Позднее Лоррингтон вернется к ее послужному списку во время работы в отделе убийств. Он собирался извлекать ее в грязи ради спасения своей клиентки. Она заставляет себя смотреть ему в глаза.

— Сколько прошло времени до прибытия сержанта-детектива Корнелла Тримэйна и группы криминологических экспертов?

— Два часа и тридцать три минуты, — отвечает Лоцца. — Они дислоцировались в районе Сиднея, прилетели в Агнес-Бэзин на вертолете и были доставлены к месту преступления на катере. Сильная гроза на какое-то время задержала их.

— Что вы делали на месте преступления в этот промежуток времени?

— Констебль Эббот выставил кордон на участке вокруг тела. Я пошла по тропе туда, где находится старый, заброшенный фермерский дом.

— Одна?

— Да, — тихо говорит Лоцца, мысленно возвращаясь к тому дню и к жуткой сцене, которую она обнаружила. — Я пошла одна.

Раньше

Элли

26 октября, более одного года назад.

Джервис-Бэй, Новый Южный Уэльс

Свет струился через открытые жалюзи, ровный и ослепительно яркий. В комнате было жарко. Моя голова гудела, все тело болело. Птицы — ужасные птицы ярчайших расцветок — порхали с ветки на ветку и верещали за окном.

Осознание того, что я нахожусь в моем новом доме, встряхнуло меня, как электрический разряд. Обнаженная, запутавшаяся во влажных простынях. Кислый привкус рвоты и винного перегара во рту, к которому примешивался оттенок металла... *кровь?* Я прикоснулась языком к нижней губе; она была рассечена и распухла. Мое сердце учащенно забилося, и я осторожно повернула гудящую голову. Моя одежда скомканной кучей валялась на полу. Ужас, чистый ужас. Я сунула руку под простыню и ощупала себя между ног. Липко, набухло, саднит.

Я крепко зажмурилась, пока страх поднимался и кружил надо мной, словно осязаемое существо. В мозгу всплывали разрозненные фрагменты воспоминаний. Гром. Белая молния. Проливной дождь, запах воды на сухой земле. Мартин, выезжающий на подъездную дорожку. Летучие мыши на дереве над гаражом. Он наполовину несет, наполовину волочит меня по какой-то лестнице. Потом... ничего. Пустота, черная дыра. Мой страх обернулся ужасом. Неужели это происходит снова? Отключение сознания?

Я села, оттолкнувшись локтями, и заметила свое отражение в зеркальных дверцах шкафа на другой стороне комнаты. Я находилась на двуспальной кровати и едва узнавала женщину с всклокоченными темными волосами, набрякшими веками, кругами под глазами, рассеченной губой и красным искусанным лицом, смотревшую на меня из зеркала.

Я приложила ладонь ко лбу.

«Думай, черт побери! Вспоминай».

Но я не могла.

Я посмотрела на подушку со вмятиной, где лежала голова. Бутылка

воды стояла рядом с цифровыми часами на прикроватном столике. Все еще холодная, покрытая конденсатом. Она недолго простояла здесь. Ее оставил Мартин? На часах было 14.56.

Из-за открытого окна донесся звук автомобиля: хруст гравия под колесами. Я выбралась из кровати, побрела к окну и заморгала от резкого света. Я находилась на втором этаже. Подъездная дорожка внизу была пуста, дверь гаража открыта. Меня обдало волной облегчения. Мартин уехал. Я не могла допустить, чтобы он увидел меня в таком виде; теперь у меня было время собраться с силами и подумать.

В ванной, примыкавшей к спальне, я обнаружила мою косметичку, лежавшую на белой мраморной полке. Все вокруг было белым, от кафеля до свежих полотенец. Кто-то опустошил мою косметичку: моя зубная щетка и паста лежали в чашечке возле умывальника. Я старалась не смотреть на мое отражение, пока торопливо чистила зубы. Потом я приняла горячий душ. Когда мыло прикослось к моим интимным местам, они начинали саднить. Я напряглась. Что бы ни случилось вчера ночью, секс был агрессивным. Возникло смутное воспоминание... или обрывок кошмара? Меня грубо схватили и удерживали на месте, несмотря на сопротивление. Я отогнала от себя эту картинку. Мне не хотелось признаваться себе, что, возможно, это был не сон. Я нервно растерлась полотенцем и расчесала влажные волосы.

В зеркальном шкафчике над умывальником лежали остальные вещи из моей косметички, включая бутылочку с обезболивающими средствами и... *пузырек с таблетками ативана.*

Я смотрела на него с сильно бьющимся сердцем. Мартин. Он раскрыл мою косметичку и увидел мои таблетки. Я выдвинула верхний ящик маленького комода под полкой и похолодела от ужаса. Он обнаружил богатый запас таблеток, упакованный в моем чемодане, и положил их сюда.

Ярость и тревога бушевали в моей груди. Как он *посмел* рыться в моих вещах! Почему он не уважает мою личную жизнь? Разумеется, даже в браке должны существовать какие-то границы? Дуг всегда давал мне личное пространство. Я и представить не могла, как он разбирает мои вещи, особенно мою косметичку. Или я ошибалась, и все мужчины это делают?

Я с шумом выпустила воздух из легких.

Независимо от моих чувств, теперь Мартин видел все мои таблетки. Я достала из шкафчика пузырек ативана и поспешно проглотила таблетку в надежде снять остроту наступавшего полномасштабного приступа паники. Когда я вернула пузырек на место, то увидела, что он положил рядом мои

мультивитаминовые капсулы. Я проглотила одну капсулу и добавила таблетку от головной боли.

Завернувшись в полотенце, я прошла в спальню и сдвинула в сторону зеркальную дверцу шкафа-купе. Здесь была одежда Мартина. Я озадаченно посмотрела на немисливо аккуратную стопку футболок, разложенных по цвету. Парадные рубашки на плечиках были развешаны через равные интервалы. Это производило зловещее, холодное впечатление. Невероятная организованность; как я раньше не заметила в нем эту черту? Вероятно, потому, что мы еще не жили вместе. После свадьбы он лишь несколько раз ночевал в моей квартире, а остальное время он проводил между деловыми поездками и своей штаб-квартирой в Торонто.

Я открыла другую половину шкафа. Он развесил и сложил мою одежду, включая лифчики и трусики, по сходным цветовым парам. По моей спине пробежал холодок. Он перетрогал все мои вещи и распорядился ими по своему усмотрению.

Я нашла сарафан и натянула его через голову, когда почувствовала действие ативана. Лекарство принесло облегчение. Потом я занялась макияжем, постаравшись свести к минимуму последствия алкоголя и комариных укусов. Наконец я босиком спустилась вниз.

Внизу все было белым. Большая комната с открытой планировкой, выдержанная в стиле минимализма. Огромные абстрактные картины с цветовыми мазками — кроваво-красные полосы, черное на желтом. Стеклопанная раздвижная дверь выходила на лужайку, полого спускающуюся к деревьям вдоль реки. Бонни-Ривер, по моему предположению. Я видела устье реки, где коричневая вода струилась в аквамариновое море. За устьем находился скалистый мыс, где волны грохотали и пенились, взметая тучи белых брызг.

Я прошлепала в гостиную; белые плитки были приятно гладкими под босыми ступнями.

— Мартин! — позвала я.

Новый дом ответил гробовой тишиной.

— Мартин! — еще громче окликнула я.

Нет ответа.

Слева я увидела закрытую дверь и повернула ручку. Заперто. Кабинет Мартина? Но зачем ему запираяться от меня? Мое беспокойство усилилось.

Кухня была огромной. Опять-таки все белое, даже полотенца для посуды. Никаких грязных тарелок в раковине или забытых кофейных чашек на столе. Холодильник для алкоголя был полностью загружен белыми и розовыми винами, плюс две бутылки просекко. Когда я изучала

ряды охлажденных бутылок, во мне шевельнулось слабое желание, но вместо этого я открыла главный холодильник в поисках холодной воды. Пошарив среди бутылок пива и сидра, я нашла бутилированную воду. Отвинтила крышку и замерла с внезапным ощущением, что за мной наблюдают. Я опустила бутылку и развернулась. Ощущение слезки усилилось.

— Мартин? — тихо спросила я, но там никого не было.

Я направилась к раздвижной двери и вышла в патио с видом на реку. Воздух был насыщен запахами моря. Ощущение слезки никак не отставало от меня. Я посмотрела на деревья, и в ту же секунду два какаду с ярко-желтыми хохолками с пронзительными криками понеслись ко мне. Я ахнула и пригнулась. Они захлопали крыльями надо мной и улетели с издевательским клекотом. Я с трудом успокоила сердцебиение.

Я медленно описала круг, стараясь найти источник моего беспокойства. Слева от меня находился пустой участок, заросший чахлыми растениями. Справа располагался соседний дом. Я изучила окна второго этажа, смотревшие на наш двор. Кисейная занавеска шевельнулась, возможно, от дуновения жаркого бриза, поскольку я никого не заметила. Сиплые птичьи крики были громкими и назойливыми.

Я прошла по жесткой траве вниз по склону к небольшому эллингу, про который Мартин говорил, что он будет идеальным для моей студии.

На траве повсюду блестели капли воды. Вчера ночью явно прошел ливень, основательно размочивший землю. С листьев эвкалиптов до сих пор капало. Стебли травы жестко стелились у меня под ногами; все здесь было слишком жестким и резким.

Стены студии тоже оказались ярко-белыми — кухонька, крошечная ванная комната и диван, над которым висели одинокие черно-белые часы. Точно такие же, как в гостиной. Коробки, которые я доставила из Канады, были сложены перед кухонной тумбой. Раздвижная стеклянная дверь вела на дощатую площадку, уходившую к причалу на темной реке.

Я подошла к дивану, накрытому белым стеганым одеялом. Судя по вмятинам, кто-то недавно лежал здесь. Из-под угла подушки выглядывала полоска темной ткани. Я приподняла подушку. Это была вязаная резинка для волос.

Ее ткань была темно-зеленой, с вплетенными золотыми нитями. К ней прилипла длинная прядь каштановых волос. Волнистых волос. Я нахмурилась от воспоминания: Ленин, наблюдавшая за нашей ссорой из окна офиса продаж. За этим последовало другое воспоминание: брюнетка с двойником Мартина. Я вспомнила, как мне показалось, что Мартин

смотрел сквозь меня, не замечая ничего. Шепоток сомнения раздался снова.

«Нет, Элли, только не делай этого еще раз».

Я реально начала сходить с ума, когда заподозрила, что у Дуга есть роман на стороне. Мне повсюду мерещились знамения.

«Но ты не ошиблась, Элли. У него был роман. В конце концов, ты выяснила это».

«Да, но некоторые вещи были воображаемыми».

«Правильно, — как ты вообразила, что мужчина в гараже был Мартином. Но он был двойником, а не Мартином. Поэтому брюнетка, которую ты видела рядом с ним, ничего не значит для тебя».

«Но как насчет каштановых волос, застрявших в резинке на этом диване?»

Я поднесла резинку к носу и принялась. Одновременно с этим я услышала какой-то шум и застыла на месте. Прислушалась. Вот снова: глухой стук.

Я быстро сунула резинку в карман и вышла из студии. На лужайке никого не было. За большими стеклянными окнами нашего дома не просматривалось никакого движения. Я пошла к гаражу вдоль забора с соседним участком. Вошла в боковую дверь. Внутри стоял полумрак. Автомобиля не было; Мартин еще не вернулся. Когда мои глаза привыкли к освещению, я убедилась, что интерьер гаража такой же аккуратный, как и платяной шкаф Мартина. На вешалке висел гидрокостюм. К стене была прислонена доска для серфинга. Тщательно развешанные инструменты на стене над верстаком. Рыбацкий нож лежал на столе рядом с багром, похожим на тот, который я видела на «Абракадабре». Возможно, это был тот самый багор.

Я вышла из гаража, и ощущение слезки вдруг стало почти непреодолимым. Я замерла, прикрыла глаза козырьком ладони и посмотрела на окна соседнего дома над оградой, увитой жасмином.

В окне на втором этаже снова дернулась занавеска. Я напряглась, когда увидела женщину, которая быстро отступила назад. Потом уперлась взглядом в пустоту, гадая, почему она не помахала мне.

— Эй! — позвала я и подошла к ограде, вдруг разозлившись на подсматривание, которое вызвало у меня неприятные ощущения на собственном дворе. — Эй, добрый день! — крикнула я над жасминовыми зарослями.

Ничто не пошевелилось.

Я выругалась и вернулась в дом, намереваясь позвонить Мартину,

выяснить, куда он пропал, и спросить, что такое с его соседями.

Наверху я нашла мою сумочку, порылась в ней, обнаружив мой паспорт, бумажник, авиабилеты и посадочные талоны... но телефона не было.

Я вывалила на кровать содержимое сумочки.

Мой телефон пропал.

Я огляделась по сторонам. Его не было ни на прикроватном столике, ни в ящиках, ни в ванной комнате. Я быстро спустилась на первый этаж и остановилась посреди гостиной с гудящей головой. Белый дом казался клиникой, выбеленной клеткой. Когда я последний раз пользовалась мобильным телефоном? В сиднейском аэропорту? Может быть, я потеряла его там? Теперь у меня не было способа связаться с Мартином. Я не заметила в доме ни одного стационарного телефона. Напоследок я потрясла ручку двери, ведущей в комнату, которую я посчитала кабинетом Мартина. Определенно заперто.

И даже если бы здесь был стационарный телефон, я не смогла бы вспомнить мобильный номер Мартина. Обычно я просто нажимала кнопку прямой связи с ним в списке моих контактов. Разве в наши дни кто-то запоминает телефонные номера?

Я нашла сандалии, снова вышла из дома и направилась к гаражу. Тот глухой стук, который я слышала, как будто раздавался за гаражом.

Когда я подошла к углу гаража, то услышала треск ветвей. Я застыла и прислушалась; сердце билось в грудную клетку с неестественной быстротой. Почему я ощущала беспричинный испуг? Должно быть, неустанные птичьи крики действовали мне на нервы. Я свернула за угол и замерла, как вкопанная.

Там стоял Мартин, весь в крови. Кровь капала с массивного ножа в его руке. Он изумленно посмотрел на меня и быстро шагнул вперед.

Я закричала и отступила от него.

Он ухмыльнулся. Потом засмеялся и помахал ножом передо мной.

— Ты застала меня врасплох, миссис Крессуэлл-Смит.

В моей голове всплыло очередное воспоминание: мои руки в железном замке над головой, бедра насильно раздвинуты. У меня пересохло во рту, и я попятилась от него.

Он заметно помрачнел и шагнул ко мне.

— Чего ты так боишься, Элли?

Раньше

Элли

Мой мозг переключился на первобытный режим. Я развернулась, собираясь убежать, но Мартин рванулся вперед и перехватил мою руку своей окровавленной рукой.

— Стой!

Я остановилась и захныкала. Слезы жгли мне глаза. Его пальцы впивались мне в кожу.

— Элли, — очень тихо и мрачно произнес он.

— Пожалуйста... пожалуйста, отпусти меня, — хрипло попросила я.

— Отступи на шаг от стены, Элли.

Я не могла пошевелиться. Просто не могла.

— Сосредоточься, Элли. Смотри на меня.

Я медленно повернула голову. Он указывал острием ножа на кирпичную стену.

— Видишь? Ты должна немедленно отойти в сторону. Сейчас же.

Я попыталась сосредоточиться. Кончик его ножа указывал на паука с гладким панцирем и мохнатыми ногами, которые в данный момент были направлены на меня, как и его жвалы, нацеленные для атаки.

— Он ядовитый, — тихо сказал Мартин, пока я смотрела на паука. — Воронковый водяной паук, один из самых ядовитых на свете. Сейчас ты должна отступить в сторону; ты едва не прикоснулась к нему.

Я смотрела на окровавленный нож. Его руки и рубашка тоже были в крови. Он отпустил меня, и я поспешно отошла от стены. Он положил нож на деревянный стол, где лежала крупная рыба со вспоротым брюхом и кучкой кровавых внутренностей, валявшихся рядом. Повсюду блестели налипшие чешуйки, над рыбой жужжали жирные мухи. Рядом со столом находилась стойка из нержавеющей стали и раковина, наполненная водой и заткнутая пробкой.

— Зог отправился на рыбалку. Он принес нам бонито^[15], и я занялся разделкой. Ты испугнула меня — я слушал музыку во вставных наушниках. — Он помедлил и сосредоточенно нахмурился. — С тобой все в порядке? Ты же не подумала, что я...

— Я тоже испугалась, — я вытерла рот дрожащей рукой. — Я... я искала тебя. Звала тебя. Потом услышала стук.

— Должно быть, это когда я отрубил голову рыбе.

Я заметила маленькие беспроводные наушники, лежавшие на деревянной полочке, прикрепленной к стене гаража над разделочным столом. У меня не было слов. Я по-прежнему думала о грубом сексе, об ощущении, будто я умоляла его остановиться... но я была не уверена, случилось ли это на самом деле.

— Иди-ка ты лучше в дом, Элли, а я позабочусь о пауке и закончу возиться с рыбой. Как насчет того, чтобы погулять вдвоем? Я покажу тебе окрестности.

Его голос был ласковым, взгляд добрым.

Я попыталась ответить, но в голове как будто произошло короткое замыкание, и это пугало меня больше, чем все остальное. Меня как будто одурманили.

— Элли?

— Твой автомобиль, — выпалила я. — Где он?

— Пикап? Я одолжил его Зогу, чтобы он смог вытащить свой катер из ремонтного дока и спустить на воду. Вот он и подарил нам этого красавца, — он указал на распластанную рыбу.

— Кто такой Зог?

— Владелец «Одинокого плавника», это магазин для серферов на пляжной дороге. Мы пройдем мимо, когда отправимся на прогулку. — Он помедлил. — Хорошо?

— Я не могу найти мой телефон.

— Ох, извини, — он вытер руки тряпкой и пошарил в боковом кармане рабочих шорт. — Вот, — он протянул мой телефон. — Я решил оказать тебе небольшую услугу, пока ты спала. Взял твой телефон и вставил новую сим-карту с настройками для Австралии.

Я взяла телефон и посмотрела на него. Он не только распаковал мою одежду и косметику, но и залез в мой телефон.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— Ты все еще неважно себя чувствуешь?

Я подумала о саднящей промежности, о провалах в памяти. О куче таблеток, которые он видел.

— Просто я очень устала после перелета, — осторожно ответила я.

Он широко улыбнулся.

— Но прошлая ночь была хороша!

Я заморгала.

— Секс, — пояснил он.

— Я... — я сглотнула. — Наверное, я совсем устала.

— Ты не помнишь? — обеспокоенно спросил он.

Жар бросился мне в лицо.

— Ничего, Эль, это нормально. Я даже не удивлен. Ты выключилась, как свет. А все из-за вина, — он выдержал паузу. — Поверх этих таблеток.

Мое лицо пылало. Я не помнила, что пила еще вино — любое вино, — но сегодня я проснулась со страшным похмельем. И я не могла поспорить с ним насчет таблеток. Он наклонил голову набок, внимательно глядя на меня.

— Ты уверена, что сейчас с тобой все в порядке?

Нет, сейчас я ни в чем не уверена.

Я кивнула.

— Я... думаю, я начну распаковывать свои коробки в студии.

Мне нужно было найти точку опоры. В этих коробках, доставленных через океан, находились мои художественные принадлежности, рисунки, эскизы, фотографии друзей и членов семьи, плюс другие вещицы, помогавшие определить, кто я такая и чем я занимаюсь. Мне хотелось распаковать все это, повесить картины и фотографии на клинически белые стены и оставить свой отпечаток на этом месте — нечто такое, что поможет мне чувствовать себя более реальной, поскольку я не могла отделаться от ощущения растущей дистанции между мною и действительностью. Я еще не освоилась в этой новой обстановке, не осмыслила масштаб этой стремительной перемены. Кроме того, ощущение расплывчатости и неопределенности никак не отставало от меня. Возможно, это был лишь тяжелый случай сбоя суточных ритмов организма, но мне не нравилось, как паранойя снова запускает свои холодные пальцы по краям моего сознания, пытаюсь проникнуть внутрь. Мне не нравилось беспокойство, которое я испытывала по отношению к собственному мужу.

— Отличная мысль, — сказал он и вернулся к рыбе.

Я еще раз взглянула на соседское окно; там никого не было. Тогда я пошла к своей приречной студии, безуспешно пытаюсь избавиться от ощущения, что меня выслеживают и подстерегают. Как добычу.

Раньше

Элли

Сначала Мартин отвел меня на высокий приморский мыс.

— Для серферов это хорошее место, откуда можно наблюдать за прибоем, — объяснил он. — Еще один зрелищный вид спорта — наблюдать, как небольшие суда пытаются попасть в Бонни-Ривер или выйти оттуда в море при разрушении песчаной косы. Видишь, вон там? — он показал туда, где коричневые воды речного устья широким веером впадали в синее море. — Отсюда они выходят. А вон там, — он указал на север, — эти оранжевые утесы вдалеке называются «точкой невозврата».

— А прямо перед нами? — поинтересовалась я.

Он усмехнулся.

— Тасманское море, всю дорогу до Новой Зеландии.

Мы покинули обзорный пункт и прошли вдоль утеса по дорожке перед современными домами с большими стеклянными окнами, откуда открывался вид на море. Повсюду порхали экзотические птицы. Я остановилась посмотреть на какаду, пьющего воду из каменной ванночки для птиц. На него тут же напала стайка древесных попугайчиков. Казалось, все живые твари здесь только и делали, что шумно ссорились друг с другом. Мартин указал на кукабарру, кормившуюся в траве среди розовых какаду. Он повел меня по узкой тропе, зигзагами спускавшейся с утеса к пляжу между кустами. Кролик метнулся в сторону у нас из-под ног, и Мартин объяснил, что одичавшие домашние кролики превратились в настоящую проблему.

— Иногда люди нанимают охотников для их отстрела; это безопаснее, чем яд.

— Что ты сделал с водяным пауком?

— Убил его. Пока он не убил нас.

Я смерила его взглядом, но он только рассмеялся.

— Воронковые водяные пауки отвечали за все случаи смерти от паучьих укусов в этой части Австралии, но фактически, после появления противоядия в 1980-х годах, таких случаев больше не было.

Он взял меня за руку и помог спуститься на последнем крутом участке перед пляжем. Маленькие камни, выскользавшие у меня из-под ног, скатывались к самому краю воды.

— Тебе просто нужно настроить восприятие на местную обстановку. Ты легко увидишь такую паутину, если знаешь, что искать. Воронковый паук выпускает несколько путеводных нитей, которые расходятся от его логова, сплетенного в форме воронки. Паук таится в глубине воронки, а когда насекомое пристает к одной из липких нитей, он с огромной скоростью выскакивает наружу, хватая добычу, кусает ее и утаскивает на дно воронки, где высасывает из нее все соки.

Мысль о гибели после случайного столкновения с мягкой шелковой нитью произвела на меня мрачное впечатление. Мы достигли песка, сняли сандалии и рука об руку побрели вдоль берега, словно в кино. Потом мы немного посидели в дюнах, глядя на волны и заходящее солнце, пока я пила горячий кофе из термоса, который Мартин принес в маленьком рюкзаке. Сам он отказался от кофе.

— Перед уходом я выпил целую кружку, — пояснил он.

Серферам приходилось нелегко в грохочущих волнах; к началу сумерек почти все они вернулись на берег. Я подумала о Хлое, утонувшей на знаменитом пляже для серфинга. Снова вернулись воспоминания о Дуге. Наша старая жизнь, моя прежняя личность, — все это казалось очень далеким. Что со мной случилось? Кем я была теперь?

К чему я иду?

«Это не навсегда, Элли. Ты здесь ради приключения. Ты приехала сюда, потому что влюбилась в этого мужчину и захотела разделить его мечту».

Я смотрела на его профиль и видела его силу и основательность. Он с улыбкой повернулся ко мне, и я увидела ямочки на его щеках, увидела того Мартина, которого любила. Тем не менее зловещее ощущение совершенной ошибки никак не отпускало меня.

Мои мысли вернулись к рекламной брошюре с портретом моего отца и факсимиле его подписи. Чистой воды обман. Я открыла рот, чтобы упомянуть об этом, но вовремя прикусила язык. Мне хотелось избежать конфронтации, во всяком случае, сейчас. Я вернусь к этому позже, когда полностью избавлюсь от последствий этого странного сбоя в организме и от тумана в голове.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— Я... я думала насчет попытки снова вернуться в воду, — сказала я и сама удивилась своим словам. Но идея обрела жизнь. — Возможно, если я это сделаю, то преодолею страх перед бурной водой, избавлюсь от мысленных блоков, выставленных после гибели Хлои. То плавание на островах Кука было первым шагом. Возможно, я готова к следующему.

Он внимательно смотрел на меня.

— Наверное, ты права, Эль. Возможно, тебе *стоит* попробовать.

Я кивнула.

— Может быть. Потом.

— Тогда ты перестанешь винить себя в смерти Хлои.

Я быстро взглянула на него. Для меня такие слова были естественными, но из его уст они были похожи на обвинение.

«Должно быть, это было ужасно, когда они нашли ее маленькое тело, разбитое о скалы и рифы... Полицейские допрашивали тебя так, словно ты была во всем виновата. Как будто ты умышленно отпустила ее».

Вероятно, Мартин действительно верил, что я виновата в ее смерти.

— Да, — тихо отозвалась я.

Он замолчал, но я чувствовала, как сгущается напряжение вокруг него. Через несколько секунд он сказал:

— Я видел таблетки, Элли.

— Тебе не следовало рыться в моих вещах, — ответила я, глядя на море.

Гремел прибой. Ветер стал прохладным и задул сильнее.

— Поэтому вино так быстро ударило тебе в голову вчера вечером? — спросил он. — Поэтому ты вырубилась — потому что запивала свои таблетки вином?

Я поставила кофейную чашку на песок. Мне *хотелось* поговорить начистоту. Хотелось, чтобы между нами не осталось секретов. Потом я посмотрела на него. Его глаза были такими же голубыми, как небо за его спиной. Я смотрела в небо прямо через его голову. Он выглядел встревоженным и озабоченным.

— Послушай, наверное, мне не стоило раскладывать твои вещи. Извини. Но я просто старался помочь, чтобы ты чувствовала себя как дома. Я думал, ты будешь благодарна. А когда я увидел таблетки, то уже не мог развидеть их.

Я кивнула.

— Этот ативан... он из группы бензодиазепинов. Они вызывают сильное привыкание. То есть болезненную привычку, — он немного помедлил. — Элли, я знаю, что в прошлом у тебя были проблемы, но я думал, что теперь с тобой все в порядке.

— Так и есть. Честное слово, я прекратила принимать таблетки. Но страх полета остается крупной проблемой, и мне понадобились кое-какие препараты, чтобы избежать приступа паники прямо в воздухе. — Я сделала паузу. — Последний раз я испытала такой приступ, когда пилот оповестил

об аварийной посадке. Стюардессы решили, что у меня сердечный приступ. Я просто не могла допустить, чтобы это случилось снова, особенно потому, что летела одна.

Какое-то время он молча смотрел на меня.

— Ты принимала бензодиазепины во время нашей поездки в Европу и в Вегас?

Я кивнула.

— Только в малых дозах. И только для перелетов. Но я беспокоилась о том, как устроена местная медицинская система, и... мне придется завести нового лечащего врача... — мой запас слов истощился.

— Ты боялась рецидива? И поэтому, для надежности, сделала большой запас?

— Наверное. В смысле, я уверена в этом. И на тот случай, если мы снова куда-то полетим.

Он поджал губы и долго смотрел на море.

— Каковы побочные эффекты? — тихо спросил он.

— В малых дозах — ничего особенного.

— А в более крупных?

— Когда действие заканчивается, меня иногда начинает трясти... или мне снова становится очень тревожно.

— Видишь? Именно поэтому они вызывают привыкание. Эль, ты хочешь еще больше, чтобы избежать побочных симптомов, и это превращается в порочную спираль.

Он был прав.

— Мне очень жаль, — тихо сказала я. — Я не та, за кого ты меня принимал. У меня до сих пор есть проблемы.

Он взял меня за руку и переплел мои пальцы со своими.

— Давай сделаем это вместе, ладно, Эль? Мы будем открыты друг перед другом. Если ты захочешь говорить со мной, я продолжу помогать тебе. Одна команда, верно? Наш второй шанс... — Его чувства читались в голосе и сияли в его глазах. — Я не хочу, чтобы все закончилось крахом.

— И я тоже.

— Мне правда жаль, что вчера я так сильно давил на тебя. Мне следовало бы понять, как сильно ты хотела спать после посадки. Я... поэтому ты *должна* говорить со мной. Я не понимал.

Он стиснул мою руку. Я задохнулась от прилива чувств. Мартин наклонился и поцеловал меня в щеку так нежно, что я внезапно преисполнилась твердой уверенностью. Мой ночной кошмар был именно кошмаром — жутким, лихорадочным сном, выросшим из последствий

долгого перелета, смены часовых поясов, обезвоженности, последствий алкоголя в сочетании с ативаном и чрезмерного секса, здорового и нормального, но почему-то не отложившегося в моей памяти.

— Обещаю, что перестану принимать таблетки, — сказала я и сразу почувствовала себя лучше.

— Я всегда буду рядом, хорошо?

Я кивнула и потянулась к моей чашке. Отпила еще глоток кофе, чувствуя, как в моей груди расплывается тепло и благожелательность. Я действительно была рада убрать с пути эту помеху.

— Уже поздно, — заметил он, когда солнце закатилось за край моря. — Как насчет того, чтобы перекусить в Пагго по пути домой? А рыбу Зога мы приготовим завтра на барбекю.

— Пагго?

— Паб «Мопс и свисток», — он ухмыльнулся. — Его называют «Пагго» для краткости^[16].

Я засмеялась, внезапно ощутив внутреннюю легкость.

— Ну конечно. В этой стране ничто не защищено от гипокории?

— От чего?

— От превращения слов в уменьшительные и ласкательные формы.

— Вот где сказывается твое литературное образование, — он хохотнул, поднимаясь на ноги, и протянул руку. Я позволила ему поднять меня на ноги и шаловливо ущипнула его.

— Вот тебе за это.

Но когда мы направились к дороге по тропе в дюнах, я потеряла равновесие и споткнулась на мягком песке. Он остановился и окинул меня взглядом.

Пот щипал мне кожу.

— Все в порядке?

— Да, только я снова... как-то странно себя чувствую.

Он с беспокойством посмотрел на меня.

— Мы можем сразу же поехать домой.

— Нет. Нет, все нормально.

— Ты уверена?

— Разумеется.

Он положил ладонь мне на копчик и направил по тропе к тротуару. Рядом находилась общественная уборная с мозаичной фреской на стене. Возле нее был душ на открытом воздухе, где серферы мыли свои доски и гидрокостюмы. Внезапно я увидела коричневый седан, стоявший на дороге, и замерла на месте.

Водитель наблюдал за нами. Когда я посмотрела на него, он поднял окошко. Я нахмурилась. Мне было непонятно, почему этот автомобиль с самого начала привлек мое внимание. Возможно, из-за зловещего ощущения непрерывной слезки. Давным-давно я где-то читала, что наше тело может ощущать вещи, о которых даже не подозревает наш мозг. Вероятно, мое подсознание что-то подцепило.

Когда мы достигли конца пляжной дороги, я оглянулась. Темный седан выехал со стоянки и медленно покатился вслед за нами.

Раньше

Элли

Я была настолько поглощена мыслями об автомобиле, следовавшем за нами, что споткнулась на неровной плитке тротуара.

— Ты в порядке? — снова спросил Мартин.

— Я бы предпочла, чтобы ты перестал спрашивать об этом, — отрезала я. — Судя по твоим словам, мне совсем плохо.

— Ты часто спотыкаешься, Эль.

— Это ничего не значит. Обычная невнимательность.

— Ты принимала ативан перед выходом из дома?

У меня потемнело в глазах.

— Элли! Мы договорились быть откровенными, помнишь?

— Я... мне нужно было что-то принять после... после этого паука, после твоих окровавленных рук. У меня началась паника. Мне нужно было как-то успокоиться.

— Сейчас у тебя с собой есть таблетки?

Чувство вины подкатило к горлу.

— Нет, — солгала я. — Теперь со мной все будет в порядке, я же сказала. Просто... отвыкание — это нелегкое дело. Раньше я уже проходила через это. Постепенное сокращение дозировки эффективнее, чем полное прекращение: это медицинский факт. Принудительная абстиненция может привести к возвращению психиатрических симптомов, находившихся в латентном состоянии во время употребления препаратов. Мне по собственному опыту известно, что это приводит к обостренной тревожности, симптомам посттравматического стрессового расстройства, обсессивно-компульсивному расстройству или к депрессии. Последний раз я отвыкала от препаратов под наблюдением психиатра, потому что находилась в клинике после того, как попыталась заколоть Дуга. Меня обязали это сделать по решению суда.

Мартин кивнул. Дальше мы шли молча, и я ощущала перемену в его настроении. Он был обеспокоен. Возможно, теперь он заберет мои лекарства и избавится от них. Возможно, мне нужно спрятать их, прежде чем он это сделает.

— Знаешь, завтра я хотел взять тебя на рыбалку, — сказал он и посмотрел на небо, приобретающее мягкий лазурный оттенок с

наступлением сумерек. — Погода должна быть хорошей. Я отвлеку тебя от мыслей о таблетках.

Это было утверждение, а не вопрос или дружеское предложение.

— Я... надеялась немного освоиться в моей студии и вернуться к работе. У меня подступает окончательный срок по одному проекту.

— Тебе понравится, вот увидишь. Умственная передышка будет полезна для тебя. Мы отправимся к РНУ, это недалеко от континентального шельфа. Там, где синяя вода и плавают большие пелагические рыбы. Это будет здорово!

— Что такое РНУ?

— Рыбонакопительное устройство. Это рукотворный объект, обычно в виде бакена, прикрепленного к дну океана с помощью бетонных блоков. Государственные рыболовные организации разворачивают такие бакены вдоль побережья для привлечения крупных океанических рыб, таких как марлины, тунцы, корифены и акулы. Рыба собирается вокруг РНУ, плавая по разным орбитам и на разной глубине вокруг устройства — это нечто вроде магнита для нее.

Мимо нас медленно проехал светло-коричневый автомобиль, свернувший на дорогу, куда мы направлялись. Я обратила внимание на регистрационный знак с надписью «Квинсленд, солнечный штат» — каштановые буквы на белом фоне. Номера были заляпаны грязью, но я различила три последних буквы: *GIN*.

Когда мы свернули на улицу, я снова увидела автомобиль, стоявший под большим эвкалиптом с облезлой корой. Мой пульс участился, и я остановилась.

— Видишь этот автомобиль? — обратилась я к Мартину.

— Коричневую «короллу»? Да.

— Он следит за нами.

Мартин нахмурился.

— Зачем кому-то следить за нами, Элли?

— Не знаю. Может быть, ты скажешь?

Мы снова пошли, но медленнее, и он внимательно осмотрел «короллу», пока мы приближались к ней. Он выглядел встревоженным, но я была не уверена, относится ли это к автомобилю или к моему состоянию.

— Это распространенная модель, — заметил он. — Ты случайно не увидела номерной знак того автомобиля, что стоял перед нашим домом?

— Нет.

Седан внезапно выехал из-под дерева и покатился по дороге, увеличивая скорость. Зажглись тормозные огни. Машина свернула направо

и скрылась из виду. Ветер набирал силу, осыпая нас кусочками коры. Стайка попугаев с пронзительными криками спорхнула с кроны.

— Возможно, перед нашим домом стояла другая «королла», — сказал он. — Та, что уехала, могла принадлежать какому-нибудь серферу, который сначала ехал медленно, изучая прибой, а потом остановился поговорить по мобильному телефону. Тут годится любое объяснение.

— Думаю, дома за нами тоже кто-то следил. Человек в оранжевом «субару».

Он застыл, как вкопанный.

— *Что?*

— Да. Тот автомобиль был оранжевого цвета.

— Ты имеешь в виду, один из «кросстрекков»?

— Да.

Кровь отлила от его лица, которое мгновенно сделалось непроницаемым. Его окружала вибрирующая энергия, осязаемая целеустремленность.

— Ты уверена?

— Да.

— Ты видела водителя того оранжевого «субару»? Или его номерные знаки?

— Нет. Но думаю, бело-синяя номерная табличка была зарегистрирована в Британской Колумбии.

— А как насчет водителя коричневой «короллы»? Ты успела его разглядеть?

— Лишь мельком. Он поднял окошко, как только я посмотрела в его сторону.

— Он?

— Да, это был мужчина.

— Ты бы узнала его, если бы увидела снова?

Я немного подумала.

— Нет, едва ли. Его лицо находилось в тени.

— Странные дела, — пробормотал Мартин.

Мы дошли до паба, но Мартин заметно помрачнел и не стал заглядывать туда. Он пошел быстрее, выставив плечи вперед, как будто был рассержен. Я старалась не отставать, но дышать становилось все труднее, и беспокойство все сильнее одолевало меня.

Когда Мартин вырвался вперед, я пошарила в кармане и быстро положила таблетку под язык.

Он остановился и повернулся ко мне:

— Что такое?

— Ничего. Просто мне попал камешек в сандалию.

Раньше Элли

Деревянная вывеска паба «Мопс и свисток» слегка покачивалась на металлических цепях под дуновением морского ветра. У здания с историческим фасадом имелся огороженный задний двор, где подавали пиво и вино. Эвкалипты были украшены гирляндами китайских фонариков, на обочине паслись розовые какаду, мухи жужжали над многочисленными посетителями за столиками на передней веранде.

Я остановилась под вывеской. На дереве была вырезана фигура мальчика с доской для серфинга под мышкой. Он запрокинул голову к небу и что-то насвистывал, а за ним следовал толстый и веселый мопс. Мопс и Свистун.

— У хозяйки, Боди Рабинович — мы зовем ее Рабз, — есть настоящий мопс, — сообщил Мартин, проследив за моим взглядом.

Вывеска выглядела дружелюбной, как и само место. Я немного успокоилась, — возможно, от действия ативана. Тем не менее я быстро оглянулась и убедилась, что «короллы» нигде не видно в сгущавшихся вечерних сумерках.

Мартин отодвинул занавеску из длинных лент ПВХ, висевшую над входом. Когда мы вошли, полосы из толстого пластика с шорохом сомкнулись за нами. Они напомнили мне лавку мясника, но занавеска хорошо защищала от жары, потому что внутри было прохладно. Тусклое освещение, и оживленный шум голосов. Из старомодного музыкального автомата в углу доносилась бодрая мелодия. Стены были украшены досками для серфинга и рыболовными достопримечательностями.

— Эй, Марти! — крупная женщина вышла из-за стойки, вытирая руки тряпкой. — Как дела?

— Рабз, — Мартин дружески обнял ее. — Это моя Элли. Эль, это Рабз — местная достопримечательность и бывшая профессиональная серфингистка.

Ее взгляд встретился с моим. Ее темно-карие глаза лучились приветливостью. Она заплела массу длинных каштановых волос в свободную косу, заброшенную на плечо, но некоторые пряди распустились и красиво обрамляли ее лицо. Ее загорелая темно-оливковая кожа контрастировала с ремесленной блузой оранжевого цвета, свободно

облегавшей спортивное тело. Кожаные сандалии, пригоршня серебристых браслетов и бусин. Серебряная бусинка в ноздре поблескивала, когда она двигалась.

Я ощутила непривычный укол зависти.

Рабз протянула руку.

— Привет, Эль. Рада наконец познакомиться с вами.

Ее рукопожатие было сильным, как будто она хотела подчеркнуть нечто очевидное. От нее веяло эфирными маслами — пачули с оттенками жасмина и лайма. Что-то темное и неприятное начало разворачиваться на краях моего осознания.

— У вас славное место, — сказала я. Это прозвучало покровительственно, но, возможно, того я и хотела.

Она окинула меня взглядом и улыбнулась, но улыбка не отразилась в ее карих глазах.

— Спасибо. Мы только закончили реконструкцию, и я рада, что вам понравилось.

Мы устроились на высоких табуретах перед стойкой, пока Рабз наливала пиво из крана, аккуратно наклоняя кружки, чтобы наполнить их доверху. Она поставила кружку перед Мартином.

— Как обычно, тебе первую за счет заведения, — она улыбнулась мне. — А вам, Элли?

— «Пино гри», — быстро сказал Мартин, прежде чем я успела открыть рот.

Темнота на краях моего осознания придвинулась ближе. Я собиралась попросить что-нибудь безалкогольное, но внезапно подумала, что могу немного выпить, чтобы взбодриться.

Рабз поставила передо мной бокал сильно охлажденного белого вина и наклонилась через стойку к Мартину. Я видела загорелый вырез ее блузы. Понизив голос, она обратилась к нему:

— Тут появились «зеленые», о которых я тебе говорила. В задней кабинке, возле музыкального автомата. Последние две недели они приходят почти ежедневно и допиваются до пены у рта над твоим проектом на реке Агнес. На вашем месте я бы держалась подальше от них.

Я повернулась и увидела четырех мужчин в задней кабинке. Один из них, жилистый, темноволосый парень с глубоко посаженными глазами, встретился со мной взглядом. У меня зачастило сердце от напряженности, разлившейся по комнате. Я вспомнила лозунг, выписанный кроваво-красными буквами на стене навеса.

**СМЕРТЬ КРЕССУЭЛЛ-СМИТАМ!
УБИТЬ МАРТИНА!**

Я быстро повернулась к стойке бара и отпила большой глоток вина, пока в моей голове эхом отдавались жестокие слова Мартина.

«Я порву этих мудаков на куски, порежу их ножом. Воткну в них мой багор и оставлю истекать кровью, на пищу илистым крабам».

Я отпила еще раз, обрадованная тем, как быстро вино снимает остроту восприятия. Мои мысли уплыли в сторону. Я слушала музыку и громкие голоса в баре.

Потом я услышала, как Мартин заказывает пироги и чипсы с горошком.

Время растянулось и сделалось эластичным. Я сделала еще один добрый глоток. Мимо бокала прожужжала муха, и я отогнала ее ленивым взмахом руки. Я чувствовала, что Мартин следит за мной. Я ощущала, что люди в кабинке следят за мной. Я заметила, что Рабз время от времени поглядывает на меня.

Допив вино, я помахала молодому официанту, чтобы он принес еще. Как только я взялась за второй бокал, к стойке подошла высокая стройная блондинка в топе и холщовых шортах. Ее выбеленные короткие волосы были подстрижены в модной взерошенной манере. Сексуальные волосы, подумала я, делая очередной глоток. Чудесная линия шеи. Отличные лепные плечи. Большие, приятные голубые глаза. Элегантность и спортивность.

— Привет, Марти, — сказала она. — Это, должно быть, Элли?

Марти.

Он кашлянул.

— Да, Уиллоу. Да, это Элли. Это... — он повернулся к женщине. — Как ты себя теперь называешь?

Уиллоу рассмеялась.

— Тренер по фитнесу и вэлнессу. — Она протянула руку. — Уиллоу Ларсен.

Ее австралийский акцент был густым и откровенным, но даже привлекательным.

— А я считала тебя гадалкой, — сказала Рабз, поставив бокал вина перед Уиллоу. — Или консультантом по лечебной диете. Или медиумом.

Уиллоу снова рассмеялась и взяла вино. Ее смех звучал приятно.

— Главным строительным кирпичиком здоровья является питание, поэтому, да, можно сказать, что я смешиваю оккультизм со здоровым

питанием. — Она поднесла бокал к губам и немного отпила. — Чтобы размолоть кофейные зерна, нужно приложить усилие.

Я вдруг вспомнила слова Даны:

«После того, как ты встречаешься с ним, в твоей ауре происходит что-то непонятное. Темное и плохое. С ним что-то глубоко не в порядке».

Я подумала, не стоит ли спросить Уиллоу, как она ощущает наши ауры прямо сейчас, но понимала, что вино искушает меня, так что воздержалась от этого.

— У меня есть небольшой онлайн-бизнес, — объяснила мне Уиллоу. — Но я предлагаю и домашние консультации. В конце концов, у меня психотерапевтическое образование, — она взглянула на Рабз. — Так что — да, Рабз, не о чем тревожиться. Большинству людей трудно описать, чем я занимаюсь. Я предпочитаю называть себя холистической целительницей. — Она сделала еще глоток и выпрямилась во весь рост. — Приятно познакомиться с вами, Элли, — сказала она. — Мы гадали, удалось ли Мартину убедить вас, — она хитро покосилась на него, но Мартин не ответил на ее улыбку. Тогда она помедлила, удерживая его взгляд. — Ладно... мой друг Грег дожидается меня, — она кивнула в сторону кабинки, где сидел приятный мужчина с выбеленными солнцем волосами. — Если захотите, присоединяйтесь к нам.

— Спасибо, — сказала я. — Ловлю вас на слове.

— А если вам понадобится гадание, Эль, то я живу во втором доме на променаде Джервис-Бэй. В том, где везде стекла и окна. Заходите, хотя бы на чашку чая. Или на бокал вина.

— Спасибо, непременно, — и я говорила искренне.

— Она довольно мила, — обратилась я к Мартину, когда она покинула нас.

Но Мартин был сосредоточен на Рабз, которая поставила перед нами тарелки с исходившими паром кусками мясного пирога, горячими чипсами и мелким горошком. Она налила Мартину еще пива, а я поняла, что опять допила вино. Сколько бокалов я уже выпила? Два или три? Рабз кивнула в сторону моего бокала, и я ответила кивком.

Мартин оживленно принялся за еду; он явно проголодался. Я клевала с моей тарелки. Он как будто избегал встречаться взглядом со мной.

— Мартин?

Он посмотрел на меня. Я ощутила подводные течения. Что, он был недоволен моим пристрастием к вину или его раздражали «зеленые»?

— Ты не сказал мне ни слова с тех пор, как она принесла еду... — Я потянулась за новым бокалом, но мои моторные навыки отказали, и я

задела его тыльной стороной ладони. Меня пронзил шок, когда вино расплескалось на стойке. Я нырнула за бокалом в попытке остановить его, но вместо этого опрокинула табурет, с громким стуком упавший на пол.

Люди замолкли, оборачиваясь в нашу сторону.

— Господи, Элли! — воскликнул Мартин. Он схватил бумажную салфетку и пытался вытереть вино. Рабз подоспела с полотенцем и подозвала на помощь молодого официанта.

— Я... мне жаль. Я... — у меня не было слов. Звуки вокруг меня сливались в рокочущий прибой. Все было неустойчивым.

Глаза Мартина метали молнии. Он сердито поставил опрокинутую табуретку, пока я хваталась за стойку бара. Все вокруг раскачивалось.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — быстро и оживленно сказала Рабз, пытаясь рассеять напряженность. — Такое случается постоянно, — она жестом велела принести мне еще одну порцию.

— Ну да, — отрезал Мартин. — Уверен, что люди *постоянно* *напиваются*. Ей больше не нужно.

— Я бы не отказалась, — возразила я, решившись спасти лицо и доказать, что это была случайность. — Просто неуклюжее движение.

Но даже я могла слышать невнятность собственной речи. Мне нужно было поплескаться в лицо холодной водой. Я отцепилась от стойки бара, и тут у меня подогнулись ноги. Я снова ухватилась за стойку и сшибла свою тарелку. Она упала на пол, разбилась на куски, и зеленый горошек раскатился повсюду.

Мартин выругался. Я почувствовала на себе его крепкие руки, поднимающие меня. Я слышала музыку, смех, разговоры... все звуки перетекали друг в друга. Меня куда-то уносило.

— Лучше... домой... — Мартин что-то говорил кому-то. — ...опять напилась.

— Я выпила только полторы... — у меня заплетался язык.

Мартин удерживал меня с помощью Рабз.

— Твой пикап здесь? — спросила она.

— Мы пришли пешком, — ответил он.

— Возьми мой автомобиль, он стоит снаружи. Потом вернешь.

Мы выбрались на улицу. Мир вращался вокруг, но Мартин удерживал меня. Я откинула голову и закрыла глаза. Мир вращался все быстрее и быстрее. Я подумала, что меня вот-вот вырвет.

— ...я сказал, ты принимала еще таблетки?

— Ч... что?

— Ты принимала ативан?

Но я больше не могла говорить. Автомобиль куда-то свернул. Я погружалась в темноту... в прекрасное, мягкое, шелковистое забытие.

Суд по делу об убийстве

Досудебный сеанс криминалистической оценки

Мы вернулись к теме смерти моей матери. Это моя вторая встреча с психологом-криминалистом в его офисе в Сиднее. Я ушла после первого сеанса, когда почувствовала, что он пытается одурачить меня. После хорошего сна я решила вернуться и продолжить беседу.

Мне было нужно, чтобы этот суд прошел как следует. Так, как я хочу. В конце концов, психические уловки работают в оба конца, не так ли?

— Вам было девять лет, Элли, — говорит он. — Кроме вас и вашей матери в доме никого не было. Когда именно в тот день вы осознали, что она находится в беде?

— Точно не помню.

— Давайте попробуем вернуться в прошлое, хорошо? Можете ли вы вспомнить, что делали перед тем, как поняли, что вашей маме очень плохо?

— Я... думаю, я рисовала в моей комнате.

— Вы всегда любили рисовать?

Я киваю.

— Вы помните, что тогда рисовали?

В моем уме вспыхивает яркий образ. Лианы душат маленькую девочку, искавшую в лесу своего папу, который был большим и сильным дровосеком с волшебными способностями.

— Нет.

Он испытующе смотрит на меня. Я выдерживаю его взгляд.

— Мама позвала вас?

— Я... нет. Я услышала глухой удар и треск, как будто что-то сломалось. Пошла посмотреть, что случилось, и увидела маму, лежавшую на полу в ее спальне.

— Где именно на полу?

— Между кроватью и стеной. Рядом с прикроватной тумбочкой.

— Что вы сделали?

— Я попыталась разбудить ее. Я трясла ее. У нее изо рта шла пена. Ничто не помогало привести ее в чувство.

— Вы впервые обнаружили ее в таком состоянии, Элли?

Жар приливает к моим щекам.

— Нет. Раньше я уже два раза находила ее в таком виде.

— Что вы делали тогда?

— Я звонила моему отцу.

— А на этот раз вы позвонили ему?

— Я... Я не помню. Помню лишь, как он приехал, — потом, после машин скорой помощи и пожарных. Много людей в больших сапогах, много оборудования.

— Значит, вы позвонили по общему номеру экстренных служб, — медленно говорит он. — Вы набрали три нуля?

— В Канаде это 911.

— Значит, вы набрали 911?

Я сглатываю слюну. Жар снова приливает к лицу. Я не могу вспомнить. Действительно не могу.

— Наверное, да. Да. Как иначе они бы приехали к нам?

Он что-то пишет в своем блокноте и кивает. Потом раскрывает папку и читает какой-то доклад. Наверное, юристы каким-то образом раздобыли старый отчет коронера. Там должны быть все факты, что и когда случилось с моей матерью. Он спрашивает меня только потому, что хочет видеть мою реакцию.

Он поднимает голову.

— Как ваш отец обращался с вами впоследствии... когда вы узнали, что она умерла?

Я потираю колено и снова ощущаю себя девятилетней. Я чувствую себя очень маленькой, грустной и напуганной. Я чувствую, как к глазам подступают слезы. Я чувствую все это, но память о событиях остается смутной. Только чувства.

— Он помогал вам чувствовать себя надежно и уверенно, Элли? Он давал вам понять, что любит вас?

— Нет, — тихо отвечаю я и думаю о маленькой девочке на моем рисунке, искавшей в лесу своего отца-дровосека. Ее отец, большой и сильный, должен был прийти на помощь со своим топором и разрубить злые лианы, угрожавшие задушить ее и затащить в сырую землю, где она сгниет в одиночестве.

— Он отослал меня прочь. Сначала к сестре моей матери, потому что он все время работал и много путешествовал. А потом меня отправили в закрытый пансион.

— Он любил вашу мать?

— Он постоянно беспокоился о ней, чрезмерно заботился о ней, возил ее к разным врачам или ругался с ней из-за спиртного или таблеток.

— Что вы чувствовали по этому поводу?

Я смотрю ему в глаза.

— А как вы думаете?

— Возможно, вы думали, что все внимание доставалось ей.

У меня непроизвольно напрягаются мышцы живота.

— Возможно, — говорю я и пожимаю плечами.

— Это положение изменилось после того, как ее не стало?

— Нет. Как я сказала, он фактически избавился от меня. Конечно, он платил за мой уход и обучение, но вроде как не помнил о моем существовании.

— Что вы чувствовали по этому поводу? — повторяет он. Это что, издевка?

— Господи, — я встаю и подхожу к окну. Выглядываю на улицу. Сегодня идет дождь, и детская площадка опустела — там только мужчина, выгуливающий крошечную собачку. — Сами подумайте, что я могла чувствовать по этому поводу? Я ненавидела его. Я любила его.

— Вы все еще ненавидите его?

Я колеблюсь.

— Да. И нет. Противоречивые чувства.

— Он властный человек с очень внушительной харизмой, так?

Я киваю.

— Ваш первый муж был совсем не похож на него?

— Теперь я вижу, к чему вы клоните, док, — я разворачиваюсь к нему. — Вы полагаете, что, несмотря на ненависть к моему отцу, меня привлекают мужчины вроде него? Из-за неудовлетворенной детской потребности или по генетическим причинам, как мою мать влекло к моему отцу; вы считаете, что эта слабость передалась мне через ДНК? Это плюс подверженность болезненным привычкам.

Он молчит.

— Может быть. Я не знаю.

— Как насчет Мартина?

— А что насчет него? Он умер, не так ли? Мое нынешнее отношение к нему не имеет значения.

— Тут вы ошибаетесь. Имеет, если вас будут спрашивать об этом.

Я медленно улыбаюсь.

— Тогда вот что вы можете сказать моим юристам, док. Да. Я хотела, чтобы он умер.

Раньше

Элли

27 октября, более одного года назад.

Джервис-Бэй, Новый Южный Уэльс

— Элли! Выровняй эту чертову яхту! — завопил Мартин через открытое окно своего пикапа, когда он вытянул пустой лодочный прицеп по бетонному пандусу. Я стояла босая, по колено в воде, и крепко держалась за булинь «Абракадабры», чтобы яхта не уплыла или не легла бортом на песок. Мартин велел мне удерживать яхту, пока он будет вывозить прицеп и искать место для стоянки.

— Она дрейфует, Элли! Не давай течению разворачивать ее, иначе она приткнется к берегу, черт тебя побери!

Я скривилась от его слов, но слишком боялась отвечать. Мои мышцы уже ныли, а полипропиленовая веревка обжигала мне ладони. Начинаясь прилив, и потоки воды мощно кружились вокруг моих икр. Я не смогу долго удерживать «Абракадабру» под нужным углом. Яхту сносило вбок.

«Я послушался “капитана”, которым был мой отец... Мы выходили из устья реки, и большие волны начали размывать песчаную косу в приливном эстуарии... Мой брат упал и сломал спину».

Беспокойство глубоко вонзило когти в мою душу. Я с ужасом оглянулась на песчаную косу в устье реки. Волны разбивались о песок, становясь все выше. Люди выстраивались на вершинах утесов, чтобы посмотреть на живописное зрелище. Мои мысли вернулись к Хлое, и сердце сразу же застучало быстрее.

Я чувствовала ее скользкую ручку в моей руке, и вода бурлила у меня вокруг ног. Внезапно я снова оказалась в Ваймеа-Бэй, когда чудовищный прибой опрокинул меня и засосал внутрь. Я чувствовала, как дочь ускользает от меня. Слезы жгли мне глаза. Это была моя ошибка. У меня разболелась голова. Я едва могла вспомнить подробности нашего визита в «Пагго» вчера вечером, кроме прибытия в паб и знакомства с Рабз и Уиллоу. После этого наступил сплошной провал, и хотя сегодня утром Мартин был сладким, как сахар, меня не покидало ощущение, что

случилось нечто очень плохое.

Я снова посмотрела на море. Волны стали более высокими и накатывали быстрее, чем раньше. Порыв ветра запустил мне в лицо клочок морской пены. Я заморгала, но он прилип к скуле возле глаза. Я не могла освободить руку, чтобы смахнуть его или вытереть нос, откуда уже потекло. Прилив ударял все сильнее; у меня началась паника. Теперь ошеломительный приступ мог случиться в любую минуту. Я подумала о таблетках в кармане холщовых брюк, которые Мартин одолжил мне для рыбалки. Но я не могла добраться до них, не отпустив веревку.

— Вам помочь?

Я вскинула голову и увидела Рабз в спортивном костюме для бега трусцой. Она уперлась ладонями в бедра, обтянутые ярко-желтыми шортами, и тяжело дышала. Ее щеки разругались, пышные волосы, перехваченные резинкой, развевались на ветру.

Я отчаянно закивала, смаргивая слезы. Рабз сняла кроссовки, бросила их на берег, забрела в воду и ловко оттолкнула борт яхты, разворачивая ее. Ее мышцы гладко перекачивались под загорелой кожей. Позвякивали серебряные браслеты. Передвинув судно, мы смогли выставить яхту под нужным углом против течения, чтобы она удерживалась на месте. Это ослабило нагрузку на булинь и на мои ноющие руки.

— Большое спасибо. Одна бы я не справилась.

— Никаких проблем.

Ее темные глаза лучились сдержанным весельем. Я заметила крошечные веснушки, рассыпанные вокруг ее носа. Мы стояли бок о бок, и ее загорелая рука контрастировала с моим бледным предплечьем. Я чуюла ее запах: мягкую смесь пачули, лайма и бергамота.

— Как вы себя чувствуете сегодня утром? — спросила она.

Я непонимающе посмотрела на нее.

— Вы устроили живописный выход из «Пагго» вчера вечером, — подсказала она. — Мартин отвез вас домой на моей машине. Вы не помните?

Жар бросился мне в лицо. Рабз пристально смотрела на меня. Что-то промелькнуло в ее глазах, и ее губы искривились в легкой улыбке, пока она смотрела на мой наряд: синюю ветровку, мешковато сидевшие на мне холщовые брюки Мартина и голубую бейсболку «Найк». Выбившиеся из-за ветра пряди моих волос, собранных в хвостик, прилипали к губам, покрытым защитной помадой. Я могла поспорить, что Рабз считала меня неудачницей. Она мысленно насмеялась надо мной. В этой обстановке у нее было явное преимущество. Она находилась в своей стихии, а я была

похожа на рыбу, выдернутую из воды.

— Так куда вы направляетесь? — спросила она.

— К рыбонакопительному устройству.

— РНУ? — она изогнула брови. — Зог сказал, что рано утром они выловили там целую кучу тунца, но сейчас там немного штормит, — она взглянула на небо. — Погода меняется. Море возле РНУ может за считанные минуты перейти от мирного состояния в убийственное. Вам, ребята, нужно было выдвигаться раньше.

Тревога сдавила мне грудь. Я посмотрела на людей, собравшихся на утесе и наблюдавших за песчаной косой. Кайтбордеры^[17] скользили по поверхности бухты Литл-Джервис.

Наконец я увидела Мартина, спешившего к нам. Меня затопило облегчение, которое немедленно схлынуло, когда я увидела его сердито выдвинутые плечи. Какой-то мужчина, стоявший вместе с мальчиком, окликнул его. Мартин остановился и заговорил с ним.

— Это Зог и его сын, — сказала Рабз, проследившая за моим взглядом. Сыну Зога на вид было около двенадцати лет. Сам Зог был жилистым и загорелым до шоколадного цвета, с соломенно-желтыми волосами. Нам еще предстояло полакомиться рыбой, которую он подарил.

— Ох, смотрите... — Рабз подняла руку и помахала кому-то наверху. — Это Уиллоу, — она указала пальцем. — Видите тот большой дом с плоской крышей и сплошным остеклением?

Я прищурилась и разглядела женщину, стоящую перед большим окном с подозрительной трубой в руках. Стройная, светловолосая. Она помахала в ответ. Я подумала, как долго Уиллоу наблюдала за нами в подозрительную трубу и видела ли она мое расстроенное лицо.

— С таким снаряжением она видит все вокруг, — оживленно сказала Рабз. — Труба идет в комплекте с «архитектурным дизайном» дома. Кстати, что это такое — «архитектурный дизайн»?

— Это не ее дом?

— Боже мой, нет, — Рабз повернулась ко мне. — Дайте-ка, я подержу.

Я передала ей желто-голубую веревку и посмотрела на мои ладони. Они саднили, кожа сильно покраснела.

— Она сняла этот дом. Многие здешние особняки — это «дома выходного дня». Владельцы живут в Сиднее, или в Китае, или в какой-нибудь другой стране. Их расценки вытесняют нас, местных жителей, с арендного рынка. Но Уиллоу получает хорошие деньги за свое крючкотворство, — Рабз усмехнулась и наморщила нос.

Был ли это намек на соперничество?

— Спасибо, Рабз, — глубоким басом произнес Мартин, подошедший к нам. — Элли едва не посадила ее на мель.

Он рассмеялся. Это прозвучало грубо, и я поджала губы.

— Если бы ты хотя бы показал мне, как...

— Залезай, Элли, пока Рабз удерживает яхту. Прямо через борт.

Я немного помедлила и зашла глубже, когда Рабз повернула голову. Ветер донес до меня ее запах, и я застыла на месте. Потом медленно повернулась и уставилась на ее затылок. Внезапно я поняла, что исподволь донимало меня перед приходом в «Пагго». И почему у меня появилось зловещее ощущение после знакомства с Рабз. У меня не осталось сомнений.

Мой взгляд метнулся к Мартину.

У них есть секрет.

Они что-то скрывают от меня.

— Что ты там зависла, Эль? Залезай на борт.

Раньше

Элли

Казалось, что каждая мышца в теле Мартина была напряжена до предела, когда он старался держать «Абракадабру» ровно посреди канала, то давая полный газ, то включая обратный ход. Его взгляд был прикован к отдаленному ряду приливных валов, выраставших из моря, словно огромные распухшие ребра, и увеличивавшихся в размерах по мере нашего приближения. Я сидела на корме, ухватившись за планширь и затаив дыхание. Люди цепочкой стояли на утесе. Я видела дома, включая стеклянный, откуда Уиллоу помахала нам. Могла она видеть нас? Могла прочитать отчаяние в моем взгляде? Пошлет ли она за помощью? Мне снова пришли на ум слова Мартина, когда он рассказывал о своем брате.

«При разрушении песчаной отмели важнее всего правильно рассчитать время. Так происходит большинство несчастных случаев в яхтинге: на входе в гавань или на выходе из нее во время разрушения защитного барьера... Я не послушался отца... В результате яхта врезалась в набегавшую волну, нос резко взлетел в воздух, и судно опрокинулось назад. Мой брат упал и сломал спину».

Мартин внезапно прибавил обороты, и мы рванулись вперед: нос задрался вверх, корма опустилась в море. Мотор взревел, когда мы устремились в центр первой волны. Вода взметнулась перед нами. Мы пролетели через пенистый гребень и шлепнулись на мощный водяной выступ, а волна с грохотом покатила дальше. Мартин тут же ускорил ход и направился к следующей волне, надвигавшейся на нас. Нос «Абракадабры» снова поднялся, пронзая гребень волны. Вода залила корму и взбурлила вдоль бортов, и я услышала, как двигатель кашлянул и заработал с перебоями. Но мы уже прошли опасное место. Мотор кашлянул еще несколько раз, потом заработал ровно. Мое сердце гулко стучало в ушах. Грохот волн внезапно оказался позади нас. Жесткое напряжение отпустило меня, и я задрожала, как лист.

Я бросила взгляд на волны, через которые мы прошли. Когда они были рядом, то казались чудовищными. Смертоносными, как на пляже Ваймеа. Как в тот раз, когда они увлекли меня на глубину и вырвали ребенка у меня из рук.

Мартин оглянулся через плечо.

— Эль, ты в порядке?

— Ты специально сделал это, идиот! — закричала я. — Ты знал, что так будет!

— Что?

— Ты пытаешься запугать меня? — завопила я, перекрывая рев мотора. — Ты просто сумасшедший! Совсем без мозгов. Ты же рассказывал, что случилось с твоим братом!

Мой гнев, подхлестываемый адреналином, превратился в раскаленную ярость. Внезапно я подумала о Рабз и о своем прозрении перед тем, как я поднялась на борт.

— У тебя навязчивые идеи насчет твоего брата и твоего отца? Ты пытаешься повторить тот инцидент? И ты собираешься построить речной вокзал, чтобы что-то доказать им? — Жгучие слезы гнева подступили к глазам. Костяшки моих пальцев побелели, когда я ухватилась за борт. — Черт побери, что ты хочешь сделать со мной, Мартин? Ты же знаешь, что меня пугает бурная вода. И это человек, за которого я вышла замуж? Ты собираешься убить меня?

Он пораженно заморгал. Потом оторвал руку от приборной панели и потянулся ко мне.

— Элли...

— Нет! Не трогай меня! — я отпрянула к другому борту.

— Я только... — тут затрещал радиопередатчик, и он выругался. Мы приближались к оранжевым утесам. Он посмотрел на массивные скалы, где волны с грохотом разбивались у подножия отвесных скал. — Мне нужно зарегистрироваться в морской спасательной службе, прежде чем мы войдем в тень утесов. Они блокируют радиосвязь.

Он потянулся к радиомикрофону и нажал кнопку.

— Вызываю морскую спасательную службу Джервис-Бэй, вызываю морскую спасательную службу Джервис-Бэй. Это судно AIS387N, AIS387-ноябрь. Вы записываете?

Он замолчал. Утесы придвинулись ближе; клубки пены разбивались о скалы и кружились на линии прибоя. Мартин повторил вызов и добавил:

— Отзовитесь, пожалуйста.

Радио с треском воспрянуло к жизни, и зазвучал отдаленный голос:

— Это морская спасательная служба Джервис-Бэй. Записываю, AIS387-ноябрь. Вы можете перейти на шестнадцатый канал?

Мартин переключил каналы. Я зорко наблюдала за ним. Если с ним что-то случится в открытом море, я должна была знать, как вызвать помощь.

Мартин заговорил в микрофон:

— Это AIS387-ноябрь. Мы вышли из Бонни-Бэй и направляемся к РНУ для рыбалки. Но если я услышу, что рыба уходит от шельфа, то свяжусь с вами, прежде чем мы прибудем туда. Конец связи.

Я сглотнула и посмотрела на Тасманово море. На восточном горизонте собирались облака.

— Принято, AIS387-ноябрь. Оценочное время возвращения?

— Около четырех пополудни.

— Принято, шестнадцать-ноль-ноль. Сколько людей на борту?

— Двое взрослых.

Яхта раскачивалась, подхваченная мощным отливным потоком от скал. Вода шлепала по корпусу. Мартин выставил судно носом к волнам, чтобы избежать бортовой качки. Мы вошли в тень утесов, и радиосигнал начал прерываться.

Мартин отключил радио и окинул меня взглядом. У меня гулко застучало сердце. Я ждала, когда он скажет, что не собирается убивать меня или пугать до смерти, но он этого не сделал. Но я больше не провоцировала его, поскольку до меня дошло, в каком одиночестве мы оказались. Ничего, кроме моря во всех направлениях. Я была у него в руках. Если бы я упала за борт или меня столкнули, никто бы не узнал об этом. Я нервно сглотнула и отвернулась.

— Держись, — сказал он.

Прежде чем я успела отреагировать, он внезапно дал полный ход и направил яхту в набегавшие волны. Ветер свистел у меня в ушах, но мы продолжали набирать скорость. Я плотнее натянула бейсболку. Мы почти вышли на глиссаду, и нос судна снова и снова поднимался, разбивая пенистые гребни, словно они были сделаны из пористого бетона. Регулярные толчки отдавались у меня в костях, в зубах и даже в мозге. Я стиснула зубы и обхватила себя руками, стараясь ослабить тряску, пока мы поглощали милю за милей океанического пространства. Ветер выбивал слезы у меня из глаз.

Я оглянулась. Джервис-Бэй, оранжевые утесы и дальняя возвышенность — все это исчезало в голубой дымке над Австралией. Мартин заметил, куда я смотрю.

— Видишь эти холмы к северу от Джервиса? — крикнул он и указал рукой. — Там находится устье Агнес-Ривер. Оттуда лодочники выходят в бухту, к офису продаж.

Суша полностью растворилась в туманной дымке. Не осталось ничего, кроме окаймленных пеной валов, а море, еще недавно серо-зеленое,

приобрело глубокий кобальтово-синий оттенок.

Высоко над нами кружили крачки, и альбатрос летел за нашей яхтой.

* * *

Судно дернулось и замерло. Я приоткрыла глаза под распухшими веками. Мои губы были покрыты соленым налетом. Вокруг меня катались бутылки и пустые банки из-под винного кулера.

Я снова услышала крик.

— Элли!

Я заморгала и попыталась встать, но упала обратно, когда яхту качнуло. Я была пьяна. Меня тошнило. Нос судна ритмично поднимался и опускался в набегавших волнах.

— Элли! Ради бога, *помоги мне!*

Я повернула голову и увидела Мартина. Шок пронзил меня, как электрический разряд. Нижний конец его удочки был вставлен в кожаный держатель на поясном ремне. Верхняя часть удочки согнулась почти вдвое, пока он сражался с крупной рыбиной. Леска загудела, когда рыба, захватившая наживку, попыталась уйти на глубину. Я смотрела на это в растерянной беспомощности, стараясь понять, что происходит. Когда рыба начинала уставать, Мартин начинал бешено накручивать лесу на катушку. Его лоб блестел от пота, лицо покраснелось.

Как долго он делает это? Как долго он кричал, чтобы разбудить меня?

— Она неправильно зацепилась. Ради бога, Элли, хватай рыбный сачок!

Я начала оглядываться по сторонам. Он злобно выругался.

— Принеси мне гребаный сачок! Он в боковом отделении, рядом с багром. Багор тоже принеси.

Я опустила на четвереньки и потянулась за сачком. Схватив его одной рукой, я оттолкнулась другой рукой от пола, чтобы встать. Суденышко дергалось и неистово раскачивалось взад-вперед. Мартин не следил за управлением. Мы двигались по окружности, и волны начинали ударять в борт. Я ухватила за навесную перекладину, протягивая ему сачок, но яхта качнулась под напором очередной волны. Моя рука соскользнула с опоры. Я выронила сачок и ухватила за перекладину обеими руками. Сачок упал на планширь; потом сетка перевесила, и он полетел за борт. Он немного проплыл в бурном море, потом пошел ко дну.

Между тем рыба бешено извивалась и боролась за жизнь возле борта, колотясь об корпус яхты.

— О господи! Багор! Скорее, черт бы тебя побрал!

Я снова упала на четвереньки и полезла за серебристым багром. Потом протянула его Мартину. Он выхватил багор у меня из рук и взмахнул им, целясь в рыбину. Судно накренилось, когда нахлынула очередная волна; Мартин потерял равновесие и промахнулся. Крюк багра проделал борозду в спине рыбы. Красная кровь потекла в воду, окрашивая розовым клочья пены. Рыба дергалась, пытаясь освободиться от тройного крючка, который, как я теперь видела, застрял в жаберной щели. Ударила еще одна волна, развернувшая «Абракадабру» и бросившая меня в сторону Мартина. Он попятился вслепую, дергая удилице и пытаясь восстановить равновесие. Тройной крючок, криво застрявший в жаберной щели, вырвался вместе с куском мяса; рыба освободилась и нырнула. Крючок отлетел в воздух, крутанулся и полетел Мартину в лицо. Он страшно закричал.

Ужас комом застрял у меня в горле. Все вокруг потемнело.

Раньше

Элли

Две головки тройного крючка врезались в горло Мартина. Наживка в виде пурпурной каракатицы, скрывавшая крючки и привлекавшая рыбу, болталась у него на шее. Удилище и катушка улетели за борт. Леска натянулась, и крючки тройника глубже впились в горло Мартина. Он обернул леску вокруг локтя, стараясь ослабить натяжение, чтобы крючки не порвали кожу, но катушка погружалась, и леска врезалась в его руку.

— Нож, — хрипло прошептал он. В его глазах плескался ужас. — Нож. Он в ножнах на бедре... режь леску... скорее.

Я смотрела на кровь, выступившую у него на ладони от натянутой лески. Темное, незнакомое и недоброе чувство шевельнулось где-то глубоко в моем подсознании. Оно начало разворачиваться и приобретать осмысленную форму. *Теперь Мартин у меня в руках...*

— Элли, — умолял он. — Помоги мне!

Я вздрогнула, потянулась к ножу у него на бедре и вынула его из ножен. Яхта резко качнулась, и меня шатнуло к Мартину с ножом в руке. Я не могла остановить мое движение. Острый кончик клинка полоснул по его руке, располосовал рукав и порезал кожу.

Он завопил. Суденышко качнулось в обратную сторону. Я попятилась и упала в капитанское кресло с рыбацким ножом в руке. Я смотрела на него, стараясь прийти в чувство и ощущая себя очень пьяной. Потом ухватила за стойку навеса и встала. Я широко расставила ноги с полусогнутыми коленями, чтобы можно было двигаться и раскачиваться вместе с яхтой. Мы описали очередной круг, и волны снова ударили в борт. Одна большая волна могла отправить нас обоих прямо в воду. И никого нет рядом, чтобы спасти нас. Мне *нужно* было вернуть Мартина за штурвал. Мне *нужно* было освободить его, если я хотела вернуться домой целой и невредимой. Еще мне нужно было соблюдать осторожность, но действовать быстро, потому что леска все глубже врезалась в его ладонь, и кровь уже капала оттуда, где я порезала его. Его лицо было молочно-белым, глаза остекленели от страха.

Я отчаянно пыталась сосредоточиться. Потом поднесла клинок к туго натянутой леске у него на шее, беспокоясь о том, что меня понесет вперед, и тогда нож вонзится ему в горло. Та темная, тайная часть моей души

желала этого и почти могла представить, как это происходит. Наказать его за то, что он терроризировал меня.

Я перерезала леску. Удилище, плававшее за бортом, резко распрямилось и ушло на глубину, исчезнув в пенистой синеве. Волна ударила в корпус и выбила нож у меня из рук. Лезвие скользнуло по тыльной стороне пальцев, прежде чем он упал на пол. Мое сердце забилося быстрее, когда я увидела собственную кровь. *Неплохо. Сосредоточься.*

Мартин побрел к штурвалу и рухнул в кресло. Наживка по-прежнему висела у него на шее. Он повернул «Абракадабру» так, чтобы волны ударили в корму.

— Что... как выглядит мое горло? — прохрипел он. — Очень плохо?

Я поборола волну тошноты и наклонилась ближе. Желчь из пищевода подступила к горлу. Его шея была окровавлена, и я мало что могла рассмотреть.

— Подожди, — я вытерла свою окровавленную руку о штаны и потянулась к моему рюкзаку. Достала мою футболку и аккуратно прижала ее к горлу Мартина, промокнув кровь, чтобы лучше видеть.

— Два из трех крючков засели внутри, кожа немного разорвана.

— А моя рука, что с ней?

Я закатала его рукав. Порез был чистым и неглубоким. Я промокнула его и наложила тугую повязку из банданы, найденной в рюкзаке.

— Сматывай удочки, — распорядился он, разворачивая яхту в сторону суши.

С дрожащими руками и расплывчатым зрением, я принялась собирать удочки, закрепленные вдоль бортов. Я надежно закрепляла крючки с наживкой в кольцах возле катушек, чтобы они не болтались и не могли зацепиться за что-то еще. Мои руки были скользкими от крови. Его кровь смешалась с моей. Она запятнала мою ветровку и штаны. Когда я поправила бейсболку, на ней тоже остались следы крови. Я расставила удочки в держателях бокового отделения, пока Мартин поддерживал курс «Абракадабры». Потом я подобрала нож и багор и убрала их в другое отделение, так что на палубе не осталось острых предметов, которые могли кого-то поранить.

Мартин велел мне сесть и увеличил скорость. Мы начали подсакивать и трястись на волнах, направляясь к дому. Я видела, как он кривился каждый раз, когда мы налетали на большую волну.

— Ты не собираешься сообщить по радио о твоей травме? — прокричала я, перекрывая рокот мотора и свист ветра.

— Чтобы встретить на берегу почетный караул из машин скорой

помощи? Ни хрена подобного, мать их!

Его слова сочились ядом. Мне очень не нравилось, когда он так ругался. Раньше он этого не делал, во всяком случае, в Канаде. И во время наших поездок.

— Но это было бы полезно, а?

— Эта херня с крючками происходит постоянно. Мне просто нужен помощник, который выпустит загогулины наружу, обрежет зацепки и вытащит то, что останется. Я и сам могу доехать до клиники, там все сделают.

— Я могу отвезти тебя.

— Нет, черт возьми, ты не можешь! Ты пьяна, как сапожник.

— Пожалуйста, не ругайся, Мартин.

— «Пожалуйста, не ругайся, Мартин»! — пискляво передразнил он и окинул меня ледяным взглядом. — Как насчет того, чтобы больше не глотать таблетки и не напиваться вдрызг каждый раз, когда ты сталкиваешься с мелкой проблемой, Элли? Как насчет этого? Ты сама понимаешь, что виновата.

— Я ни в чем не виновата.

— Если бы ты оставалась трезвой, если бы ты не лазила за таблетками и не глотала банками винный кулер, пока я рыбачил, то могла бы поймать рыбу сачком вместо того, чтобы выбросить его за борт. И мы бы вернулись домой с рыбой вместо гребаного крючка у меня в шее.

Я молчала, слушая стук сердца в ушах. Устрашенная его ядовитыми речами и безобразным видом, когда его лицо искажалось от ярости. Я посмотрела на пустые банки из-под винного кулера, катавшиеся на корме. Потом перевела взгляд на небо, и во мне шевельнулось смутное воспоминание. Я попросила Мартина принести воды. Он сказал, чтобы я сама посмотрела в холодильнике. Но там были только охлажденные спиртные напитки. Я не стала открывать бутылку, решив воздержаться от спиртного. Но через три часа, пока мы болтались вокруг бакена РНУ, без воды и под палящим солнцем, когда мои губы покрылись соляным налетом, я сдалась и взяла банку ледяного кулера на основе фруктового сока, которого мне отчаянно хотелось. Это было последнее, что я помнила перед тем, как пришла в себя на полу яхты. Гнев и унижение поднимались во мне и перехлестывали через край. *Ненависть* — вот что я испытывала. Это было чистое чувство, как разница между черным и белым, холодным и горячим. Я ненавидела этого человека. Моего мужа. Я испытывала отвращение к нему, прямо сейчас. Я думала, что могу убить его, и мне хотелось этого.

Когда мы приблизились к «точке невозврата», я увидела, что прибой стал еще выше. Толпа зрителей собралась на мысу в лучах предвечернего солнца. Я слышала грохот прибоя. Вернуться в устье реки было еще хуже, чем выйти оттуда.

Раньше

Элли

Люди побежали к причалу, когда «Абракадабра», хромая на ходу, подошла к берегу. Мартин бросил булинь Зогу, который забрел в воду, встречая нас. Зог стал вытягивать нас на отмель, а его сын ухватился за планширь и направлял судно, пока нос с мягким толчком не вошел в песок.

Молодая брюнетка с лодочной станции побежала к нам через лужайку; еще двое мужчин следовали за ней.

— Уиллоу заметила вас со своей подзорной трубой, — сказал Зог, когда они с сыном выровняли «Абракадабру» и пришвартовали ее, пока я пыталась вылезти наружу. — Она сказала, что вид у вас неважнецкий. Ты как, приятель?

Мартин прижимал к шее мою футболку. Его рука была в крови.

— Боже мой, Мартин, ты истекаешь кровью, — сказала Рабз, шлепая по воде. Ее лицо было тревожным и напряженным. — Элли, вы тоже вся в крови. Что за чертовщина там приключилась?

Она прикрыла рот ладонью, когда Мартин отнял от шеи скомканную футболку и показал всем жуткую пурпурную наживку, свисавшую с крючка. Кто-то выругался.

— Вам нужна скорая помощь? — крикнул кто-то, стоявший на травянистом берегу с сотовым телефоном в руке.

— Не надо. Пожалуйста, — сказал Мартин, когда я перебралась через борт и некрасиво плюхнулась в воду. Поднявшись на ноги, я побрела к берегу и выбралась на дорогу. В мокрых туфлях хлюпала вода.

— Элли? — Уиллоу подошла ко мне со спины. — С вами все в порядке?

— Это она во всем виновата! — крикнул Мартин мне в спину. — Чертова пьянчуга!

Я побежала. Уиллоу побежала за мной, пока я пересекла лужайку перед лодочной станцией, решив срезать путь домой по тропе вдоль реки. Меня всю трясло от ненависти, ужаса и стыда. Я оступилась, все еще чувствуя себя ошеломленной; я до сих пор не могла понять, что именно и почему случилось возле РНУ.

— Что случилось? — спросила Уиллоу, когда поравнялась со мной, словно прочитав мои мысли.

Я опустила голову и быстро пошла вперед, время от времени спотыкаясь на кустиках травы.

— Элли... — она взяла меня за руку и повернула лицом к себе. — Что там произошло?

— Нам не следовало отправляться туда. Он специально все это подстроил. Ему *хотелось* напугать меня. Черт его побери, он... он же знает, чего я боюсь! Пусть он катится к дьяволу!

Взгляд Уиллоу скользнул по моему дрожащему, мокрому телу. Одежда была заляпана кровью. Должно быть, я выглядела такой же пьяной, как себя чувствовала. Наверное, я казалась ей безрассудной и непредсказуемой женщиной, опасной для своего мужа и для самой себя. Человеком, с которым не стоит выходить в море без компании, потому что он обязательно выкинет какой-нибудь номер. Они все видели это; во всяком случае, такую картинку они получали. Такой сигнал они получали от Мартина, оравшего мне вслед на причале: Элли — лунатичка и психопатка, страдающая от алкогольной зависимости и седативных препаратов. Все они могли видеть банки из-под винного кулера, катавшиеся на дне лодки. К тому же я быстро усвоила, что Мартин обладает непомерной гордыней. Высокомерной гордыней альфа-самца, бьющего себя в грудь кулаками. Он был одним из тех людей, которые винят во всем своих подчиненных, свои инструменты (или свою жену), когда получают в шею рыболовный крючок. Потому что *он сам* не смог правильно подцепить рыбу, а потом все испортил. Каким бы милым он ни казался в лагуне на островах Кука, теперь он решительно вознамерился запугать меня.

Я сделала глубокий, судорожный вдох и сказала:

— Я... извините. Сейчас мне лучше побыть одной.

Уиллоу какое-то время молча смотрела на меня.

— Приходите ко мне завтра, ладно? — тихо предложила она. — Или в любое другое время. Потому что у вас такой вид, как будто вам нужно выговориться.

Она оглянулась на маленькую толпу, собравшуюся на причале у «Абракадабры», и я ощутила, как она оценивает ситуацию, прикидывает варианты действий. Наконец она повернулась ко мне.

— Я квалифицированный специалист, Элли. Я могу помочь, — она сделала паузу. — По крайней мере, я могу помочь вам получить помощь.

Я посмотрела в ее ясные глаза, и мне захотелось заплакать. Мне захотелось, чтобы она обняла меня, — точно так же, как я тосковала по утешительным объятиям после того, как умерла моя мама. Мне не хватало Даны. Я тосковала о моих старых подругах и о прежней жизни. Я даже

тосковала по моему чертову отцу, что казалось совершенно неуместным. Потому что он ни разу не обнял меня, когда я больше всего нуждалась в этом после очередной передозировки у моей мамы. Дрожащей рукой я стерла влагу с глаз и молча кивнула, не доверяя собственному языку.

— Но сейчас с вами все в порядке? — спросила Уиллоу. — Я хочу сказать, нет никаких физических повреждений?

Я покачала головой. Моя рука была сильно порезана, но это даже не стоило упоминания.

Она облизнула губы.

— А в эмоциональном смысле?

По моему лицу вдруг заструились слезы. Я не могла ответить, даже если бы захотела.

— Давайте я провожу вас домой.

Я отступила на шаг и выставила руки перед собой ладонями вперед. Потом повернулась и неверной походкой побрела к дому.

— Приходите ко мне, Элли! — крикнула она вслед. — Или позвоните мне в любое время. Я серьезно, в любое время суток!

Я кивнула на ходу.

Когда я вышла на подъездную дорожку, то заметила, как шевельнулись занавески в окне соседнего дома. Там промелькнула тень. Снова та женщина в окне.

Она наблюдала за мной.

Раньше

Элли

Я вошла через открытую дверь гаража, стащила с головы бейсбольную кепку и швырнула ее в угол, прямо на бетонный пол. Потом избавилась от мокрых теннисных туфель и ветровки, которые присоединились к бейсболке. Тяжело дыша, спустила окровавленные брюки и бросила их в кучу одежды. С громко стучащим сердцем я вышла из боковой двери гаража в одних трусах и влажной футболке. Женщина наблюдала за мной из окна, пока я шла по лужайке. Я показала ей средний палец, и она скрылась в тени.

В доме я сразу же направилась к холодильнику с вином, открыла бутылку белого «Совиньона» и наполнила большой бокал. Одним глотком опустошив содержимое, я подлила вина и отнесла бутылку вместе с бокалом в гостиную. Там я плюхнулась на диван, сделала большой глоток, снова наполнила бокал и потянулась за пультом дистанционного управления. Когда я нашла какой-то бездумный сериал «Нетфликс» и остановилась на нем, то вспомнила о Дане и расплакалась. Допив вино, я налила новую порцию, чтобы достичь блаженного онемения, снять остроту кровавых образов, мелькавших у меня в голове, умерить ярость, бушевавшую в моем сердце и толкавшую меня на чудовищные мысли, вроде того, когда мне хотелось заколоть Мартина, пока он находился в беспомощном состоянии. Я боялась себя, боялась собственного разума. Моих собственных мыслей. Мне хотелось скрыться от *меня* — от той жуткой личности, которая возникала как демон внутри моего тела.

Я подумала, не стоит ли принять очередную таблетку, но потом вспомнила, что оставила таблетки в кармане штанов, валявшихся в гараже. Мне не хотелось возвращаться туда; кроме того, я не могла допустить, чтобы эта маньячка в окне увидела меня пьяной и спотыкающейся на лужайке. Вместо этого я взяла диван наверху, приняла таблетку вместе с остатками вина, открыла другую бутылку и устроилась на диване, по-прежнему в трусах и влажной футболке. Наконец на меня снизошло спокойствие, и я почувствовала, что могу справиться с собой.

Поэтому я даже не насторожилась при появлении Мартина. Он как будто находился в другом месте и времени по сравнению со мной.

Он медленно прошел на кухню и посмотрел на меня, когда положил

ключи на гранитную столешницу. Он посмотрел на бокал в моей руке, потом перевел взгляд на пустую бутылку, оставленную на столешнице. Его губы сжались в гневную линию. На его шее красовалась свежая повязка, и я увидела другую повязку у него на руке, где я порезала его. Он был бледен и выглядел отчужденно.

Я помахала ему бокалом.

— Значит, они вынули крючки, — мой язык немного заплетался, в голове звенело, но ощущение было приятным. — За славных в-врачей! — я подняла тост и сделала глоток. — Как им удалось это с-сделать?

— Они протолкнули крючки с зубцами через кожу, — невозмутимо ответил он. — По изгибу тройника, пока зубчатые концы не вышли с обратной стороны. Потом они обрезали концы крючков ножницами по металлу и вытянули остальное изнутри. К счастью, крючки не задели жизненно важных мест.

— Да, повезло. А рука? Ее зашили?

— Наложили несколько стежков.

Он медленно пошел ко мне. По мере его приближения по моей коже пробежал тревожный холодок, но я не сдавала свою позицию. Он уселся на диван рядом со мной, так что мог дотянуться до бутылки с вином. В соседском доме зажегся свет — я увидела, как желтое сияние затопило узкое панорамное окно между кухней и гостиной. Снаружи уже стемнело; я и не заметила, как пробежало время. Вероятно, по вечерам та женщина могла наблюдать, что происходит в нашей гостиной.

— Нам нужно повесить жалюзи. Эта женщина постоянно ш-шпионит за нами, — у меня снова заплетался язык, но мне было все равно. Я отпила еще вина.

— Какая женщина?

— Эта тетка, что живет по соседству. Смотрит, смотрит и смотрит, а потом прячется за кружевной занавеской.

Он нахмурился.

— Ты же видел ее, да?

— Нет.

Это привело меня в раздражение.

— Разумеется, ты должен был заметить слезку из соседнего дома.

— Элли...

— Подожди, — я помахала пальцем у него перед носом. — Обожди немного, прежде чем сюсюкать со мной! — Я неуклюже поставила бокал на кофейный столик и подалась вперед. — Какого дьявола ты пытаешься мне доказать, когда увозишь меня в открытое море в такую плохую погоду?

Когда такие высокие волны, такой сильный ветер? Так далеко, так долго — и без питьевой воды? Ты пытаешься запугать меня? Убить нас обоих или что? Даже Рабз сказала, что нам нужно было уплыть гораздо раньше.

Он смотрел на меня в звенящей тишине.

«Будь осторожна, Элли. Он выглядит опасным».

— Ты показываешь силу характера, Мартин? В этом все дело? Хочешь показать мне, кто в доме хозяин. Недавно я кое-что поняла, и знаешь, что я думаю? Я думаю, ты специально оставил меня без воды, чтобы я напивалась винным кулером. Ты подставил меня? Ты намеревался вдрызг напоить меня, чтобы, когда мы вернемся, все увидели это, — целый утес, полный наблюдателей, и целая куча свидетелей при выходе в море? Ты рассказал врачам в больнице, что это сделала твоя пьяная жена?

Его лицо приобрело красновато-коричневый оттенок. Его черты зловеще исказились. Мне еще не приходилось видеть его таким, и я почти не узнавала его.

«Перестань, Элли. Остановись».

— Вчера на прогулке, Мартин, ты сказал мне, что люди выстраиваются на утесах, когда волны начинают размывать песчаную косу. Ты знал, что там будут десятки свидетелей.

— Никто не заставляет тебя напиваться, Элли. Никто не заставляет тебя глотать таблетки. У тебя токсикомания, Элли. Ты больна. Ты хотя бы понимаешь это? У тебя есть проблема, и тебе нужна помощь. Знаешь, что я сделал на самом деле? Я попросил врача в клинике дать мне рекомендацию для того, чтобы ты обратилась к профессиональному медику, который занимается проблемами зависимости.

Он положил на кофейный столик рядом с бутылкой красивую визитную карточку. Доктор Кеннет Маршалл.

Что-то во мне изменилось: чудище стыда подняло голову и развернуло свои темные крылья в моей груди, пробившись через алкогольную дымку. Все в городе быстро узнавали, что жена Мартина Крессуэлл-Смита оказалась алкоголичкой и наркоманкой. Сначала неприглядная сцена в «Пагго», потом инцидент перед отплытием, а теперь еще врачи в больнице.
Бедный Мартин.

— Так почему ты взял меня с собой в такую погоду? Даже Рабз сказала...

— Потому что я хотел отвлечь тебя от таблеток, разве не ясно? Я хотел, чтобы мы чем-то занялись вместе, чтобы ты оказалась на свежем воздухе, подальше от этих проклятых пилюль.

— Лжец.

Он заморгал. Изумление, отразившееся на его лице, только подстегнуло меня.

— Ты *хотел* напугать меня. Почему ты не упомянул о моем поведении в «Пагго», когда принес мне завтрак в постель сегодня утром? Ты вел себя, как будто все в порядке, как будто не случилось ничего плохого. Ты копаешься в моей голове; ты хочешь, чтобы я считала себя сумасшедшей! — Я потянулась за бокалом, сделала еще один укрепляющий глоток и махнула рукой в его сторону. — Знаешь, как это называется, Мартин? *Доведение до умопомешательства*.

Фраза повисла в жарком воздухе. Потолочный вентилятор лениво вращался наверху.

— Отправляйся в постель, — тихо и мрачно произнес он. — Ты снова выпила и расписовалась. Утром мы разберемся с этим...

— Нет, мы разберемся с этим прямо сейчас! — я постучала пальцами по крышке кофейного столика. — Почему ты так поступаешь со мной? Я хотела начать с чистого листа, жить счастливо...

— Только лист оказался нечистым — да, Элли? Ты прилетела сюда, под завязку напичканная таблетками, а теперь утверждаешь, что это я виноват? Никто с тобой ничего не делал. Ты сама все это делаешь.

— Это из-за Рабз?

Он побледнел и замер неподвижно.

— Я хочу знать, Мартин. Скажи мне прямо сейчас: как долго ты трахаешься с Рабз?

Молчание. Лопасты вентилятора медленно вращались, жара накатывала медленными волнами.

Это правда. Я обнаружила ее. Попала в яблочко. Я видела это в его глазах, в выражении его лица, в его телесной реакции. Я как будто прикоснулась к его коже заряженным электродом, и теперь электричество потрескивало внутри — невидимое, но нарастающее.

Крошечная нить страха распустилась у меня в животе.

— Ты пьяна.

— Хочешь знать, как я узнала? — тихо спросила я. Все мои инстинкты подсказывали, что пора остановиться, пойти на попятный, подняться в спальню. Но почему я должна была останавливаться? В конце концов, это мой брак и моя жизнь. Я проделала долгий путь и оказалась в незнакомой стране ради этого мужчины, и я имела право... нет, я была обязана дойти до конца. Мне были нужны ответы.

— На кушетке в моей студии валялась вязаная резинка для волос, точно такая же, как та, которую сегодня носила Боди Рабинович. Золотые

нити в зеленой ткани. Ты спал с ней в моей будущей рабочей студии? Там остался ее запах, Мартин. Ее запах на резинке... смесь пачули, душистых трав и жасмина, который она носит. И там был ее волос: длинный, темный, волнистый волос. Это ее волос, — я готова поспорить, что анализ ДНК докажет это. И я знала, я *почувствовала*, что между вами что-то есть, когда мы были в «Пагго». Женщина чувствует такие вещи, Мартин.

— Если в твоей студии осталась резинка для волос и если она принадлежит Рабз, это потому, что она со своими друзьями из «Пагго» помогала мне перенести туда твои коробки после прибытия. И знаешь, почему они это сделали? Потому что они хорошие люди. Все вместе. Однажды я ужинал в «Пагго» через пару недель после приезда в город — я регулярно бываю там, — и упомянул о покупке дома и о том, что скоро приедут твои вещи.

Он внимательно наблюдал за мной, пока говорил. Его тело было странно неподвижным, светлые глаза холодно поблескивали.

— Я рассказывал им о тебе, Элли, о моей чудесной жене из Канады. Им не терпелось познакомиться с тобой, и они предложили помочь мне, когда приедет грузовик с *твоими* вещами.

Он выразительно замолчал. Я сглотнула, когда увидела выражение его глаз. Оно мне очень не понравилось.

— Лжец.

Его лицо как будто сжалось в размере, глаза превратились в щелочки.

— Прекрати, — сказал он. — Немедленно.

Я не узнала его голос.

— Ты привел ее в мою студию, Мартин, — очень тихо сказала я. — В мой дом...

— В наш дом, — отрезал он.

— Я купила этот дом. Только с моими средствами...

Он вскочил на ноги, ухватил меня за волосы на макушке и дернул с такой силой, что я почувствовала, как рвутся корни. Я закричала и привстала, пытаюсь ослабить давление. Он стиснул волосы в кулаке и потянул, как будто хотел оскальпировать меня. Мои глаза горели. Я была парализована ужасом и не двигалась, не осмеливалась издать ни звука. Только тяжело дышала.

Он выпустил волосы и, когда я сползла на пол, лягнул меня в зад. Сила его удара была настолько внезапной, что я едва успела выбросить руки перед собой, чтобы уберечь голову от удара об угол кухонного шкафа. Я ударилась плечом и упала на бок, приложившись виском к половой плитке. Он сделал два быстрых шага в мою сторону, снова ухватил меня за волосы

и приподнял над полом. Я завопила от боли и потрясения. Он отпустил меня и поднял другую руку. Пока я опускалась вниз, он отвесил мне пощечину тыльной стороной ладони, которая прилась по рту и подбородку. У меня помутилось в голове. Тело действовало автоматически. Я шлепнулась на пол и поползла на четвереньках. Кровь текла из рассеченной губы, сопли струились из носа. Я дрожала всем телом и боялась, что если снова закричу, то он убьет меня.

Он толкнул меня ладонью между лопаток, удерживая на четвереньках, и разорвал мои трусы. Потом пристроился за мной, и я услышала, как он спускает штаны. Мое лицо было залито слезами. Я зажмурилась, потому что каждая крупинка моего существа отчаянно стремилась к бегству, но я не смела пошевелиться или хотя бы что-то сказать.

Схватив меня за шею, так что я едва могла вздохнуть, он вошел в меня сзади. Боль пульсировала во мне, пока он долбил снова и снова, издавая звериные побряхтывающие звуки.

Потом он кончил в меня с особенно сильным напором, вдавив яйца мне в ягодицы.

Казалось, после этого все его чувства были исчерпаны. Он отодвинулся и уронил меня на пол. Я свернулась в позу плода, дрожа всем телом и ощущая его влагу, вытекавшую между ног. Теперь я знала, что мой кошмар после первой ночи, проведенной в этом доме, вовсе не был кошмаром. Это была жестокая реальность. Секс был агрессивным, но не по общему согласию, и по какой-то причине воспоминание об этом не смогло правильно запечатлеться в моем мозге.

Он пихнул меня носком ботинка.

— Вставай, — велел он, нагнувшись надо мной и застегивая брюки. — Ты выглядишь отвратительно. Помойся и ложись спать. Ты пьяная дрянь.

Я не могла пошевелиться.

— Давай! — он занес ногу для пинка. Я еще плотнее сжалась в комок и тихо захныкала. Кровь и сопли текли у меня по подбородку. Он остановился.

Наклонившись, он аккуратно откинул влажные, липкие волосы с моего залитого слезами и окровавленного лица. Мягко провел пальцем по щеке. Я была слишком испугана, чтобы отпрянуть от его прикосновения.

— Тебе нужно подняться наверх, солнышко.

Я не двинулась с места.

— Давай, я помогу тебе встать, — он подхватил меня под мышки и поднял на ноги. Я едва могла стоять на дрожащих ногах. — Идем наверх.

Я помедлила и потянулась к телефону, лежавшему на столешнице. Но

он твердо отвел мою руку в сторону.

— Нет, — тихо сказал он. — Оставь это.

Я не смела перечить ему. Только не сейчас.

Я поднялась вверх без телефона. Вошла в темную комнату и направилась к окну, посмотрела на улицу. Я снова увидела «короллу», припаркованную в тени на другой стороне улицы. Кто-то сидел внутри и наблюдал за домом.

Я прижала ладонь к оконному стеклу.

Помогите мне.

Включились фары. Я услышала шум двигателя. Автомобиль снялся с места и поехал по улице, мигнув тормозными огнями на повороте. Потом все пропало. Летучие мыши визгливо кричали и порхали во тьме.

Суд по делу об убийстве

Февраль, наше время.

Верховный суд Нового Южного Уэльса

Я наблюдаю со скамьи, как Лоррингтон собирается разделаться с Лоццой. У меня нет сочувствия к ней. Либо они, либо я.

— Итак, старший констебль Бьянки, давайте внесем ясность, — говорит Лоррингтон своим звучным баритоном. — Ни констебль Эббот, ни констебль Макгонигл не сопровождали вас в прогулке к заброшенной фермерской усадьбе. Вы одна вошли в дом?

— Совершенно верно, сэр, — говорит Лоцца в микрофон.

— Два часа и тридцать три минуты — вот как долго вы находились внутри вместе с уликами до прибытия профессиональной группы.

— Возражаю! — восклицает Коникова, поспешно поднимаясь на ноги. — Это не служит никакой иной цели, кроме...

— Возражение принято, — говорит судья. — Аргумент защиты изымается из стенограммы.

Лоррингтон начинает садиться, но тут же выпрямляется в полный рост и стискивает руками края своего пюпитра.

— Вы прикасались к чему-либо внутри дома?

— Только к одному предмету. Я надела перчатки, а потом вернула его на прежнее место.

— Что это был за предмет?

— Бейсбольная кепка «Найк» голубого цвета.

Лоррингтон поводит плечами и выставляет подбородок.

— Почему этот предмет, а не другой?

Лоцца колеблется. *Ошибка.* Присяжные видят ее нерешительность.

— Я... Сначала я была не уверена, что это такое. Хотела посмотреть, чтобы убедиться.

— Чтобы удостовериться в том, что это бейсболка? Вам известен кто-либо, носивший такую же кепку?

— Да. Несколько свидетелей видели Элли Крессуэлл-Смит в голубой бейсболке и ветровке, когда они с мужем выходили в море с причала на

Бонни-Ривер на яхте «Абракадабра». Так было в последний раз, когда его видели живым.

Лоррингтон медленно кивает. Он делает вид, что просматривает бумаги в своей папке, потом изображает озадаченность. Мне все больше и больше нравится мой адвокат. Настоящий актер.

— Вы лично встречались с Мартином Крессуэлл-Смитом до его исчезновения? — тихо спрашивает он.

Присяжные подаются вперед.

— Э-ээ, у нас были краткие встречи. На пляже. Это... это маленький городок.

— Старший констебль Бьянки, вам нравился Мартин Крессуэлл-Смит? Конигова вскакивает с места.

— Возражаю! Ваша честь, я не вижу в этом никакой связи с направлением допроса.

— Ваша честь, — Лоррингтон поворачивается к судье. — Мы собираемся продемонстрировать наличие такой связи.

— Тогда прошу без промедления перейти к делу, мистер Лоррингтон. Некоторые из нас думают о ленче.

— Да, ваша честь. Я повторю вопрос. Старший констебль Бьянки, вам нравился мистер Крессуэлл-Смит?

— Я едва знала его.

На несколько ударов сердца он удерживает ее взгляд.

— Старший констебль Бьянки, вы когда-либо — во время выполнения служебных обязанностей или в любое другое время — следили за Мартином Крессуэлл-Смитом?

— Нет.

— Вы не парковали автомобиль рядом с его домом и не следили за ним?

Лоцца бледнеет.

С галерки доносится рой шепотков. Мелок судебной художницы летает над бумагой. Репортеры бешено черкают в своих блокнотах.

— Однажды я несколько минут наблюдала за домом из служебной машины, — тихо говорит она.

— Почему?

Мой пульс учащается.

— Я... У меня были причины опасаться за безопасность его жены.

— Вам казалось, что миссис Крессуэлл-Смит находится в опасности?

— Да, со стороны ее мужа.

— Почему?

— Я видела синяки у нее на теле.

— И вы предполагали, что он был тому причиной? Это рассердило вас?

Лоцца плотно сжимает губы. Ее щеки начинают краснеть.

— Как я сказала, у меня возникли опасения насчет безопасности его жены.

Лоррингтон облизывает губы и кивает.

— Насилие по отношению к женщинам или детям выводит вас из себя, не так ли, старший констебль?

— Такое поведение выводит из себя любого нормального человека.

— Насколько это вывело вас из себя?

— Возражаю! — Коникова снова вскакивает на ноги. — Я не усматриваю в этом отношения к делу.

— Мистер Лоррингтон, у вас есть заключение по этому поводу? — судья демонстративно смотрит на часы.

— Ваша честь, я могу утверждать перед судом, что старший констебль Бьянки, ведущий следователь по данному делу, вела следствие предубежденно и с позиции личной вендетты, препятствовавшей ей распознать другие линии следствия после того, как она увидела эти синяки.

Он резко поворачивается к Лоцце:

— Старший констебль Бьянки, у вас есть шрам на голове.

Шорохи и движение на галерке. Судебная художница переворачивает страницу для новой зарисовки. Лоцца заливается густой краской и щурит глаза.

— Откуда у вас этот шрам?

— Возражаю! — кричит Коникова; ее глаза сердито сверкают.

— Ваша честь, — парирует Лоррингтон. — Этот шрам связан с историей агрессии и тоннельного зрения данной свидетельницы, когда она работала старшим следователем. Он связан с тем фактом, что однажды она избил подозреваемого, находившегося под ее опекой, до такой степени, что коллегам пришлось оттащить ее в сторону... такова была ее ярость. Его пришлось прооперировать. А почему? — Лоррингтон выразительно поднимает палец. — Потому что этот подозреваемый был известен своей склонностью к насилию. Он избил до смерти свою жену, пока их маленькая дочь пряталась под кроватью и видела все, что там происходило. И когда старший констебль Бьянки узнала о ребенке, она просто сломалась, — он залихватски щелкает пальцами. — Вот так. Ослепленная яростью, она сама прибегла к насилию. Разве это не так, старший констебль Бьянки?

Лоцца потеет. От ее тела исходят агрессивные вибрации. Такое

ощущение, что она готова взорваться, вырваться из своей коробки и задать взбучку моему адвокату. Лоррингтон только что сотворил нечто прекрасное прямо перед нашими глазами, поскольку все присяжные могут видеть, что Лоцца Бьянки снова готова сорваться с катушек. И они ждут этого... они *хотят*, чтобы она это сделала. Если бы они преступили закон, то определенно не захотели бы иметь такого следователя. С таким отношением к делу от нее нечего ждать справедливости.

— Констебль Бьянки, — тихо говорит Лоррингтон. — Этот инцидент содержится в полицейских протоколах, не так ли?

— Да, сэр, — отвечает она сквозь стиснутые зубы.

На галерке поднимается ропот. Я осматриваюсь по сторонам. Полицейские выглядят сердитыми и взвинченными. Боевые порядки приходят в движение. Я ощущаю напряженность: адреналин, тестостерон. Жаркий воздух в зале суда становится гуще.

— Вы удочерили ту маленькую девочку, которая пряталась под кроватью, старший констебль Бьянки?

Коникова буквально взвизгивает со своего места. Но пока она открывает рот, Лоцца говорит:

— Это совершенно не имеет отношения к делу, сэр. Моя дочь никак не причастна к рассматриваемым событиям. Вам должно быть стыдно.

Какой-то репортер торопится к выходу из зала.

— Причастность или непричастность — это дело суда, — медленно произносит Лоррингтон. — Вы потеряли работу следователя в уголовном розыске после этого инцидента. Дело замели под ковер, потому что это было нежелательной оглаской для полиции Нового Южного Уэльса. Именно поэтому вы занялись неприметной работой на побережье. Но потом вы увидели синяки у жены мистера Крессуэлл-Смита. И осудили его за это. Может быть, слишком поспешно?

Он поворачивается к присяжным:

— Я утверждаю перед судом, что старший констебль Лоцца Бьянки, по сути дела, испытывала острую и непреодолимую *неприязнь* к Мартину Крессуэлл-Смиту. Я предполагаю, что она даже испытывала нечто вроде личной вендетты против него, в силу своей личной истории. В своем былом качестве детектива по расследованию убийств мисс Бьянки продемонстрировала свою предрасположенность к иррациональному гневу и чрезмерному насилию, и я заявляю перед судом, что у нее был свой интерес в этом деле. Предубежденность. И ее следовало отстранить от расследования. Это не является справедливым или беспристрастным следствием.

Его взгляд возвращается к Лоцце.

— И это была не единственная ваша ошибка в данном деле, не так ли, старший констебль Бьянки? Вы также доставили упаковку контрабандных препаратов в дом Крессуэлла-Смита, не так ли?

Мелоди Уоттс, репортер сиднейских вечерних новостей, срывается с места. Она устремляется к двери, бьется лбом о герб, установленный за спиной судьи, отшатывается и быстро покидает зал суда. Могу представить, что она будет говорить перед камерой на лестнице.

Еще я представляю, как маленькая приемная дочь Лоццы слушает в школе телевизионные новости о своей непутевой матери.

Раньше

Элли

1 ноября, более одного года назад.

Джервис-Бэй, Новый Южный Уэльс

Уиллоу сидела напротив меня в гостиной с бескрайним видом на море. Правда, этот вид был застелен облаками. Дождевые ручейки зигзагами струились по оконным стеклам, и я слышала бухающий грохот прибоя у ближних скал. Иногда в небо взлетали клочья пены, подхваченные ветром и оседавшие на колючих кустах снаружи, словно комки пористого снега.

Я пришла к двум умозаключениям. Во-первых, Мартин забрал мой мобильный телефон, а во-вторых, я хотела нанять частного детектива, чтобы проследить за ним, поэтому мне был нужен чей-то телефон или компьютер, чтобы найти подходящего человека. Кроме того, я нуждалась в неофициальной помощи для избавления от медикаментозной зависимости. Уиллоу называла себя квалифицированным терапевтом, но мне не хотелось рассказывать ей об этой проблеме. Я все еще слишком переживала, и это было глубоко личным делом.

— Что произошло на яхте, Элли? — спросила она.

— Я... Я точно не знаю.

— Вы не помните?

Тиски стыда сжали мне горло. Я сплетала и расплетала пальцы.

— Я... У меня есть провалы в памяти.

Пока я говорила, она смотрела на мои руки. Я постаралась успокоиться.

Дождь шел уже два дня, и большую часть этого времени я пролежала в постели. Моя память выкидывала коварные трюки, когда я пыталась вспомнить события, предшествовавшие агрессии Мартина. Оба дня он уезжал на работу ранним утром и забирал мой телефон, так что я не могла никому позвонить. По его словам, он собирался делать это до тех пор, пока я больше не буду выставлять себя на посмешище. У меня не было автомобиля, поэтому я не могла уехать. Я чувствовала себя униженной и оскорбленной. В моей памяти прокручивалась закольцованная запись с

потрясенными лицами людей, которые присутствовали при нашем возвращении. Они видели, как я неуклюже перелезла через борт и упала в воду, а потом спотыкающейся пьяной походкой побрела через лужайку, пока Мартин кричал мне вслед. Все видели кровь, пустые банки и бутылки на борту яхты — емкости из-под спиртного, которое я туда не приносила... или не помнила об этом.

В первый день после нападения Мартина я приняла обезболивающее и другие таблетки. Много, много таблеток. Но вчера я спустила почти все мои таблетки в унитаз. Единственным, что могло помочь мне как-то выбраться из этого положения, была ясная голова. Я также хотела доказать, что Мартин имел любовный роман с Рабз. Физические доказательства, которые я могла бы использовать. Фотографии, сделанные частным сыщиком.

Уиллоу напряженно смотрела на меня. Опытный психотерапевт в ее лице хотел видеть меня насквозь, чтобы докопаться до сути.

— Почему? — спросила она. — Откуда провалы в памяти?

— Мне нужно выяснить это, — ответила я. — Да, я принимаю лоразепам. Да, мне нравится пить вино. Но это какое-то другое, совершенно необычное ощущение, и я смогу добраться до сути лишь в том случае, если приступлю к делу на ясную голову, без алкоголя и таблеток. Потому что, если эти провалы будут продолжаться, я пойму, что дело в другом.

— В чем, например?

Я нервно кашлянула. Я понимала, что она делает: задает наводящие вопросы, чтобы я могла самостоятельно найти ответ. Я была ветераном сеансов психотерапии.

— Например... он, то есть мой муж, может подмешивать мне наркотики.

Она заморгала.

— *Вы серьезно?*

Я поморщилась. Мне неприятно было озвучивать эту мысль, потому что она выглядела абсурдной. Она подчеркивала то обстоятельство, что я могла быть клинически параноидной особой, что я на самом деле схожу с ума. Я потеряла тыльную сторону ладони. Уиллоу продолжала внимательно следить за моими движениями.

— Эль? Говорите со мной.

Я посмотрела на свои руки и неохотно решила перейти к главному.

— Возможно... Дело в том, что я... я начинаю думать, что меня надули. Обвели вокруг пальца. Я начинаю думать, что Мартин женился на

мне из-за денег, потому что я наследница Хартли, — я медленно подняла голову и посмотрела на нее. — Думаю, он специально наводит меня на мысль о моем безумии. Возможно, даже подмешивает мне наркотики или чем-то одурманивает меня.

— Вы действительно в это верите?

Я сделала глубокий вдох.

— Я два дня лежала в постели, размышляя об этом. Вспоминая все странные мелочи, на которые я не обращала внимания во время нашего активного ухаживания.

Например, инцидент с двойником.

Например, что он не был зарегистрирован в отеле «Хартли», когда я пришла вернуть его запонку.

Например, его исчезновения до тех пор, пока я не начинала отчаянно тосковать по нему, а потом внезапные возвращения, когда он говорил, что мне нужно немедленно принять решение, а потом увозил меня с собой на следующий день.

Например, оранжевый «субару», припаркованный перед моим домом.

То, как он изолировал меня от общества, заставил приехать сюда, где все так незнакомо и необычно... То, как он терроризировал меня этой рыболовной прогулкой, пока не узнал все о моем прошлом и о моих уязвимых местах.

— Был один Мартин, прежде чем он получил финансирование для речного вокзала «Агнес», но после этого появился совсем другой Мартин. Он больше не заботится о тактичности и приличиях. Думаю... думаю, он заманил меня в эту аферу, но самое странное, что это я предложила помочь ему. Это я предложила ему стать деловыми партнерами на деньги моего отца. Он даже протестовал и спорил со мной, но я настаивала. Мне хотелось помочь в финансировании всех его начинаний. Мне хотелось переехать сюда, оставив позади моих родственников и друзей. Мне хотелось помочь ему с застройкой бассейна Агнес. Я дала ему все, Уиллоу. Добровольно. Это была моя идея. Я сама напросилась, и я сама во всем виновата.

Уиллоу молча смотрела на меня. Вдали гремел прибой. Дождь барабанил в окна.

— Вы правда уверены в этом?

Я кивнула.

— Мне... мне очень стыдно, что дело дошло до этого.

Она наклонилась вперед и сцепила пальцы на колене.

— Элли, некоторые люди могут быть дьявольски хитроумными в

подобных делах. Искусство мошенничества больше говорит о нас самих и о наших представлениях о мире, чем о самом мошеннике. Гениальность обманщика состоит в его умении точно понять, что нам нужно или что мы больше всего хотим услышать, а еще в том, кем он предстает перед нами: проводником для осуществления наших глубочайших желаний.

Я подумала о внезапном появлении Мартина в моей жизни в тот морозный январский вечер. На моем пути в уборную. О том, какие правильные вещи он говорил о жизни, о детях, об искусстве и родителях, заставляя меня поверить, что он может помочь во всем, к чему я тогда стремилась. Из-за моего отца я жила в окружении публичного внимания. Обо мне писали всевозможные вещи, особенно после гибели Хлои и после того, как я сорвалась с катушек. Вероятно, все это по-прежнему было легко найти в архивах Интернета. Даже мой громкий спор с отцом в лаунж-баре «Маллард» слышали все, кто находился рядом. С помощью элементарного гугл-поиска любой мог узнать обо мне очень личные вещи. Мне стало тошно.

— Мы *хотим* верить тому, что говорит мошенник, Элли, — тихо сказала Уиллоу. — Он манипулирует нашей реальностью. И если все обстоит так, как ты думаешь, — если это мошенничество с дальним прицелом, требующее долгой подготовки и осуществляемое на протяжении нескольких месяцев или даже лет, — то здесь необходимо манипулировать реальностью на гораздо более высоком уровне, затрагивающем наши самые глубокие убеждения о себе.

Я подергала нитку, выбившуюся из укороченных брюк.

— Похоже, вам многое известно об этом.

— У меня была одна пациентка. Умная женщина, даже очень умная. Тем не менее она повелась на обещания мошенника в профиле сайта свиданий в Интернете. Как ни грустно, такие случаи не редкость. Люди пользуются такими сайтами для поиска жертв. Они могут многое узнать о других, а затем пользуются этой информацией, чтобы заманивать добычу и выжимать ее досуха.

Я подняла голову. Ее слова навели меня на мысль о воронковом водяном пауке, с его ловчими нитями и шелковым логовом.

— Тем не менее я могу ошибаться.

— Да. Надеюсь, что это так, Элли.

— Моя подруга Дана предупредила меня. Мой отец предупреждал меня. Но я была убеждена, что им досадно, поскольку я наконец нашла что-то стоящее, чего я заслуживала. Достойного мужчину. Второй шанс.

— Он проявляет физическую агрессивность? Он ведет себя низко,

притесняет вас?

Я смотрела в окно. У меня не хватало смелости признаться в этом.

Уиллоу перефразировала свой вопрос.

— Он бил вас, Элли?

Я прикоснулась к шелковому шарфу, скрывавшему жуткие синяки на шее, и тут же поняла, что выдала себя этим невольным движением.

— Возможно, я заслуживала этого, — прошептала я. — Я оскорбляла его, пусть даже на словах. Я порезала его ножом. И... мне *хотелось* порезать его, Уиллоу. Мне хотелось причинить ему вред, даже убить его.

Какое-то время она размышляла об этом.

— Элли, — тихо сказала она. — Никто не заслуживает, чтобы его били. Вы не виноваты в том, что делали, независимо от ваших мыслей. Физическое насилие неприемлемо.

Я промолчала.

— Он сильно бил вас?

— Этого больше не случится.

— Почему?

«Потому что я не собираюсь снова все испортить. Я больше не буду напиваться. Не буду принимать таблетки».

— Я этого не допущу.

— Вам нужно обратиться в полицию.

— Я... я это сделаю. Обязательно сделаю, если он снова набросится на меня.

Напряженность ее взгляда стала почти физически ощутимой, и я ощутила сдвиг в ее энергии. Уиллоу была похожа на туго сжатую пружину, готовую распрямиться. Это встревожило меня. Я ненавидела конфронтацию. Она собиралась настаивать на звонке в полицию, а мне хотелось быть осторожной, хорошо подготовиться и находиться там, где он не сможет до меня добраться, когда я это сделаю.

— Я обращусь в полицию, — повторила я. — Но не здесь и не сейчас. Я хочу обратиться в полицию, когда буду у себя дома, в Канаде. Я хочу подать на развод у себя дома, где он не сможет причинить мне вред. И мне нужно избавиться от медикаментозной зависимости. Мне нужна ваша помощь, Уиллоу. Вы поможете мне слезть с лоразепама? Мне нужно постепенно снижать дозировку, чтобы не сорваться. Я выбросила большую часть таблеток в унитаз, но сохранила достаточно на одну-две недели. Я хочу, чтобы вы держали их у себя и выдавали мне понемногу на каждый день, если понадобится.

Она смотрела на меня. Я видела, что она напряженно размышляет.

— И поэтому вы думаете, что он больше не будет бить вас, — потому, что вы будете свободны от зависимости?

— Он увидит, что я стараюсь. Я скажу ему. И я докажу, что это серьезно.

— Но если вы думаете, что он подмешивает вам наркотики, то как это поможет?

Я подалась вперед.

— Я не буду пить и принимать таблетки. Поэтому, если у меня случится еще один эпизод, я сразу обращусь к врачу и сдам кровь на анализ, — я сделала паузу. — У меня появится доказательство того, что Мартин систематически пытается одурманить меня.

— Значит, вы считаете, что ваше пристрастие к веществам облегчает его махинации с вашим сознанием?

— Он пользуется этим как прикрытием для того, что делает со мной.

— Когда мужчина поднимает на вас руку, это уже...

— Нет, — я покачала головой. — Мне нужна ясная голова для правильной оценки положения. Я хочу быть на сто процентов уверенной, что не вообразила все это в тумане алкогольной паранойи. А если я обращусь к местной полиции, Мартин воспользуется публичными скандальными происшествиями с моим участием для объяснения моих «безумных» обвинений. Я прекрасно вижу это: он скажет, что мои синяки получены от падений во время моего пьянства. Люди на причале видели меня пьяной, Уиллоу. Они видели кровь. Они видели ярость у меня на лице. Он сказал врачам в клинике, что пьяная жена порезала его. Люди видели мое состояние в «Пагго»; даже вы видели меня там. Полицейские поверят ему, а не мне. Они встанут на его сторону.

Уиллоу окинула меня взглядом и медленно кивнула.

— Не хотите рассказать, как вы начали принимать эти таблетки?

Я рассказала ей все. Начиная с того, как я потеряла Хлою, какое горе мне это причинило и как я пыталась справиться с этим, вплоть до скандальной известности и госпитализации. Она терпеливо слушала под шум дождя снаружи.

— Теперь понимаете? — сказала я. — Это долгая история: злоупотребление седативными препаратами, психическое расстройство, насилие и потеря памяти. Он может использовать все это против меня, если я подам жалобу или выдвину обвинение. Дуг сразу так поступил, когда подал на развод со мной. Мартин может снова запереть меня в психиатрической лечебнице или даже воспользоваться своими юридическими полномочиями, поскольку у нас совместный бизнес и ему

нужна моя подпись на финансовых документах. Он получит беспрепятственный доступ к моим средствам.

Она нахмурилась и с сомнением покачала головой.

— Вам не кажется, что это преувеличение?

— Честно говоря, сейчас я ни в чем не уверена.

Она наблюдала за мной; на ее окаменевшем лице застыло выражение, похожее на гнев. Это ощущение волнами исходило от нее. Я боялась, что теперь, когда я вооружила Уиллоу информацией о мужчине, который нападал на меня, она может предпринять действия по собственной инициативе — действия, которые я буду не в состоянии остановить. Тогда обстоятельства полностью выйдут из-под моего контроля.

Она тихо выругалась, потом резко встала и включила электрический чайник.

— Вы еще с кем-нибудь говорили об этом, Элли? С друзьями? С членами семьи? С кем-то еще?

— Сегодня утром я позвонила моей подруге Дане.

Она подняла голову.

— В Канаду?

Я кивнула.

— Сразу же после того, как избавилась от таблеток. Мой звонок был переадресован на голосовую почту. Она так и не перезвонила.

— А почему?

Уиллоу залила кипятком чайные листья в фарфоровых чашках. Ее браслеты мелодично звенели. Я завидовала ее красоте, ее изяществу.

— Мы поссорились. Из-за Мартина.

— Значит, Дане он не понравился? — она принесла чашки.

— На самом деле, она не встречалась с ним, но... — Я посмотрела на хрустальный шар, лежавший на буфете, карты Таро на кофейном столике, лампу с абажуром из розовой гималайской соли на книжной полке, крошечные китайские колокольчики на кухне и добавила: — Дана утверждала, что Мартин плохо влияет на мою ауру. Она сказала, что моя аура темнеет после того, как я встречаюсь с ним.

Уиллоу изогнула бровь. Она изобразила полуулыбку, взяла чашку с блюдечка и отпила глоток.

— Вы чувствовали, что у Мартина плохая аура? — поинтересовалась я.

— Я никогда не пробовала читать ауру Мартина. На самом деле, мы почти незнакомы, если не считать встреч в «Пагго» и разговоров в группе местных экологов о нем и его проекте... о вашем проекте, — она

помедлила. — Знаете, Эль, судя по вашему рассказу, вы едва успели оправиться от пережитого горя и посттравматического синдрома, когда познакомились с Мартином. На самом деле, никто полностью не восстанавливается после таких вещей, скорее, находит новое состояние равновесия. А теперь вы столкнулись с очередной неудачей. Вам нужно поговорить с профессионалом.

— Я разговариваю с вами. Вы сказали, что являетесь квалифицированным психотерапевтом.

— Я больше не практикую, и у меня нет действующей лицензии. Я отошла от дел несколько лет назад, когда решила стать инструктором по личностному росту, плюс всякие эзотерические штучки, — она указала подбородком в сторону карт Таро.

— Почему?

— Почему карты Таро и гадание на чайных листьях вместо психотерапии? Это гораздо увлекательнее. А в качестве инструктора по личностному росту я еще лучше забочусь о здоровье клиентов. Я работаю с целями и с индивидуальными графиками для достижения этих целей. В качестве психотерапевта я имела дела с патологией, с психическими расстройствами... я работала с бессознательным. Я работала в жестком режиме, и моей главной целью было понять причину расстройства. Инструкторская работа гораздо более... заманчивая, — она улыбнулась. — И более гибкая, особенно в том, что касается онлайн-бизнеса. Я могу путешествовать. Работать дистанционно в любой точке мира, — она отсалютовала мне чашкой и усмехнулась. — Одни из моих самых лютых конкурентов — цыганские гадалки в Болгарии!

Я рассмеялась. Мы допили чай, и пока Уиллоу мыла чашки, я спросила:

— Так вы поможете мне?

Она помедлила с ответом.

— В чем причина, Элли? Что вдруг заставило Мартина сорваться и избить вас? Неужели дело заключается только в пьянстве и в инциденте с рыболовным крючком на яхте?

Какое-то время я смотрела на нее, потом тихо сказала:

— Есть еще одна вещь, о которой я хотела вас попросить. Мне нужен частный сыщик.

Она явно удивилась.

— Я полагаю, что у Мартина есть роман на стороне. Я обвинила его, и тогда он ударил меня.

Ее рот изумленно приоткрылся. Она заморгала.

— Что?

Я откашлялась.

— Он с кем-то спит у меня за спиной, прямо в моем доме. Мне нужно найти частного сыщика, который следил бы за ним либо за его любовницей. Мне нужно фотографическое доказательство их близости. Если Мартин смог вооружиться историей моего психического расстройства, мне тоже нужно быть вооруженной. Всем, что я смогу выяснить.

Она замерла, как статуя.

— Уиллоу?

— Кто... с кем он спит, по вашему подозрению?

Я заколебалась.

— Вы... обещаете мне, что никуда не будете обращаться и никому об этом не скажете? До поры до времени?

— Обещаю.

— Рабз. Думаю, это Рабз.

Раньше

Элли

Когда я покинула дом Уиллоу, дождь прекратился, и у меня был план.

Я отдала ей почти все оставшиеся таблетки и пообещала, что брошу пить. Теперь Уиллоу будет выступать в роли моей покровительницы. Она сохранит мой секрет... до поры до времени. Поскольку я понимала, что, если дело пойдет вкривь и вкось, эта женщина не замедлит обратиться в полицию и потребовать решительных действий.

Она также сказала, что найдет мне частного сыщика и я смогу платить ему наличными через нее. Это поможет держать дело в тайне от Мартина.

Пока я шла по дорожке к воротам ее дома, то мысленно воспроизводила окончание нашего разговора.

— Вы уверены, что хотите мне помочь, Уиллоу?

Она встала и подошла к большому панорамному окну. Довольно долго она стояла там в молчании, сложив руки на животе и как будто собираясь с силами. Наконец она повернулась ко мне.

— Когда-то я знала человека, похожего на Мартина, — сказала она. — Человека, который так же обращался с моей матерью. Он стал жить с ней после того, как мой отец попал в тюрьму, и он избивал ее, иногда до бесчувствия, — она провела рукой по губам. — Он тоже снабжал ее наркотиками и другой дрянью. Мне было семь лет, когда она умерла от передозировки, поэтому я знаю, о чем вы говорите, Элли, когда рассказываете о том, что произошло с вашей мамой.

Я напряглась. Она глубоко вздохнула.

— Меня собирались передать под опеку, когда мой отец вышел из тюрьмы и «освободил» меня. Мы жили на улице и промышляли мелким воровством. Он научил меня разным вещам. Другие люди с улицы тоже учили меня. В основном это были навыки выживания. Отец так и умер бездомным. Я пробилась себе путь наверх из этого ада, Эль. Я стала помогать другим людям — просто потому, чтобы такого больше ни с кем не могло случиться. Или помогать тем, кто пережил это.

Я вдруг почувствовала, что мои проблемы бледнеют по сравнению с ее жизнью. Я чувствовала себя глупо. Какое представление мы можем иметь о людях, особенно о тех, мимо которых проходим по улице?

Она сокрушенно улыбнулась.

— Мне хочется думать, что я делаю все это ради отца и ради моей мамы. Но в основном ради себя.

У меня горели глаза.

— Мне так жаль. Я...

Она подняла руку и остановила меня. Потом улыбнулась.

— Давай я помогу тебе, ладно? Мне нужно, чтобы ты оставалась подальше от Мартина, так что это и для меня тоже. Ты можешь отплатить мне за помощь, если заплатишь авансом.

Я достигла садовых ворот с аркой, заросшей жасмином. Запах влажных цветов после теплого дождя кружил голову и вселял надежду на лучшее. Теперь у меня наконец появилась подруга.

Я открыла ворота, скрипнувшие от моего прикосновения. Потом повернулась и оглянулась на дом. Уиллоу стояла наверху возле панорамного окна, приложив к уху мобильный телефон. Она улыбнулась и помахала мне.

Я помахала в ответ. Потом я вышла на тротуар и увидела коричневый автомобиль в конце дороги.

Я остановилась и посмотрела, как автомобиль трогается с места и уезжает прочь. Да, мне были нужны ответы. Я собиралась нанять частного сыщика и выяснить, что здесь творится.

Элли больше не будет пассивной наблюдательницей.

Раньше Элли

14 ноября, более одного года назад.

Джервис-Бэй, Новый Южный Уэльс

Наступил полдень, и прошло две недели после моего визита к Уиллоу. Было жарко не по сезону; даже птицы замолчали. Из окна моей спальни я видела зыбкие переливы нагретого воздуха над дорогой. Моя футболка прилипла к спине, когда я открыла платяной шкаф Мартина. Работал потолочный вентилятор, и все окна были распахнуты настежь. Я двигалась быстро и аккуратно, стараясь уложить все обратно точно так же, как было раньше. Иначе он заметит.

Я перестала принимать таблетки и пить вино. Я делала все, что должна делать «хорошая жена». Готовила ужин. Спала, выполняла упражнения. Красилась и прихорашивалась.

Я навела порядок в студии, развесила фотографии и рисунки и сосредоточилась на работе. Когда мне было трудно бороться с симптомами абстиненции, я звонила Уиллоу. В таких случаях мы совершали долгие прогулки по пляжу. Или пили кофе в «Маффин Шоп», но никогда не заходили в «Пагго». И я, и Мартин обходили «Пагго» стороной, хотя Мартин продолжал настаивать, что между ним и Рабз ничего не было. Я сказала, что верю ему; я убаюкивала его ложным ощущением безопасности. Между тем Уиллоу нашла мне частного сыщика. Теперь за Мартином следили.

Со своей стороны, мой муж совершил акробатический кульбит и предстал воплощением доброты и заботливости. Как будто ничего плохого вообще не случилось. Ну... почти.

Я выдвинула ящик с его нижним бельем и пошарила сзади.

Однажды Мартин открыл свой рабочий кабинет и предложил мне ознакомиться с информацией о финансовом положении компании. Он был прав: предварительные продажи шли очень бойко. Доклад природоохранного ведомства и экологическая экспертиза были однозначно благоприятны для нас. Остальные недоразумения продолжали улаживаться.

Тем не менее он закрыл кабинет сразу же после того, как я вышла оттуда.

И кабинет оставался запертым, пока он ежедневно ездил на работу в Агнес-Бэй.

Он по-прежнему не доверял мне. Во всяком случае, не полностью.

Пять дней назад он внезапно объявил, что собирается на две недели улететь в Сидней — какие-то срочные дела с банками и совещание в рекламном агентстве. Через два часа он поспешно уехал, чтобы успеть на маленький самолет из Морайи. Следующие два дня я потратила на поиски запасного ключа от кабинета, не опасаясь неожиданного появления Мартина.

Он *должен* был где-то спрятать запасной ключ. Или все-таки он держал единственный ключ при себе?

Я выдвинула другой ящик и принялась шарить внутри.

Вчера я тщательно обыскала первый этаж. Сегодня я продолжила поиски наверху. Открыв ящик с носками, я один за другим проверила аккуратно свернутые шарики, а потом запустила руку в дальний угол ящика. Мои пальцы прикоснулись к металлу. С учащенно бьющимся сердцем я полезла глубже и достала их. *Его ключи.*

Три ключа на колечке. Я смотрела на них, покусывая нижнюю губу. Нет ничего плохого в том, что я войду в его кабинет. Плохо было то, что он запирался от меня — от своего *равноправного партнера* по бизнесу.

Я поспешила вниз.

Перед дверью кабинета я остановилась и постаралась успокоиться. Никаких таблеток, только глубокое дыхание. У меня была масса свободного времени. Тем не менее я быстро огляделась по сторонам. Это была остаточная память, отголосок ощущения того, что за мной наблюдают. Но сейчас я не чувствовала ничего необычного.

Я отперла дверь, толкнула ее и вошла внутрь.

Там было очень душно. Все окна были закрыты, и я не стала открывать их, но включила вентилятор на максимальную мощность. Легкий ветерок шевелил края бумажных листов на его рабочем столе. Его офис был таким же опрятным, как и его одежные ящики. Я повертела ключи в руке, размышляя, с чего начать.

Когда Мартин привел меня сюда, я заметила, что он держит ключи от архивного шкафа в запертом ящике под крышкой стола. Я вставила самый маленький ключ в замочную скважину этого ящика, и он легко повернулся в замке. Легкое ощущение вины моментально сменилось решимостью. Я открыла ящик.

Наблюдатель

Сигнал приложения для камер видеонаблюдения оповестил Наблюдателя о том, что датчик движения засек присутствие субъекта в критической области дома.

Наблюдатель потянулся за телефоном, включил приложение и стал просматривать видеотрансляцию, поступающую из дома Крессуэлл-Смитов в режиме реального времени.

Элли Крессуэлл-Смит входит в кабинет своего мужа.

Должно быть, она нашла ключ.

Наблюдатель увеличил масштаб изображения и проследил за тем, как Элли открыла ящик под крышкой офисного стола. Ветерок от работающего вентилятора развеивал ее длинные темные волосы. Она оглянулась через плечо в гостиную. Разумеется, она боялась оказаться замеченной и знала, что нарушает заведенный порядок. Но она не знала о видеокамере в настенных часах, следившей за ней через открытую дверь кабинета. Точно так же она не знала о камере в часах из ее студии или в электронных часах с барометром в ее спальне.

Элли достала из ящика маленькую шкатулку, поставила ее на стол и отперла другим ключом. Оттуда она извлекла другие ключи, с которыми направилась к архивному шкафу и отперла ящики с папками. Она просматривала папки по очереди, потом взяла ту, которая ее заинтересовала.

Наблюдатель еще раз увеличил изображение. Буквы на ярлыке папки были едва различимыми: «Активы Агнес».

Элли положила папку на стол и раскрыла ее. Она заметно напряглась и наклонила голову, проводя пальцем по столбцам цифр. Когда она подняла голову, ее лицо блестело от пота. Потом она вернулась к расчетам и застыла, упершись пальцем в какую-то цифру. Быстро перевернула страницу и пробежала глазами сводную таблицу. Она листала все быстрее и быстрее, пока не дошла до конца. Провела обеими руками по волосам, как будто переводя дыхание и пытаясь осмыслить, что именно она увидела. Она вернулась к шкафу, взяла другую папку с картонной обложкой и раскрыла ее. Оттуда выпал какой-то документ. Она подняла его.

Она застыла, как камень. Кровь отхлынула от ее лица.

Она начала поспешно разбирать другие папки, теперь уже без всякой последовательности и порядка. Потом обнаружила еще один документ,

привлекший ее внимание. Держа документ в руке, она опустилась на стул и закрыла рот ладонью.

Раньше

Элли

Я смотрела на договор аренды роскошной виллы на Островах Зеленого Мыса. Оформлен на имя Мартина, для двух взрослых людей. Годовая аренда с преимущественным правом на продление договора. Дата заселения — следующий месяц. Ветерок от вентилятора холодил пот, выступивший у меня на лбу. Руки покрылись мурашками.

К договору была приложена тонкая папка от туристического агентства в Сиднее. По накладной, Мартин купил два билета в одну сторону до Островов Зеленого Мыса с пересадками в Сингапуре и Франкфурте. Рейс из Сиднейского аэропорта отправлялся через две недели.

«Две недели?»

Я посмотрела на календарь, висевший на стене. Вероятно, он собирался преподнести мне сюрприз — оставалось еще достаточно времени, чтобы сообщить мне о нашем предстоящем путешествии. Но когда я задумалась над альтернативой, то смогла найти только один ответ. Билет предназначался не для меня.

Я часто задышала. Голова закружилась, к горлу подступила паника. Я сразу же подумала о таблетках, но они остались у Уиллоу. И на каком-то глубинном уровне инстинкт выживания подсказывал, что мне нужна предельная ясность, чтобы разобраться с этим. Понять это. Усвоить и пережить это.

Я торопливо перелистала другие документы... и замерла.

«Он заложил этот дом?»

По максимальной ставке. Кровь отхлынула от моего лица, когда я увидела это. Я — мы — дорого заплатили за это. Что он сделал с деньгами, полученными по закладной? Мы приобрели дом за 4,56 миллиона долларов. Деньги поступили от меня, но мы приобрели недвижимость от имени нашей компании. Однако, согласно этим документам, он заложил дом под свою личную ответственность? Я внимательнее прочитала документ, настолько внимательно, как могла, хотя строчки расплывались у меня перед глазами.

Новый договор о закладной включал страховку. На мою жизнь.

Тошнотворный холод разлился у меня в животе. Я посмотрела в окно, не желая и думать о том, что это может означать.

В гостиной что-то скрипнуло.

Я застыла и прислушалась.

Ничего.

Возможно, отломилась ветка у эвкалипта во дворе; я оставила раздвижную дверь открытой из-за жары. Когда погода становилась слишком засушливой, эвкалипты сбрасывали ветки для выживания. Как я узнала, их называли «вдовьими деревьями», потому что они часто убивали неосторожных мужчин, которые оказывались придавленными внезапным падением массивных веток.

Я оглянулась через плечо в гостиную. Настенные часы показывали около 15.00. У меня не было причин опасаться неожиданного прибытия Мартина. Он собирался вернуться не раньше чем через девять дней.

«Сосредоточься».

Я вернулась к документам и открыла конверт из плотной коричневой бумаги с надписью «КОНФИДЕНЦИАЛЬНО». Внутри находился отчет, полученный от консультантов. Я просмотрела резюме; мое сердце билось все быстрее и быстрее с каждым предложением. В этом отчете было указано, что прокладка каналов через мангровое болото приведет к сульфатному закислению почвы, что создаст проблемы с кислотностью почвенных вод, а это, в свою очередь, приведет к высокой концентрации соединений мышьяка и массивному разрушению среды обитания. Рыбы и всевозможные морские организмы подвергнутся грандиозному вымиранию. Для сравнения был приведен пример таких же разрушительных последствий на другой строительной площадке. Для нейтрализации кислоты понадобится укрепить борта каналов известняковыми стенами, что многократно увеличит расходы на строительство. Я перелистывала страницы. Слова расплывались у меня перед глазами. *Уничтожение среды обитания... Десятикратное сокращение популяции орланов-крикунов... губительное воздействие на окружающую среду... гигантские сумчатые летяги... лягушки...*

Я откинулась назад, тяжело дыша. Если этот отчет выйдет на свет, со строительством будет покончено. Но Мартин замял дело и спрятал его. Он заказал другой отчет, заранее подготовленный в его пользу, — тот самый, который он показал мне. Если местный совет увидит оригинальный доклад и потенциальные покупатели узнают об этом, то предварительные продажи упадут до нуля и мы понесем юридическую ответственность за это. Сплошной подлог и мошенничество. Я рывком поднялась на ноги, заходила по комнате и запустила пальцы в волосы. Что делает Мартин? Он собирается сесть на самолет и сбежать отсюда? Оставить меня здесь, чтобы

я ответила за все, что он натворил? Он вообще когда-нибудь рассчитывал на самом деле осуществить этот проект? Или это был лишь способ привлечения наивных инвесторов, пресловутая афера со строительством в болотах Флориды?

Нет. Этого не могло быть.

Я уселась за его столом и включила компьютер. Вход был защищен паролем, но я внимательно смотрела, когда он показывал мне финансовую отчетность компании, которая, как теперь стало ясно, оказалась фальшивой. Монитор засветился, и я ввела пароль, которым он пользовался. Попытка оказалась неудачной, но лишь потому, что я нервничала. Я пропустила прописную букву. Ничего, попробуем снова.

Система начала загрузку.

Мое сердце гулко забило, когда я получила онлайн-доступ к нашим банковским счетам: Мартин пометил нужные сайты, и его компьютер помнил коды доступа. На экране возник проверочный вопрос.

«В каком городе вы женились?»

«Лас-Вегас», — напечатала я.

Отказ в доступе.

Я напечатала «Вегас».

Снова отказано.

Мои пальцы замерли над клавиатурой. У меня оставалась только одна попытка. Если я снова ошибусь, сайт заблокирует меня. Я нахмурилась, но потому решила ответить на запасной проверочный вопрос.

«Где родился ваш отец?»

«Мельбурн», — напечатала я.

Банковские счета раскрылись. Капли пота собирались на лбу, стекали по щекам и падали с подбородка. Ветерок от вентилятора ерошил мои волосы. Я не могла поверить собственным глазам. На балансе нашей компании Agnes Holdings числилась сумма в пять тысяч долларов и восемьдесят пять центов. У меня поднималась температура, и я задрожала. Когда он последний раз показывал мне наш банковский счет, там значилось более тридцати миллионов долларов в краткосрочных инвестициях, и значительная часть этой суммы поступила от предварительных продаж.

Я вошла в раздел «недавние транзакции» и потрясенно замерла.

С тех пор, как Мартин показал мне банковский баланс, он выводил средства по частям через регулярные интервалы. Я раскрыла подробную информацию об этих транзакциях. Деньги переводились на номерной офшорный счет, к которому у меня не было доступа.

Я откинулась назад. У меня кружилась голова. Меня завлекли в

паутину и высосали досуха. Пропало более тридцати миллионов. Меня обчистили. Я вспомнила слова Уиллоу.

«Мы хотим верить тому, что говорит мошенник, Элли... Он манипулирует нашей реальностью. И если все обстоит так, как ты думаешь, — если это мошенничество с дальним прицелом, требующее долгой подготовки и осуществляемое на протяжении нескольких месяцев или даже лет, — то здесь необходимо манипулировать реальностью на гораздо более высоком уровне, затрагивающем наши самые глубокие убеждения о себе».

Воспоминание о Дане болезненно резануло меня. Я мысленно вернулась к оранжевому «субару», припаркованному под окнами моей квартиры в Ванкувере. К такой же модели того же цвета в подземном гараже. «Двойник». Тот, кто целовал женщину с длинными, волнистыми каштановыми волосами, чье лицо я так и не увидела.

Голова закружилась еще сильнее. Казалось, меня вот-вот стошнит.

Я отправилась на волне своей памяти еще дальше, к тому зимнему вечеру десять месяцев назад, когда я буквально упала в объятия Мартина, пока находилась в отеле моего отца.

Пьяная. Уязвимая.

Я громко препиралась с отцом. Я понимала, что люди вокруг нашего столика внимательно прислушиваются. И кто-то мог услышать, как отец предлагает мне свой капитал для финансирования проекта — любого проекта по моему выбору. Мог ли сам Мартин сидеть где-то рядом и подслушать нас? Или нас подслушал кто-то из посетителей бара и рассказал Дане, сколько денег мой отец может мне дать? Я вспомнила, как Рок звонил по телефону, устремив на меня взгляд своих темных глаз. Мне снова стало тошно. Кто-то из посетителей бара подстроил мне ловушку, куда я угодила позже тем же вечером. Возможно ли, что Мартин дожидался меня, как паук с тонко сплетенной сетью лживых историй, чтобы поймать в капкан мое сердце?

Я сглотнула слюну, когда страстные слова Мартина начали выползать из глубин моей души.

«Когда мы смотрим волшебное представление, то активно *желаем*, чтобы нас одурачили. Сценические фокусы... Это вроде добровольного мошенничества. Ты не так глупа, чтобы повестись на это. Если ты *не поведешься* на это, фокусник сделает что-нибудь неправильно».

Он реально обманул меня. Он закинул наживку, подцепил меня на крючок и месяцами вываживал меня — возил в Европу и устраивал головокружительное кругосветное путешествие. Платил за все, потом

исчезал на несколько недель и неожиданно появлялся снова. Его мошенническое искусство заставило меня отдать ему все, включая брачный контракт.

И я стремилась к этому. Я *ожидала* его предложения. Теперь меня одолевала запоздавшая тошнота. Я посмотрела на страховой полис, прикрепленный к закладной, и замерла, пронзенная еще более мрачной мыслью. Он собирается убить меня?

Из гостиной донесся какой-то звук.

Я замерла и прислушалась. Потом снова услышала: шаги по кафельному полу.

Мартин.

Я лихорадочно принялась собирать разбросанные на столе документы, укладывая их в конверты и папки. Листы падали на пол. Я подхватила папки и рванулась к архивному шкафу. В дверном проеме возникла темная фигура.

Я замерла.

— Элли?

Я развернулась на месте.

Раньше

Элли

Уиллоу.

Она стояла в дверях кабинета, окидывая взглядом общую неразбериху и меня, застывшую с бумагами и папками в руках.

— Что вы делаете? — спросила она.

На какой-то момент я утратила дар речи. Я думала, что это Мартин. Теперь я поспешно вернула все на место и заперла шкаф.

— Вы застали меня врасплох, — сказала я. — Я... я не слышала, как вы вошли.

— Вентилятор довольно громкий, — сказала она. — Дверь была открыта, но я сперва постучалась.

Я протянула руку.

— Мы можем поговорить в гостиной.

Но она осталась в дверном проеме, глядя на меня. Мое лицо пылало и, наверное, было красным, как свекла. Я дрожала и потела.

— Все в порядке?

«Нет, мать твою, не в порядке».

— Да. Все отлично. Пожалуйста, мне нужно запереть дверь, — я шагнула к ней, всем своим видом показывая, что пора на выход.

— Вы вроде бы говорили, что он не пускает вас сюда.

— Он изменился после того, как я перестала принимать таблетки. Наши... наши отношения улучшились, — мой голос сорвался.

— Элли...

— Послушайте, я не забыла о том, что он бил меня, хорошо? Я... мы можем поговорить в другом месте?

Я заперла дверь кабинета и проводила ее в гостиную. Ключи я положила в карман шортов и заметила, что Уиллоу проследила за этим. Потом я заметила, что она принесла большой пакет, из которого выглядывал коричневый конверт.

— Что вы здесь делаете? — спросила я. — Вы напугали меня.

— Я же сказала, что постучалась перед тем, как войти. Никто не ответил. Дверь была открыта, и я решила, что вы где-то здесь.

— Ну, хорошо, — я откинула со лба влажные пряди волос. — Я говорила, что мне нужны доказательства. Я искала... материалы.

— Что вы нашли?

— Пока ничего, — мои мысли разбегались в разные стороны. Я пыталась решить, как много я могу ей рассказать и как это может помочь или осложнить мое положение. — Что там у вас? — я кивнула в сторону пакета с коричневым конвертом.

Она поджала губы.

— Это от частного сыщика. Я решила, что вы захотите немедленно увидеть результаты.

— Что там?

Уиллоу заколебалась.

— Вы уверены, что нормально себя чувствуете, Элли? Хотите посмотреть прямо сейчас?

— Да, — отрезала я.

— Тогда давайте присядем.

Я обвела взглядом белую клетку новенького дома на берегу Бонни-Ривер, дома, который теперь принадлежал банку, если я не умру; тогда все окупится, и деньги достанутся Мартину. Я положила руку на живот.

Она прикоснулась к моей руке, участливо и озабоченно глядя на меня.

— Элли?

— Моя студия, — сказала я. — Давайте поговорим в моей студии.

Здесь я по-прежнему ощущала слезку, хотя и не могла объяснить, почему. Но я читала, что это ощущение реально. И после того, что я видела в папках Мартина, моя паранойя уже не казалась наигранной. Я ничему не верила. Прямо сейчас я чувствовала, что у этой комнаты есть глаза.

* * *

— А здесь хорошо, Элли, — сказала Уиллоу, когда вошла в мою студию следом за мной. Я открыла стеклянную дверь, ведущую к маленькому причалу. Я поежилась, когда увидела устье реки там, где она впадала в море, — канал, где мы преодолевали волны, разрушавшие песчаную косу.

Теперь я была стопроцентно уверена, что Мартин пытался терроризировать меня. Он был социопатом и ловким лжецом. Мошенником. Жестоким и жадным садистом, наслаждавшимся властью над другими людьми. Я также была уверена, что он не раз насиловал меня, пока я была одурманена. Да, теперь я была совершенно уверена, что он травил меня и перестал лишь после того, как я объявила об отказе от

спиртного и таблеток. Ему стало гораздо труднее убеждать меня, что я самостоятельно затуманиваю свой мозг.

Я жестом предложила Уиллоу сесть на кровать, но сначала она внимательно рассмотрела фотографии, которые я вставила в рамки и развесила на стене над кроватью.

— Кто на этой фотографии? — спросила она.

— Моя подруга Дана, — ровным голосом ответила я.

Она взглянула на меня.

— Та, кто не любит Мартина?

— Да, мы поссорились из-за него.

Дана была права насчет Мартина. Она с самого начала ощутила перемены, происходившие со мной под его влиянием.

— Но вы все равно повесили ее фотографию.

— Она, наконец, ответила на мои звонки, — сказала я. — Она приняла мои извинения. Мы стараемся восстановить наши отношения.

Мы с Даной более часа разговаривали через океан, пока я тоскливо смотрела на эту фотографию, где бармен снял нас обоих в «Малларде» в тот самый вечер, когда я познакомилась с Мартином. Пока я слушала ее голос, где-то на краю моего подсознания снова возник диссонанс, связанный с фотографией в баре — слабое ощущение чего-то важного, но упущенного, — и я не могла определить, что это такое.

— Так что в конверте?

Уиллоу опустилась на кровать. Я села напротив нее; нас разделял лишь кофейный столик. Она открыла конверт и достала несколько глянцевых фотографий, но снова заколебалась.

— Вы уверены, Элли?

— Просто покажите, и все.

Она разложила фотографии веером, развернув их лицом ко мне. Большие. Глянцевые. Мне никак не удавалось распознать, что изображено на этих фотографиях. Время как будто растянулось. У меня в ушах снова послышался жужжащий звук. По краю стола пробежал паук, и Уиллоу раздавила его.

— Красноспинный, — заметила она. — Ненавижу этих тварей. Их самки убивают самцов после спаривания.

Ее слова кружились у меня в голове, пока я с тупой ненавистью смотрела на фотографии Мартина, моего мужа и делового партнера, вместе с Боди «Рабз» Рабинович. Вот он выходит вместе с ней из взятого напрокат автомобиля в Сиднее. Рука Мартина лежит на ее пояснице — жест, хорошо знакомый мне по собственному опыту. Смеющееся лицо Рабз,

запрокинутое к небу. Его ответная улыбка, танцующие огоньки в глазах. Золотистый солнечный свет на его волосах. Я придвинула к себе одну фотографию, где они с Рабз целовались. Судя по всему, дело происходило в подземном гараже. На другой фотографии они входили в отель; его рука лежала у нее на плечах. Дальше фотограф запечатлел их на прогулке, с вафельными стаканчиками мороженого в руках. Они находились возле моста в Сиднейской гавани, с видом на знаменитый оперный театр. Я выбрала снимок, сделанный через окно, очевидно, с помощью мощного телеобъектива. Рабз и Мартин жарко обнимались; она была частично раздета.

Я сглотнула и отложила фотографию.

— Значит... Рабз тоже отправилась в Сидней.

— Мне очень жаль, Элли.

Я глубоко вздохнула.

— По крайней мере, теперь вы знаете, — в голубых глазах Уиллоу светилось искреннее сочувствие. Она выставила подбородок. — Теперь у вас есть доказательства.

Я облизнула губы, стараясь уложить все это у себя в голове. Кусочки головоломки, маленькие фрагменты причудливой формы, вставали на место и складывались в общую картину, которая выглядела ужасающе. Без сомнения, он одурманивал меня и держал в сумеречном состоянии сознания. Пытался ли он убить меня или сделать так, чтобы я покончила с собой? Каким был его эндшпиль, некий финальный план, прежде чем он отправится на Острова Зеленого Мыса?

— Есть кое-что еще, Элли.

— Что? — прошептала я.

— Частный сыщик узнал, что Рабз продала «Пагго». Новый владелец появится в следующем месяце.

Я жестко потеряла лицо ладонями.

— Он использовал меня, Уиллоу. Он опустошил наш банковский счет. Он собирается удрать вместе с депозитами от предварительных продаж. Он заложил наш дом. Он высосал меня досуха и собирается оставить меня здесь, чтобы я отвечала перед вкладчиками «Агнес Холдингс». Я отправлюсь в тюрьму, а она уедет с ним, — я поднялась на ноги и заходила по комнате. — Вот почему она продала «Пагго». Рабз собирается на Острова Зеленого Мыса вместе с моим мужем. Готова поспорить, там нет договора о взаимной выдаче с Австралией. Я...

— *Что вы сказали?*

— Я сказала, что там нет выдачи...

— Острова Зеленого Мыса!

— Я нашла два билета на самолет в его кабинете. Дата вылета ровно через две недели. На Острова Зеленого Мыса. Я также нашла договор об аренде роскошной виллы.

— Вы... вы уверены?

— Да, черт возьми, я уверена! — Я зашагала быстрее, выплескивая накопившуюся ярость. Мартин втоптал меня в грязь. Он едва не похитил мою личность, мое представление о себе. Но не до конца. Я все еще здесь. Я вовремя нашла улики. Теперь я стояла на развилке жизненного пути, и у меня был выбор: сломаться и опустить руки либо добраться до него. Отплатить ему. Показать ему, что нельзя было так обращаться со мной.

Я развернулась к Уиллоу:

— Я могла убить его. Мне так хотелось убить его.

Она была смертельно бледной.

— Не могу в это поверить, — тихо сказала она. — Рабз. Он собирается бежать *вместе с ней*? Она — неотъемлемая часть Джервис-Бэй... просто не могу поверить.

— Мне бы следовало использовать этот нож по назначению, — я занесла воображаемый нож и с силой опустила его вниз, потом снова и снова. *Так, так, так!*

— Элли... — она вскочила на ноги и удержала мою руку. — Остановитесь. Прекратите немедленно.

— Отвали, Уиллоу! Не трогай меня.

Она потрясенно отступила.

При виде ее лица я пришла в чувство. Я тяжело дышала, разжав кулак, я откинула волосы, упавшие на лицо.

— Но я не шучу, — тихо сказала я. — Я собираюсь добраться до него. Я собираюсь поймать его так жестко, что он пожалеет о знакомстве со мной.

— Что вы хотите сделать?

— Ответить ударом на удар. И знаете, что еще? Если он так поступил со мной... если ему удалось провернуть такую аферу, то готова поспорить, что он уже делал это раньше. Он в совершенстве владеет этим искусством, поэтому *должны быть и другие жертвы*. Всевозможные жертвы. Для начала те люди, которые вложили крупные суммы в строительство речного вокзала «Агнес», который никогда не будет построен. Этот процесс обречен по нормам природоохранного ведомства. А теперь, когда их деньги пропали? Я собираюсь на войну, Уиллоу. Я соберу чертову армию и закопаю этого ублюдка, — я указала на фотографии, лежавшие на столе. —

А это пойдет в мою папку с уликами.

— Вы обратитесь в полицию?

— Сначала мне нужно собрать вещи и уехать из этого дома, прежде чем Мартин вернется из Сиднея. Он опасен. На кону стоят огромные деньги — он увел у меня больше тридцати миллионов, и боюсь, он постарается остановить меня, если не хуже. Я собираюсь обыскать дом, скопировать все улики, которые остались в его компьютере, и скопировать все нужные файлы на флешку. Потом я улечу в Канаду и сразу же обращусь к юристам моего отца. Я собираюсь получить наилучшую юридическую консультацию в безопасном месте и действовать оттуда. Я уверена, что жертвы Мартина рассеяны по всему миру, а канадская судебная система может работать совместно с австралийской и с другими юрисдикциями.

— Не знаю, Элли. Если он сбежит с деньгами, полученными от предварительных продаж, это будет преступлением, совершенным *именно* здесь, в Новом Южном Уэльсе, — Уиллоу выглядела не на шутку потрясенной. — Вам лучше обратиться в местную полицию. А если он опасен...

— Что они могут сделать? Честно? Взять меня под охрану в рамках программы защиты свидетелей и проверить, что «даже безумные пьяные обвинения Элли могут что-то значить»? Нет, это выходит за пределы их компетенции. Мне нужно выбраться отсюда, и у меня есть неделя, чтобы сделать это.

— А я что могу сделать?

— Вам лучше уйти, Уиллоу. Мне нужно побыть одной, нужно подумать.

— Элли...

— Нет, пожалуйста. Уходите, — я посмотрела на фотографии частного сыщика, разложенные на столе, и у меня болезненно сжалось горло. — Мне нужно все обдумать.

Она огляделась вокруг; в ее голубых глазах застыла тревога, движения были нерешительными. Потом ее взгляд вернулся ко мне.

— Я тоже не могу как следует осознать это. Почему бы нам не прогуляться вместе?

— Мне нужно побыть одной.

Она наклонила голову набок.

— Я не собираюсь принимать таблетки, Уиллоу. Обещаю. Я собираюсь скопировать файлы, собрать чемоданы и купить билет домой, а потом, может быть, прогуляться самостоятельно, чтобы освежить голову. Но я благодарна за фотографии, — я указала на глянцевые улики. — Я в долгу

перед вами. И перед частным сыщиком. Но мне нужно подумать.

Когда она ушла, я посмотрела на фотографию над кроватью, где были мы с Даной. И зловещее ощущение все глубже и глубже вгрызалось в меня.

Суд по делу об убийстве

Досудебный сеанс криминалистической оценки

Психотерапевт спросил, был ли Мартин похож на моего отца. Мне была ненавистна его правота в этом смысле; меня действительно привлекают мужчины вроде моего отца. Крупные, властные и могущественные. Я хочу, чтобы они любили и ценили меня, надежно защищали и позволяли чувствовать себя особенной. Как принцесса. Это была остаточная память о детских волшебных сказках, от которой я не могла избавиться, застрявшая где-то в глубинах моей детской психики. В том месте, где у всех сказок есть счастливый конец.

— Значит, если вы желали зла Мартину, это распространялось и на вашего отца?

В моей голове звучит дисгармоничный аккорд: две части моей личности встречаются перед зеркалом.

— Мой отец никогда не проявлял насилия ко мне.

Он взвешивает мой ответ. На самом деле я не ответила на вопрос, а снова запаниковала. Он приближается к тайным и скрытым местам в глубине моей души. Я ощущаю шепотки раздора, тревожные звонки где-то внутри. Тревожное волнение.

— Я вижу, что этот вопрос доставляет вам неудобство, Элли. Если хотите, мы можем двигаться дальше. Вы называли вашу мать слабой женщиной.

— Так оно и было. Я презирала ее за это. За то, что она оставила меня.

Несколько секунд он смотрит на меня.

— Если вы презирали эту часть личности вашей матери, но на каком-то уровне чувствовали себя ею, то значит ли это, что вы презирали такие же качества в самой себе?

— Значит, здесь я должна сказать «да», но с помощью таблеток и спиртного я отгораживалась от признания этой истины?

— Как насчет Дуга? Он оказывал вам внимание, в котором вы нуждались?

— О чем вы говорите?

Молчание. Тонкие язычки подступающей паники начинают лизать меня изнутри.

— Мы с Дугом любили друг друга. Но все пошло вкривь и вкось после того, как мы потеряли Хлою. Горе было слишком сильным. Все, что мы имели, было построено вокруг родителей Хлои.

— Значит, его не было рядом, когда вы больше всего нуждались в нем?

На меня накатывает гнев — первобытный, рудиментарный гнев. Темный и бессловесный.

— Ладно, он вел себя как скотина. Он заводил романы на стороне.

Он пронзительно смотрит на меня поверх своих записей.

— Больше одного?

— Я... Сразу же после рождения Хлои... он утратил интерес ко мне.

— В сексуальном смысле?

Я сплетала и расплетала пальцы. Жар прилил к моим щекам.

— После родов у меня остался лишний жир. Я плохо спала и плохо выглядела. Грудное вскармливание давалось тяжело. Я беспокоилась, что все делаю неправильно, — я опустила глаза. — Мне хотелось, чтобы моя мать была рядом и направляла меня. У меня было сколько угодно денег, но я не могла купить самое нужное для меня.

Он сверяется со своими записями.

— Я вижу, вам поставили диагноз послеродовой депрессии. Вы испытывали клиническую депрессию еще до гибели Хлои.

— Откуда вы это взяли?

— Стенограмма полицейского интервью на Гавайях, — говорит он.

— Вы не имеете права.

— Юридическая группа, представляющая другую сторону, имеет такой же доступ к этой стенограмме, Элли.

Раньше Лоцца

16 ноября, более одного года назад.

Джервис-Бэй, Новый Южный Уэльс

Лоцца оседлала последнюю волну и прокатилась на ней до самой отмели, где ее восьмилетняя дочь Майя уже ждала ее со своей доской для серфинга. Солнце опускалось к горизонту, и его лучи окрашивали морскую поверхность тускло-бронзовым светом. Ранний летний бриз, теплый и ласковый, срывал пенные брызги с гребней волн. Это был ее первый сезон серфинга без гидрокостюма, и ощущения были просто небесными.

Она соскользнула с доски и перевела дух, пока Майя подгребала к ней, лежа на своей маленькой доске. Ее мышцы приятно ныли, глаза горели от соли, ветра и солнца. Но она нуждалась в такой психической и физической разгрузке после долгой недели работы в ударной группе, которая привела к разгрому банды байкеров, развозивших наркотики вдоль побережья. После переезда в Джервис Лоцца обнаружила, что серфинг с ее дочерью был гораздо лучшим взбадривающим средством, чем алкоголь, который она раньше регулярно употребляла после трудного перевода в отдел по расследованию убийств в Сиднее. Ее жизнь там превратилась в нисходящую спираль саморазрушения, особенно после того, как она потеряла своего мужа. В конце концов, это лишило Лоццу заветной должности детектива в элитной группе следователей из команды по расследованию государственных преступлений. Но ее босс и доброжелательные коллеги уберегли ее от потери полицейского жетона. Они не довели «инцидент» до огласки в прессе. И незаметный перевод с понижением, после которого она оказалась в тихой полицейской заводи на Южном побережье, практически был спасением для Лоццы. Это позволило ей привести себя в порядок и удочерить Майю. Это сблизило ее с собственной матерью, которая переехала в летний дом у пляжа, арендованный Лоццей, где она могла позаботиться о Майе, пока ее дочь работала допоздна или отлучалась по срочным вызовам.

Джервис-Бэй оказался лучшим выходом для нее. Она заново обрела

себя в этом месте, с его бескрайним океаном, пустыми пляжами в межсезонье и отличной рыбалкой. Она пустила здесь прочные корни и открыла для себя образ жизни, о котором даже не подозревала и не знала, как он ей нужен.

— Ты видела мой последний разгон, мама? Видела, как меня вынесло из-под гребня волны?

Майя просто сияла. Ее глаза блестели от радостного возбуждения.

— Конечно, видела, детка, — Лоцца улыбнулась дочери, когда сунула руку в воду, чтобы расстегнуть фиксирующий ремешок на липучке, крепивший ее доску к лодыжке. Обернув ремешок вокруг доски, она сунула ее под мышку, и они побрели с Майей по мелководью и по плотно спрессованному песку. Мелкие птахи разлетались вокруг, пока они шли по пляжу к дюнам, где оставили свое снаряжение.

— А мы доедим остатки пиццы? — спросила Майя, тяжело дышавшая и едва поспевавшая за ней на тощих загорелых ногах.

Лоцца улыбнулась. Мысли ее дочери никогда не уходили далеко от еды. Это было их общей чертой.

— Да. Но я буду бутерброды с анчоусом.

— Фу, гадость!

Лоцца рассмеялась. В этот момент она увидела женщину, сидевшую в дюнах. Ее длинные волосы темно-каштанового цвета развевались, как флаг на ветру. Она обнимала руками голени и медленно раскачивалась взад-вперед. Бледная кожа. Пляжное полотенце, наброшенное на плечи.

Она наблюдала за Лоццей и ее дочерью. Или, скорее, любовалась закатом на заднем плане. Однако профессиональная интуиция подсказывала Лоцце, что женщина все-таки интересуется ими. Это заставило ее замедлить ход.

Она склонялась к тому, чтобы обойти женщину стороной, но их снаряжение находилось дальше на тропинке, проходившей через травянистую дюну, где сидела женщина. Поэтому Лоцца продолжила путь, с Майей за спиной. По мере приближения Лоцца заметила, что у женщины нет доски для серфинга. Значит, она не серфер. Еще женщина была красивой той красотой, о какой Лоцца даже не мечтала.

— Как поживаете? — непринужденно спросила она, поставив свою доску вертикально. Вопрос был праздным, какого можно было ожидать от любого прохожего в здешних местах. Она взяла полотенце Майи, кинула его девочке, потом подхватила свое полотенце и начала вытирать мокрые спутанные волосы.

Женщина подняла голову, и Лоцца невольно замерла. У нее были

большие глаза неправдоподобного кобальтово-синего цвета. Как темно-синие воды Тасманова моря в пятнадцати километрах от берега, где крупные проходные и хищные рыбы — марлин, тунец, бонито и белые акулы — движутся в прозрачных глубоководных течениях, свободных от осадочной мути. Но дело было не в цвете. Это было нечто другое: выражение неприкрытого отчаяния.

Лоцца достаточно долго работала следователем, чтобы приобрести отточенные навыки чтения невербальных сигналов, как явных, так и тщательно скрывааемых. Для нее это было второй натурой. И что-то внутри это женщины кричало о *страхе*.

Внутренний спасатель в голове Лоццы, проклятый гладиатор в ее ДНК, который с самого начала побудил ее вступить в правоохранительные органы (те же самые побуждения впоследствии причинили ей серьезные неприятности), заставили ее сказать: «Прекрасный вечер, не правда ли?» Потому что теперь ей стало любопытно и она была готова задавать наводящие вопросы.

— Э-ээ... да, очень красиво, — ответила женщина, не сводившая глаз с Майи. — Вечер просто роскошный.

Американка? Возможно. Но что-то в выражении лица этой женщины, когда она смотрела на Майю, пробудило неуютное ощущение, хотя Лоцца не могла объяснить его причину.

— Собираетесь искупаться? — поинтересовалась Лоцца, заметившая бретельки от бикини под безрукавкой, которую носила женщина. — Вода очень теплая.

Женщина плотнее обхватила руками колени и подтянула их к туловищу, продолжая смотреть на океан. Только тогда Лоцца заметила старые синяки у нее на шее. И вдоль ключицы. И на руке. Когда ветер откинул челку женщины, Лоцца увидела ссадину у нее на виске и еще один желто-синий синяк вокруг ссадины. Она задышала медленно и размеренно. Ей приходилось видеть такие синяки.

В ней разыгралась маленькая внутренняя битва между желанием оставить женщину в покое, чтобы она разбиралась со своими проблемами, и удовлетворением своего любопытства, перераставшего в сочувствие. Она обернула купальное полотенце вокруг шеи, оставив ветер гоняться за крошечными мурашками на коже.

— Приехали сюда на отдых, да?

— Нет. Я... я недавно в городе. Приехала в прошлом месяце, — женщина нервно рассмеялась. — Но кажется, что прошла целая вечность.

— Вы из Америки? — спросила Майя, набросившая полотенце на

костлявые плечи, словно плащ Бэтмена.

— Из Канады. Западное побережье.

— А я никогда не была в Канаде! — объявила Майя и продемонстрировала щербатую улыбку, отчего женщина снова как-то странно посмотрела на нее. — Не знала, что теперь в нашем городке есть канадцы, — заметила Лоцца, осторожно копнув поглубже.

— А что, следовало бы знать?

Лоцца пожала плечами:

— Я работаю в полиции. Считается, что в таком маленьком и захолустном городке копы должны знать всех и каждого.

Женщина слегка отпрянула. Мышцы у нее на шее напряглись.

— Вы из полиции?

Теперь интерес Лоццы перешел на профессиональную территорию. Она почувствовала темное подводное течение. Вероятно, в этот момент ей следовало отойти в сторону, но она не могла, потому что уже пересекла какую-то невидимую и неопределенную черту. Поэтому она протянула руку.

— Лорел Бьянки, — сказала она. — Но все называют меня Лоццей.

— Или Лозой, — шутливо пискнула Майя.

— А это моя дочь Майя.

Женщина помедлила, потом пожала протянутую руку.

— Элли.

Ее рука была прохладной, изящной и ухоженной. Гладкая кожа, никаких колец.

— Добро пожаловать в Джервис-Бэй, Элли!

Лоцца ждала, когда Элли назовет фамилию, но та молчала.

Лоцца подняла свою доску для серфинга, сунула ее под мышку, немного поколебалась и спросила:

— У Элли есть фамилия?

Женщина побледнела с таким видом, как будто была готова сорваться с места и убежать.

— Эй, не беспокойтесь. До следующей встречи, и приятного купания. Пошли, Майя, пицца уже давно ждет!

Майя забрала свою доску и сандалии и побежала вперед.

— А это... это безопасно? Я имею в виду, сейчас? — спросила Элли ей вслед.

Лоцца остановилась и повернулась:

— Что?

— Безопасно ли плавать в этой части залива, особенно в такое позднее

время? Я слышала, что акулы приплывают кормиться на закате и бывали случаи нападения на людей. И я... я ожидала увидеть купальщиков. Но пляж совсем пустой.

Лоцца озадаченно нахмурилась.

— Я умею плавать, — с нажимом сказала Элли. Это прозвучало неуместно. — Просто я уже давно не плавала... ну, знаете, среди больших волн.

Лоцца посмотрела на океан. Прибой грохотал на рифе, и клубы взлетающей пены золотились в лучах заходящего солнца. Прилив уже проникал в устье маленькой реки и баламутил песок, окрашивая воду в мутно-коричневый цвет.

— Не обращайтесь внимания, — сказала Элли. — С моей стороны было глупо спрашивать об этом.

— Нет, это вполне разумно. Нужно учиться поведению моря, нужно знать, где образуются бреши в коралловом рифе и чего можно ожидать, — Лоцца немного помедлила. — Эй, Майя! Подожди. Вернись-ка на минутку.

Майя побежала назад по тропинке. Лоцца положила свою доску.

— Пойдемте, — она кивком указала на море. — Мы отправимся с вами и быстро искупаемся перед закатом. Вы же надели купальный костюм, так что, наверное, рассчитывали окунуться в воду.

— Мам, а как же пицца? — спросила Майя, протягивая руку.

— Пицца может подождать пятнадцать-двадцать минут. Мы быстро поплаваем с Элли, а потом я куплю тебе мороженое на десерт. Идет?

Майя просияла и отложила доску. Возвращение в водную стихию не представляло для нее никаких проблем. Океан, серфинг и плавание — все это принадлежало к числу ее жизненных приоритетов, наряду с вкусной едой и пауками.

Элли удивленно приоткрыла рот, изогнув губы в кружок, потом оглянулась через плечо, как будто ожидала преследователей или спасателей. Она закусила губу и повернулась к Лоцце и Майе:

— Вы уверены?

— Ну конечно.

Раньше Лоцца

Лоцца и Майя оставались там, где вода доходила Элли до пояса, ныряя в набегающие волны и выныривая с другой стороны. Поведение Элли озадачивало Лоццу. Она испытывала непонятный страх перед морем, но была исполнена какой-то свирепой решимости, поправляя бикини каждый раз перед тем, как нырнуть под волну. Судя по синякам, недавно ей пришлось пережить настоящий ад. И она постоянно наблюдала за Майей, которая резвилась в волнах... Странно.

После нескольких попыток лицо Элли прояснилось, как будто она сняла вуаль. Ее движения изменились; они стали более свободными и расслабленными. Она улыбалась им, и в ее глазах засиял восторженный, даже немного безумный свет.

— Потрясающее купание, — сказала Элли. — Мать и дочь плещутся в волнах!

Лоцца нахмурилась, но промолчала.

— Смотри! — Майя неожиданно указала на ряд необычно больших валов, ровным строем набегавших издалека и постепенно увеличивавшихся в размере. — Идет большая волна!

Элли оцепенела.

— Все будет хорошо, — сказала ей Майя.

— Да, — согласилась Лоцца. — Просто следуйте нашему примеру, хорошо? Как только волна будет перед нами и начнет загибаться на вершине, ныряйте внутрь, прямо в подножие, потом уходите на глубину и выплывайте вверх на другой стороне... Вот, первая на подходе. Вы готовы?

Но Элли застыла неподвижно. Кровь отхлынула от ее искаженного лица.

Лоцца поняла, что Элли не готова к этому. Но она *должна* быть готова, поскольку теперь не оставалось иного выхода, кроме нырка. Если она попытается отступить к берегу и волна обрушится ей на спину или она поднимется на гребень вместе с волной и с размаху упадет вниз, будет только хуже.

Майя, стоявшая ближе, тоже это увидела. Она схватила Элли за руку и подтащила к себе.

— Задержи дыхание, Элли! Я с тобой!

Вместе они нырнули головой вперед в мощную стену вздымающейся воды. Сила воды рванула Лоццу за волосы и вывернула ей веки. Давление в ушах стало почти болезненным, когда она плыла вперед под водной кипенью, где зелень была перемешана с песком. Они вынырнули как пробки на другой стороне и оказались в пенистом следе, в то время как волна за ними шумно накатила на пляж. Майя по-прежнему крепко сжимала руку Элли. Лоцца показала ей большие пальцы и посмотрела на море, оценивая расстояние до следующей большой волны.

— Идет еще одна волна, — обратилась она к Элли. — Сейчас мы можем побрести к берегу, но как только она приблизится, мы повернемся и снова встретим ее лицом к лицу. Сделаем то же самое: поднырнем и выплывем в море. Потом повторим еще раз, и хватит. Ладно?

Элли кивнула.

Волна приблизилась, и они снова нырнули.

Когда они вынырнули на другой стороне, Лоцца увидела чистый восторг, написанный на лице Элли. Она посмотрела на руку Майи, сжимавшую ее запястье, и громко рассмеялась, сверкая глазами. Майя тоже засмеялась, но Лоцца была не уверена в том, что именно она видела. В этой женщине было нечто странное.

Они повторили процесс — отход по воде к берегу, встреча со следующей волной, нырок, разворот, новый отход — и вскоре оказались на отмели по колена в воде. Большие волны закончились.

— Спасибо, — немного задыхаясь, сказала Элли и одернула свой микроскопический купальник. — Я... Я уже долго, очень долго не могла это сделать. Огромное спасибо вам обеим.

— Вы имеете в виду... давно не играли в волнах? — спросила Майя.

Элли улыбнулась и кивнула. Капли воды блестели на ее темных ресницах.

— Это все равно... Все равно что снова сесть в седло после страшного инцидента на прогулке верхом. Мне так долго хотелось попробовать снова...

Ее лицо стало призрачно-бледным и застывшим, как маска. Она поспешно выбралась на берег и зашагала по пляжу.

— Элли! — позвала Майя.

Но когда Элли оказалась на твердой земле, она побежала; ее ягодицы переваливались под полоской бикини.

Лоцца прикрыла глаза козырьком ладони и посмотрела на дюны. Что там испугнуло женщину?

Мужчина.

Он сидел на том месте, где раньше сидела Элли. Рядом со снаряжением Лоццы и Майи. Крупный мужчина со светлыми волосами, отливавшими золотом в лучах заходящего солнца.

— Пошли, — тихо обратилась она к Майе.

Они поравнялись с Элли. Теперь Лоццу направляло ее профессиональное чутье. Ее полицейская интуиция уловила связь между синяками Элли и этим мужчиной еще до того, как она смогла сформулировать это.

— Мартин, — пробормотала Элли, приблизившись к мужчине. — Я... я не ожидала. Что происходит? Почему ты вернулся так рано?

— Прикройся, Элли, — тихо ответил Мартин и протянул ей полотенце. Он говорил с австралийским акцентом, но с легким намеком на канадский.

По позвоночнику Лоццы пробежал холодок. Каждая частица ее тела подавала сигнал тревоги. Она взяла свое полотенце и обменялась взглядом с Майей. Ее дочь тоже ощутила перемену настроения. Она притихла, взяла свое полотенце и начала энергично растираться.

Лоцца быстро составила описание мужчины. Слегка волнистые, густые и светлые волосы. Бледно-голубые глаза, контрастирующие с загорелой кожей, ровной и без морщин. Волевое лицо. Широкая челюсть. Телосложение игрока в регби, хотя немного полноват. Красавчик для тех, кто предпочитает этот типаж. Он даже не посмотрел на Лоццу; его взгляд был прикован к Элли. Сбоку от него в мягком песке стоял маленький переносной холодильник и два стальных винных бокала.

Поежившись, Элли взяла полотенце и накинула его на плечи. Хотя ветер не стихал, а в воздухе повеяло свежестью — как часто бывало перед заходом солнца в Тасмановом море, — Элли не было холодно. Она дрожала по какой-то другой причине. В груди Лоццы закипала жаркая и опасная энергия. Она стиснула зубы.

— Добрый день, дружище, — сказала она, обмотав шею полотенцем.

— Кто твоя подруга, Элли? — спросил Мартин, не поздоровавшись с Лоццей.

Сердитый. Опасный.

— Это Лоцца, — быстро ответила она. — Она служит в полиции.

Мартин улыбнулся, показав заостренные резцы. Какое-то мгновение он разглядывал ее с непроницаемым выражением лица.

— Лоцца Бьянки, — она протянула руку. Мартин посмотрел, но никак не отреагировал на это.

— Мартин Крессуэлл-Смит, — сказал он. — Я муж Элли.

И все. Незримая черта пролегла на песке Джервис-Бэй между

женщиной-полицейским и этим опасным на вид мужчиной, который, как сообразила Лоцца, был генеральным подрядчиком застройки бассейна Агнес-Ривер. Бронзовый «Ролекс» с рубиновыми камнями на его запястье недвусмысленно свидетельствовал об этом.

Лоцца опустила отвергнутую руку, и в ее горле появился зловещий привкус. Она посмотрела на Элли, но та отвернулась, больше не желая встречаться с ней взглядом.

Она испугана. Не хочет раздражать своего мужа.

Сердце Лоццы забилося ровно и медленно, в спокойном барабанном ритме. Эта женщина находилась в опасности. Ветер переменился и задул сильнее, чем прежде. Лоцца почувяла дым отдаленного лесного пожара.

— Вы в порядке, Элли? — спросила она.

— Да, все отлично.

Она по-прежнему не хотела встречаться взглядом с Лоццой. Та помедлила. Мужчина наблюдал за ней.

— Пойдем, Майя, — тихо сказала она.

Мартин и Элли продолжали молчать, когда они ушли. Когда они шли через дюны, Майя сказала:

— Он испугал меня. Это плохой человек.

— Да, он плохой.

Раньше Лоцца

Пока Лоцца ехала домой вместе с Майей и досками для серфинга, прикрепленными к верхнему багажнику, она покусывала нижнюю губу и разворачивала в уме загадку отношений Элли и Мартина Крессуэлл-Смита. Ее синяки. Какой испуганной она выглядела, когда увидела своего мужа в дюнах. Как он контролировал ее. Выражение его глаз.

Эта женщина была в беде.

Но где пролегла граница между полицейским вмешательством без определенной причины и ее собственным, глубоко личным отношением к домашнему насилию? Кому-кому, а Лоцце нужно было с особой осторожностью соблюдать эту черту. Ее понизили в должности как раз из-за непропорциональной реакции на домашнее насилие. Она сама прибегла к насилию.

Социальные сотрудники в конце концов разрешили ей удочерить Майю, поскольку Лоцца приложила огромные усилия, чтобы продемонстрировать чистоту своих намерений и доказать, что она может быть заботливой и ответственной одинокой матерью для ребенка, осиротевшего в результате домашнего насилия.

Ей стоило лишь немного оступиться, и сразу нашлись бы люди, желающие лишить ее полицейского жетона за то, что произошло в отделе по расследованию убийств.

Она бросила взгляд на Майю, которая возилась с радиоприемником в поисках новой мелодии. Ради ребенка она должна сохранить работу и поддерживать безупречную репутацию. Она должна быть образцовой матерью. В какой-то момент Лоцца поняла, что больше всего на свете ей хочется иметь счастливую семью и теплый дом для своей дочери. Ей хотелось, чтобы Майя жила в мире без насилия. Где ей не приходилось бы бояться и прятаться под кровать.

Лоцца свернула на дорогу, проходившую мимо «Пагго». Это было популярное место, и через открытые окошки автомобиля проникал манящий аромат бургеров, поджариваемых на барбекю. Ее желудок заурчал: занятия серфингом всегда пробуждали аппетит.

Лоцца притормозила, глядя на автомобили, припаркованные снаружи. Она наполовину ожидала увидеть машину своего партнера. «Пагго» был

вторым домом для Грега. А также рассадником сплетен, внезапно сообразила она.

Если кто-то и знает о Крессуэлл-Смитах, то это Рабз.

— Эй, Майя, как насчет жареных бургеров с чипсами вместо подогретой пиццы?

— Ты серьезно?

— Да.

— А мы можем взять дополнительную порцию чипсов?

Лоцца усмехнулась.

— А то!

Она нашла место для стоянки у дорожной обочины, за большим деревом лиллипилли. «Пагго» был лицензированным учреждением^[18], и, строго говоря, детей туда не пускали, но пока она будет ожидать свой заказ, то сможет поболтать с Рабз или с кем-то еще.

— Ты не против подождать здесь? — обратилась она к Майе.

— Шутишь? За бургеры и чипсы?

Лоцца оставила Майю слушать аудиокнигу в автомобиле и вышла на улицу. Она прошла мимо грязного, побитого мотоцикла, стоявшего через несколько автомобилей за ней. Он выглядел как полный хлам, и она обратила внимание на номерную табличку из Квинсленда. Полицейские привычки умирают нелегко. В животе у нее снова заурчало, когда она поднялась на веранду «Пагго» и решила заказать дополнительную порцию чипсов для себя.

Протолкавшись через занавеску, состоящую из длинных полос ПВХ, Лоцца вошла в бар. Ее глаза приспособились к полумраку, а оживленная атмосфера взбодрила ее.

Рабз нигде не было.

За стойкой работал новый парень, молодой и загорелый, с длинными дредами и блаженно-счастливым лицом. Он болтал и смеялся с двумя женщинами, прислонившимися к стойке. Сью и Митци: старожилы из местного клуба серфингистов. Лоцца подошла к бару, поздоровалась с женщинами и продиктовала заказ молодому бармену. Он передал ее слова на кухню.

— Рабз сегодня не работает? — поинтересовалась она.

— Она в Сиднее, — сообщил бармен. — Вернется через неделю или около того.

Митци и Сью болтали о «зеленых», сидевших в отдельной кабинке в глубине паба. Лоцца проследила за их взглядами, и Митци повернулась к ней:

— Каждый вечер одно и то же. Они строят планы для остановки проекта на Агнес-Ривер, а потом их тыкают мордой в дерьмо, и они строят новые планы, — она хихикнула. — Сегодня они вне себя из-за какого-то природоохранного отчета, который открывает путь к одобрению проекта.

— А кто был консультантом? — спросила Лоцца. Лично она выступала против застройки.

— Проныры, — ответила Сью.

— Да, — добавила Митци. — Говорят, стоит сунуть им хорошую взятку, и они напишут все, блин, что только захочешь. — Она потянулась за пивом, сделала щедрый глоток и утерла рот ладонью.

Лоцца внутренне улыбнулась. Митци была солью земли. Местная долгожительница, которую нельзя было взять с кондачка и обвести вокруг пальца.

— Если хочешь знать, это дело воняет. По-моему, эти Крессуэлл-Смиты настоящие прохиндеи, равно как и городской совет вместе с мэром, если они проглотят этот отчет.

— Ты знакома с ними?

— Я знаю, что они намерены уничтожить бассейн Агнес. — Она допила пиво, хлопнула пустую кружку на стойку и жестом попросила добавки. — Ходят слухи, что деньги Эллиного папаши были вбуханы в этот проект, и она ни черта не понимает, что ее муженек делает с ними.

— Эта дама тоже не в себе, — заявила Сью и пьяным движением махнула в сторону. — В городе поговаривают, что она бухает и торчит на таблетках.

Лоцца нахмурилась, но ее любопытство только возросло.

Бармен поставил две коробки с горячей едой на стойку перед Лоццей.

— Вы говорили об Элли Крессуэлл-Смит? — поинтересовался он.

— Ну да, — сказала Митци.

— А я гадал, кто она такая. Вчера кто-то оставил здесь пакет для нее. Какой-то лысый байкер с чернильной наколкой на шее.

— Пакет? — спросила Лоцца. — Здесь?

Теперь она заинтересовалась не на шутку, поскольку они с Грегом последние несколько недель принимали участие в «Страйк Форс Тинто» — полицейской операции, нацеленной на ликвидацию шайки мотоциклистов, перевозивших наркотики из города на север.

— Да. Этот тип пришел и сразу спросил насчет Элли, сказал, что у него есть посылка для нее. Но Рабз не оставила никаких указаний о доставке, так что этот парень предложил оставить посылку у меня, пока Элли не придет забрать ее.

— И она забрала? — спросила Лоцца.

— Нет, посылка лежит в офисе, — ответил бармен. — На пакете написано ее имя. Я решил оставить это дело для Рабз, чтобы она разобралась с ним после возвращения.

Лоцца оплатила свой заказ и вышла на улицу.

Снаружи начинало темнеть, и летучие мыши визгливо перекрикивались, как старые ведьмы. Оранжевый помет, валявшийся на тротуаре, прилипал к ее сандалиям. Когда она приблизилась к своей «тойоте», то услышала голоса. Мужчина и женщина о чем-то спорили друг с другом. Они говорили тихо, но сердито. Лоцца остановилась и прислушалась в тот момент, когда женщина повысила голос.

— Нет, — отрезала она. — Убирайся отсюда! Прекрати, оставь меня в покое!

Лоцца рванулась вперед. У ограды под деревом мужчина попытался схватить женщину за руку, но она вырвалась. С некоторым изумлением Лоцца узнала ее.

— Уиллоу! — окликнула она. — Все в порядке?

Мужчина поспешно отступил в тень. Он был плешивым, с блестящей лысиной. Черная футболка, черные джинсы. Байкерские ботинки. В левой руке держал сумку с жестким каркасом.

Лоцца пошла к ним, держа в руках пакеты с едой.

— Эй, парень! Отойди от нее. Сейчас же.

— Она... она из полиции, — громко сказала Уиллоу. — Лучше слушай, что она говорит.

Мужчина окинул взглядом Лоццу, одетую в саронг и легкие сандалии, с пакетами в руках. Черты его лица оставались почти неразличимыми в тусклом свете. Мимо пролетела летучая мышь. Мужчина развернулся, закинул сумку на плечо и зашагал к грязному мотоциклу, стоявшему за автомобилем Лоццы. Одним плавным движением он оседлал мотоцикл и завел двигатель. В свете уличного фонаря она заметила татуировку у него на шее. Он газанул и с ревом помчался по улице, поднявшись на заднем колесе, прежде чем исчезнуть за углом. Следом за ним проскакал кенгуру и с треском скрылся в кустах.

Лоцца подошла к Уиллоу.

— Ты в порядке?

Женщина дрожала всем телом.

— Что за ублюдок, — пробормотала она. — Кстати, спасибо.

— Кто он? Чего он хотел?

— Понятия не имею, кто он такой. Появился из ниоткуда и начал

приставать ко мне, когда я проходила мимо. Сказал, что хочет купить мне выпивку и не примет ничего, кроме согласия. Он попытался облапать меня, но тут появилась ты, — она потерла предплечье, где мужчина схватил ее. — Очень вовремя, Лоцца, так что большое спасибо.

Лоцца помедлила.

— Ты направлялась в «Пагго»? Как думаешь, все будет в порядке?

Пока она говорила, из сумрака появился Грег и подошел к ним.

— Что происходит? — спросил он.

— Какой-то козел приставал к Уиллоу, — сказала Лоцца.

— Ты как, нормально? — он прикоснулся к руке Уиллоу; жест получился довольно интимным. Лоцца стиснула зубы. Разумеется, Грег проявлял интерес к Уиллоу. Она была одинокой и невероятно сексуальной. А Лоцца, как ни трудно ей было признать это даже перед собой, была более чем увлечена своим коллегой, только начинавшим полицейскую карьеру. Возможно, Грег был еще не очень хорошим копом, но он имел жизненный опыт. Он работал в строительной индустрии, прежде чем вступить в ряды полиции Нового Южного Уэльса. У него были умелые руки, и ему нравилось чинить вещи. Он умел решать проблемы. Еще он любил детей, что ставило его на высокое место в табеле Лоццы. В свободное время он руководил школой серфинга и тренировал мальчишек в клубе спасателей на воде. Да, сейчас Лоцца ревновала его. Она знала, что никогда не будет выглядеть, как Уиллоу, Элли или даже Рабз. Может быть, отчасти поэтому ей нравилось служить в полиции и носить пистолет. Это давало ей ощущение цели и силу, которой не имели другие женщины.

— Я... Ладно, еще увидимся, ребята. Желаю вам хорошо провести время.

— Ну да, — пробормотал Грег.

— Еще раз спасибо, Лоцца, — сказала Уиллоу.

— Эй, не за что!

— Ты так долго, мам! — воскликнула Майя, когда Лоцца вручила ей коробки из бара. Она сразу же выудила пригоршню картофельных чипсов и принялась жевать, пока Лоцца включала зажигание. Она вспомнила слова бармена.

«Какой-то лысый байкер с чернильной наколкой на шее... Этот тип пришел и сразу спросил насчет Элли».

Она повернула ключ зажигания обратно, взяла несколько чипсов и сказала:

— Ты подождешь еще минутку, Майя? Я кое-что забыла в «Пагго». Сейчас вернусь, а ты можешь поесть, если хочешь.

Прежде чем Майя успела ответить, Лоцца побежала трусцой по тротуару. Она стряхнула с подбородка крошки чипсов и соли и вошла в паб, где сразу заметила Грега и Уиллоу, которые сидели в отдельной кабинке и тихо беседовали, наклонившись друг к другу. Она направилась к бармену.

— Тот пакет для Элли Крессуэлл-Смит. Я возьму его и доставлю к ней домой.

Бармен выглядел неуверенно.

— Эй, я служу в полиции. Что тут может быть плохого?

Бармен рассмеялся.

— Вы можете удивиться.

Он отвел Лоццу в заднее служебное помещение и передал ей небольшой пакет, завернутый в коричневую бумагу. Наверху кто-то корявыми буквами написал: «Элли Крессуэлл-Смит». Лоцца встряхнула пакет, и внутри что-то тихо задребезжало. Похоже на таблетки в упаковках.

— У вас здесь есть камеры видеонаблюдения? — спросила она.

— В этом помещении?

— Нет, снаружи.

— Да. Одна камера снаружи, другая в баре.

— У вас сохранилась запись за тот день, когда принесли пакет?

— Думаете, там наркотики или что-то в этом роде?

— Почему вы так говорите?

Бармен пожал плечами:

— Не знаю, но тот парень был очень похож на байкера. В новостях говорили, что полиция недавно накрыла байкеров, которые возили наркотики. Но — да, та запись еще не была перезаписана. Я могу передать ее вам, но нельзя ли попозже? — он кивком указал в сторону бара. — У меня сейчас куча посетителей. И к тому же... может, мне стоит посоветоваться с Рабз, нормально ли это?

Лоцца осмотрела посылку и надпись.

— Да, пусть будет так. Потом я вернусь при мундире и все официально оформлю.

Бармен заколебался.

— Я уверен, что Рабз согласится и все будет в порядке.

— О'кей, только сохраните эту запись. Завтра я вернусь и заберу ее.

Лоцца бегом вернулась к своему автомобилю. Она не сомневалась, что без труда сможет найти адрес дома Крессуэлл-Смитов. Она положила пакет на пол под сиденьем. Майя смотрела на нее.

— Что это? — спросила она.

— Одна штука, про которую я забыла.

Раньше Лоцца

17 ноября, более одного года назад.

Джервис-Бэй, Новый Южный Уэльс

Весь рабочий день Лоцце пришлось возиться с делом бывшего заключенного, который попытался взорвать автомобиль любовника своей жены с помощью самодельной бомбы. Уже стемнело, и она по-прежнему носила форму, когда оставила свой служебный «Холден-Коммодор» на стоянке возле «Пагго».

Лоцца приехала, чтобы забрать видеозапись. Рабз оставалась в Сиднее, поэтому бармен отдал ей жесткий диск с записью камеры наблюдения, расположенной перед входом в «Пагго».

— Он там есть, — заверил бармен. — Вы сможете увидеть его татуировку, когда он повернет голову. Маленькая колибри сбоку на шее.

Она поблагодарила бармена, вернулась к служебному автомобилю и поехала к дому Крессуэлл-Смитов на Бонни-Ривер. Дом был погружен в темноту, не считая тусклого света в верхнем окне. Ни яхты, ни трейлера на причале. Большой гараж был открыт и совершенно пуст.

Лоцца выключила зажигание и некоторое время смотрела на дом. Ветер дул еще сильнее, чем утром. Она потянулась за посылкой, которую забрала из «Пагго» вчера вечером. Когда она вышла из машины, то заметила тень, двигавшуюся за освещенным окном в соседнем доме. Шевельнулась занавеска. Кто-то наблюдал за происходящим снаружи.

Она подошла к парадной двери дома Крессуэлл-Смитов. Дверь была сделана из массивного деревянного блока с резным рисунком в манере живописи аборигенов. Сбоку находилась толстая стеклянная панель. Когда Лоцца потянулась к дверному звонку, замигал световой сигнал датчика движения.

Внутри раздался мелодичный звон, но никто не отозвался. Казалось, что дом пуст. Она снова нажала кнопку звонка и прислушалась. Нет ответа. Попробовала еще раз — и ничего. Должно быть, свет наверху случайно остался включенным, когда супруги ушли.

Но когда Лоцца повернулась, собираясь уходить, на границе периферийного зрения она уловила какое-то быстрое движение в доме. Ее пульс участился. Она приставила козырек ладони к стеклянной панели и заглянула внутрь. Темно, ничего не видно. Она подумала, не стоит ли включить фонарик, прикрепленный к форменному поясному ремню, но решила воздержаться. Это не было местом преступления. Помимо своей интуиции, у нее не было причин вторгаться в дом, но она чувствовала шепоток беспокойства, когда вглядывалась в тени. Она была уверена, что видела какое-то движение.

Лоцца немного подождала, потом снова позвонила. Никто не откликнулся.

Она больше ничего не могла сделать. Завтра она вернется с посылкой, потому что теперь ей действительно хотелось посмотреть, что находится внутри. Она собиралась находиться поблизости и наблюдать, пока Элли не откроет пакет.

Лоцца пошла назад по дорожке, когда в освещенном окне соседнего дома снова появился женский силуэт. Она остановилась и подняла голову. Сухие эвкалиптовые листья шуршали и шелестели под налетавшими порывами ветра. Тихо ухнула сова. Женщина отдернула занавеску, распахнула окно и высунулась наружу.

— Вы ищете Крессуэлл-Смитов? — крикнула она Лоцце. Судя по голосу, это была пожилая женщина, но Лоцца не могла разглядеть черты ее лица. «Должно быть, новый жилец», — подумала она. Насколько ей было известно, хозяева пользовались этим домом только в разгар летних отпусков.

— Вы знаете, где они? — обратилась она к женщине.

— Сегодня рано утром они отправились на рыбалку, уплыли на яхте. Жена вернулась одна, прошла коротким путем от реки. Она там, в доме. То есть жена.

Лоцца оглянулась на дом и нахмурилась. Она внимательно посмотрела на освещенное окно наверху.

— Вы уверены?

— Я видела, как она вошла в дом сразу после наступления темноты. Она выглядела странно.

— Что вы имеете в виду?

— Она спотыкалась, когда бродила вокруг своей студии, и опрокинула мусорное ведро. Металлическая крышка лязгнула, поэтому я выглянула из окна — подумала, что опоссум вернулся. Когда я включила свет, она вздрогнула и спряталась за студией. Я выключила свет и стала смотреть в

темноте, потому что ее поведение показалось мне странным. Она прошла через сад и вошла в дом через раздвижную стеклянную дверь. Эта дверь до сих пор открыта. Ее можно видеть из другого моего окна.

Какая любопытная женщина.

— Значит, она там одна?

— Насколько мне известно. Я не видела ее мужа с самого утра. Автомобиля и яхты тоже нет.

Лоцца стояла на месте, разрываясь между сигналами своей интуиции и профессиональными обязанностями. Ей было нужно прикрыть свою задницу, если она войдет в чужой дом без приглашения.

— Вы беспокоитесь, что у нее могут быть какие-то неприятности? — крикнула она соседке. Если женщина скажет, что она опасается за благополучие Элли, это даст Лоцце более вескую причину для того, чтобы выйти в сад через открытый гараж и обойти вокруг дома.

— Муж бьет ее.

Сердце Лоццы учащенно забилося.

— Что?

— Я видела это. Через нижнее окно между их кухней и гостиной. Однажды я видела, как он ударил ее и попытался задушить. А вчера вечером я слышала крики.

— Вчера вечером? В какое время?

— Думаю, около семи вечера.

После того, как они вернулись с пляжа. Мне следовало что-то предпринять... но что?

— Вы не позвонили в полицию и не сообщили об этом?

— Это не мое дело. Тут каждый сам по себе.

Лоцца тихо выругалась.

— Значит, вы думаете, что она там и может находиться в опасности?

— Может быть. Что-то странное там творится.

— Спасибо.

Лоцца вошла в гараж и вышла из боковой двери на темную лужайку. Стеклянная раздвижная дверь дома в самом деле была открыта. До нее донеслись звуки — шорох листьев, потом треск ветки, за которым последовала шумная возня в кустах на пустом участке с другой стороны лужайки. Ее сердце гулко забилося в груди.

Лоцца тихо опустила на корточки и положила пакет на траву рядом с собой. Напряженно вглядываясь в тени на пустующем участке, она расстегнула кобуру, обеспечив свободный доступ к полуавтоматическому «глоку-22» калибра.40, висевшему у нее на бедре. Потом отстегнула

фонарик, включила его и посветила в кусты. Внезапный прилив адреналина заставил ее подпрыгнуть на месте, когда луч фонарика высветил два горящих глаза.

Чертов опоссум!

Лоцца перевела дыхание и посветила фонариком в другие места. В нижней части лужайки за деревьями и маленьким причалом протекала темная река с блестящим осколком луны. Тонкие волоски зашевелились у нее на шее. Это место казалось дурным и зловещим. Она оставила пакет у двери гаража и пересекла лужайку.

Подойдя к открытой стеклянной двери и держа руку рядом с рукоятью пистолета, она позвала:

— Эй! Есть кто дома?

Тишина.

Лоцца вошла в гостиную мелким шагом, поводя лучом фонарика из стороны в сторону.

— Есть кто дома? Элли Крессуэлл-Смит, вы здесь? Это старший констебль Лорел Бьянки из полиции Джервис-Бэй. У меня есть посылка для вас.

Снаружи в густом кустарнике внезапно раздался громкий треск. Что-то слишком большое для опоссума. Лоцца поспешно вышла наружу и посветила в кусты. На другой стороне пустого участка хлопнула автомобильная дверца, но сам автомобиль оставался невидимым за густой растительностью. Включился двигатель. Покрышки прошуршали по гравию, и автомобиль умчался в ночь.

Лоцца вернулась в дом, на этот раз неторопливо и целенаправленно. С помощью фонарика она нашла электрический выключатель и включила свет. Внутри все было белым и выглядело необычно стерильным. Один пустой бокал на кофейном столике. Лоцца прошла через гостиную на кухню и увидела на полу разбитый бокал. Красные потеки на борту кухонного шкафчика.

Элли?

Она направилась к лестнице. На нижней ступеньке собралась лужица крови. Лоцца провела лучом фонарика по лестнице. Везде потеки и брызги, похожие на кровь.

Она быстро пошла вверх, направляясь к двери, за которой горел свет.

— Элли! — крикнула она, входя в комнату.

Лоцца застыла.

Мешанина окровавленных белых простыней на кровати. Пустая винная бутылка, опрокинутая на ночной тумбочке. Женская одежда,

разбросанная по полу возле двух чемоданов, выглядевших так, словно их выпотрошили изнутри. Кровавый след вел в ванную комнату. Лоцца рванулась вперед.

Обнаженная Элли с закрытыми глазами неподвижно лежала на кафеле. Ее кожа имела бледно-голубой трупный оттенок. Под головой натекла лужица крови из открытой раны на лбу. Рядом с протянутой рукой валялась баночка с таблетками, рассыпавшимися по полу. Мобильный телефон с треснувшим экраном был втиснут в щель за унитазом. Лоцца быстро наклонилась к Элли. При этом она увидела надпись на баночке с таблетками, выведенную жирным черным шрифтом: *ПРЕПАРАТ СТРОГОГО УЧЕТА. ГИПНОДОРМ.*

Она проверила пульс и включила служебную рацию, прикрепленную к плечу.

Раньше Лоцца

Лоцца аккуратно водила лучом фонарика по сухому песку на грунтовой дороге за пустующим участком рядом с домом Крессуэлл-Смитов.

Сотрудники скорой помощи приехали очень быстро. Теперь Элли находилась в больнице, но все еще пребывала в коме, пока врачи работали над ней. Лоцца изъела контрабандные препараты и доложила об инциденте начальнику своего участка. Пока она имела доступ повсюду, то медленно обошла дом Крессуэлл-Смитов, фотографируя кровь, винные бутылки и битое стекло. После своего доклада Лоцца узнала о том, что служба спасения на море приступила к поиску яхты Крессуэлл-Смитов.

«Абракадабра» связалась со спасательной службой Джервис-Бэй в 5.49 утра. Записи свидетельствовали о том, что судно направилось к РНУ. Но «Абракадабра» не оповестила о своем возвращении к назначенному сроку, что привело к сигналу о поисково-спасательных работах.

Яхты нигде не было. Мартин Крессуэлл-Смит не отвечал на радиовывозы и звонки на его мобильный телефон.

Его объявили пропавшим без вести.

Лоцца замерла, когда луч ее фонарика уперся в свежий след от покрышек.

Она опустилась на корточки и сделала несколько снимков на мобильный телефон, мигая встроенной вспышкой. Подняла голову и обвела взглядом ряд домов напротив пустого участка, проигрывая в уме громкий треск тела, ломившегося через кусты. Звук хлопнувшей двери, заведенного двигателя. Шорох покрышек по гравию. Она подумала о тени, которую увидела за стеклом парадной двери дома Крессуэлл-Смитов. Потом ее мысли вернулись к крови. Элли на полу ванной комнаты. Рассыпанные таблетки.

Из парадной двери дома напротив пустого участка вышел пожилой мужчина. Он покатил по дорожке высокий мусорный контейнер на колесиках. Лоцца резко выпрямилась и пошла к нему через дорожку.

— Добрый вечер, сэр. Лоцца Бьянки, полиция Джервис-Бэй.

— Офицер, — он выставил контейнер перед своей калиткой. — Что случилось?

— Ваш дом расположен напротив этого пустого участка. Вы случайно не видели автомобиль, припаркованный там раньше?

— Коричневый автомобиль?

— Значит, вы его видели?

— Ну да, — порыв ветра понес по дороге целый ворох эвкалиптовых листьев. Среди ветвей порхали летучие мыши. — Это была «Тойота Королла». Я заметил ее, потому что моя кошка едва не погибла, когда водитель рванул с места. Чертов идиот.

Пульс Лоццы участился.

— Вы уверены, что это была «королла»?

— Да, я видел ее раньше. Стояла на этой улице несколько раз, а парень внутри как будто наблюдал за домом того застройщика. Напугал мою жену до чертиков. Она сказала, что если снова увидит его, то позвонит в полицию.

— На всякий случай: вдруг вы видели номерную табличку?

— Она была частично заляпана грязью. Но я вроде разобрал буквы G-I-N.

— Желтая табличка?

Он нахмурился в свете фонаря, стараясь вспомнить.

— Нет. Вроде бы белая или светло-коричневая.

— Квинсленд?

— Оно может быть, но точно не черное на желтом, как в Новом Южном Уэльсе.

Лоцца поблагодарила мужчину. Она забрала пакет, адресованный Элли, который оставила на лужайке у боковой двери гаража Крессуэлл-Смитов, и села в свой «коммодор». Там она проверила время и позвонила своей матери.

— Привет, мама, — сказала она. — Наверное, сегодня я буду поздно.

— Все хорошо, милая? — спросила ее мать.

— Да, просто работа не отпускает. Тут новое дело, пропажа человека. Можно, я поговорю с Майей?

— Она в ванной.

Лоцца улыбнулась, ощущая приятное тепло в сердце.

— Скажи, что я подоткну ей одеяло, когда вернусь домой. И напомни, что завтра ей нужно сдать свой проект в школе.

Лоцца отключилась и проехала по темной и пустынной дороге до лодочного пандуса на Бонни-Ривер. Белая «Тойота Хайлюкс» была припаркована на стоянке рядом с пустым лодочным прицепом.

Она вышла из служебной машины и медленно обошла вокруг

грузового пикапа. Тонкий полумесяц давал немного серебристого света; тихо ухала сова.

Если, как сказала соседка, Элли и Мартин Крессуэлл-Смит рано утром вышли в море на «Абракадабре» и если яхта не вернулась, то как Элли оказалась дома?

Что произошло между 5.49 утра, когда они сообщили свои координаты спасательной службе, и 19.40 вечера, когда соседка увидела, как Элли вернулась в дом из своей студии рядом с причалом?

Раньше Лоцца

18 ноября, более одного года назад.

Джервис-Бэй, Новый Южный Уэльс

— Садись, Лоцца.

Сержант Джон Рэтклифф, начальник полицейского участка Джервис-Бэй, указал на пустой стул перед своим столом. С утра он первым делом вызвал ее к себе.

Помедлив, Лоцца опустила на стул. Она принесла с собой пакет, который отвезла в дом на Бонни-Ривер вчера вечером. Сейчас он лежал у нее на коленях вместе с фотографией байкера, сделанной с камеры наружного наблюдения перед входом в «Пагго».

— Отчитайся, — сказал Джон, наклонившись вперед. Взгляд его темно-коричневых глаз был напряженным, почти пронзительным. Он был крупным и внушительным мужчиной. Он поддерживал строгую дисциплину и отчетность среди своих сотрудников, но Лоцца знала его как порядочного человека. Городок был небольшим, поэтому они встречались и в неформальной обстановке. У него была большая семья — пятеро детей — и золотое сердце, скрытое за внешней черствостью и полицейским мундиром. — Расскажи обо всем, что вчера произошло в доме Крессуэлл-Смитов, и почему ты там оказалась.

Лоцца облизнула губы и объяснила все так хорошо, как только могла. Она ничего не утаила. Под конец она показала начальнику фотографию мотоциклиста.

— Этот парень оставил посылку. Я видела, как он уехал на грязном мотоцикле. Я запомнила квинслендский регистрационный знак, поскольку мне показалось, что мотоцикл находится в нерабочем состоянии. Утром я прогнала эти номера через систему с учетом вчерашних событий, — добавила она. — Мотоцикл значит в угоне. А сосед сказал, что на автомобиле, который вчера вечером уехал от дома Крессуэлл-Смитов, тоже были регистрационные знаки из Квинсленда. Не знаю, как это может быть связано.

Начальник изучил фотографию, потом откинулся в кресле и сцепил руки за головой.

— Что в пакете? — спросил он.

— Не знаю, сэр.

— С учетом обстоятельств — пропавшего мужа и жены-наркоманки, которая сейчас находится в коме, — думаю, мы можем открыть его.

Сердце Лоццы учащенно забилось. Она положила пакет на стол, и Джон протянул ей ножницы.

Она уже сфотографировала посылку.

Теперь она надела перчатки и осторожно разрежала клейкую ленту. Потом открыла крышку плоской коробки. Внутри было пять пузырьков с такими же этикетками, как на той баночке, которую она нашла рядом с Элли Крессуэлл-Смит на полу ванной комнаты. Джон встал и обошел вокруг стола.

— Гипнодорм, — сказал он. — Препарат строгого учета.

— Похож на тот, который она использовала для передозировки.

Он посмотрел на Лоццу. Вероятные последствия были тяжкими и мгновенно ощутимыми. Она, будучи полицейским при исполнении служебных обязанностей, доставила контрабандные таблетки в дом женщины, которая могла умереть от передозировки этими самыми таблетками.

Джон почесал подбородок.

— Прибавь их к вещественным доказательствам. Пусть их проверят на подлинность. Будем надеяться, что это не превратится в проблему, Лоцца, — тихо сказал он. — По крайней мере, это не убийство, иначе дело уйдет выше. Пока что у нас есть человек, пропавший в море, который еще может оказаться живым и здоровым. Вместе с делом о супружеском насилии и наркотической зависимостью.

Он уселся на свое место.

— Перекрой доступ к их дому. И найди этого байкера.

— Да, сэр.

Лоцца встала и вышла из комнаты, тихо прикрыв дверь за собой. Ей было тошно. Чутье подсказывало, что это гиблое дело.

Раньше Лоцца

Грег ждал ее перед автостоянкой.

— Веди машину, — Лоцца бросила ему ключи. Она была не в настроении.

Он ловко поймал ключи.

— Что сказал босс?

— Сказал, чтобы мы шевелили задницами и перекрыли все подступы, — Лоцца была не склонна обсуждать со стажером свою встречу с начальством.

Она скользнула на пассажирское сиденье и потянулась за ремнем безопасности. Грег завел автомобиль и отъехал со стоянки. День был солнечным и жарким, но тучи уже собирались на северном горизонте. Они ехали к первой линии прибрежных домов. У нескольких местных жителей имелись стационарные подзорные трубы, и они регулярно наблюдали за океаном по утрам. Одной из них была Уиллоу Ларсен. Они направились к ее дому.

Грег был необычно молчаливым. Лоцца выразительно посмотрела на него, и он издал несколько кашляющих звуков.

— Я был вместе с Уиллоу, — сказал он.

— Что?

— Я был с ней. По крайней мере, до шести утра. Я видел, как они — Крессуэлл-Смиты — выходили в море на своей яхте.

— И когда ты собирался рассказать мне об этом?

— Только что рассказал.

У Лоццы подскочило давление. Она посмотрела в окошко, стараясь глубоко дышать.

Они остановились у арочных ворот, увитых жасмином. Лимонно-зеленый «фольксваген» Уиллоу стоял на улице перед ними.

— Ты спал с ней? — после некоторого колебания спросила Лоцца.

— Какая разница?

— Я говорю не о разнице. Просто спрашиваю.

— Это тебя не касается, Лоцца.

— Я хотела узнать, с чем нам придется иметь дело, до того, как мы придем к ней.

— А если и спал, как это может повлиять на допрос?

— Это значит, что говорить буду я. — Она вышла из автомобиля и постучала в дверь.

Грег последовал за ней и сказал:

— Остынь, Лоцца. Во всяком случае, я не привозил ей наркотики.

Она тихо выругалась и открыла садовые ворота.

Раньше Лоцца

Уиллоу открыла дверь, завернувшись в бирюзовое кимоно с вышитым драконом на спине. Она была босой, и ее волосы находились в беспорядке; они явно разбудили ее.

— Привет, — она посмотрела на Грега, потом на Лоцца. — Что случилось?

— Мартин Крессуэлл-Смит пропал, — сказала Лоцца. — Грег говорит, вы видели, как он выходил в море на своей яхте.

Она смущенно нахмурилась.

— Да, мы оба видели, как уплывала «Абракадабра». Мартин и Элли находились на борту. Что значит «он пропал»? А где Элли?

— Она в больнице. Передозировка.

— Что?

— Мы можем войти, Уиллоу?

Но она как будто приросла к месту.

— Она... с ней все в порядке?

— Сейчас она находится в коме.

Уиллоу поднесла руку ко рту. Ее глаза наполнились слезами.

— О, боже мой, — прошептала она. — Как... как это могло случиться, если они вдвоем вышли в море?

— Именно это мы и стараемся выяснить, — тихо сказал Грег. — Мы можем ненадолго войти в дом, Уиллоу? Нам нужно расспросить всех, кто видел их отплытие.

— Да, конечно, — она отступила, освобождая место для входа.

— Извините, если мы разбудили вас, — сказала Лоцца, пока они шли за хозяйкой в роскошную гостиную с видом на море.

— Ничего страшного. Вчера вечером я работала допоздна. Я делаю предсказания в онлайн для клиентов из разных временных зон по всему миру. Иногда приходится работать ночи напролет. Садитесь, пожалуйста. Что вам предложить: чай, кофе?

— Нет, спасибо, — сказала Лоцца. — Мы ненадолго.

Когда они расселись, Лоцца достала свой блокнот.

— Пожалуйста, опишите, что вы видели.

— Я могла хорошо видеть их через подзорную трубу, — Уиллоу

указала на трубу, установленную на треноге перед огромным панорамным окном. — Грег был со мной. Он тоже их видел.

Грег закричал.

— Когда это было? — просила Лоцца.

— Думаю... да, почти в шесть утра. Я готовила кофе, когда увидела, как яхта выходит в бухту. Тогда я пошла к подозрительной трубе, чтобы рассмотреть получше. Это была «Абракадабра». Я четко видела название, а также Мартина и Элли на борту.

Лоцца писала в блокноте. Ей было жарко и неловко в полицейской форме и высоких сапогах, с дурацкими имбирными кудряшками и облупившимся носом, в то время как Уиллоу сидела напротив нее в красивом кимоно, изящная и ухоженная. Несмотря на бессонницу и тени под глазами, она все равно умудрялась выглядеть сексуально.

— Во что они были одеты? — спросила Лоцца. — Как вы могли убедиться, что это они?

— Я четко видела их. Мартин был... думаю, в коричневой рубашке. Холщовые штаны с большими карманами на ногах — такие же, как в тот день, когда он отправился с женой на рыбалку и поранился крючком. Он был с непокрытой головой, а на Элли была голубая бейсболка и синяя ветровка. Ее волосы были собраны в хвост; я заметила это, потому что они очень длинные и развевались на ветру. Они направлялись к «точке невозврата». Я удивилась, когда увидела их, поскольку Мартин отправился в деловую поездку и должен был вернуться позже. Погода была ветреная, с пенными гребнями на волнах. Не самое подходящее время для рыбалки... — она замолчала.

Лоцца посмотрела на нее.

— Что-нибудь еще?

— Нет. Пожалуй, нет.

— Спасибо, — Лоцца закрыла свой блокнот и поднялась на ноги.

— Элли поправится? К ней еще не пускают посетителей?

— Не знаю. Она без сознания.

Уиллоу озабоченно нахмурилась.

— Я не понимаю. Мартин пропал... как это понимать?

— Яхта пропала, — сказал Грег и тоже встал. — А Мартин был на борту.

— Тогда как же Элли вернулась на берег? — спросила Уиллоу.

— Мы пытаемся это выяснить, — ответил Грег.

Уиллоу посмотрела на него и покачала головой.

— Я собираюсь позвонить в больницу. Мне нужно увидеть ее.

— Вы были хорошо знакомы с Элли? — поинтересовалась Лоцца.

— Мы подруги, — Уиллоу судорожно вздохнула. — Элли доверяла мне, как подруге, — она немного помедлила. — Я... Послушайте, мне не стоит ничего говорить, потому что... это слишком личное. Но... с учетом обстоятельств, это может иметь отношение к делу. Элли... недавно она получила доказательство, что муж изменяет ей.

— Что вы имеете в виду? — с неподдельным интересом спросила Лоцца.

— Она наняла частного сыщика для слежки за Мартином и его любовницей. Недавно Элли получила улики в виде фотографий. Она сказала мне, что собирается расстаться с ним и улететь в Канаду еще до того, как он вернется из своей деловой поездки. Видимо, он вернулся раньше. Но что на самом деле странно — почему они вместе вышли в море на яхте? Особенно притом, что у Элли остались такие ужасные воспоминания об их первой рыбалке. Это необъяснимо.

— Вы видели фотографии? — спросила Лоцца. Она напряженно размышляла.

Уиллоу кивнула. Немного поколебавшись, она добавила:

— По ее словам, Элли также нашла доказательства, что ее муж снимал деньги с их общего счета и отправлял их на свой номерной счет в офшоре. Она опасалась, что он так поспешно женился на ней ради того, чтобы получить доступ к ее деньгам. Она даже думала, что муж дурманит ее какими-то препаратами.

Уиллоу тихо выругалась, потерла ладонями лицо и продолжала:

— Элли нашла квитанцию о покупке двух авиабилетов на Острова Зеленого Мыса. Дата вылета ожидалась через две недели, и второй билет был куплен не для нее, — она помедлила. — Я... я до сих пор не могу поверить. Ведь они поженились только в мае. В Лас-Вегасе. Элли говорила, что ее как будто засосало в водоворот событий.

Лоцца пристально посмотрела на нее.

— Вы имеете в виду, что Мартин был готов дать дёру?

— Не уверена, но, видимо, так.

— Со своей любовницей? — уточнил Грег.

— Элли этого боялась.

— Кто эта любовница, Уиллоу? — спросила Лоцца.

Женщина посмотрела в окно. Было ясно, что ее бушевают противоречивые чувства.

— Уиллоу, — с нажимом произнес Грег. — Эти показания меняют буквально все. Если Мартин пропал там, — он махнул рукой в сторону

панорамного окна с видом на море, — тогда это вопрос жизни и смерти. Часы тикают. Но если он не пропал, а сбежал, то сейчас его ищут добровольцы из службы спасения на море — хорошие люди рискуют своей жизнью и теряют время понапрасну. Нам нужно знать, есть ли возможность, что он мог сбежать из страны со своей любовницей или сделать что-то в этом роде.

— Рабз, — тихо сказала Уиллоу. — Это Боди Рабинович.

* * *

Когда Лоцца и Грег шли к служебному «коммодору», стоявшему на улице, она сказала:

— Давай поедem в «Пагго» и найдем Рабз.

— Точь-в-точь мои мысли, — отозвался Грег, открывая калитку. — Кто бы мог подумать... Рабз?

— Показания Уиллоу согласуются с тем, что ты видел? — спросила Лоцца.

— Да. Два человека на яхте. Элли в синей ветровке и голубой кепке, волосы перехвачены резинкой. Мартин с непокрытой головой. Примерно в шесть утра. Я собирался выпить кофе, потом отправиться домой и подготовиться к работе.

— В спальне Элли было два чемодана, когда я обнаружила ее в ванной, лежащей без сознания, — сказала Лоцца, когда они сели в автомобиль. — Женские вещи, разбросанные как попало.

— То есть она собирала вещи? — Грег наклонился и включил зажигание.

— Возможно, она собиралась в Канаду, как и сказала Уиллоу. Вечером шестнадцатого ноября она вышла посидеть на пляже, где я увидела ее, а потом неожиданно вернулся Мартин. Там, в дюнах. Когда Элли заметила его, то перепугалась до полусмерти. А он выглядел, как бомба с часовым механизмом, готовая взорваться. В нем было что-то злое. Даже Майя обратила на это внимание.

— Майя была с тобой?

— Мы с Майей немного поплавали вместе с Элли.

Он покосился на нее.

— Почему?

— В том-то и странность. Она сидела рядом с нашим снаряжением, когда мы вылезли из моря. Казалось, она одновременно боялась входить в

воду, особенно нырять в волнах, — но была исполнена решимости сделать это. А поскольку она была явно испугана... не знаю, я предложила ей искупаться вместе с нами.

— Лоцца-спасительница.

Она пожала плечами:

— Я пожалела ее. А потом я увидела ее синяки. Это согласуется со словами соседки о том, что Мартин бил ее. Тогда дело показалось мне очень странным.

Грег выругался сквозь зубы.

— Да, это точно.

— Предположим, что Мартин возвращается раньше, чем ожидалось. Он видит ее собранные чемоданы. В тот вечер они ссорятся, он разбрасывает ее вещи... Но тогда почему они вместе уплыли на яхте следующим утром? А теперь она лежит в коме, а он пропал. — Лоцца помедлила, размышляя. — Нам нужно подтвердить, действительно ли Элли покупала авиабилет в Канаду. И на какое число. Нам нужно гораздо больше узнать об этой парочке.

Когда они повернули на дорогу, ведущую к «Пагго», зазвонил мобильный телефон Лоццы. Она посмотрела на экран: звонил Джон Рэтклифф. Она приняла вызов.

— Бьянки на линии.

— Лоцца, Элли Крессуэлл-Смит пришла в сознание. Вы нужны мне в больнице.

Лоццу охватило нервное волнение. Она дала отбой.

— Разворачивай телегу, — обратилась она к Грегу. — Мы едем в больницу.

Раньше Лоцца

— Элли, что произошло после того, как вы с Мартином вышли в море на яхте? — спросила Лоцца. Грег устроился на подоконнике с блокнотом в руках и наблюдал за допросом. За его спиной светило полуденное солнце; крошечные пылинки танцевали в его лучах, приглушенных тонкими шторами.

Элли выглядела совершенно растерянной. Ее взгляд метался по больничной палате, и она прижимала ладонь к тугой повязке на голове.

— Я... я не помню, чтобы мы выходили в море.

По пути в больницу Лоцца связалась со службой спасения на море. По-прежнему никаких признаков «Абракадабры» или Мартина. Другие сотрудники полиции Джервис-Бэй, опрашивавшие жильцов прибрежных домов и наблюдателей на утесах, подтвердили показания Уиллоу: все они свидетельствовали о том, что видели, как Мартин и Элли Крессуэлл-Смит вышли в море на своей яхте незадолго до шести часов утра. Никто не видел возвращения яхты.

— Элли, ваш муж пропал без вести. Он числится пропавшим со вчерашнего утра. Вертолеты, суда на подводных крыльях, спасательные катера, добровольцы и полицейские — все они прочесывают побережье в поисках Мартина и следов «Абракадабры». Все, что вы скажете, может помочь нам. Время — это критический фактор.

Элли заморгала, нахмурилась, потом скривилась, как будто это движение причинило ей боль. Ее глаза были красными и слезились. Ее лицо заострилось и было таким бледным, что казалось полупрозрачным. Когда Лоцца увидела ее в доме Крессуэлл-Смитов, то посчитала ее мертвой. Она до сих пор не могла поверить, что появилась как раз вовремя, чтобы спасти жизнь этой женщины. Если бы не пакет с контрабандным препаратом...

— Элли, вам известно, где может находиться Мартин? — снова спросила она.

— Я... не знаю, о чем вы говорите.

— Вы понимаете, почему оказались здесь, Элли? — спросил Грег своего наместа на подоконнике. Лоцца услышала, как скрипнул его ремень, когда он устроился поудобнее.

Взгляд Элли переместился на Грега, но она тут же зажмурилась и отвернулась от солнца. Потом попыталась облизнуть пересохшие губы. Лоцца протянула ей стакан воды с соломинкой для питья. Элли медленно отпила из стакана; ей было больно глотать.

Лоцца подавила свою досаду и перефразировала вопрос Грега:

— Элли, врачи рассказали вам, почему вы оказались здесь?

— Они сказали, что у меня была передозировка, — она снова прикоснулась к повязке на голове. — Врачи... они сказали, что в моем организме был целый коктейль разных веществ. Алкоголь, гаммагидроксибутират^[19] и что-то еще, — но я не помню, что принимала их.

— Что еще вам сказали врачи?

— Они сказали, что я находилась в сумеречном состоянии сознания и ударилась головой в ванной. Или на кухне, перед тем, как я поднялась в ванную. Они наложили мне швы. Еще они сказали, что у меня было вагинальное кровотечение и разрывы... Но я ничего не помню. Они сказали, что у меня какая-то ретроградная амнезия и что мои воспоминания до инцидента могут вернуться... а могут и не вернуться.

Лоцца мысленно выругалась и посмотрела на Грега. Тот пожал плечами. Лоцца впервые услышала о вагинальной травме. Она мысленно вернулась к словам соседки о том, как Мартин бил свою жену, и о криках, раздававшихся из соседнего дома. Она думала о синяках, о предполагаемой любовнице и о других вещах, услышанных от Уиллоу.

— Ладно, Элли, вот что нам известно, — тихо сказала Лоцца и наклонилась к ней. — Возможно, мой рассказ пробудит кое-какие воспоминания. Констебль Эббот, который находится здесь, видел, как «Абракадабра» покидала Бонни-Бэй ранним утром вчерашнего дня. Согласно записям службы спасения в Джервис-Бэй, «Абракадабра» сообщила о выходе в море в 5.49 утра. Радиооператор получил сообщение, что на борту находятся двое взрослых людей, которые направляются к РНУ. Оценочное время возвращения — шесть часов вечера. Это было последнее сообщение, полученное с борта яхты. Вы помните что-нибудь из этого, Элли?

Элли тупо смотрела на нее.

— Извините, но я ничего не помню.

Лоцца разочарованно кивнула.

— Хорошо, вот что еще мы знаем. Ваша соседка сообщила, что вы вернулись домой в темноте, примерно в 19.40.

— Женщина из соседнего дома, которая следит за всеми из окна?

— Она наблюдала за вами из окна наверху, — сказала Лоцца. — По ее словам, вы спотыкались и опрокинули мусорное ведро возле студии у лодочного причала. Потом она видела, как вы пересекли лужайку и вошли в дом через раздвижную стеклянную дверь. Как вы вернулись на берег, если яхта пропала?

Элли нахмурилась и прикоснулась к головной повязке, словно желая убедиться, что она по-прежнему на месте.

— Ваша соседка сказала, что вы выглядели мокрой и были одеты в бейсболку и ветровку, — ту самую одежду, в которой вас видели на яхте в момент отплытия от причала, — упрямо продолжала Лоцца.

На лице Элли появилось испуганное выражение. Она взглянула на Грега.

— Я приехала к вам домой вчера в 20.02, Элли, — продолжала Лоцца. — Задняя стеклянная дверь была открыта. Я обнаружила вас в ванной комнате, в бессознательном состоянии. Внизу были битые бокалы, кровавые пятна на кухне, кровь у подножия лестницы, открытые чемоданы и разбросанные вещи в вашей спальне наверху, кровь на постельном белье, — она помедлила, снова думая о звуках на пустом участке и о «королле», которая умчалась во тьму. — Вы помните, что случилось в вашем доме?

Несколько секунд Элли молчала. Потом ее глаза блеснули, и Лоцца напряглась в предвкушении, но Элли покачала головой.

— Прошу прощения. Это все... как черная дыра.

— Кто-то еще был в вашем доме? — спросил Грег.

— Извините, я не помню.

Лоцца облизнула губы и кивнула.

— Ладно. Теперь я собираюсь упомянуть еще одно обстоятельство. Оно может иметь важное значение. Вы помните, как поссорились с мужем поздно вечером перед выходом в море на следующее утро?

Элли заколебалась.

— Нет.

Лоцца наблюдала за ее глазами. Эта женщина лгала. Она что-то помнила, пусть даже смутно. Или, возможно, ссоры вошли у них в привычку.

— Элли, вы только что упомянули о вагинальных разрывах. Вы помните об агрессивном совокуплении, которое могло привести к вагинальной травме?

В ее глазах блестели слезы.

— Нет, — прошептала она. — Я помню лишь то, что мне сказали

врачи.

Грег, сидевший за спиной Лоццы, глубоко вздохнул. Ему было неуютно.

— Элли, я приехала к вам домой с посылкой, оставленной для вас в пабе «Мопс и свисток». Там находился такой же контрабандный медицинский препарат, как тот, который вызвал у вас передозировку. На посылке было написано ваше имя. Что вы можете рассказать об этом?

Она непонимающе взглянула на Лоццу, но жилка на ее шее забилась быстрее. Ее дыхание участилось.

— Не знаю ничего насчет посылки и тех препаратов, о которых говорили врачи; я не принимала их. Обычно я принимала ативан, но потом перестала.

Лоцца показала фотографию лысого мужчины в кожаной куртке и с татуировкой на шее.

— Вы знаете этого человека?

Элли пристально всмотрелась в фотографию. На ее лбу выступил пот, и она сглотнула.

— Нет... Я никогда его не видела. Кто он такой?

Лоцца снова почувствовала, что ей лгут.

— Этот человек оставил в «Пагго» посылку для вас. У него на шее есть татуировка в виде колибри, и он ездит на мотоцикле с квинслендскими номерами.

Элли казалась испуганной. Она промолчала.

— Вы когда-нибудь получали посылки от этого человека?

— Я же сказала: я не знаю, кто он такой! Может быть, Мартин знает.

— Мартин пропал без вести, Элли.

Элли подняла руку и вытерла рот. Она дрожала всем телом и, казалось, побледнела еще сильнее. Лоцца чувствовала, как тикают часы. Врач или медсестра в любой момент могли прервать допрос.

— Как вы вернулись на берег с яхты, Элли? — снова надавил Грег.

— Не знаю! — она метнула гневный взгляд в его сторону. — Я же сказала вам. Вы имеете представление, каково это: слушать ваши рассказы и думать о том, что меня изнасиловали, но абсолютно ничего не помнить? Вы хотя бы понимаете, как это *больно*?

— Прошу прощения, миссис Крессуэлл-Смит, — сказала Лоцца. — Но ваш муж пропал, а вы были в коме. Нам нужно задавать вам эти вопросы. Если Мартин все еще жив, то, возможно, он подвергается смертельной опасности. Время играет ключевую роль.

Элли встретила взглядом с Лоццей. Она едва заметно выпятила

челюсть, а ее глаза под повязкой лихорадочно блеснули.

— Надеюсь, что вы *не найдете* его. А если найдете, то надеюсь, что он мертв и страдал перед смертью.

В комнате воцарилась тишина.

Лоцца медленно и глубоко вздохнула. Она слышала, как Грег делает записи в своем блокноте.

— Почему вы так говорите, Элли?

— Потому что... я ненавижу его.

Она ждала, но Элли больше ничего не сказала.

— Вы ненавидите его за то, что он завел роман на стороне? Или за то, что он женился на вас ради денег?

В глазах Элли как будто захлопнулись ставни. Она стиснула руками край простыни.

— Вам нужно уйти, — процедила она сквозь зубы. — Сейчас же. Я... я устала. Сейчас мне будет плохо. Я...

Прежде чем Элли успела потянуться к звонку для вызова медперсонала, Лоцца быстро сказала:

— Мы можем хотя бы попробовать вернуться к вашим последним воспоминаниям, Элли? Вы помните, как мы встретились на пляже? Мы плавали вместе с моей дочерью.

— Да, — прошептала Элли. — Я помню.

Лоцца тихо кашлянула, чтобы прочистить горло.

— А когда мы были в воде, вы увидели Мартина на пляже.

Она кивнула.

— Вы выглядели испуганной.

— Я... Он не должен был вернуться так рано. Он был в Сиднее, он уехал туда по делам компании. Я ожидала, что он вернется через несколько дней.

— И это напугало вас?

Она выглядела растерянной, как будто на самом деле пыталась что-то вспомнить.

— Что случилось после того, как мы с Майей оставили вас с Мартином в дюнах?

— Я... Мы... — Ее голос пресекся.

— Не торопитесь, — мягко сказала Лоцца.

— Я боялась, но не помню, почему.

— Мартин принес с собой сумку-холодильник и винные бокалы, — сказала Лоцца. — Может быть, вы устроили вечерние посиделки с вином?

— Наверное.

— Какие напитки принес Мартин? — спросил Грег.

— Думаю, белое вино.

Грег застрочил в блокноте.

— А как вы себя чувствовали после вина? — спросил он.

— Э-ээ... полагаю, немного навеселе. Я... Мне нужно было снять напряжение, и возможно, я выпила больше, чем нужно. Просто... для того, чтобы расслабиться.

— Почему вы хотели расслабиться? — спросила Лоцца. — И почему вы тогда испытывали напряжение?

Элли снова облизнула губы и прикрыла глаза. Из-под ее ресниц показались слезы.

— Я. Не могу. Вспомнить. Разные вещи, — очень тихо и отдельно произнесла она.

— Вы помните, как собирали чемоданы?

— Нет. Я не помню... ничего потом я не помню. — Элли внезапным движением потянулась к кнопке вызова и нажала ее.

— Пожалуйста, Элли, подумайте еще раз: у вас есть идея, куда делся Мартин?

— Нет, — ответила она с закрытыми глазами.

В палату вошла медсестра. Она только посмотрела на Элли и сказала:

— Ладно, вам пора идти. Сейчас же.

Раньше Лоцца

— Она лжет, — обратился Грег к Лоцце, когда они ехали в «Пагго», чтобы допросить Рабз. — Эта ретроградная амнезия — подозрительно удобная штука.

— Согласна, она о чем-то умалчивает, — отозвалась Лоцца, поворачивая на улицу, ведущую к пабу. Она остановилась прямо перед «Пагго» и выключила двигатель. Грег расстегнул ремень безопасности.

— Даже если ее память частично восстановится, то как мы узнаем, собирается ли она поделиться своими воспоминаниями? — спросил он. — И мы не имеем понятия, насколько долгой или избирательной окажется ее «ретроградная» штука.

Он вышел из автомобиля, и Лоцца последовала за ним, хлопнув дверью.

— Кроме того, остается та странная хрень с «короллой», уехавшей от ее дома.

— Да, — Лоцца посмотрела в камеру наружного наблюдения, когда они входили в бар.

И байкер с пакетом наркоты, с номерными знаками из Квинсленда.

* * *

Рабз сидела за столом в служебном помещении и теребила свой передник. Кровь отхлынула от ее лица, веки сильно припухли. Лоцца и Грег сидели напротив нее.

— Да, — сказала она. — Я встречалась с Мартином.

— Как долго? — спросила Лоцца.

— Какая разница? Я понимаю, что вам нужна любая помощь в его поисках, но...

Лоцца подалась вперед.

— Чем более полноценным является профиль личности пропавшего человека, тем больше мы будем знать о его эмоциональном состоянии, мотивации и недавних передвижениях. Это дает нам больше возможностей для поиска.

— Лоцца права, — добавил Грег. — Если с Мартином что-то случилось в открытом море или его куда-то вынесло, то хороший психологический профиль дает нам представление о том, как он может реагировать, куда он может пойти или что он может сделать.

Рабз посмотрела на свои руки.

— Мы уже некоторое время встречались.

— Как долго? — спросила Лоцца, пристально наблюдавшая за ней.

Она покраснела.

— До того, как его жена приехала сюда.

— Его жену зовут Элли, — напомнила Лоцца.

Рабз сглотнула и медленно кивнула.

— До того, как Элли приехала в Джервис-Бэй.

— Как долго? — спросил Грег.

Молчание.

— Рабз?

Одинокая слезинка сползла по ее щеке. Она быстро вытерла ее.

— С октября прошлого года. Мы познакомились, когда Мартин приехал сюда посмотреть на землю вокруг Агнес-Ривер.

Лоцца нахмурилась, вспоминая слова Уиллоу о свадьбе в Вегасе.

— Кажется, они поженились позже? В мае этого года.

Рабз помедлила, нервно покосилась на дверь, словно ей хотелось убежать, и потом сказала:

— Мы с Мартином начали встречаться задолго до того, как он познакомился с Элли. Он встретился с ней в начале января этого года. В Ванкувере.

Лоцца обменялась быстрым взглядом с Грегом. Ее пульс участился.

— Просто для ясности, — сказала она. — Вы начали встречаться с Мартином *до того*, как он познакомился с Элли? А потом периодически встречались с ним во время его ухода и до самой свадьбы? И после того, как они переехали сюда, ваш роман продолжался?

Она кивнула.

Темная, недобрая мысль, совпадавшая с показаниями Уиллоу, просочилась в мозг Лоццы.

— Мартин женился на Элли ради ее денег, Рабз? Значит, вот в чем дело? Он любит вас, но она оплачивает вашу совместную жизнь?

— Это не так.

— Тогда как? — спросил Грег.

— Почему бы вам, черт возьми, не найти его и не спросить, как это было на самом деле?

Лоцца и Грег промолчали. Они ждали. Рабз убрала с лица упавшую прядь волос и тихо сказала:

— Прошу прощения. Просто я нервничаю, я боюсь, что он умер или... Мне не с кем поговорить или поделиться моим беспокойством. Мы были вместе в Сиднее, а потом она вдруг позвонила ему и сообщила, что они срочно должны встретиться и что ему нужно вернуться как можно скорее. Вот он и улетел сюда.

— «Она» — это его жена Элли? — уточнила Лоцца.

— Да, — отрезала Рабз. — Элли. Он сказал мне, что собирается расстаться с ней. Мы купили билеты на... в общем, мы собирались уехать вместе. Жить за границей, путешествовать по миру. Не знаю, почему ее сообщение было настолько важным, что он поспешил обратно.

— Вот чего я не понимаю, — тихо сказала Лоцца. — Ваш роман с Мартином начался после того, как у него появился интерес к большому строительному проекту в Новом Южном Уэльсе. Вы были не замужем, он был холост: почему вы не могли официально оформить ваши отношения?

Рабз молчала и смотрела в пол.

— А потом он познакомился с Элли, которая, как мы узнали, является богатой наследницей. Ее отец — один из богатейших людей в Канаде. Мартин очень быстро женился на ней — предположительно, во время поездки в Лас-Вегас, — в то время как ваш тайный роман продолжался. Он и его богатая жена основали партнерскую компанию на деньги ее отца, и Мартин Крессуэлл-Смит вдруг обзавелся значительными средствами для продолжения строительства. Тем не менее он собирался расстаться с женой и убежать вместе с вами?

Лоцца сделала паузу. Грег пристально наблюдал за Рабз.

— Похоже, что он авантюрист и мошенник, Рабз. И вы знали об этом.

— Он сам по себе вполне богатый человек, — возразила Рабз. — Когда он женился на Элли, то совершил ошибку, вот и все. Ужасную ошибку. Он понял это после того, как они переехали сюда. Она оказалась вовсе не такой женщиной, как он думал. Он завершал свои дела и продал свою половину «Агнес Холдингс»; он собирался развестись с ней, прежде чем она станет абсолютно невменяемой и набросится на него с ножом, если не хуже. Она подседа на таблетки и швырялась в него разными вещами. Она порезала его ножом на яхте; много людей видели, в каком состоянии она находилась в тот день. Потом она пыталась ударить его литой сковородкой; он сам мне рассказывал. И еще... вот вы знаете, что Мартин пропал, но она-то вернулась с рыбалки! Я боюсь, что она могла что-то сделать с ним. Он говорил, что больше никогда не возьмет ее на рыбалку. Я была уверена, что

так и будет. Совершенно необъяснимо, почему они снова вышли в море на яхте. Особенно после того, как она срочно вызвала его домой. Должно быть, она заманила его или вынудила это сделать.

Лоцца подумала о словах Уиллоу: ей тоже показалось очень странным, что ее подруга Элли снова вышла в море вместе с Мартином. Здесь ничего не складывалось.

— Итак, вы с Мартином приобрели авиабилеты?

— Через две недели мы собирались улететь на Острова Зеленого Мыса. Мартин арендовал для нас дом на целый год.

— И вы верите, что он сворачивал деятельность своей компании? — спросил Грег. — Отказался от крупного строительного проекта?

— По его словам, он продал свою долю в компанию и оставил Элли разбираться с остальным. Пусть продает или делает что хочет.

— Элли знала, что через две недели ее муж сядет на самолет и исчезнет из ее жизни? — испытующе спросила Лоцца.

Рабз явно смутилась.

— Нет... Нет, не думаю. С какой стати?

— Вам известно, что Элли наняла частного сыщика и получила компрометирующие фотографии вас с Мартином?

Над верхней губой Рабз выступили капельки пота, и она стерла их дрожащей рукой.

— Нет, — прошептала она.

Лоцца положила на стол перед ней фотографию лысого мужчины, сделанную с камеры наружного наблюдения.

— Вы знаете этого человека, Рабз?

Она посмотрела на фотографию.

— Нет. А что?

— Пока вас не было, этот мужчина пришел в «Пагго» с пакетом для Элли. Он оставил пакет здесь, чтобы она забрала его. Он приходил раньше?

— Я... я никогда не видела его. Такого человека трудно забыть, — она подняла голову. — Какое отношение он имеет к этому делу?

— Возможно, никакого, — ответила Лоцца. Ее мобильный телефон зазвонил. Она оставила звонок без внимания и взгляделась в лицо Рабз, чье внимание снова вернулось к фотографии. Потом зазвонил телефон Грега. Он посмотрел на экран и жестом показал Лоцце, что собирается выйти в коридор и принять вызов. Она кивнула.

— Есть кое-что еще, — тихо сказала Рабз, когда Грег вышел из комнаты. — Это может оказаться важным... с учетом всего, что случилось.

После некоторого колебания, она вытерла рот и продолжала:

— Ночью перед тем, как они в последний раз вышли в море, Мартин позвонил мне из своего дома. Он сказал, что планы внезапно изменились и мы не встретимся в Сиднее, чтобы отправиться на Острова Зеленого Мыса. Он спросил, смогу ли я вместо этого присоединиться к нему в Куала-Лумпуре, в отеле, где он бронирует номер. Он сказал, что утром ему нужно срочно вылететь в Куала-Лумпур, где он будет дожидаться меня. А оттуда мы отправимся на Острова Зеленого Мыса.

Лоцца нахмурилась.

— Вы думаете, он мог улететь в Куала-Лумпур?

— Он больше не отвечал на мои звонки. По его словам, он собирался выслать мне подробности в текстовом сообщении, но так ничего и не прислал.

— Он сказал, почему вдруг решил изменить свои планы?

— Нет. Он лишь сказал, что появились неожиданные обстоятельства и ему нужно обо всем позаботиться. Потом повесил трубку. А на следующее утро вышел в море вместе с Элли и не вернулся.

Лоцца молча смотрела на Рабз.

— Элли не такая, как может показаться, — сказала Рабз. — Она может выглядеть скромной, тихой и погруженной в себя, но такие женщины наиболее опасны, когда чувствуют себя преданными или несправедливо обиженными, поскольку вы меньше всего ожидаете этого. Они могут быть смертельно опасными. Вы знаете, что она пырнула своего бывшего мужа ножом, когда застала его за ужином в ресторане вместе с любовницей? Вы знаете о подозрениях полиции на Гавайях, что она утопила свою трехлетнюю дочь во время купания в бухте Ваймеа?

Лоцца едва не вздрогнула от удивления.

— Ее дочь утонула?

— Элли заплыла с ней в такое место, где были большие волны.

Странное поведение Элли на море внезапно приобрело новый смысл. Лоцца удержала взгляд Рабз, но ничего не сказала, ожидая, что собеседница продолжит свои откровения.

— Если Элли знала о наших отношениях... Думаю, она могла сделать что-то ужасное с Мартином.

— Лоцца? — Грег появился в дверном проеме; его взгляд был напряженным. — Нам нужно поговорить. Сейчас же.

Лоцца вышла из комнаты.

— Они нашли тело, — очень тихо сообщил Грег. — В одном из притоков Агнес-Ривер. Вероятно, это он.

Раньше Лоцца

Наверху прогремел гром, и Лоцца поморщилась. Звук раскатился над мангровым болотом и ушел к морю. Шторм набирал силу, пока они с Грегом и шкипером Маком Макгониглом поднимались по Агнес-Ривер и Барни направлял их к жуткой находке, запутавшейся в веревках его контрабандных ловушек для крабов.

Наступила темнота, и шел мелкий дождь. Лоцца была совершенно уверена, что тело, плававшее без штанов в маленькой бухте, принадлежало Мартину Крессуэлл-Смиту. Телосложение и волосы соответствовали описанию. Она узнала его кольцо, которое видела на пляже, когда плавала вместе с Элли.

Лоцца сделала фотографии. Грег огородил площадку вокруг трупа в мелководной бухте. Теперь они ждали группу криминалистов, коронера и следователя из «убойного отдела», но шторм сильно затруднял передвижение.

Гром грянул снова, и дождь полил с удвоенной силой. Капли ударяли по черной воде канала с такой силой, что отправляли в воздух целый поток обратных всплесков, похожий на мерцающий водопад в свете бортовых прожекторов и перемежающихся вспышек молний. Под брезентовым навесом катера хватало места только для двоих, поэтому они с Грегом сидели под дождем. С козырька ее форменной фуражки стекал ручеек. Дождь проникал ей за шиворот, а волосы становились все более влажными. Она вытерла лицо и посмотрела на часы. После вызова группы прошло около двух часов.

Грег проследил за ее взглядом.

— Этот багор у него в груди выглядит как официальное заявление, — проворчал он.

Она кивнула, думая о Майе. Надеюсь, что ее дочь закончит свою домашнюю работу.

— Да, это личное. Явный перебор в количестве колотых ран.

— А отрубленные пальцы? Бессмыслица какая-то.

Следующие пятнадцать минут они сидели в молчании, и Лоцца была благодарна Грегу за это. Он нервно болтал, когда она вернулась на катер из заброшенного дома, где нашла фаланги отрубленных пальцев, веревки,

фекалии, канадскую ветровку и голубую бейсболку «Найк».

Вспыхнула молния. Все вокруг превратилось в белое серебро. Образ трупа ярко высветился в ее сознании.

Белая кожа на фоне черной воды, пустые глазницы, отсутствующий нос, безгубый рот. В ее голове кружились слова Рабз, сказанные перед тем, как они получили срочный вызов.

«Элли не такая, как может показаться... Она может выглядеть скромной, тихой и погруженной в себя, но такие женщины наиболее опасны, когда чувствуют себя преданными или несправедливо обиженными, поскольку вы меньше всего ожидаете этого. Они могут быть смертельно опасными. Вы знаете, что она пырнула своего бывшего мужа ножом, когда застала его за ужином в ресторане вместе с любовницей?»

Лоцца не была уверена, что Элли Крессуэлл-Смит была способна на такое. Был ли у нее сообщник? Имела ли Элли окно возможности между тем временем, когда свидетели последний раз видели ее вместе с мужем, и моментом, когда Лоцца обнаружила ее на полу в ванной?

Пока вопросы продолжали вращаться по кругу в голове Лоццы, прошло еще полчаса. Дождь прекратился. Они услышали звук вертолетного винта за облаками.

— Это они, — сказал Мак.

Лоцца снова посмотрела на часы: прошло два часа и тридцать три минуты. Она встала, и катер качнулся на воде. Вскоре они услышали приближавшийся звук лодочного мотора. Яркие прожекторные огни мелькали и пропадали из виду за мангровыми зарослями. Затрещало радио. Мак ответил, направляя прибывающее судно на швартовку к их причалу.

Лоцца прикрыла глаза от слепящего прожекторного света, когда из темноты появился катер. Она видела несколько силуэтов, облаченных в белое — экспертов криминалистического отдела, которые уже переоделись и были готовы к действию. Катер пришвартовался с другой стороны причала. Лоцца перебралась через борт и встала на причале. Волны шумно плескались у свай.

Мужчина, выглядевший как черный силуэт на фоне прожекторного ряда над кабиной полицейского катера, выступил вперед и приблизился к ней.

Что-то зашевелилось в рудиментарных полостях подсознания Лоццы по мере его приближения. Осанка, манера движения. Прежде чем она успела интерпретировать свои ощущения, свет упал на его лицо.

Ее сердце замерло. Она сглотнула и злобно выругалась про себя.

— Лоцца, — сказал он.

— Корнелл.

Из всех копов, служивших в отделе убийств сиднейской штаб-квартиры, они прислали именно этого. Ее заклятого врага. Единственного следователя, который больше всего настаивал на лишении ее полицейского жетона после «инцидента». Мужчину, который был женат, когда она завела роман с ним. Мужчину, которого она теперь ненавидела всей душой.

— Не ожидал увидеть тебя, — тихо сказал он.

Его голос был прежним. Ровным и невыразительным. Как и его лицо. Как и его взгляд, отчужденный и бесстрастный. Детектив из отдела убийств редко выказывал какие-либо эмоции, не считая бдительного выражения в глазах. Бог знает, что она вообще нашла в нем. Она думала, что нуждается в сексе. Но больше всего Лоцце было нужно, чтобы кто-то обнял ее. Это началось в уборной одного бара одним пьяным вечером, ровно через год после гибели мужа. Ее муж был пожарным, и она любила его больше всего на свете. Они хотели завести детей. Они строили планы на будущее. А потом, во мгновение ока, его не стало. Он погиб под колесами пьяного водителя.

Потом появился Корнелл.

После этого было много жестоких дел и еще больше пьяных вечеров, пока не наступил момент, когда Лоцца сломалась. Она выехала по вызову, где обезумевший муж забил свою жену до смерти, несмотря на то что она имела защитное предписание, запрещающее ему приближаться к ней. И все это случилось, когда их маленькая дочь, которой едва исполнилось три года, пряталась под кроватью.

Она видела все, что случилось.

Маленькая девочка по имени Майя, фактически осиротевшая после инцидента.

Девочка, заставившая Лоццу жестко посмотреть на себя в зеркало и усомниться в своей жизни. И когда она привела себя в порядок, когда попросила о переводе в провинцию, когда ей предложили службу в Джервис-Бэй с помощью некоторых доброжелателей из высших чинов — *несмотря* на ожесточенное сопротивление Корнелла, — она подала прошение об удочерении Майи.

Битва Корнелла с Лоццей была чисто личной вендеттой. Он хотел отплатить ей — и кому угодно, — поскольку его жена, узнавшая об их тайной связи, просто ушла от него. К тому же она получила право опеки над тремя их детьми. У него ничего не осталось. Он возложил вину на Лоццу, и это превратилось для него в болезненную привычку. А потом он

воспользовался насильственным «инцидентом» с ее участием как оружием, чтобы лишить ее права на материнство.

У него не получилось.

Она была здесь.

И Майя осталась с ней.

Она обрела новую жизнь.

Теперь он стоял у нее на пути, готовый снова все испортить.

Она вскинула подбородок и расправила плечи.

— Все будет хорошо? — тихо спросил он.

— Что прошло, то прошло. Сэр, — она подчеркнула последнее слово.

— Поскольку вы занимались первичным следствием и поскольку вы вернулись к исполнению обязанностей уголовного следователя, то вы восстановлены в этой должности, — сказал Корнелл. — Временно.

На самом деле, это не имело отношения к служебному положению. Лоцца не утратила свой статус следователя при исполнении общих обязанностей. Ее просто перестали называть «детективом».

— Ясно, — сказала она. Для Корнелла прошлое явно не прошло до конца. Он сохранил немного яда в качестве подручного средства.

Грег подошел к ним.

— Грег, — сказала она. — Это старший констебль, следователь Корнелл Тремейн из отдела убийств.

— *Сержант* Тремейн, — поправил он, протягивая руку Грегу.

Лоцца преисполнилась негодованием. После того, как ее понизили в должности и отправили в тихую провинциальную заводь, Корнелл преодолел еще одну ступень служебной лестницы и стал сержантом. Теперь он был начальником Лоццы в этом расследовании. На ее территории.

«Я пошла на понижение ради Майи. Теперь речь идет обо мне и Майе, о нашей новой реальности. Не поддавайся его ауре и не играй в эти игры. Я больше не хочу того, к чему он стремится... или нет?»

Грег покосился на Лоццу: он чувствовал напряжение, повисшее в воздухе.

— Констебль Эббот, — представился он и пожал протянутую руку.

— Где тело? — спросил Корнелл.

— Сюда, сэр, — сказал Грег и возглавил путь, хотя в последний раз именно Лоцца расчистила ему место в болоте, прежде чем он упал туда и весь облевался.

Она сдержалась и посмотрела на двух уходивших мужчин. Грег уже начал лебезить перед новой фигурой на сцене.

Раньше Лоцца

19 ноября, более одного года назад.

Полицейский участок Джервис-Бэй, Новый Южный Уэльс

Лоцца вошла в комнату для совещаний, держа в руках кучу папок и кружку с тройным кофе. Была середина утра, и ей в лучшем случае удалось поспать не более одного часа. Они с Греггом и Корнеллом почти до утра оставались на месте преступления.

Атмосфера в комнате была хмурой, но пронизанной электрическими искрами предвкусения грядущих событий.

Корнелл занял место перед доской на стене. Привезли большой монитор. На столе перед ним лежал ноутбук. Грегг устроился рядом с Корнеллом, как ревностный домашний любимец. Джон Рэтклифф сидел за столом в углу; он присутствовал здесь в основном как наблюдатель. Инцидент произошел во время его дежурства и на его территории, но расследование возглавлял отдел убийств из полицейского командования штата.

— Спасибо, что присоединились к нам, старший констебль, — сказал Корнелл, когда Лоцца вошла в комнату.

Она кивнула, держа рот на замке. Обнаружив пустой стол у окна, она направилась туда, положила папки и сделала огромный глоток кофе.

В комнате также присутствовала сотрудница полиции в штатском, которую Лоцца не знала, высокий и тощий констебль «Хендж» Маркхэм и профессиональный серфер, констебль «Джиммо» Дафф с лицом Кевина Костнера и неотразимыми манерами для дам, которым нравилось его плотное телосложение. Команда Джервис-Бэй была небольшой, но сейчас она получила поддержку от уголовной полиции штата, включая группу криминалистических экспертов, дополнительных сотрудников отдела убийств из штаб-квартиры и техническое содействие подразделений по мошенничеству и киберпреступности. Корнелл мог по своему усмотрению уменьшать или наращивать свои ресурсы.

Корнелл подошел к доске и написал наверху «Ударная группа Абра»

— название, которое он присвоил расследованию убийства. Он постучал по ладони черным маркером и повернулся к собравшимся:

— Доброе утро. Поприветствуйте констебля Сибил Грант, следователя из отдела тяжких преступлений.

Сибил, полицейская в гражданской одежде, сурово кивнула.

Загорелое лицо, собранная и опрятная, темно-русые волосы собраны в хвостик. Она излучала впечатление опыта и профессионализма.

— Буду краток. Ситуация находится в развитии, и время является решающим фактором. Элли Крессуэлл-Смит опознала кольцо, найденное на трупе, как собственность ее мужа. Миссис Крессуэлл-Смит также произвела позитивную идентификацию тела по одной из наиболее щадящих фотографий, которые были показаны ей следователем Грант сегодня утром, незадолго до ее выписки из больницы. Аутопсия находится в процессе. Скорее всего, мы получим позитивную идентификацию ДНК, но в настоящее время исходим из предпосылки, что тело, обнаруженное в Агнес-Бэй, принадлежит Мартину Крессуэлл-Смиту.

— Где сейчас находится Элли? — спросила Лоцца. — Вы упомянули о ее выписке.

— Следователь Грант привезла ее сюда, в полицейский участок. Она задержана и ожидает допроса. Наши сотрудники находятся в ее доме в соответствии с ордером на обыск. Хотя дом не является местом преступления, у нас есть разрешение на изъятие компьютерной техники Мартина Крессуэлл-Смита и других средств коммуникации, которые мы сможем найти, для дальнейшего исследования.

Корнелл быстро изложил известные факты, включая отплытие четы Крессуэлл-Смитов на яхте и необъяснимое возвращение Элли.

— Явные и латентные отпечатки пальцев из заброшенного фермерского дома сейчас находятся в обработке, — сказал он. — То же самое касается биологических и других улик. Часы «Ролекс-Дейтона», которые, по словам миссис Крессуэлл-Смит, всегда носил ее муж, так и не были обнаружены. Мы также ищем мужчину с татуировкой на шее, который оставил в «Мопсе и свистке» посылку с контрабандными препаратами, адресованную миссис Крессуэлл-Смит. Пока что она является единственной подозреваемой, но мы исходим из возможности ее работы с сообщником.

— Это не было хладнокровным и обдуманном убийством, — сказал Грег. — Налицо явный перебор с количеством колотых ран. А багор, оставленный в его груди? Это выглядит как официальное заявление.

Лоцца внутренне закатила глаза. Этот зеленый юнец позировал перед

крупной шишкой из штаб-квартиры. Ей стало тошно, но она была вынуждена признать, что тоже прошла через это. Все они когда-то были новичками. Все хотели выделиться на общем фоне и произвести впечатление.

— Возможно, что сначала это было обдуманное действие, — сказала Сибил Грант. — Но потом эмоции одержали верх над рассудком, — она указала на изображение отрубленных пальцев на экране. — Отсечение пальцев похоже на пытку. Или на попытку насильственного извлечения информации. Точно так же, как стул с обрывками веревок, обнаруженный в заброшенном доме.

— Парень был испуган, — добавил Джиммо. — Он обоссался и обоссался.

— Возможно, он не выдал того, чего добивался захватчик, — вставила Лоцца. — Может быть, Мартин Крессуэлл-Смит отказался говорить, а его захватчик пришел в ярость и вышел из себя.

Корнелл уперся в нее взглядом. Лоцца мысленно выругалась. Она чувствовала его напоминание о том, что она может выйти из себя, что и случилось однажды в Сиднее. Разъяриться и прибегнуть к насилию.

— Итак, возникает вопрос, — сказал Грег. — Почему нужно было избавиться от тела под водой, да еще в такой манере? Если кто-то пытался спрятать тело, почему он оставил веревки, секатор и остальные улики в пустом доме?

— Возможно, что-то пошло не по плану? — предположил Хендж. — Например, его пришлось изменить прямо на ходу. Возможно, кто-то потревожил подозреваемого и сообщников, если они были, и они поспешно скрылись.

— У нас есть оценки времени смерти или пребывания тела в воде? — спросила Сибил.

— Предварительная оценка патологоанатома сводится к тому, что он был убит где-то ночью семнадцатого ноября. Тело пробыло в воде около суток. Эти илистые крабы работают очень быстро.

Лоцца знала, что это правда. Можно было оставить крупные рыбы головы в крабовой ловушке поздно вечером, а к утру они оказывались обглоданы дочиста.

Корнелл подал голос:

— Итак, между 5.40 утра 17 ноября, когда Крессуэлл-Смиты вышли в море на «Абракадабре», и 19.40 того же числа, когда соседка видела, как миссис Крессуэлл-Смит вошла в дом, она могла иметь окно возможности, — при условии, что оценка времени смерти окажется

неизменной.

— Она также могла принять наркотик и намеренно потерять сознание в качестве алиби, — предположил Грег. — Предполагаемая потеря памяти в таком случае является удобным инструментом. Только все пошло не так: она упала и ударилась головой.

— С другой стороны, она могла воспользоваться передозировкой, чтобы отвлечь внимание от себя при работе с сообщником, — сказал Хендж. — Такая женщина — наследница с тоннами денег... В общем, такие люди предпочитают нанимать других для грязной работы.

— Возможно, того самого мотоциклиста, — предположил Грег.

Лоцца крутила в голове разные кусочки головоломки, но не получала ничего ценного на выходе. Пока что она предпочитала держаться подальше от Корнелла с его застарелой враждой. Если у него будет шанс, он использует его против нее.

— Ну, ладно, — сказал Корнелл. — Перейдем к распределению обязанностей. Следователь Грант, вы специалист по виктимологии^[20]. Нам нужно все, что можно найти о Мартине Крессуэлл-Смите: кем он был, чем занимался, откуда он родом, кто его друзья и родственники, каковы его убеждения, кто его враги и чем он занимался до приезда в Австралию. Любые сведения о нарушении закона.

— Принято, сэр, — сказала Сибил.

— Констебли Маркхэм и Дафф, новички, на вашем попечении. Констебли Бьянки и Эббот, поскольку вы уже общались с его женой, я хочу, чтобы вы провели первичный допрос Элли Крессуэлл-Смит.

От внимания Лоццы не ускользнуло, что Корнелл не назвал ее «старшим констеблем». Этот тип был настоящей занозой в заднице.

— Сегодня утром, когда следователь Грант привезла сюда из больницы миссис Крессуэлл-Смит, она узнала, что миссис Крессуэлл-Смит забронировала место на рейс из Моруи, отбывший вчера вечером. Она пропустила его, так как находилась в больнице. Миссис Крессуэлл-Смит ясно дала понять, что она намерена купить другой билет и как можно скорее улететь в Канаду. Поэтому придумайте способ удержать ее здесь. Она наш ключевой свидетель или подозреваемый, и я не хочу терять связь с ней, — он сделал паузу. — Вопросы?

Вопросов не было.

— Тогда приступайте, — сказал Корнелл. — Мы разместили фотографии пропавших часов «Ролекс-Дейтона» Мартина Крессуэлл-Смита в СМИ и в нашем внутреннем циркуляре. Хотите верьте, хотите нет, но они стоят семьдесят тысяч долларов. Я хочу знать, если кто-то

попытается сбыть их с рук. У нас также есть регистрационные документы и корпусной номер «Абракадабры», плюс фотографии сходных моделей. Если кто-то попытается продать яхту с таким номером, я хочу знать об этом. Кроме того, у нас есть ориентировка на этого человека, — он постучал цанговым карандашом по изображению лысого мужчины с татуировкой на шее. — Кто он такой? Как он связан с Элли Крессуэлл-Смит? Как они оба связаны с подпольным рынком рецептурных препаратов? Почему он открыто оставил этот пакет в «Пагго» и написал на нем имя Элли?

Он обвел взглядом присутствующих в комнате.

— Вечером мы встретимся здесь для подачи отчетов. Часы тикают. Добудьте мне что-нибудь ценное.

Раньше Лоцца

— Спасибо, что пришли, — сказала Лоцца, усаживаясь за стол напротив Элли. Грег занял место на стуле слева от нее. — Как вы себя чувствуете?

Женщина выглядела слабой. Она исхудала и была очень бледной. Под ее глазами залегли темные круги, голова по-прежнему была перевязана. Лоцца задавалась вопросом, правильно ли они поступили, когда привезли ее сюда прямо из больницы.

Элли на мгновение встретилась с ней взглядом, потом покосилась на камеру в углу потолка. Как и Лоцца, она знала, что за ними наблюдают. Она ощущала на себе взгляд Корнелла.

— Если хотите знать, я больше ничего не помню, — сказала Элли. — И я не приходила; меня привезли сюда.

Оборонительная позиция.

Лоцца кивнула Грегу, и он нажал кнопку записи.

— Допрос Элли Крессуэлл-Смит, 19 ноября, 11.02, проведенный в Джервис-Бэй старшим констеблем Лорел Бьянки в присутствии констебля Грега Эббота.

Она продиктовала номера их полицейских жетонов.

— Мне очень жаль, что так произошло с вашим мужем, Элли, — тихо сказала Лоцца. — Насколько я понимаю, вы дали положительное опознание по фотографиям.

Элли кивнула.

— Вы можете дать нам некоторые ответы для записи?

— Да, — Элли снова покосилась на камеру.

— Мы все еще ожидаем результаты анализа ДНК...

— Это он. Я знаю, что это он.

Лоцца удержала ее взгляд.

— Вы говорите очень уверенно.

Элли сглотнула; кончик ее носа порозовел.

— Я могу судить по фотографиям. Теперь у меня нет сомнений.

Лоцца кивнула.

— Хорошо. Вы понимаете, что нам необходимо задать вам несколько вопросов для расследования того, что случилось с вашим мужем?

— Да.

— У вас есть представление о том, что могло произойти? — спросила Лоцца.

— В больнице я уже рассказала вам все, что знаю. Я не выходила в море на яхте вместе с ним.

— Но у нас есть несколько свидетелей, которые это видели, Элли. Включая констебля Эббота, который находится здесь. Он видел вас в подозрную трубу.

Ее взгляд метнулся к Грегу. На его щеке дернулась мышца.

— Давайте начнем с воспоминаний о преждевременном возвращении вашего мужа из Сиднея, хорошо? Почему он вернулся так рано?

— Не знаю. Я не помню, говорил ли он об этом.

— Вы не могли позвонить ему и попросить вернуться домой?

— С какой стати? Я уже собрала вещи и готовилась к отъезду. У меня был билет на самолет. Я хотела уехать до его возвращения.

— Значит, сейчас вы помните об этом?

Она нервно сглотнула, но взяла себя в руки.

— Я... думаю, да. Должно быть, какие-то фрагменты возвращаются.

— Почему вы хотели уехать?

— Он имел роман с другой женщиной. Я получила доказательства. Я боялась открыто бросить ему вызов, потому что он мог прийти в ярость. Я также пришла к выводу, что он мошенник. Он украл все деньги, которые я вложила в наш брак. Я... — Ее голос пресекся, и она замолчала. На ее скулах появились два красных пятна.

— Что он делал в Сиднее? — спросила Лоцца.

— Спал со своей любовницей и готовился бежать из страны с моими деньгами... черт его знает. Я планировала уладить все юридические проблемы у себя дома, в Канаде.

Лоцца внимательно посмотрела на нее.

— А его любовницу звали...

— Пожалуйста, не принимайте меня за дурачку. Пока мы говорим, ваши сотрудники обыскивают мой дом. Вероятно, вы уже нашли фотографии моего мужа и Рабз, которые находились в моей студии. Я уверена, что вы уже допросили ее и всех, кто знал меня и Мартина, а также всех, кто видел, как наша яхта выходит в море. И мою соседку. Чего еще вы хотите от меня? Я... я же не *подозреваемая*, верно?

— Нам нужно рассмотреть некоторые основные моменты, Элли, — Лоцца раскрыла папку и достала несколько фотографий, сделанных на месте преступления. — Вы узнаете эти вещи?

Она подтолкнула к Элли фотографии синей ветровки и бейсбольной кепки, заляпанной кровью.

— Да, это мои вещи. На них кровь.

— Кровь?

— Главным образом, это кровь Мартина. И частично моя. Это произошло, когда я порезала его.

Лоцца моргнула.

— Вы признаете, что порезали вашего мужа?

— Когда мы вышли в море на «Абракадабре», сразу же после моего приезда в Джервис-Бэй, я промахнулась ножом и случайно порезала Мартина. Я носила эту ветровку и кепку. Потом я оставила их в гараже. Спросите любого, кто в тот день был на причале. Мартин засадил себе рыболовный крючок в шею, я пыталась обрезать леску, и... Мы оба были в крови. Наблюдатели на утесе видели, как мы вернулись обратно. Мартин поехал в больницу, так что врачи тоже знают об этом. Вероятно, вы также найдете мои отпечатки на рыбацком ноже и багре, потому что в тот день я хваталась за них окровавленными руками.

— Откуда вы знаете про багор?

— Он был на одной из фотографий, которые мне показывала следователь Сибил Грант для опознания тела.

Лоцца подалась вперед.

— Элли, каким образом ваша ветровка и кепка могли оказаться в заброшенном фермерском доме на Агнес-Ривер?

— Не знаю.

— Вы носили их, когда вас видели с Мартином на «Абракадабре» семнадцатого ноября.

— Я... я больше не выходила с ним в море. Я не стала бы этого делать.

— Я же сказала: есть несколько свидетелей, включая мистер Эббота.

— Ну, тогда я не помню об этом. И я действительно не могу понять, как и почему я могла снова выйти в море вместе с ним. Я ненавидела эту яхту. После первого инцидента я перепугалась до полусмерти. Мартин *хотел* запугать меня. И это ему удалось.

— У вас есть соображения, *каким образом* ваша ветровка и бейсболка с кровью Мартина и вашей кровью оказались в заброшенном доме на мангровом болоте в Агнес-Бэзин, где убили Мартина? — медленно и раздельно спросила Лоцца.

— Понятия не имею.

— Вы когда-нибудь были в этом заброшенном доме, Элли? — поинтересовался Грег.

Она нервно покосилась на него.

— Не знаю. Может быть.

— Может быть? — повторила Лоцца.

Элли глубоко вздохнула.

— В тот день, когда я приехала в Джервис-Бэй, Мартин отвез меня к реке. Мы поплыли на «Абракадабре» в Агнес-Бэзин и поднялись по каналу. Мы взяли с собой ленч и вино, а потом... потом я отключилась на борту яхты. Оглядываясь назад, я думаю, что он мог подсыпать что-то мне в вино или в воду. Возможно, даже в сидр, который он дал мне сразу после посадки самолета, поскольку у меня регулярно случались провалы в памяти. Я считаю, что он травил меня и пытался свести меня с ума или сделать так, чтобы я чувствовала себя сумасшедшей. Тогда мое опьянение или передозировка казались бы нормальным явлением. А потом он получил бы деньги по страховке, оформленной без моего ведома, и забрал бы все, что я вложила в «Агнес Холдингс».

Лоцца поцелкала шариковой ручкой.

— Хорошо. Давайте вернемся к тому дню, когда Мартин отвез вас посмотреть на канал. Вы где-то пришвартовались, верно?

— Возле причала. Там была тропинка к заброшенному дому, но об этом я узнала от него. Мы устроили ленч на борту яхты, и я потеряла сознание, и потом, когда я очнулась на полу яхты, уже начинало темнеть. Мартин был в ярости. Он принес с собой протестные плакаты, которые, по его словам, он обнаружил в том старом доме. Он сказал, что «зеленые» нарушили границы нашей частной собственности.

Она снова посмотрела на камеру, и у Лоццы возникло ощущение, что Элли играет на публику. Возможно, она разыгрывает их. Слова Рабз просочились в ее сознание.

«Такие женщины наиболее опасны, когда чувствуют себя преданными или несправедливо обиженными, поскольку вы меньше всего ожидаете этого. Они могут быть смертельно опасными».

— До тех пор я ни разу не видела Мартина таким рассерженным. Он сказал мне, что если эти «зеленые» попадутся ему в руки, то... — Элли побледнела, пытаясь что-то вспомнить. — Он сказал: «Я порву этих мудаков на куски, порежу их ножом. Воткну в них мой багор и оставлю истекать кровью, на пищу илистым крабам».

Грег и Лоцца уставились на нее. Воздух в комнате как будто загустел и потрескивал от разрядов невидимой энергии.

— Вы помните это, но не можете вспомнить, ходили ли вы по этой тропинке и были ли в старом фермерском доме вместе с Мартином? —

очень тихо спросила Лоцца.

Элли сглотнула.

— Я не просто упала в обморок, детектив; я полностью отключилась. В этом помраченном состоянии я могу что-то делать, но потом не знаю, что я сделала. У меня не остается воспоминаний, поскольку события во время таких припадков не откладываются в моем мозге. Мой лечащий врач однажды рассказал мне об этом. Я отключилась на яхте, потом очнулась на полу: это все, что я помню. А потом пришел Мартин и сказал все эти вещи. Это потрясло меня... только подумать, что мужчина, за которого я вышла, мог оказаться таким омерзительным. До тех пор в наших отношениях я почти не замечала эту безобразную черту в характере Мартина. В Канаде он был одним человеком, но в Австралии оказался совсем другим. Как будто он подцепил меня на крючок и ему больше не нужно было изображать приличного человека.

— Ваш врач рассказал вам о помраченном сознании? — спросил Грег.

— Мой психотерапевт.

— Почему вы ходили к психотерапевту? — спросила Лоцца.

— Я могу сказать, что это личная и конфиденциальная информация. Я также могу сказать: это произошло потому, что моя дочь утонула в трехлетнем возрасте и я не могла справиться с горем. Оно убивало меня, и я боролась с ним... разными неправильными и вредными способами, — она плотно сжала губы, и ее глаза заблестели. — Послушайте, я понимаю, что вы собираетесь раскопать всю мою жизнь и выяснить всякие ужасные вещи обо мне, которые будут преследовать меня до конца моих дней. Например, как я подверглась принудительной госпитализации. Так вот что я могу сказать. Горе и чувство утраты могут свести вас с ума или довести до самоубийства. Но я не убивала моего мужа. А теперь я хотела бы уйти.

Лоцца какое-то мгновение смотрела на Элли, вспоминая слова Рабз.

«Вы знаете о подозрениях полиции на Гавайях, что она утопила свою трехлетнюю дочь во время купания в бухте Ваймеа? ... Элли заплывала с ней в такое место, где были большие волны».

— Элли, — Лоцца наклонилась над столом. — Мы можем вернуться к одежде, которую вы носили во время первого выхода в море на «Абракадабре», — к той самой одежде, на которую попала кровь? Значит, вы оставили ее в гараже?

Элли поерзала на стуле и шмыгнула носом.

— Да.

— И вы не знаете, как эта куртка и кепка оказались в Агнес-Бэзин?

— Нет. Я оставила их в гараже вместе со спортивными туфлями и

холщовыми штанами с передними карманами. Типа брюк-карго.

Лоцца сделала мысленную пометку узнать насчет штанов и туфель.

— И я не знаю, что с ними произошло и как они оказались в том месте.

Лоцца поскребла подбородок.

— Значит, кровь на...

— Она моя. И Мартина. *Я же сказала!*

Красные пятна на ее скулах стали пунцовыми. Атмосфера в комнате стала более нервной и накаленной.

— Значит, есть шанс, что вы посетили заброшенный дом вскоре после прибытия в Джервис-Бэй, но вы просто не помните об этом? — уточнила Лоцца.

— Да, это верно. Я могла это сделать. Я не помню ничего такого, но это возможно.

Лоцца мысленно выругалась. До сих пор Элли просто разрушала любое потенциальное обвинение, которое можно было выдвинуть против нее. Если она побывала на месте убийства, внутри старого дома, то могла утверждать, что любые следы ДНК или отпечатки пальцев, волосы или ткани, обнаруженные там, могли быть оставлены значительно раньше. То же самое относилось к инциденту с ножом на яхте. Она имела защитные аргументы.

Лоцца показала ей еще две фотографии: рыбный нож и багор с названием яхты.

— Вы узнаете их?

Элли придвинула фотографии ближе к себе.

— Да, я держала этот нож, когда пыталась обрезать леску после того, как крючок отлетел и вонзился Мартину в шею. А это багор, который я передала ему.

— Значит, вы точно прикасались к этому ножу и к багру?

— Да, как я и сказала. Когда я старалась отрезать леску от спиннинга Мартина, который полетел за борт, яхту качнуло. Я поскользнулась и порезала ему руку и тыльную сторону моей ладони.

— А это вы узнаете? — Лоцца показала Элли следующую фотографию с места преступления.

— Это похоже на канат с «Абракадабры». Такая же расцветка, как у булиня, который Мартин заставил меня держать перед выходом в море, чтобы выровнять яхту на реке. Он обжег мне ладони.

Лоцца глубоко вздохнула. Это означало, что любые следы ДНК, принадлежащие Элли и обнаруженные на веревках с места преступления, тоже могли быть оставлены раньше. Превосходный аргумент для защиты.

Прокурор определенно будет недоволен. Лоцца разглядывала Элли, и зловещее ощущение розыгрыша только усиливалось. Была ли эта женщина такой же ловкой обманщицей, как и ее муж, которого она выставляла в самом неприглядном свете? Имела ли право на существование невероятная возможность, что она с первого же дня разработала хитроумный сценарий, компрометирующий любые улики, которые полицейские впоследствии могли обнаружить на месте преступления? У Лоццы возникло ощущение, что она присутствует не на допросе Элли Крессуэлл-Смит, а на выступлении Элли, излагающей сценарий своей будущей защиты. Потом пришла еще более темная мысль: могла ли Элли подстроить свое купание вместе с ней и Майей в тот вечер? Возможно, она по какой-то причине хотела, чтобы Лоцца увидела ее синяки, потом встретила ее мужа и прониклась сочувствием к ней. Могло ли это быть частью сценария?

Лоцца еще раз показала Элли фотографию лысого мужчины с татуировкой на шее. Элли опять заявила, что ничего не знает о нем или о пакете с контрабандными препаратами.

— Теперь мне хотелось бы уйти, — заявила она.

— Еще несколько вопросов, — сказала Лоцца. — Кем был частный сыщик, которого вы наняли, чтобы получить фотографии Мартина с Боди Рабинович?

— Послушайте, я на самом деле устала. Я плохо себя чувствую. Мне нужно купить билет на самолет и улететь домой.

Элли отодвинула свой стул от стола.

— Пожалуйста, не вставайте, Элли.

— Вы не можете заставить меня, Лоцца. Я знаю свои права. Если вы хотите задержать меня и задавать новые вопросы, то вам придется арестовать меня и встретиться с моими адвокатами. Я проявила готовность к сотрудничеству, как только могла, и сейчас я нахожусь в очень неприятном положении с кучей проблем, оставшихся от Мартина. Мне нужно быть дома, в Канаде, чтобы организовать работу юридической группы и постараться вернуть украденное.

Лоцца втянула воздух сквозь зубы, оценивая ее слова.

— Отлично, — сказала она.

— Что — отлично?

— Отлично, вы можете идти.

Элли помедлила, потом встала и направилась к двери. Она взялась за дверную ручку, но помедлила и повернулась к Лоцце и Грегу.

— За нами кто-то следил из автомобиля, — сказала она. — Я заметила это вскоре после того, как приехала в Джервис-Бэй.

Лоцца и Грег обменялись взглядом.

— Что за автомобиль? — спросила Лоцца.

— Коричневая «Тойота Королла», — ответила Элли. — У нее вмятина в задней части кузова и квинслендские номерные таблички. Я запомнила последние три буквы на табличке, потому что они звучат как «джин»: GIN.

Сердце Лоццы учащенно забилось.

— Вы уверены, что автомобиль был зарегистрирован в Квинсленде?

— Да. Я даже указала на него Мартину, и он как будто забеспокоился, когда увидел это.

— Он знал, кто находился в автомобиле?

— Нет. Он сказал, что это распространенная модель и окраска, и предположил, что, наверное, я просто видела разные автомобили. Но могу точно сказать, что он был озабочен этим обстоятельством.

Она распахнула дверь и вышла из комнаты. Повинуясь внезапному побуждению, Лоцца последовала за ней на улицу.

— Элли! — окликнула она.

Женщина обернулась. Солнечный свет засиял на ее темных волосах, доходивших до пояса.

Лоцца подошла к ней и вручила Элли свою визитную карточку.

— Если вернутся еще какие-то воспоминания, прошу вас, позвоните мне, — тихо сказала она. — Никакие мелочи не могут быть несущественными.

Элли окинула ее взглядом. Воспоминания об их совместном купании в прибое забрезжили между ними. Элли неуверенно посмотрела на карточку.

— Я вижу, что вы испуганы, Элли. Мне известно, что Мартин бил вас. И я понимаю, что такое стыд и смятение, когда человек злоупотребляет вещами.

Большие синие глаза Элли заблестели от слез, и Лоцца почувствовала, что она собирается что-то сказать. Но она удержалась от этого. Эта женщина была либо крайне одинокой, либо очень умной и опасной. Лоцца хотела дать ей возможность раскрыться. Как угодно, пусть даже в стиле «хороший коп/плохой коп». Сейчас она играла роль «хорошего копа».

— Если снова увидите тот автомобиль, дайте мне знать, хорошо?

Элли кивнула, повернулась и пошла по улице. Лоцца смотрела ей вслед до тех пор, пока она не скрылась за углом.

Она повернулась, собираясь вернуться в участок, и замерла на месте. Потом подняла голову. У окна наверху стоял Корнелл и следил за ней.

Раньше

Элли

Я вошла в дом в сопровождении Уиллоу, которая привезла меня домой после визита в турагентство, где я приобрела новый авиабилет в Канаду. Оттуда я позвонила Уиллоу. После полицейского допроса с пристрастием я совсем ослабела и чувствовала себя испуганной и одинокой. Я нуждалась в ее обществе. Копы сообщили, что я могу вернуться в свой дом; он не был местом преступления. Они все сфотографировали, забрали компьютерную технику Мартина, папки и документы из его рабочего кабинета. Ящики были открыты, вещи разбросаны по полу.

Я стояла и осматривалась вокруг с сильно бьющимся сердцем.

Дверь его кабинета была взломана. Я почувствовала комок желчи, подступающий к горлу. По крайней мере, я скопировала все необходимое. Медленно, как во сне, я вошла в гостиную и села.

— Принести что-нибудь попить или поесть? — спросила Уиллоу, положившая свою сумочку на кухонную столешницу возле того места, где Мартин изнасиловал меня. Она озабоченно хмурилась.

— Спасибо, я выпью воды.

Она принесла мне стакан. Я пригубила воду из дрожащей руки. В моей голове проносились разрозненные фрагменты неясных воспоминаний.

— Я могу остаться на какое-то время, — предложила Уиллоу. — Могу даже переночевать здесь и остаться до твоего отъезда, если хочешь.

Я замерла, когда увидела пустое место на стене.

— Часы...

— Что?

— Они забрали часы, — я поставила стакан, поднялась на ноги и направилась к раздвижной стеклянной двери.

— Элли, куда ты?

Я резко распахнула дверь и пошла через лужайку к моей студии. Уиллоу поспешила за мной.

Я вошла в студию и застыла, как вкопанная.

Часы, висевшие в студии, тоже исчезли. Я развернулась к Уиллоу:

— Почему полицейские забрали настенные часы?

— Я... не имею представления.

— Здесь были часы, — я указала пальцем. — Точно такие же, как в

гостиной. Теперь их нет.

Уиллоу смотрела на меня, как на сумасшедшую.

У меня пересохло во рту. Я обвела взглядом остальную часть комнаты и снова замерла. Они также забрали фотографию Даны, которую я вставила в рамку. Сделанную в тот вечер, когда я познакомилась с Мартином.

Я вышла из студии и зашагала обратно к дому. Меня бросило в пот.

— Элли! — Уиллоу поравнялась со мной. — Просто успокойся. А потом, когда...

Я развернулась на каблуках, едва не столкнувшись с ней.

— Успокоиться? Мой муж жестоко убит, а меня хотят выставить как подозреваемую. И я ничего не могу вспомнить. С какой стати я должна успокоиться, Уиллоу? Почему?

— Я лишь говорю...

— Я прошу тебя уйти. Пожалуйста. Спасибо, что подвезла меня, спасибо за всю твою помощь. Я правда ценю это, но сейчас мне нужно побыть одной.

Уиллоу неуверенно кивнула.

— Хорошо... хорошо... — Она пошла за своей сумочкой, немного поколебалась и сказала: — Если я тебе понадоблюсь, просто позвони, ладно?

Я кивнула. Я вся дрожала изнутри, чувствовала себя ошеломленной и опустошенной.

Уиллоу направилась к двери. Я подождала, пока она не ушла, потом достала визитную карточку Лоццы. Там были номера ее рабочего и мобильного телефонов. Я позвонила на мобильный.

Она сняла трубку после первого гудка.

— Бьянки слушает.

— Это Элли. Скажите, почему вы забрали все настенные часы и фотографию в рамке из моей студии?

Лоцца попросила меня оставаться на линии, пока она будет проверять. Я расхаживала взад-вперед, и ужасные осколки воспоминаний вонзались в мой мозг. Мартин хватает меня за волосы. Колотит и пинает меня...

— Элли?

— Я здесь, — напряженно отозвалась я.

— Опись показывает, что при обыске наши сотрудники не изымали никаких часов или фотографий. Ордер на обыск предусматривал только компьютерное оборудование, папки, документы и коммуникационные устройства.

Я повесила трубку и уперлась взглядом в стену, где раньше находились

часы. Кровь громко стучала у меня в ушах.

Раньше Лоцца

20 ноября, более одного года назад.

Джервис-Бэй, Новый Южный Уэльс

Лоцца ворочалась в своей постели. Она широко распахнула окна, и море снаружи плескалось и вздыхало под луной. Она арендовала дом на пляже на менее фешенебельной стороне Бонни-Ривер. Дом был обветшавшим, сколоченным из вагонки с облупившейся краской, и зимой там бывало очень холодно. Но там имелась комната с отдельным санузлом для ее матери, а возможность жить вместе с матерью, приехавшей в Джервис-Бэй, в значительной мере повлияла на решение комиссии, которая позволила ей удочерить Майю. Эта договоренность оказалась полезной и для матери Лоццы. Она овдовела, и занятия с Майей дали ей новый импульс к жизни.

Лоцца взбила подушку и легла обратно. Жара была густой и влажной. Она поздно вернулась домой, и ей предстояло выехать на работу с раннего утра, но ее мозг автоматически перебаривал подробности текущего дела. Ее мысли вернулись к Элли и к тому, каково это — потерять собственную дочь. Она думала о матери Майи, убитой ее жестоким отцом. И о том, как она сама ошиблась, когда попыталась арестовать его, пока Майя, тогда трехлетняя девочка, как и дочь Элли, пряталась под кроватью.

Агрессивная реакция Лоццы в тот день едва не обошлась ей в потерю всего самого ценного в жизни.

Но она сражалась за Майю, когда никто другой не пожелал забрать ребенка к себе. А когда отец Майи умер в тюрьме, она получила все, чего хотела.

Лоцца перевернулась на бок. Красные люминесцентные цифры на ее будильнике показывали 3.25 утра. Она снова взбила подушку. Дело казалось совершенно необъяснимым, почти бессмысленным.

Ее мобильный телефон зазвонил. Лоцца снова посмотрела на часы: 3.50 утра. Она потянулась к телефону и приняла вызов.

— Лоцца? Это Элли.

Она резко села в темноте.

— Элли?

— Я... мне нужна помощь. Нужно поговорить с вами.

— *Сейчас?* Вы знаете, сколько времени?

— Это срочно. Насчет той пропавшей фотографии в рамке.

Лоцца нахмурилась и снова взглянула на часы.

— Вы принимали таблетки, Элли? Вы пили спиртное?

— Черт возьми, Лоцца, послушайте меня! Я позвонила Дане, моей подруге из Ванкувера. На той фотографии она была рядом со мной. Что-то насчет этой фотографии беспокоило меня еще до того, как она исчезла. А когда она пропала, я вся извелась от тревоги. Поэтому я позвонила Дане; в Ванкувере почти одиннадцать вечера, но все еще вчерашний день...

Лоцца слышала какой-то шум за голосом Элли, как будто работал принтер. Шорох бумаги.

— Я спросила Дану, остались ли у нее цифровые копии на смартфоне, — снова какой-то шум. — Да, остались, даже несколько штук. Она только что переслала их мне, и...

Молчание.

— Элли?

— О, черт, — прошептала Элли. — Вот дерьмо! — Лоцца услышала движение. — К дому подъехал автомобиль! Я...

Неразборчивые звуки. Элли перемещалась по дому?

Лоцца спустила ноги с кровати и потянулась за брюками.

— Господи! На помощь! Я должна выбраться из... — Лоцца услышала стук упавшего телефона, затем пронзительный крик, треск и тошнотворный глухой звук удара, как будто чье-то тело с размаху врезалось в стену.

Лоцца уже надела футболку. Надев брюки, она поспешила к двери с телефоном, прижатым к уху.

— Где вы, Элли? Что происходит?

Снова глухие удары. Лязг разбитого стекла. Неразборчивые звуки.

Лоцца нашла туфли, достала оружие из сейфа, проверила и зарядила его, сунула в кобуру и поспешила к автомобилю, по-прежнему прижимая телефон к уху. Больше она ничего не услышала.

Скользнув на сиденье, она завела двигатель, поставила телефон на громкую связь и положила его в держатель для кружек. Она набрала скорость и поехала по мосту над рекой. Оттуда она резко свернула на Бонни-Ривер-Драйв. Кенгуру с неестественно блестящими глазами замер посреди дороги. Она вывернула руль и обогнула животное, проклиная свое

сильно бьющееся сердце. Она не имела понятия, позвонила ли Элли из своего дома, но, судя по звуку работавшего принтера, так оно и было. Возможно, она снова подседа на таблетки и потеряла сознание. Но звуки свидетельствовали о том, что произошло нечто гораздо худшее.

Суд по делу об убийстве

Февраль, наше время.

Верховный суд Нового Южного Уэльса

Женщина с густыми каштановыми волосами занимает свидетельское место.

Я отлично знаю, кто она такая.

Ее показания обратят свидетелей против меня. Мое сердце бьется быстро. Команда Лоррингтона выглядит напряженной. Из-за этой женщины полицейские явились ко мне в защитной броне. Лоррингтону придется работать с особым усердием, чтобы отразить этот удар по корпусу.

— Будьте добры, огласите ваше полное имя и место проживания для суда, — просит мисс Коникова, государственный прокурор с птичьим лицом.

— Дана Бэйнбридж. Я живу в Ванкувере, Канада, штат Британская Колумбия.

Присяжные начинают ерзать на своих местах. Некоторые выпрямляют спину. Я вижу, как то же самое происходит на судебной галерке. Все готовы к кульминации процесса. Все полностью вооружились для битвы между конфликтующими показаниями. Они готовы к концу.

— Мисс Бэйнбридж, — говорит Коникова, — вы помните телефонный звонок около одиннадцати вечера по вancouverскому времени, поступивший к вам девятнадцатого ноября, немногим более года назад?

Дана наклоняется к микрофону.

— Да, я помню.

— Это произошло давно; почему вы запомнили этот конкретный звонок?

Я чувствовала, что внимание Даны приковано ко мне. Возможно, ей, как и другим, посоветовали не смотреть в мою сторону. И она не смотрела. Ее взгляд твердо устремлен на прокурора. Она откашливается и говорит:

— Потому что мне позвонила она... Элли. И это застряло у меня в голове, потому что там, где она находилась, было около четырех часов утра. Я подумала, что она в беде, и это встряхнуло меня.

— Чего она хотела?

— Она спросила, помню ли я нашу фотографию, сделанную барменом в «Малларде» на юбилее ее отца.

— Что такое «Маллард»?

— Это лаунж-бар в отеле «Хартли Плаза» на набережной Ванкувера. Отель назван в честь ее отца; это один из его строительных проектов.

— И что происходило в «Хартли Плаза», когда вы находились там?

— Конференция «Агора». Это ежегодное мероприятие, устраиваемое «Группой компаний Хартли», концерном отца Элли.

Меня тошнит. Я напряженно смотрю на профиль Лоррингтона. Он плотно сжимает зубы; ему понятно, что будет дальше.

— Что такое конференция «Агора»?

Дана нервничает. Дрожащей рукой она берет стакан с водой, отпивает глоток и отвечает:

— Элли говорила об этом, как об «инкубаторе» или о способе скоростной службы знакомств между инвесторами и людьми, нуждающимися в средствах для развития разных проектов, в основном в сфере недвижимости и строительства.

Прокурор сверяется со своими записями.

— И клиенты лаунж-бара «Маллард» в тот вечер, они тоже принимали участие в конференции «Агора»?

— Во всяком случае, многие из них. Деловые костюмы, именные таблички участников, и так далее.

— Значит, все эти люди были жадными до денег?

— Возражаю, — Лоррингтон встает с места. — Это наводящий вопрос.

— Я перефразирую его, — говорит Конилова. — В чем заключалась основная цель постояльцев отеля, принимавших участие в конференции?

— Да, этим людям нужны были деньги. Ссуды или инвестиции с целью получения прибыли в будущем.

— А почему вы с Элли оказались там?

Она снова кашляет и пьет воду.

— У Элли состоялся непростой разговор с ее отцом за ужином, когда я позвонила ей. Она предложила мне приехать туда, и я была рада присоединиться к ней. Мы встретились в «Малларде», где она ужинала, и еще как следует выпили. Потом мы попросили бармена сфотографировать нас вдвоем.

— Это одна из фотографий, мисс Бэйнбридж?

На экране возникает фотография, выставленная на всеобщее

обозрение. Десятикратно увеличенная и обработанная для большей резкости. Я глубоко дышу. Я чувствую, как моя грудь вздымается и опадает, но мне все равно не хватает воздуха.

— Да, — говорит Дана.

Я чувствую приближение решающего момента. Он назревает. Обвожу взглядом помещение суда. Мне нужно как-то выбраться отсюда.

— Можете ли вы сказать председателю суда, кто изображен на этой фотографии, мисс Бэйнбридж?

— Это я, а это Элли.

— Есть ли на заднем плане кто-либо среди других людей, кого вы тоже можете опознать?

— Да. Я знаю человека, который стоит за спиной Элли.

У меня бегут мурашки по коже головы. Чем сильнее я стараюсь контролировать дыхание, тем чаще дышу. У меня наступает гипервентиляция.

— Этот человек сейчас находится в зале суда?

— Да, мэм.

— Мисс Бэйнбридж, вы можете указать на этого человека?

Она указывает.

Раньше

Лоцца

Лоцца пронеслась в Бонни-Ривер-Роуд и со скрежетом затормозила возле дома Крессуэлл-Смитов. Внутри горел яркий свет. Парадная дверь стояла нараспашку.

К ней бежала женщина из соседнего дома, в ночной рубашке и с мобильным телефоном в руке.

— Слава богу, что вы уже здесь; я вызвала полицию и скорую! Он забрал ее! Я видела, как это было! Он запихнул ее в свой автомобиль.

— Кто забрал ее? Что здесь произошло? — Лоцца слышала приближающийся звук сирен. Скорая помощь находилась на подходе. Другие сирены приближались с противоположной стороны.

— Я... я не знала, что еще можно сделать, — прорыдала женщина.

Лоцца взяла пожилую соседку за плечи, заглянула ей в глаза и спокойно сказала:

— Расскажите, что здесь случилось. С начала до конца.

— Там был... крик. Ужасный крик. Он разбудил меня; я спала с открытыми окнами из-за жары. Самый жуткий звук, какой мне приходилось слышать. Я выглянула в окно. Там... вон там, на дорожке, стоял автомобиль, — она указала на соседнюю подъездную дорожку. — Двери со стороны водителя и пассажира были распахнуты, двигатель работал. Потом я услышала грохот и звуки ударов. Потом он вышел наружу, волоча за собой что-то тяжелое, — она содрогнулась и плотно обхватила себя руками, не выпуская мобильный телефон. — Это было похоже на тело. Он завернул его в одеяло и обвязал веревкой. Думаю, это была она — жена Крессуэлл-Смита. Ему было трудно запихнуть ее на заднее сиденье автомобиля. Когда я осознала, что происходит, то побежала вниз, где лежал мой телефон. Я не могла... — она смахнула слезы. — О господи, сначала я не могла его найти. Но потом нашла. Он застрял между диванными подушками. Я набрала тройной ноль, но когда снова подошла к окну, автомобиль уже выезжал на дорогу задним ходом.

— Вы смогли разглядеть нападавшего?

— Он был одет в черное и носил вязаный шлем с прорезью для глаз.

— Что вы можете сказать об автомобиле?

— Коричневый. Вроде бы он был коричневого цвета.

— Седан, хэтчбек, пикап с открытым кузовом?

— Седан. Один из этих... этих...

— Это была «Тойота Королла»?

— Да. Думаю, это была она.

— Вы видели номерную табличку?

Она покачала головой.

— В какую сторону он поехал?

— Направо, — она показала. — Он сразу набрал скорость; я слышала, как гравий полетел из-под покрышек.

Сирены завывали громче. Лоцца лихорадочно размышляла. Бонни-Ривер-Роуд была изогнута в форме полумесяца. Поездка на север или на юг должна была вывести водителя на Принцесс-Хайвэй — единственную дорогу, тянущуюся вдоль этой части побережья. Если нападавший повернул на север здесь, на Бонни-Ривер-Роуд, то, скорее всего, он собирался отправиться на север от пересечения Принцесс-Хайвэй с магистральным шоссе А1.

Она подбежала к своему автомобилю и забралась внутрь. Прежде всего, нужно было связаться с дорожным патрулем. Тяжело дыша, Лоцца набрала номер полицейского участка в соседнем округе, где было больше сотрудников и патрульных, находившихся на ночном дежурстве. Подключив телефон к системе внешней связи, она сделала U-образный поворот на Бонни-Ривер-Роуд и дала полный газ.

Пока Лоцца ехала к автостраде, она объяснила диспетчеру ситуацию и назвала свое имя и звание.

— Я веду преследование и направляюсь на север в сторону А1. Если я увижу автомобиль, то доложу об этом.

Это была авантюра. «Тойота Королла» вполне могла повернуть на юг. Или свернуть на боковую дорогу перед А1 и затаиться в тихом районе. Но интуиция подсказывала ей, что похититель захочет убраться подальше от места преступления. Ему не повезло, что соседка Крессуэлл-Смитов оказалась такой любопытной, иначе он был бы уже вне досягаемости.

Лоцца выехала на автостраду. Она до упора вдавила педаль газа и отчаянно вильнула в сторону, объезжая трех кенгуру, проскакавших через дорогу и исчезнувших в эвкалиптовом лесу. Какое-то мгновение она находилась на волосок от гибели. Пот выступил у нее на лбу, когда она подумала о Майе и о тех причинах, по которым она покинула отдел убийств в большом городе. Массивный тягач, ехавший в противоположную сторону, стремительно приближался к ней; свет его фар и бегущих огней над кабиной пробивал тоннель в темном лесу. Он с ревом промчался мимо,

и ее маленький автомобиль трянуло. Лоцца крепко вцепилась в рулевое колесо, двигаясь так быстро, насколько хватало храбрости. Больше всего ей хотелось вернуться к дочери в целости и сохранности.

Мимо промчался еще один грузовик, сверкая фарами. Воспоминание вспыхнуло, как молния, — вид бледного тела Мартина Крессуэлл-Смита, плававшего в болоте; его ягодицы едва выглядывали из-под чернильной воды. Мартин, перевернувшийся на спину, когда Грег столкнулся с трупом. Пустые глазницы, объединенные губы — работа илистых крабов. Окровавленный нож. Веревки, стул, куча фекалий. Отрубленные пальцы. Невыносимая вонь. Она сосредоточилась, когда выехала на изгиб дороги. Если человек, убивший Мартина Крессуэлл-Смита, теперь заполучил Элли, то она опасалась худшего.

Другая, более глубокая часть сознания Лоццы по-прежнему не могла сложить фрагменты головоломки. Она до сих пор чувствовала, что Элли играет с ними.

Кем был мужчина из «Пагго», тот самый байкер, который доставлял Элли наркотики, едва не унесшие ее жизнь?

Обогнув изгиб дороги, Лоцца неожиданно увидела автомобиль. Стоп-сигналы «Тойоты Короллы». Она увеличила скорость.

Раньше Лоцца

Лоцца приближалась к стоп-сигналам впереди идущего автомобиля. Когда он стал лучше виден, она поняла, что это несомненно «королла». Со вмятиной в задней части корпуса и регистрационным номером Квинсленд 549-GIN. Ее сердце забило быстрее.

Она сильнее нажала на газ, что увеличивало риск столкновения с животным и взаимной гибели. Эвкалипты, плотно обступавшие дорогу, стремительно пролетали мимо. Не сводя глаз с дороги, она включила систему голосовой связи.

— Это старший констебль Лоцца Бьянки. Я установила визуальный контакт с автомобилем подозреваемого. Повторяю, визуальный контакт с подозреваемым. Коричневая «тойота королла», регистрационный номер Квинсленд 549-GIN. Едет на юг по А1 между Джервис-Бэй и Килонгоном. Мы находимся примерно в двух километрах к югу от пересечения с Килонгон-Роуд.

Визжа покрывками, Лоцца миновала крутой поворот. Сердце подкатило у нее к горлу, когда она почувствовала, как колеса заскользили по мелкому морскому песку. Она вернула автомобиль на дорогу. Водитель «короллы» вроде бы понял, что его преследуют, и набрал скорость, хотя его машину немного занесло на следующем повороте.

Лоцца позволила себе немного отстать. До перекрестка, который теперь находился примерно в одном километре, похитителю было некуда деться. Скорее всего, у дорожного патруля было достаточно времени, чтобы разложить на шоссе ленту с шипами.

Красные стоп-сигналы скрылись из виду за деревьями, когда «королла» миновала очередной изгиб дороги.

Через несколько секунд Лоцца снова увидела «короллу». Машина вдруг резко затормозила, вильнула и начала рыскать из стороны в сторону. Автомобиль с чем-то столкнулся. Мигнули тормозные огни; «королла» скользнула в сторону и выехала на грунтовую обочину. Она наехала на песчаную обвалку, развернулась и снова выехала на дорогу. С чем бы она ни столкнулась, это улетело за обочину и скатилось по откосу. Лоцца стиснула зубы, охваченная недобрим предчувствием.

Зазвонил телефон. Она немного сбросила скорость и приняла вызов.

— Дорожные блоки установлены. Шипы развернуты. Прекратите преследование. Повторяю, офицер, прекратите преследование. Все под контролем...

Она отключилась и притормозила, тяжело дыша. Ее футболка была влажной от пота. Она выехала за очередной поворот и увидела на перекрестке дорог мигающие красно-синие огни полицейских автомобилей, отражавшиеся от серебристой коры эвкалиптов. Но адреналин снова хлынул в ее кровь: «королла» не замедлила ход! Она с большой скоростью приближалась к стробоскопическим огням.

Ее охватил ужас.

Она еще больше сбросила скорость и медленно поехала вперед, предчувствуя неизбежный финал, разворачивавшийся у нее на глазах, словно в замедленной съемке.

Внезапно «тойота» вильнула вбок, едва не встала на боковые колеса, выровнялась и резко свернула направо с автострады. Она пропахала борозду в песке и скрылась в темном лесу. За стволами деревьев Лоцца могла разглядеть лишь прерывистые вспышки автомобильных фар. Она включила связь.

— Подозреваемый движется на восток по грунтовой дороге через лес, — она увидела дорожный указатель кемпинга в Килонгоне. — Вероятно, он направляется к кемпингу возле пляжа.

Она резко вывернула руль и поехала за «тойотой». Дорога была ухабистой, местами с песчаными ямами, куда проваливались колеса. По ее догадке, патрульные приближались к пляжу по асфальтовой дороге, чтобы перехватить подозреваемого.

Фары ее автомобиля выхватили из темноты призрачные силуэты деревьев. Горящие глаза наблюдали за ней из леса. Она снова заметила стоп-сигналы впереди идущего автомобиля.

Убегавший водитель дал полный газ, и его подпрыгивающий автомобиль удалялся с возрастающей скоростью. Он снова скрылся за деревьями, а когда Лоцца обогнула густые заросли кустов и папоротников, она услышала громкий взрыв. Ее сердце рухнуло вниз. За первым взрывом почти мгновенно последовал второй, и из леса вырвалась стая летучих мышей, круживших и порхавших в свете ее фар. Когда Лоцца приблизилась, то увидела пылающий факел за стволами эвкалиптов. За огнем вспыхивали и гасли стробоскопические огни мигалок, и Лоцца с ужасом осознала, что произошло. Автомобиль похитителя пошел на прямое столкновение с патрульной машиной.

Она подъехала ближе, распахнула дверь и побежала к огню,

спотыкаясь на корнях и рытвинах. Едкий черный дым валил из-за деревьев. На нее пахнуло жаром. Она слышала треск пламени. Пока она приближалась к месту, прогремел еще один взрыв, отправивший в небо вспышку белого пламени. Жар стал почти нестерпимым. Ее сердце замерло. Она остановилась, посмотрела и прижала ладони к щекам, словно выгоняя ужас, накопившийся внутри.

Лоцца услышала новые сирены с другой стороны от пожара. За ней остановилась пожарная машина. Пожарный подошел к ней и взял ее за руку.

- Пожалуйста, мэ. Вам нужно отойти в сторону.
- Но жертва... она все еще там...
- Отойдите в сторону, мэ. Сейчас же.

Раньше Лоцца

Она умерла.

Элли Крессуэлл-Смит сгинула в огне вместе с ее похитителем.

Лоцца потерпела неудачу. Тяжесть этой мысли кружилась и давила на нее вместе со всевозможными вопросами, когда она сидела и дрожала на заднем бампере автомобиля скорой помощи, закутанная в одеяло. Несмотря на жару и внутреннее потрясение, ей было холодно.

Над задымленным лесом занимался бледный рассвет. Огонь от автомобиля быстро распространился на соседние пересохшие кусты и эвкалипты с легковоспламеняющейся корой, насыщенной горючими веществами. Только теперь пожар удалось взять под контроль. Дым забивал ей ноздри и оседал в гортани.

Искра от столкновения подожгла пролитый бензин. Патрульный офицер успел выкатиться из автомобиля, прежде чем тот загорелся, но полицейские из следующего автомобиля, ехавшего сзади, не смогли приблизиться к объятый огнем «тойоте». Офицера увезли в больницу с незначительными ожогами и травмами.

Пожарные постарались потушить разгоревшееся пламя еще до прибытия полицейских следователей. Грег протянул Лоцце кружку кофе. Она встретила с его сочувственным взглядом. Его обветренное лицо и улыбочивые глаза еще никогда не были столь желанным зрелищем.

— Спасибо, — сказала она, забирая кружку.

— Ты позвонила Майе? Дала ей знать, что с тобой все в порядке?

Она кивнула и отхлебнула кофе.

Подошел Корнелл. Его лицо, как всегда, сохраняло бесстрастное и непроницаемое выражение. Наверху рокотал винт вертолета.

Лоцца уже подробно объяснила Корнеллу ход событий. Она приняла звонок Элли в 03.50 и услышала крики. Она приехала к дому Крессуэлл-Смитов, расспросила соседку и пустилась в погоню. Корнелл старательно записывал. Лоцца чувствовала, что это плохо кончится.

— Почему у нее был ваш мобильный номер? — спросил он.

— Я дала его ей после допроса. Вы видели, как я вручила ей мою визитку. Вы наблюдали за мной из окна.

— Почему вы дали ей свою карточку?

— На тот случай, если она что-то вспомнит или решит поговорить более откровенно.

Корнелл наморщил лоб.

— Что именно она сказала по телефону?

Лоцца еще раз повторила содержание разговора.

— Вы уверены, что Элли Крессуэлл-Смит не было дома, когда вы приехали туда?

Ее сердце на мгновение сбилось с ритма.

— Я... Соседка видела, как из дома выволокли тело, завернутое в одеяло.

— И вы уверены, что это было человеческое тело?

Лоцца откашлялась.

— Я исходила из этого предположения.

— Предположения, — тихо произнес Корнелл и потянулся за мобильным телефоном. Но когда он был готов позвонить, один из полицейских крикнул:

— Внутри никого нет!

Все уставились на него. Лоцца поднялась на ноги.

— В автомобиле никого нет. — Обгоревшая дверца со стороны водителя была распахнута настежь. Криминалист в защитном костюме заглянул внутрь.

— Похоже, водитель сбежал, — сообщил он.

Корнелл пошел туда.

— Как насчет заднего сиденья? Где жертва? Вы проверили багажник?

— Багажник пуст. В автомобиле нет видимых человеческих останков.

Судя по всему, жертвы там не было.

Грег прикоснулся к руке Лоццы. Ее мутило от пережитого напряжения и разочарования.

— Я руководствовалась показаниями соседки, — тихо сказала она.

— Ты приняла ответственность на себя, Лоцца, — сказал Грег. — Каждый из нас на твоём месте поступил бы так же.

Но Лоцца была не уверена в этом. Совсем не уверена.

Корнелл вернулся обратно, на ходу разговаривая по телефону.

— Сибил, — сказал он. — Ты сейчас находишься в доме Крессуэлл-Смитов? — Он прислушался, глядя на Лоццу, и сдвинул брови. — И ты уверена, что ее нет в доме?

Потом он кивнул и отключился.

— В доме никого нет, — сказал он. — Есть признаки нападения, следы крови. Телефон мисс Крессуэлл-Смит был обнаружен на полу. Показания

соседки выглядят убедительно. Но Элли Крессуэлл-Смит пропала. Ее нигде нет.

Раньше Лоцца

Лоцца медленно ехала обратно по Принцесс-Хайвэй. Солнце поднялось выше, и воздух над дорогой колыхался от жары. Движение стало более оживленным. Она мысленно воспроизводила последние события, пытаясь понять, что можно было сделать по-другому. Сумеречная часть ее личности снова задавалась вопросом, не была ли Элли Крессуэлл-Смит гениальной мошенницей, которая подстроила все это. Но почему?

С какой целью?

Может быть, для прикрытия убийства своего мужа; сцена похищения с помощью сообщника, чтобы выставить себя в роли жертвы? Но тогда ее вероятная уловка была раскрыта, поскольку Лоцца устремилась в погоню по горячим следам. Тогда как объяснить, что после столкновения в сгоревшем автомобиле никого не оказалось?

Прибыли кинологи с собаками. Взлетел еще один вертолет. Была развернута поисково-спасательная группа. Местность тщательно прочесывали в поисках водителя, который скрылся пешком, но подозреваемый имел хорошую фору, потому что все отвлеклись на пожар, распространившийся в сухом эвкалиптовом лесу после взрыва бензобака. Кроме того, огонь скрывал след преступника.

Лоцца сбросила скорость, когда приблизилась к изгибу дороги, где «королла» столкнулась с животным и едва не потеряла управление.

Воспоминание об этом промелькнуло перед ее мысленным взором, когда она проезжала место, где раненое животное скатилось вниз по откосу.

Лоцца вздрогнула, пораженная внезапной мыслью. Она видела то, что ожидала увидеть: раненого кенгуру, выброшенного за обочину. Но в ее воспоминании, в том, как покатило тело, как автомобиль завалился из стороны в сторону... Видела ли она, как на мгновение распахнулась задняя дверь, прежде чем «Тойота Королла» выровнялась и исчезла за поворотом? Лоцца нахмурилась и посмотрела в зеркало заднего вида. Потом она развернулась и поехала назад.

Когда она увидела место, где покрышки «короллы» наткнулись на мягкий песок, то затормозила и поставила автомобиль на обочине. Она открыла дверь и вышла наружу. На нее пахнуло запахом эвкалиптов, вокруг жужжали насекомые. Мимо проехал грузовик. Лоцца подошла к откосу и

посмотрела вниз.

У подножия деревьев что-то лежало. Желтовато-коричневое... *это не кенгуру.*

Одеяло, перевязанное веревками. Из складок выглядывала окровавленная человеческая рука. Темные волосы на затылке. Голова шевельнулась.

Она выбросилась из автомобиля. Ее не было внутри, когда машина сгорела.

— Элли! — крикнула она и начала боком спускаться по склону, скользя и шатаясь. Одеяло снова зашевелилось. Дернулись пальцы. Элли была жива. К глазам Лоццы подступили слезы.

Она опустила на корточки.

— Все хорошо, Элли, я здесь. Помощь уже в пути.

Лоцца полезла за телефоном, позвонила в участок и доложила о находке. Потом она стала развязывать веревки и откинула одеяло с лица Элли. Женщина смотрела на нее.

— Не шевелитесь, — прошептала Лоцца. — Я нашла вас. Помощь скоро будет.

Она распутала веревки и аккуратно развернула одеяло. Элли застонала.

— Где болит?

Ее рот дернулся. Губы были совершенно сухими.

— Все... везде, — прошептала она. — Моя нога... сломана... болит бедро... Я ударилась затылком.

Лоцца услышала вой сирен. Он приближался.

Элли снова попыталась заговорить.

— Ш-шш, молчите.

Лоцца сняла футболку, оставшись в лифчике, и прижала ткань к кровоточащей ране на голове Элли.

— Я... освободила руку, — прошептала Элли. — Сумела... открыть дверь. Когда автомобиль завалился... я вывалилась наружу.

Лоцца кивнула.

— Да, так и было. Вы молодец, Элли. С вами все будет хорошо, только держитесь.

Элли попыталась облизнуть губы и застонала. Ее веки затрепетали.

— Фотография...

— Ш-шш, не надо ничего говорить. Берегите силы. Скорая помощь уже почти приехала.

Они увидят автомобиль Лоццы, стоящий на обочине. Она мягко отвела

волосы с глаз женщины.

— Я знаю, кто... человек на фотографии... Со мной и Даной... Все это время она... следила... — Ее голос затих. Пульс Лоццы участился. Звук сирен был оглушительным; скорая помощь приближалась. Элли облизнула губы, пытаясь снова заговорить, и на этот раз Лоцца наклонилась к ней.

— Уиллоу, — прошептала Элли. — Она... в тот вечер она была в баре. Слушала... она и... они... они вместе сделали это.

Суд по делу об убийстве

Февраль, наше время.

Верховный суд Нового Южного Уэльса

Дана Бэйнбридж указывает на скамью подсудимых. На меня. Все в комнате смотрят на меня. Напряжение нарастает. У меня что-то сжимается в горле.

«Сосредоточься. Сохраняй спокойствие. Лоррингтон знает об этом.

Я жертва.

Не реагируй.

Дыши глубже».

— Для записи, — громко произносит государственный прокурор в микрофон, отчего ее голос эхом отдается в глубокой тишине судебного помещения. — Мисс Бэйнбридж опознала обвиняемую: миссис Сабрину Крессуэлл-Смит. *Настоящую* миссис Крессуэлл-Смит, которая находилась замужем за Мартином Крессуэлл-Смитом последние пятнадцать лет.

Прокурор делает паузу. Судебный художник лихорадочно водит угольным карандашом по бумаге.

— Она также известна под именем Уиллоу Ларсен, наряду со многими другими вымышленными и подложными именами, которыми она пользовалась вместе со своим мужем в своих мошеннических аферах по всему миру.

Прокурор смотрит на Дану.

— Мисс Бэйнбридж, вы уверены, что обвиняемая и женщина на фотографии — это одно и то же лицо?

Дана наклоняется к микрофону.

— Да, она сидела рядом с нами за стойкой бара, слишком близко, потому что с другой стороны от нее был пустой табурет.

— Что она делала в баре?

— Подслушивала и регулярно отправляла текстовые сообщения со своего телефона. Тогда она была брюнеткой.

— В то время Элли упоминала об этой женщине в вашем присутствии?

— Нет, тогда нет. Но когда Элли позвонила и спросила, сохранились ли у меня цифровые копии, она упомянула о том, что думала о женщине в баре, которая раньше сидела рядом со столиком, пока они ужинали с отцом. По ее собственному признанию, в тот вечер между ней и отцом завязался громкий спор. Миссис Крессуэлл-Смит должна была слышать, как Стерлинг Хартли предлагал Элли деньги для финансирования любого проекта по ее выбору. По словам Элли, она повесила фотографию в рамке на стене ее студии, и какая-то деталь снимка вызывала у нее неосознанное беспокойство. На этой фотографии Уиллоу, то есть миссис Крессуэлл-Смит, была видна не очень четко. Но она была гораздо более заметной на цифровых снимках, сделанных моим телефоном. — Она отпивает глоток воды; ее руки все еще дрожат. — Элли сказала, что кто-то забрал фотографию со стены, пока она лежала в коме.

— Она сказала, почему, по ее мнению, кто-то забрал фотографию?

Я медленно поворачиваю голову и смотрю на Элли, сидящую на галерке рядом с Грегом. Она смотрит на меня, и Грег тоже. Команда государственного прокурора решила не вызывать ее для свидетельских показаний. Готова поспорить, это было сделано из-за опасений стороны обвинения, что она все испортит. Это вынудило бы ее признаться в ненависти к Мартину и в том, что она сама хотела воткнуть в него нож и убить его. Элли в роли свидетельницы дала бы Лоррингтону все основания для разумного сомнения, в котором мы нуждались.

Я мысленно возвращаюсь к той роковой зимней ночи в Ванкувере более двух лет назад. Мы с Мартином переживали трудное время. Поскольку в Европе мы находились в розыске сразу из-за нескольких афер, то переехали в Штаты, где я начала разводить богатых женщин на деньги, занимаясь спиритическими сеансами и духовными практиками. Вскоре я узнала, что исцеление верой имеет гораздо более заманчивые перспективы: люди были готовы на все и расставались с любыми деньгами ради выздоровления, когда находились на краю смерти. Но потом я попала в поле зрения американской юстиции за продажу «Волшебных капель» по моему собственному рецепту — чудодейственного «лекарства от рака», состоявшего из воды с растительными экстрактами и несколькими каплями перекиси водорода, которое я продавала примерно по 1000 долларов за крошечный пузырек. Поэтому мы перебрались в Канаду и перенесли продажу «Волшебных капель» в онлайн с многочисленными центрами дистрибуции, которые можно было открывать и закрывать в оперативном режиме. Но и здесь пошли жалобы, после чего было открыто расследование. Нам был нужен новый план — одна последняя большая

афера, которая позволила бы нам отойти от дел и устроиться на каком-нибудь уютном острове без договора о взаимной выдаче преступников.

Мартину пришла идея выбрать конференцию «Агора» для поиска потенциальных клиентов, которых мы могли бы заманить в одну из его афер с недвижимостью. Когда Элли и ее отец оказались рядом со мной, для меня это был настоящий подарок. Манна небесная. Я отправила текстовое сообщение Мартину, который работал в другой части отеля, и посоветовала раздобыть в Интернете все, что только можно будет найти об Элли и ее отце. Я держалась поближе к Элли, когда она со своей подругой Даной переместились за стойку бара. Чем больше я слышала, тем больше убеждалась в том, что она представляет собой идеальную мишень. Я понимала, что это потребует настоящей самоотверженности как от меня, так и от Мартина. Игра на долгосрочную перспективу. Много месяцев, даже целые годы. Но если дело окупится, то с лихвой. Одна последняя добыча — и мы сможем залечь на дно.

Поэтому после того, как Элли вышла из бара, Мартин перехватил ее по пути в уборную.

Игра началась.

Признаюсь, сначала я нервничала. Роль моего мужа требовала от него соблазнения, секса и совместной жизни с ранимой наследницей богатой семьи, которая к тому же была очень красивой женщиной. Образованной, художественно одаренной, богатой и любвеобильной. Я опасалась, и не без оснований, что Мартин влюбится в нее. Я следила за ними, чтобы знать, если что-то пойдет не так. Я следовала за ними на моем «субару». Я наблюдала за передвижениями Мартина. Я добилась от него, чтобы он установил шпионскую программу в ее телефон, чтобы мне было известно их местоположение каждый раз, когда они будут отлучаться из дома. В доме на Бонни-Ривер я установила видеокамеры, спрятанные в настенных часах. Мартин не знал об этом, но я могла наблюдать за ним и Элли через приложения для видеокамер. Я оказалась права. Я действительно потеряла Мартина. Но не из-за Элли.

А из-за Рабз.

Я и заподозрить не могла, что наша жертва, Элли, сообщит мне о том, что мой муж планировал другое, финальное надувательство еще более грандиозного масштаба. Он собирался обмануть *меня*.

Но он сам не подозревал, что Элли выдала мне его тайну.

Суд по делу об убийстве

Детектив Корнелл Тремейн находится на месте свидетеля. Мне он не нравится; я не могу читать его, как книгу. Думаю, в его характере есть скверные черты. Во время предыдущих показаний он уже описал суду криминалистические подробности расследования, но Лоррингтон снова вызвал его.

— Сержант Корнелл, — говорит Лоррингтон. — Вы можете резюмировать некоторые факты для суда? Волосы, обнаруженные на липучке бейсбольной кепки «Найк»... Кому они принадлежали?

Лицо сержанта остается почти неподвижным, когда он отвечает:

— Как я упоминал ранее, это были синтетические волосы. От парика.

— Значит, они не принадлежали обвиняемой?

— Нет, сэр.

— А кровь на кепке?

— Анализ ДНК показывает совпадение с кровью Элли Хартли. Кепка была окровавлена во время предыдущего инцидента и оставлена в гараже.

— Значит, это не кровь моей клиентки?

— Нет, сэр.

— А кровь на ноже?

— Было установлено, что в основном кровь принадлежала покойному Мартину Крессуэлл-Смиту. Очень небольшие следы, принадлежавшие Элли Хартли, также остались от предыдущего инцидента на яхте.

— В старом фермерском доме были найдены отпечатки моей подзащитной, миссис Сабрины Крессуэлл-Смит?

— Ответ отрицательный.

Лоррингтон медленно кивает.

— Есть ли вообще какие-либо свидетельства того, что обвиняемая когда-либо посещала этот дом?

— Нет, сэр. Но она работала вместе с сообщником, находившимся в этом доме.

— Вы имеете в виду того загадочного «байкера», которого видели пристающим к моей клиентке?

— Мы считаем, что он действовал вместе с миссис Крессуэлл-Смит. Она пользовалась его услугами для доставки контрабандного препарата, адресованного Элли Хартли с целью предать огласке ее наркотическую зависимость и подготовить обстоятельства ее вероятной смерти.

С галереи доносится гул шепотков.

— Детектив, — Лоррингтон внезапно повышает голос. — Вы не предоставили никаких физических улик, никаких свидетельских показаний и вообще никаких доказательств связи моей клиентки с этим таинственным байкером. Вы не представили доказательств, что она инструктировала его. Вы даже не определили, кем является этот неуловимый человек. Более того, один из ваших ключевых сотрудников в этом расследовании, констебль Грег Эббот, спал с моей подзащитной. Другой ваш ключевой сотрудник, старший констебль Лорел Бьянки, имеет историю полицейского насилия, в чем она сама призналась перед судом. Она удочерила ребенка, который прятался под кроватью во время этой сцены и видел происходящее. Констебль Бьянки крайне решительно, можно сказать, радикально подходит к проблеме мужского насилия. Для нее это глубоко личное дело. Да, она попыталась оставить свой крестовый подход и неудачную полицейскую карьеру в Сиднее. Да, она постаралась вести себя тихо и восстановить свою репутацию в Джервис-Бэй. Но потом она познакомилась с Элли Хартли и увидела ее синяки. По своему собственному признанию перед судом, констебль Бьянки опасалась за ее безопасность. Я заявляю перед судом, что констебль Бьянки с самого начала испытывала ненависть к Мартину Крессуэлл-Смиту и не являлась непредубежденным следователем. Кроме того, она лично доставила контрабандные препараты в дом на Бонни-Ривер. Это необъективное расследование, ваша честь, и я не могу назвать его чистым или справедливым.

Он поворачивается к присяжным:

— Убийство состоит из двух элементов. Как я заявил в начале этого судебного процесса, должно существовать доказанное намерение убийства. И должно быть доказано, что обвиняемый фактически совершил убийство, — он делает выразительную паузу и поочередно обводит взглядом присяжных. — Я заявляю перед судом, что обвинение не смогло предоставить убедительное доказательство *жизненно важной* половины этого уравнения. Да, можно утверждать, что обвиняемая, миссис Крессуэлл-Смит, хотела убить мужчину, которого она когда-то любила, с которым она жила с тех пор, как ей исполнилось пятнадцать лет, и который изменил ей, присвоил средства, которые она считала своими, и который собирался сбежать со своей любовницей в страну, где нет договора об экстрадиции преступников. Да, можно утверждать, что Сабрина Крессуэлл-Смит была аферисткой, что она обманывала людей и мошеннически завладевала их деньгами. Можно даже утверждать, что когда она узнала о двуличности, измене и последнем мошенничестве своего мужа, то

прониклась к нему таким презрением, что ей хотелось уничтожить его. Но! — он поднимает палец в воздух. — Но она этого не сделала.

Лоррингтон снова делает паузу, подтверждающую вескость его доводов.

— Детектив Корнелл, — произносит он и поворачивается к полицейскому из отдела убийств. — Существует ли возможность, что кто-то еще нанял этого таинственного байкера или другого человека для убийства Мартина Крессуэлл-Смита, возможно, кого-то из его прошлого, которого он обманул и который затаил на него обиду на предыдущее мошенничество? Или это был тот, кто развесил в Агнес-Бэзин экстремистские плакаты, призывавшие к его убийству?

Молчание.

— Сержант Корнелл? — произносит судья Парр.

Детектив нерешительно откашливается.

— Это возможно, сэр, но следы пыток позволяют предполагать...

— *Предполагать!* — Лоррингтон картинно разворачивается в сторону присяжных и тычет пальцем в воздух. — Вы это слышали — «предполагать»? И это все, что у них есть? *Предположение?*

Когда он поворачивается к Корнеллу, двери судебного помещения распахиваются настежь. Барристер замирает на месте. Судебный поверенный поспешно направляется по проходу и сворачивает в сторону обвинения. Он наклоняется к солиситору и что-то шепчет ему на ухо. Солиситор что-то шепчет на ухо Кониковой. В то же время известная журналистка Мелоди Уоттс встает и едва ли не бегом устремляется к выходу. Двое полицейских следуют ее примеру. Что-то происходит, но что именно?

Прежде чем Лоррингтон успеет заговорить, Коникова поднимается с места:

— Ваша честь, можно обратиться к суду?

— В чем дело, госпожа прокурор? — спрашивает судья.

— Мы... у нас появились новые... обстоятельства. Мы получили новые улики и, возможно, нового свидетеля.

— Возражаю, — резко говорит Лоррингтон. Он выглядит обеспокоенным. Мне вдруг становится страшно. — Нам не сообщали об этом.

— Это крайне необычно, госпожа прокурор, — говорит судья.

— Это обстоятельство только что было доведено до нашего сведения.

Судья раздраженно машет рукой:

— Хорошо, обращайтесь.

Суд по делу об убийстве

Раньше тем же утром.

Томба, штат Квинсленд

Берл Геллер смотрит телевизор в своем маленьком доме с гофрированной стальной крышей, которая раскаляется под жарким австралийским солнцем. Дом расположен на пригорке, на окраине бесхозных трущоб, растянувшихся на несколько километров от сельского городка Томба в Квинсленде, недалеко от границы с Новым Южным Уэльсом. Внутри жужжат мухи и лениво вращается потолочный вентилятор. Пес чешется у подножия ее шезлонга. Ее муж находится в соседней комнате и занимается тем, чем обычно занимается Херберт Геллер, но Берл приклеилась к реалити-шоу суда по делу об убийстве Мартина Крессуэлл-Смита. Она убеждена, что Сабрина Крессуэлл-Смит виновна, но согласна с телевизионными гуру, что все улики против нее в лучшем случае являются косвенными. Кроме того, Берл испытывает сочувствие к этой женщине. Ее муж выглядит настоящим засранцем. Ублюдком. Она бы тоже проткнула его ножом. Боже упаси, но иногда ей кажется, что она могла бы воткнуть нож в Херба. Берл знает, каково испытывать ярость. Ей знаком вкус измены и неудачи. Она смотрит на старый свадебный портрет ее и Херба, стоящий на буфете. Какие мечты у них были тогда! А теперь — только посмотрите на ее жизнь. Если бы она имела кучу денег, а ее муж сбежал вместе с любовницей...

На экране появляется Мелоди Уоттс.

— Мелоди вернулась, Херб!

Он что-то ворчит в ответ.

— Ты все пропустишь!

— Уверен, что ты мне все расскажешь, — откликается Херб из соседней комнаты.

Камера фокусируется на Мелоди Уоттс. Она стоит перед дверями суда. Она безупречно выглядит и носит розовый жакет, приятно контрастирующий со светлыми волосами. Просто красotka.

Берл пинает пса распухшей ногой, чтобы тот перестал чесаться.

Делает глоток пива из банки и замороженно смотрит на экран.

— Сегодня утром, после возобновления слушаний по делу об убийстве Мартина Крессуэлл-Смита, ожидается, что судья Джеральдина Парр подытожит основные аргументы сторон. Мы полагаем, что судья Парр изложит ключевые моменты показаний каждого важного свидетеля, объяснит присяжным соответствующие положения закона и их значение для данного дела. Следующим шагом будет совещание присяжных заседателей.

Экран разделяется по вертикали и показывает ведущего новостей, сидящего за столом.

— Спасибо, Мелоди, — говорит он. — Скажите, полиция Нового Южного Уэльса еще не обнаружила предполагаемого сообщника или пропавшую «Абракадабру»?

— Все верно, Харлан. Загадочный «байкер» с татуировкой на шее остается одним из главных подозреваемых, как и в течение года с лишним после убийства в Агнес-Бэзин.

— Есть ли шанс, что миссис Крессуэлл-Смит выйдет на свободу?

— Как я уже сообщила зрителям, мистер Лоррингтон подчеркивает слабость аргументов обвинения и предоставляет правдоподобные альтернативные варианты для присяжных. В одном из своих первых заявлений мистер Лоррингтон сказал, что на суде присяжных возможен любой исход. Если присяжные заседатели испытывают сочувствие к миссис Крессуэлл-Смит или рассматривают ее как жертву происков ее мужа, то они с большей вероятностью увидят основания для разумного сомнения и сочтут ее невиновной. Юридическая стратегия защиты состояла в том, что, хотя миссис Крессуэлл-Смит является умной и опытной мошенницей, она никого не убивала.

— Спасибо, Мелоди, — говорит ведущий.

Мелоди отключается и исчезает, и на экране появляется фотография типовой малогабаритной яхты модели «Куинтрекс».

— Полиция Нового Южного Уэльса до сих пор обращается к общественности с просьбой о содействии любого человека, который видел такую яхту при подозрительных обстоятельствах, — говорит ведущий. — Полиция до сих пор ищет этого человека...

Появляется фотография лысого мужчины, сделанная камерой наружного наблюдения. Берл с интересом подается вперед. Хотя она смотрела большинство репортажей о ходе суда, но не видела этой фотографии. На экране возникает увеличенное изображение татуировки на шее мужчины. Что-то с трудом ворочается в голове у Берл. Ее сердце

бьется быстрее. Она делает еще глоток, не отрывая взгляда от татуировки. Это миниатюрное изображение колибри. Экран мигает, и на нем появляется изображение модных бронзовых часов.

— Полиция также ищет часы «Ролекс-Дейтона» этой модели, — говорит ведущий.

Берл давится очередным глотком пива.

— Эй, Херб!

— Чего еще?

— Поди сюда, да поскорее, — она смещается на край шезлонга.

Он появляется из-за угла в майке-безрукавке, которая когда-то была белой. Берл указывает банкой на экран.

— Вот! Эти часы. Я видела их.

— О чем ты болтаешь?

— О нашем жильце, идиот. О парне, который снимает сарай на краю фермы.

— Я с ним не общаюсь, Берл. Это ты решила сдать ему ту развалюху. Я практически не знаю его в лицо. Он не выходит наружу, когда я здесь.

Она неуклюже поднимается и поспешно идет к стационарному телефону рядом с их свадебной фотографией в рамке.

— Что ты делаешь?

Она заглатывает остатки пива, роняет на пол пустую банку и снимает трубку.

— Мы попадем в телевизор, Херб. Нам *заплатят* за это. Мы встретимся с Мелоди Уоттс, во плоти и крови. Прямо здесь. Она приедет сюда.

— Ты сбрендила? Кому ты звонишь?

— Я звоню на телестудию. Собираюсь вызвать Мелоди Уоттс. Я видела эти часы у нашего жильца. Видела эту татуировку. Он приехал больше года назад, он прячет ту лодку в сарае вместе со своим грязным мотоциклом. Клянусь, это он! Все это время он скрывался на нашей ферме!

Херб смотрит на жену. Мухи с жужжанием кружатся вокруг его головы.

— Берл, — тихо говорит он, — если это он, ты должна позвонить по экстренному номеру и вызвать полицию, а не Мелоди Уоттс.

Она прикладывает трубку к уху.

— Мы попадем в телевизор, Херб!

Суд по делу об убийстве

Февраль, наше время.

Верховный суд Нового Южного Уэльса

Прошло пять дней после того, как остановили судебный процесс после крайне необычного запроса государственного прокурора о запоздалом появлении в деле новых обстоятельств и о возможном привлечении нового свидетеля. Сегодня утром, когда суд возобновляется, Лоррингтон выглядит посеревшим и усталым. Он не тот человек, который любит проигрывать или быть свидетелем своего поражения.

Судебный следователь отворяет дверь. В зале воцаряется мертвая тишина.

Он входит внутрь.

На какой-то момент я боюсь, что упаду в обморок. Он пришел, хотя я надеялась, что этого не произойдет. Это может означать только одно: он переметнулся и стал свидетелем обвинения. Беспокойство нарастает. Я бросаю быстрый взгляд на Лоррингтона. Он *считает*, что у него по-прежнему есть план. Но нет, только не теперь. Ему еще предстоит узнать глубину моего обмана.

Я только что стала худшим кошмаром для барристера: клиентом, который солгал ему.

Новый свидетель приносит клятву на Библии и занимает свое место. Под его глазами лежат темные тени. Он устал. Готова поспорить, что копы круглосуточно допрашивали его.

— Пожалуйста, назовите ваше имя для суда, — говорит Коникова.

— Джек Баркер.

Заметное шевеление на галерке, набитой сотрудниками полиции. Элли сидит рядом с Греггом. Остается гадать, держатся ли они за руки. За год после начала судебных слушаний по моему делу могло произойти многое.

— Мистер Баркер, можете ли вы рассказать суду, как вы познакомились с обвиняемой? — спрашивает Коникова.

— Мы познакомились после того, как ее отец умер на улицах Сиднея. Она была бездомной. Мы подружились и вместе бродяжничали на улицах.

Играли в очко и в «скорлупки». Спали в парках и в подъездах, — он делает паузу и смотрит на меня. — Мы были друзьями.

Я вижу, как Элли что-то шепчет на ухо Грегу. Она понимает, что я сказала ей чистую правду о моих родителях и об истории моей жизни, когда она пришла ко мне. Это не было уловкой, чтобы привязать ее ко мне. Я училась карманному воровству на улицах. Я училась у Джека, у моего отца... *Внимательно смотри на ракушки, Элли. Потому что жизнь — это игра в скорлупки, а в этой игре выигрывает только банкующий.*

— Значит, вас связывает старое знакомство?

— Да.

— И вы оставались на связи все эти годы?

— Только время от времени после ее отъезда из Австралии; она иногда звонила мне, и мы снова встречались, когда она возвращалась в Австралию и жила в Джервис-Бэй. В последний раз она прибыла за несколько месяцев до приезда ее мужа и мишени.

— Мишени?

— Элли Хартли. Она была новой мишенью. Новая «миссис Крессуэлл-Смит», — он обозначает в воздухе невидимые кавычки. — Сабрина объяснила мне, что формально Элли не состояла в браке с Мартином, потому что Сабрина уже была его женой. Мартин ввел ложную информацию при заполнении брачного формуляра в Неваде.

На галерке поднимается ропот.

— Тишина в зале, пожалуйста! — восклицает судебный пристав.

Мой взгляд прикован к Джеку. Мне хочется, чтобы его здесь не было, но ему пришлось прийти. Иначе почему он находится здесь?

— Вы можете объяснить суду, почему вы отправились в Джервис-Бэй?

— Сабрина наняла меня.

— Вы можете описать, с какой целью она это сделала?

— Она хотела, чтобы я установил наблюдение за ее мужем и мишенью. Меня уволили из ВМФ с лишением всех прав и привилегий, и я отчаянно нуждался в деньгах. Она — Сабрина — чувствовала, что ее муж затевает что-то недоброе, и беспокоилась по этому поводу. Поэтому я следил за ними и сообщал об их передвижениях, когда они находились за пределами дома.

— Каким автомобилем вы пользовались для слежки?

— Коричневой «Тойотой Короллой».

Снова ропот на галерке.

— Порядок! Тишина в зале, пожалуйста!

Судебный художник переворачивает страницу альбома; его взгляд

мечется между Джеком, мною и эскизом рисунка. Репортеры лихорадочно строчат в блокнотах. Я почти вижу, как машины с репортажными станциями собираются снаружи, регулируя тарелки спутниковых антенн на крышах. В зале становится по-настоящему жарко.

— Миссис Крессуэлл-Смит когда-либо предлагала вам делать что-то еще, помимо наружного наблюдения?

— Она попросила меня доставить в «Мопс и Свисток» пакет с надписью «Для Элли Крессуэлл-Смит».

— Зачем?

— Она мне не сказала.

— Вы следили также за женщиной по имени Боди Рабинович?

Он откашливается.

— Да.

— Почему?

— Сабрине сообщили, что Мартин завел роман на стороне, но он хорошо скрывал это. Раньше я наблюдал за Мартином лишь в тех случаях, когда он был с Элли. Или следил за Элли, когда она оставалась одна. Когда я последовал в Сидней за Боди Рабинович, то снимал их обоих на камеру.

— Как отреагировала миссис Крессуэлл-Смит, когда вы передали ей эти фотографии?

Он опускает голову. Я вижу, как напряжены мышцы его шеи.

— Она рассердилась, — тихо отвечает он.

— Как сильно рассердилась?

— Возражаю, — Лоррингтон поднимается с места. — Это наводящий вопрос.

— Я перефразирую вопрос. Что вам предложила сделать миссис Крессуэлл-Смит после того, как получила фотографии?

Молчание.

— Мистер Баркер, вы должны ответить на вопрос, — говорит судья Парр.

Он набирает воздух в легкие.

— Она... она попросила меня утопить Мартина.

Какой-то репортер бежит к выходу. Один из присяжных разевает рот от изумления.

Мое лицо пылает. Температура тела резко повышается.

— Как именно? — спрашивает Коникова.

— Она разработала план. Она срочно отозвала Мартина из Сиднея; он сказал любовнице, что звонила его жена. Сабрина сообщила Мартину, что Элли вышла на его след. Что теперь им нужно срочно позаботиться об

Элли, поставить крест на афере и поскорее убраться из Австралии.

— Что она имела в виду, когда сказала, что нужно «заботиться об Элли»?

— Убить ее.

— Каким образом?

— Сабрина договорилась с Мартином, что лучше всего будет сделать вид, как будто он вместе с Элли вышел в море на «Абракадабре», где произошла трагическая катастрофа. Таким образом, когда яхта не вернется, будет организована поисково-спасательная операция, но не возникнет никаких подозрений в убийстве. «Крессуэлл-Смиты» будут очередной супружеской парой, бесследно пропавшей среди морских просторов. Мартин должен был срочно приобрести автомобиль с прицепом для яхты и перегнать его из Сиднея в Агнес-Бэзин. Там Сабрина встретит его и подвезет в аэропорт Моруи, где он заберет свой грузовой пикап и приедет домой на Бонни-Ривер, где изобразит преждевременное возвращение из Сиднея. По ее словам, не было никакой возможности заставить Элли снова подняться на борт яхты, поэтому Мартин должен был одурманить ее — дать ей достаточно большую дозу гипнодорма и гидроксibuтирата, чтобы она больше не очнулась. Затем я должен был встретиться с ней в гараже перед рассветом. Она оставила дверь открытой и сказала Мартину, что я ее старый знакомый, готовый тайком сделать что угодно за нужную цену. Она заранее передала мне бейсболку, ветровку и парик, когда мы встретились возле «Пагго». Она забрала вещи из гаража. План состоял в том, чтобы пораньше выйти из дома, и тогда люди увидят то, что они ожидают увидеть: Элли и Мартина Крессуэлл-Смитов, выходящих в море. Как видите, у меня худощавое телосложение. В парике я мог сойти за Элли, особенно на расстоянии.

— Откуда появился парик?

— Сабрина купила его в Моруе. Когда мы вышли в море на яхте, Мартин должен был зарегистрироваться в службе спасения на море. Сабрина сказала Мартину, что потом я закрою название яхты и регистрационный номер фальшивыми накладками, выброшу в море куртку и кепку Элли возле РНУ, а потом мы направимся в устье Агнес-Ривер. Там мы пришвартуемся к причалу и погрузим яхту на прицеп для перевозки в надежное место. Сабрина сказала Мартину, что потом она доставит Элли к устью Агнес-Ривер на моей «короле». К тому времени Элли будет либо мертва, либо в коматозном состоянии. Мы утопим ее тело в канале, где илистые крабы быстро довершат остальное. Потом мы с Мартином отвезем яхту на прицепе в Сидней, где он сядет на самолет и улетит из страны, не

дожидаясь Сабрину. Оттуда я поеду на север и надежно спрячу яхту с прицепом. Все будут искать пропавших супругов на море, а тем временем Сабрина уедет в Мельбурн, где сядет на самолет и вскоре присоединится к Мартину.

— Но этого не случилось, так?

Он отпивает глоток воды.

— Нет. Это была история, предназначенная для Мартина. План Сабрины заключался в том, чтобы переиграть Мартина. Я должен был одурманить Мартина после выхода в море и выбросить его за борт, подальше от побережья. Вместе с ветровкой Элли и ее кепкой. Затем я должен был поставить накладку с фальшивым регистрационным номером, отправиться к устью Агнес-Ривер и действовать в соответствии с предыдущим планом: поехать на север и избавиться от яхты и прицепа. А пока мы будем в море, Сабрина переведет все средства с их совместного офшорного счета, куда Мартин раньше отправил похищенные деньги, на свой личный счет. Элли видела их офшорный счет, когда проникла в кабинет Мартина, но она не имела к нему доступа. Потом Сабрина собиралась уехать в Мельбурн и покинуть страну еще до того, как станет известно об исчезновении «Абракадабры».

— Но это тоже не получилось, да?

— Да.

— Что пошло не так, мистер Баркер?

Молчание.

— Мистер Баркер? — говорит судья Парр.

Он потирает лоб.

— Как только мы с Мартином вышли в море — я был замаскирован под Элли, — Сабрина вышла в Интернет и обнаружила, что Мартин уже забрал все деньги с их совместного офшорного счета. Он ограбил ее подчистую. Сначала она запаниковала, потом пришла в ярость. Она позвонила мне на мобильный и велела немедленно изменить план. Ей нужно было получить доступ к новому банковскому счету Мартина. К тому времени я уже подмешал ему наркотик. Он находился в сумеречном состоянии сознания, поэтому она попросила меня доставить его в заброшенный фермерский дом на Агнес-Ривер и держать его там до ее приезда. Она собиралась лично выбить из него информацию после того, как он придет в себя.

— Как насчет Элли Хартли?

— Она все равно собиралась утопить Элли в канале, в сущности, на тот момент речь шла уже о двух телах, когда она получит от Мартина

необходимые сведения.

— Значит, это миссис Крессуэлл-Смит пыталась Мартина?

Он с трудом глотает. Меня подташнивает. Я понимаю, что это конец. Лоррингтон смотрит на меня, и я физически ощущаю тяжесть его прозрения. Элли смотрит на меня с галерки. Все полицейские смотрят на меня. Все присяжные и репортеры. Я ощущаю присутствие камер и микрофонов снаружи.

— Мистер Баркер, — снова говорит судья.

— Да. Она отрубила ему пальцы, пока я уехал, чтобы забрать Элли.

— И вы «забрали Элли», мистер Баркер?

— Эта полицейская... я хочу сказать, констебль Бьянки приехала и спугнула меня. Я находился в доме. Мне удалось бежать через стеклянную раздвижную дверь вместе с видеокамерами в настенных часах и обрамленной фотографией из студии, которую Сабрина тоже велела забрать. Но мне не хватило времени, чтобы забрать Элли.

— Что вы обнаружили, когда вернулись в заброшенный дом с пустыми руками?

— Она убила его.

С галерки доносится приглушенное аханье. Лоррингтон пронзает меня взглядом, но я даже не моргаю и смотрю на него в ответ. Он весь вибрирует от сдерживаемых чувств.

— Миссис Крессуэлл-Смит удалось получить информацию о банковском счете от ее мужа?

— По ее словам, Элли забрала деньги.

— В самом деле?

— Я не знаю. Сабрина убила его в припадке ярости.

— Поэтому Сабрина осталась в Джервис-Бэй, ради похищения Элли?

— Да, а также потому, что Элли позвонила своей подруге и получила копию той фотографии. Фотография доказывала, что Сабрина принимала участие в афере с того дня, когда Элли встретила с Мартином в отеле «Хартли-Плаза». У нее по-прежнему оставалось шпионское приложение, установленное на телефон Элли. Она могла видеть и слышать все, что Элли делала со своим телефоном. Она слышала, как Элли сказала Дане, что собирается как можно скорее обратиться в полицию. Она боялась разоблачения, а теперь еще и обвинения в убийстве.

— Что произошло после того, как вы увидели, что миссис Сабрина Крессуэлл-Смит убила своего мужа?

— Я помог ей оттащить тело и бросить его в канал. Потом она вернулась в Джервис-Бэй. Я отвез яхту на трейлере в Квинсленд и залег на

дно.

— Еще один вопрос, мистер Баркер. Судя по всему, вы знакомы с яхтами, если смогли взять на себя управление «Абракадаброй», провести ее вдоль побережья и заплыть в бухту?

Он наклоняется к микрофону.

— Я уже упоминал о том, что служил в ВМФ. Я умею управлять судами и кое-что знаю о море.

Тишина постепенно обрастает звуками. Она мерцает и потрескивает по краям, как сухой лес, ожидающий искры.

— Мистер Баркер, — медленно и отдельно произносит Коникова. — Почему вы рассказываете все это в судебном присутствии?

— Потому что я не убивал Мартина Крессуэлл-Смита. Сабрина Крессуэлл-Смит заявила своему адвокату, что это моих рук дело. Но теперь, когда меня поймали, я не хочу отвечать за нее, — он бросает взгляд на меня. — Друг не предлагает другу пожертвовать жизнью за то, чего он не совершал.

Лоррингтон гневно смотрит на меня. В его лице не осталось ни кровинки. Теперь он знает, кто я такая на самом деле. Лгунья. Обманщица.

«Вы тоже должны были внимательнее следить за скорлупками, мистер Лоррингтон, — мысленно говорю я, транслируя голос моего отца. — Потому что жизнь — это игра в скорлупки, а в этой игре выигрывает только банкующий. Ты либо банкуешь, либо проигрываешь».

Наше время

Февраль. Паб «Важная персона»,

Новый Южный Уэльс

Дана и Грег находятся рядом со мной. Мы собрались в полутемной, прохладной и доверительной обстановке бара, расположенного напротив здания суда, вместе с несколькими коллегами Грега, репортерами и друзьями.

Кружки пива, бутылки минеральной воды и вина расставлены на столе вместе с тарелками еды. Звук на телеэкране за стойкой бара включен, так что мы все слышим. Мы видим Мелоди Уоттс в студии новостей вместе с ведущим канала SBC-9, который спрашивает ее о «поразительном» обороте событий на заседании суда по делу об убийстве Мартина Крессуэлл-Смита и о рекордно быстром и единодушном вердикте присяжных, посчитавших миссис Сабрину Крессуэлл-Смит, также известную под именем Уиллоу Ларсен, виновной по всем пунктам.

— Теперь стоит вопрос о дате вынесения приговора и о предполагаемом сроке, — говорит Мелоди Уоттс. — Также вероятны переговоры о процедуре экстрадиции, так как против миссис Крессуэлл-Смит выдвинуты дополнительные обвинения в мошенничестве на территории Евросоюза, Соединенного Королевства, США и Канады.

Ведущий поворачивается к камере:

— Так завершается наше освещение судебного процесса по делу об убийстве, которое приковывало к себе внимание телезрителей не только в Австралии, но также в Канаде и США, где Крессуэлл-Смиты имели прочные связи и оставили за собой жертв их многочисленных мошеннических операций. Битва между мистером и миссис Крессуэлл-Смит бесславно завершилась в «доме ужасов» среди темных мангровых болот в эстуарии Агнес-Ривер. Проект строительства речного вокзала умер, не успев родиться, и земля перешла в собственность штата для создания природного заказника на средства Фонда Хлои, созданного Элли Хартли в память о ее дочери, трагически утонувшей на Гавайях в возрасте трех лет.

Все вдруг смотрят на меня. Жар приливает к моим щекам. Взгляд

Грега полон сочувствия и желания. Я смущенно пожимаю плечами и говорю:

— В конце концов, из этого получилось что-то хорошее.

Грег пылко целует меня в щеку и шепчет мне на ухо:

— Ты настоящая скала, Элли Хартли, ты знаешь об этом?

— Это была Мелоди Уоттс для канала SBC-9. Спасибо за внимание.

И все закончилось. Целая глава моей жизни, наполненная ужасом и насилием, осталась позади. Я была жертвой, но я боролась. Я цеплялась за жизнь крепче, чем могла вообразить, и вот теперь я здесь. Мои травмы, полученные после похищения и бегства более одного года назад, уже зажили. Мои канадские юристы сумели наложить арест на деньги, похищенные Мартином и Сабриной. Эти средства постепенно возвращались ко мне. Юридические маневры и судебные разбирательства вокруг мошеннических предварительных продаж продолжались до сих пор. Я обзавелась новыми друзьями. Я вернула свою прежнюю фамилию. Теперь я свободна как от Дуга, так и от Мартина. Я больше не принимаю таблетки. У меня ясная голова, и я наконец вполне здорова.

— Элли Хартли? — Голос официанта перекрывает шум голосов за столом. — Кое-кто снаружи хочет поговорить с вами.

— Кто это?

— Женщина. Она не назвала свое имя.

Я отодвигаю стул и встаю.

— Хочешь, я тоже пойду? — спрашивает Грег.

Я качаю головой и пробираюсь к выходу из многолюдного паба. Потом выхожу в прохладный вечер, напоенный душистыми ароматами зелени. Ко мне подходит женщина, и я с удивлением узнаю Лоццу.

— Привет, — говорю я с внезапной нервозностью в голосе.

— Мои поздравления, — говорит она, держа руки в карманах брюк. Ее тон нельзя назвать дружелюбным или поздравительным.

— Почему... почему вы не присоединились к нам? — после некоторого колебания спрашиваю я.

Но думаю, я и так знаю, почему она не присоединилась к общему застолью. Лоцца неровно дышала к Грегу, и, конечно, ей не может нравиться, как мы перешучиваемся и заигрываем друг с другом. Готова поспорить, что ей также до сих пор больно и обидно из-за новостной шумихи вокруг старого инцидента, когда она работала в отделе убийств в Сиднее. Она пыталась защитить свою приемную дочь от лишней огласки, но ей это не удалось. Лоррингтон втоптал ее имя в грязь. Я думаю о том, как плавала в волнах с Лоццей и ее дочерью, как я поняла, что она хочет

помочь мне. Как мне повезло, что она увидела мои синяки, а потом встретила с Мартином. И привезла мне ту посылку. При этом она, судя по всему, спасла мне жизнь. Я перед ней в долгу... но сейчас мне хочется, чтобы она поскорее ушла.

— Мне нужно ехать домой, к Майе, — говорит она.

— Ну что же, хорошо. А я... мне пора идти, — я указываю через плечо на вход в бар. — Люди ждут меня.

— У вашей дочери не было шансов, верно, Элли?

Мое сердце пропускает удар.

— Я... Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Именно поэтому они не стали привлекать вас в качестве свидетеля, не так ли? — говорит она. — Несмотря на то что вы были важным свидетелем. *Главным свидетелем.* Потому что у вас не было никаких шансов в противостоянии с Лоррингтоном. Вы бы предоставили ему все основания для разумного сомнения, верно, Элли?

— Не знаю, чего вы хотите, Лоцца, но мне не нравятся ваши инсинуации, — я поворачиваюсь, собираясь уйти.

— Я говорила со следователем на Гавайях. Он прислал мне расшифровки допросов.

Я замираю, не в силах сдвинуться с места.

— Ваши родственники со стороны мужа, в том числе ваш бывший муж Дуг Тайлер... они попросили полицейских рассмотреть возможность, что вы утопили ее. Они сказали, что вам был поставлен диагноз тяжелой послеродовой депрессии, когда Хлоя появилась на свет. Это тоже отражено в расшифровках. Ваши родственники заявляли, что вы на самом деле могли причинить вред вашему ребенку с целью добиться большего внимания со стороны Дуга.

— Он вообще не обращал на меня внимания, — огрызаюсь я. — Мой брак распался!

Я сильно вспотела и чувствую приближение паники. Мне нужен ативан. Мне нужно уйти от Лоццы, но я не могу.

Она подступает ближе. Свет от вывески бара падает на ее волосы, и они светятся оранжевым.

— Знаете, что я думаю, Элли? Я не верю, что у вас есть внутреннее побуждение к убийству. Ваша агрессия скрытая и пассивная. Вы не нажимаете на спусковые крючки, — она медлит, удерживая мой взгляд. — Но полагаю, вы являетесь движущей силой, добровольным помощником. Возможно, море и впрямь постаралось разлучить вас с дочерью, но в последний момент, когда она потянулась за помощью под водой, вы не

потянулись ей навстречу. Вы не могли или не хотели. А потом она умерла. Может быть — я ничего не утверждаю, — вы не сразу набрали 911 после того, как у вашей матери случилась передозировка. Возможно, вы просто сидели рядом с ней, пока не убедились, что она умерла. Потому что хотели, чтобы все отцовское внимание доставалось только вам.

Я пытаюсь сглотнуть.

— Вы... Вы сошли с ума.

— Я поговорила с вашим бывшим мужем и его новой женой. Дуг Тайлер сообщил о своем подозрении, что вы способствовали смерти вашей матери.

— Вы никогда не докажете этого. Я даже не помню, что произошло в тот день. Мне было всего лишь девять лет!

Она подступает еще ближе. Я не могу дышать.

— Когда вы на самом деле выяснили, что женщиной на заднем плане вашей фотографии с Даной была Уиллоу?

У меня в голове начинается монотонное жужжание.

— Произошло ли это до того, как вы отправились к Уиллоу и попросили ее помочь с наймом частного сыщика? Или вы уже подозревали, что она действует совместно с Мартином? Вы *хотели*, чтобы она узнала правду насчет Рабз? Потому что вы знали, что это обозлит ее и даже сделает опасной для Мартина? Поэтому вы рассказали Уиллоу об авиабилетах на Острова Зеленого Мыса, — потому что темная сторона вашей натуры хотела увидеть, что она сделает. Вы думали, что она могла убить Мартина?

— Уходите. *Как вы смеете?* Я ничего такого не делала. Вы просто спятили!

Грег выходит из паба.

— Все в порядке? — он хмурится и смотрит на Лоццу, потом на меня.

— Правильно, Элли, — говорит Лоцца. — Вы ничего такого не делали. — Она кивает Грегу: — Все нормально, я просто зашла попрощаться с Элли.

Лоцца поворачивается и медленно уходит по улице. Меня трясет. Я наблюдаю за ее уходом. Уличные фонари поочередно зажигают огонь в ее волосах. Ко мне возвращается воспоминание о последнем сеансе с психоаналитиком из криминалистической экспертизы.

— Вам известна концепция треугольника Карпмана^[21], Элли? Это способ описания деструктивного взаимодействия, которое может происходить между двумя людьми в состоянии непреодолимого конфликта.

Он рисует перевернутый треугольник на листке бумаги и обозначает роли у каждой вершины треугольника.

Преследователь.

Спаситель.

Жертва.

Он смотрит на меня.

— Человек, принимающий роль жертвы в дисфункциональных отношениях, как бы говорит: «Бедный я, горе мне, горе!» Он чувствует себя бессильным, беспомощным, пристыженным и неспособным принимать решения. Он не в состоянии обрести радость в жизни. Но если жертву не преследуют, то она может находиться в активном поиске преследователя. При этом она также ищет спасителя, который мог бы прийти ей на помощь. Однако при этом спаситель закрепляет негативное отношение жертвы к собственной личности. Иногда во взаимоотношениях люди фактически обмениваются ролями — жертва на какое-то время может превратиться в преследователя. А потом в спасителя.

Он делает паузу.

— Какую роль вы играете, Элли?

И тут до меня доходит. Мы трое — Уиллоу, Лоцца и я, — мы похожи на три вершины этого треугольника. Преследователь, спаситель и жертва.

Лоцца останавливается, оборачивается и окликает меня.

— Если вы когда-нибудь решите вернуться в Джервис-Бэй, Элли, то я буду здесь. Я буду следить за вами.

— Что все это значит? — тихо спрашивает Грег.

— Ничего... вообще ничего. Давай вернемся в бар.

Он кладет руку мне на поясницу и ведет обратно. Давление его ладони одновременно властное и приятное. Сексуальное и благожелательное. Жесткое, но великодушное.

Но у двери я оборачиваюсь в последний раз.

Она там. На перекрестке. Стоит под уличным фонарем в оранжевом нимбе волос.

Она наблюдает за мной.

Благодарность автора

Мне снова выпала честь работать с редакторами Элисон Дашо и Шарлоттой Хершер, которая всегда подает на стол блестящие идеи со щепоткой безрассудства. Огромное спасибо вам обеим. Также большое спасибо команде специалистов издательства Montlake за пространство для маневра и снисходительное отношение к дедлайнам, пока наша семья переживала этот непростой год. Я люблю вас всех, и для меня было честью состоять в вашей команде.

Джессика Эррера и Эмми Танненбаум, спасибо вам обеим за то, что вы наставляли и направляли меня в процессе подготовки этой книги к изданию; надеюсь, их будет гораздо больше! Моя сердечная благодарность Мелани и Джею Уайту за то, что они поделились целыми пластами своей жизни в Австралии. Ваши приключения на опаленном солнцем южном побережье вашей страны заронили во мне идею сюжета для этой истории, а потом, когда я шлифовала и полировала ее, моя душа рыдала, пока я издавала наблюдала за вашими лесными пожарами. Я рада, что вы в безопасности.

Большое спасибо Мелоди за тщательную вычитку австралийского контекста этой книги. Я также от души благодарю всех остальных членов моей дорогой семьи. Я не смогла бы даже задуматься об этой истории, не думая о моей матери, которая умерла во время моей работы над книгой. Нам тебя очень не хватает, мама.

---

notes

Примечания

1

Барристер — адвокат, имеющий право выступать в высших судебных инстанциях (прим. пер.).

Солиситор — адвокат, дающий советы клиенту и подготавливающий дела и материалы для барристера. Солиситор не имеет права выступать в суде высшей инстанции (прим. пер.).

Магистрат — судья низшей инстанции, санкционирующий аресты, обыски и решения о привлечении гражданских лиц к уголовной ответственности (прим. пер.).

Игра слов. «Игра в скорлупки» равнозначна нашей «игре в наперстки» и является синонимом мошенничества (прим. пер.).

Странгуляционная борозда (юр.) — след удушения (прим. пер.).

6

Остров, входящий в состав Багамских островов (прим. пер.).

7

Торговое название лоразепама. Седативное, снотворное, релаксирующее средство (прим. пер.).

ПТСР — посттравматическое стрессовое расстройство (прим. пер.).

Буйабес — французский суп из свежей рыбы и морепродуктов (прим. пер.).

10

Соус руйе состоит из майонеза с чесночным экстрактом, красным перцем и шафраном (прим. пер.).

Серфинг без доски, когда пловец плывет вдоль гребня волны без доски для серфинга (прим. пер.).

Билли Холидей (1915–1959) — американская джазовая певица (прим. пер.).

Моруя (Moorua) — реально существующий город и округ примерно в 60 км от Джервис-Бэй и в 310 км от Сиднея (прим. пер.).

«Данди по прозвищу Крокодил» — трехсерийная австралийская кинофраншиза с Полом Хоганом в главной роли (прим. пер.).

Бонито, или атлантическая пелагида — рыба семейства скумбриевых. Вес достигает 5 кг (прим. пер.).

От Pug (по-английски «мопс») (прим. пер.).

Кайтбординг — катание на водных лыжах за воздушным змеем (прим. пер.).

Имеется в виду лицензия на продажу и употребление алкогольных напитков (прим. пер.).

Так называемый «наркотик изнасилования», сходный с калипсолом (прим. пер.).

Виктимология — наука, изучающая поведение жертв преступлений (прим. пер.).

Треугольник Карпмана — психологическая модель отношений между людьми, впервые описанная Стивеном Карпманом в 1968 году как частный случай транзакционного анализа. Модель описывает три распространенные психологические роли: «жертвы», «преследователя» и «спасителя» (прим. пер.).